

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КЕМЕРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Шкуропацкая Марина Геннадьевна

ДЕРИВАЦИОННАЯ СИСТЕМНОСТЬ ЛЕКСИКИ

(на материале русского языка)

Специальность 10.02.01 – русский язык

10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Научный консультант –

доктор филологических наук

профессор Н.Д. Голев

Кемерово – 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Деривационные отношения слов в лексической системе русского языка	27
1.1. Деривация как универсальный принцип устройства и функционирования языка	27
1.2. Принцип деривации как гносеологическая категория	30
1.2.1. Исторический аспект проблемы	30
1.2.2. Функциональный и онтологический (системный) аспекты деривации	37
1.2.3. Диахронический и синхронический аспекты деривации	40
1.2.4. Ономазиологический и семасиологический аспекты	41
1.2.5. Лексический и словообразовательный аспекты системы деривационных отношений слов	43
1.3. К вопросу о статусе деривационных отношений слов в лексической системе языка	45
1.4. Типы деривационных лексических оппозиций	64
1.5. Деривационное пространство слова	71
Выводы по первой главе	82
Глава 2. Деривационное слово и семантическая спецификация – базовые понятия деривационной лексикологии	85
2.1. Деривационное слово как предмет деривационной лексикологии	85
2.1.1. Деривационное слово – системный аналог деривационного функционирования лексики в тексте	86
2.1.2. Деривационное слово и словообразовательное гнездо (к проблеме дифференциации)	92
2.1.3. Соотношение понятий «деривационное слово», «лексическое гнездо» и «морфодеривационное поле слова»	104
2.1.4. Понятие деривационной парадигмы слова	110

2.2. Понятие лексической спецификации	120
2.2.1. Психолингвистические механизмы появления спецификации	123
2.2.2. Речевые механизмы появления лексической спецификации	124
2.2.3. Лексическая спецификация как результат семообразования	126
2.2.4. Лексическая спецификация как результат лексикализации	129
2.2.5. Идиоматичность слова и его лексикализация	142
2.2.6. Появление спецификаций в результате ремотивации	162
2.2.7. К проблеме типологии лексических спецификаций	168
2.2.8. Идиоматичность в отношении к спецификации и деривационному слову	180
2.3. Метод построения деривационного поля слова	193
2.3.1. Дивергентные и конвергентные отношения в рамках деривационного гнезда слова	195
2.3.2. Типы соотносительности состава деривационных слов, образованных от разных значений одной лексемы	204
Выводы по второй главе	213
Глава 3. Деривационный аспект лексической парадигматики	217
3.1. Парадигматические связи слов в деривационном аспекте	217
3.2. Лексическая мотивация как фактор формирования системных отношений в лексике	221
3.3. Состав и общая характеристика лексических оппозиций однокорневых слов	224
3.4. Оппозиция лексико-словообразовательной (однокорневой) синонимии в кругу сопредельных оппозиций	229
3.5. Словообразовательный аспект однокорневой синонимии	232
3.6. Вопрос о влиянии словообразовательной модели на синонимические отношения однокорневых слов	237

3.7. Лексические оппозиции однокорневых прилагательных	249
3.8. Омонимия и смежные явления в деривационном гнезде	267
3.9. Дивергентные отношения омонимов в рамках деривационного слова	270
Выводы по третьей главе	289
Глава 4. Поляризация семантической и словообразовательной деривации и взаимообмен качествами	292
4.1. Механизмы семантической и словообразовательной деривации	294
4.2. Семантическая деривация имен существительных различных семиологических классов	304
4.3. Словообразовательная деривация имен существительных	320
4.4. Логический аспект взаимодействия и дифференциации деривационных отношений	329
4.5. Характеристика семантической и словообразовательной деривации через связь с парадигматическими и синтагматическими отношениями	338
4.6. Синтагмо-метонимические отношения в области лексической дериватики	365
4.7. Актантная метонимия в лексической системе русского языка	379
Выводы по четвертой главе	387
Заключение	390
Примечания.....	398
Литература	405
Основные источники	437
Список сокращений и условных обозначений	439
ОГЛАВЛЕНИЕ	
Введение	5
Глава 1. Деривационные отношения слов в лексической системе русского языка	27

1.1. Деривация как универсальный принцип устройства и функционирования языка	27
1.2. Принцип деривации как гносеологическая категория	30
1.2.1. Исторический аспект проблемы	30
1.2.2. Функциональный и онтологический (системный) аспекты деривации	37
1.2.3. Диахронический и синхронический аспекты деривации	40
1.2.4. Ономаσιологический и семасиологический аспекты	41
1.2.5. Лексический и словообразовательный аспекты системы деривационных отношений слов	43
1.3. К вопросу о статусе деривационных отношений слов в лексической системе языка	45
1.4. Типы деривационных лексических оппозиций	64
1.5. Деривационное пространство слова	71
Выводы по первой главе	82

Глава 2. Деривационное слово и семантическая спецификация – базовые понятия деривационной лексикологии

2.1. Деривационное слово как предмет деривационной лексикологии	85
2.1.1. Деривационное слово – системный аналог деривационного функционирования лексики в тексте	86
2.1.2. Деривационное слово и словообразовательное гнездо (к проблеме дифференциации)	92
2.1.3. Соотношение понятий «деривационное слово», «лексическое гнездо» и «морфодеривационное поле слова»	104
2.1.4. Понятие деривационной парадигмы слова	110
2.2. Понятие лексической спецификации	120
2.2.1. Психолингвистические механизмы появления спецификации	123

2.2.2. Речевые механизмы появления лексической спецификации	124
2.2.3. Лексическая спецификация как результат семообразования	126
2.2.4. Лексическая спецификация как результат лексикализации	129
2.2.5. Идиоматичность слова и его лексикализация	142
2.2.6. Появление спецификаций в результате ремотивации	162
2.2.7. К проблеме типологии лексических спецификаций	168
2.2.8. Идиоматичность в отношении к спецификации и деривационному слову	180
2.3. Метод построения деривационного поля слова	193
2.3.1. Дивергентные и конвергентные отношения в рамках деривационного гнезда слова	195
2.3.2. Типы соотносительности состава деривационных слов, образованных от разных значений одной лексемы	204
Выводы по второй главе	213
Глава 3. Деривационный аспект лексической парадигматики	217
3.1. Парадигматические связи слов в деривационном аспекте	217
3.2. Лексическая мотивация как фактор формирования системных отношений в лексике	221
3.3. Состав и общая характеристика лексических оппозиций однокорневых слов	224
3.4. Оппозиция лексико-словообразовательной (однокорневой) синонимии в кругу сопредельных оппозиций	229
3.5. Словообразовательный аспект однокорневой синонимии	232
3.6. Вопрос о влиянии словообразовательной модели на синонимические отношения однокорневых слов	237
3.7. Лексические оппозиции однокорневых прилагательных	249
3.8. Омонимия и смежные явления в деривационном гнезде	267

3.9. Дивергентные отношения омонимов в рамках деривационного слова	270
Выводы по третьей главе	289
Глава 4. Поляризация семантической и словообразовательной деривации и взаимообмен качествами	292
4.1. Механизмы семантической и словообразовательной деривации	294
4.2. Семантическая деривация имен существительных различных семиологических классов	304
4.3. Словообразовательная деривация имен существительных	320
4.4. Логический аспект взаимодействия и дифференциации деривационных отношений	329
4.5. Характеристика семантической и словообразовательной деривации через связь с парадигматическими и синтагматическими отношениями	338
4.6. Синтагмо-метонимические отношения в области лексической деривации	365
4.7. Актантная метонимия в лексической системе русского языка	379
Выводы по четвертой главе	387
Заключение	390
Примечания.....	398
Литература	405
Основные источники	437
Список сокращений и условных обозначений	439
ОГЛАВЛЕНИЕ	
Введение	5
Глава 1. Деривационные отношения слов в лексической системе русского языка	27
1.1. Деривация как универсальный принцип устройства и функционирования языка	27

1.2. Принцип деривации как гносеологическая категория	30
1.2.1. Исторический аспект проблемы	30
1.2.2. Функциональный и онтологический (системный) аспекты деривации.....	37
1.2.3. Диахронический и синхронический аспекты деривации.....	40
1.2.4. Ономаσιологический и семасиологический аспекты.....	41
1.2.5. Лексический и словообразовательный аспекты системы деривационных отношений слов.....	43
1.3. К вопросу о статусе деривационных отношений слов в лексической системе языка.....	45
1.4. Типы деривационных лексических оппозиций	64
1.5. Деривационное пространство слова	71
Выводы по первой главе	82

**Глава 2. Деривационное слово и семантическая спецификация –
базовые понятия деривационной лексикологии**

85

2.1. Деривационное слово как предмет деривационной лексикологии	85
2.1.1. Деривационное слово – системный аналог деривационного функционирования лексики в тексте	86
2.1.2. Деривационное слово и словообразовательное гнездо (к проблеме дифференциации)	92
2.1.3. Соотношение понятий «деривационное слово», «лексическое гнездо» и «морфодеривационное поле слова»	104
2.1.4. Понятие деривационной парадигмы слова	110
2.2. Понятие лексической спецификации	120
2.2.1. Психолингвистические механизмы появления спецификации	123
2.2.2. Речевые механизмы появления лексической спецификации	124

2.2.3. Лексическая спецификация как результат семообразования	126
2.2.4. Лексическая спецификация как результат лексикализации	129
2.2.5. Идиоматичность слова и его лексикализация	142
2.2.6. Появление спецификаций в результате ремотивации	162
2.2.7. К проблеме типологии лексических спецификаций	168
2.2.8. Идиоматичность в отношении к спецификации и деривационному слову	180
2.3. Метод построения деривационного поля слова	193
2.3.1. Дивергентные и конвергентные отношения в рамках деривационного гнезда слова	195
2.3.2. Типы соотносительности состава деривационных слов, образованных от разных значений одной лексемы	204
Выводы по второй главе	213
Глава 3. Деривационный аспект лексической парадигматики	217
3.1. Парадигматические связи слов в деривационном аспекте	217
3.2. Лексическая мотивация как фактор формирования системных отношений в лексике	221
3.3. Состав и общая характеристика лексических оппозиций однокорневых слов	224
3.4. Оппозиция лексико-словообразовательной (однокорневой) синонимии в кругу сопредельных оппозиций	229
3.5. Словообразовательный аспект однокорневой синонимии	232
3.6. Вопрос о влиянии словообразовательной модели на синонимические отношения однокорневых слов	237
3.7. Лексические оппозиции однокорневых прилагательных	249
3.8. Омонимия и смежные явления в деривационном гнезде	267
3.9. Дивергентные отношения омонимов в рамках деривационного слова	270

Выводы по третьей главе	289
Глава 4. Поляризация семантической и словообразовательной деривации и взаимообмен качествами	292
4.1. Механизмы семантической и словообразовательной деривации	294
4.2. Семантическая деривация имен существительных различных семиологических классов	304
4.3. Словообразовательная деривация имен существительных	320
4.4. Логический аспект взаимодействия и дифференциации деривационных отношений	329
4.5. Характеристика семантической и словообразовательной деривации через связь с парадигматическими и синтагматическими отношениями	338
4.6. Синтагмо-метонимические отношения в области лексической деривации	365
4.7. Актантная метонимия в лексической системе русского языка	379
Выводы по четвертой главе	387
Заключение	390
Примечания.....	398
Литература	405
Основные источники	437
Список сокращений и условных обозначений	439

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование выполнено в русле формирующейся в современной лингвистике концепции дериватологического описания языка и деривационной лексикологии как его части. Оно является этапом достижения такой общей цели, как построение целостной языковой модели лексической деривации на функционально-динамических принципах, разработка

соответствующей методики дериватологического анализа и описание на ее основе всего корпуса лексико-деривационных отношений в системе языка. Описание разнообразия названных отношений в конкретных языках и инвентаризация этого разнообразия предполагает объяснение его природы и выявления закономерностей, управляющих этим процессом. Таким образом, проблемы частной лексикологии пересекаются с проблемами типологической теории, основной целью которой является объяснение развития и совершенствования языка с точки зрения организации материала речи [Рождественский, 1990. С. 239]. При этом наиболее значимой является та сторона теории, которая при объяснении типологической структуры языка и его динамики использует в детализированном и уточненном виде аппарат понятий, выработанных В.Гумбольдтом, и, прежде всего, понятие "внутренней формы языка". В диссертационном исследовании ставится задача апробации методики дериватологического анализа на материале русского языка. Вместе с тем, оно находится в общем контексте типологических исследований, стремящихся понять языки во всей антиномической сложности их единства и разнообразия: видеть в языках универсальный Язык человечества и вместе с тем понимать, в чем уникальность каждого конкретного языка [Гумбольдт, 1984. С.37-298; Якобсон, 1963; Успенский, Живов, 1973; Солнцева, 1985; Кацнельсон, 1985; Кибрик, 1992; Леман, 1996; Вежбицкая, 1996].

Специфическая форма деривационного функционирования слова заключается в противопоставлении (единстве и борьбе) двух ее составляющих сторон. С одной стороны, деривация языковых единиц осуществляется с опорой на исходные суппозитивные единицы текста, восходящие к процессам текстопорождения и его самодетерминирования. С другой стороны, она не исчерпывается только детерминационными отношениями (уже готовых) языковых единиц, а содержит в себе момент их развития и модификации, представляющей содержание инновационной составляющей данного процесса.

Деривационное функционирование слова в тексте является языкоречевым механизмом, действие которого определяется балансом детерминант, восходящим к общеязыковым антиномиям

объективное/субъективное, системное/текстовое, означаемое/означающее. Суть проблемы деривационного функционирования слова и заключается в выявлении и описании источников деривационной энергетики слова, обнаруживающейся в возникновении и сохранении его деривационного потенциала. Важнейшим условием формирования и регулярной реализации такого потенциала является **языковая система**, в которой заложены модели деривационного функционирования единиц. **Объектом** данного диссертационного исследования является лексическая система русского языка, **предметом** – особый срез данной системы: лексико-деривационные отношения, которые рассматриваются нами как опредмеченные речевые процессы, в свою очередь реализуемые (распредмечиваемые) в деривационно-мотивационных речевых процессах.

Актуальность исследования. Развитие функционального аспекта исследования деривационного слова в отличие от системно-структурного аспекта, в рамках которого слово изучается с ориентацией на единицы низших уровней, связано с исследованием его функциональности, то есть включенности в состав единиц более высокого ранга. Подключение функционального подхода, без которого невозможно раскрыть содержание оппозиции двух форм лексической деривации, предполагает построение деривационной модели слова и всей лексической системы в данном ее измерении, которая являлась бы динамической по своей сущности и вписывающейся в процессуальную познавательную установку.

Несмотря на значительное число работ, различным образом затрагивающих проблемы лексической деривации и длительную историю изучения некоторых из них, в настоящее время отсутствуют специальные работы обобщающего характера, раскрывающие специфику системного плана лексической деривации, опирающиеся на функциональный, динамический аспект формирования данных отношений.

Признание системности как основного, наиболее существенного онтологического признака языка определило одну из ведущих тенденций современных лингвистических исследований – системно-структурный подход

к описанию языковых фактов. Вместе с тем язык обладает и другим важным признаком – динамизмом. Обращение к этой стороне языка делает необходимым пересмотр постулатов о стабильности языковой системы и признание способности к изменениям в качестве основного признака языковой структуры.

Формирование динамического представления синхронной системы языка имеет свою историю, которая последовательно и глубоко представлена Е.С.Кубряковой [Кубрякова, 1980. С. 217-259]. Данный автор выделяет несколько этапов в становлении этого лингвистического направления. Оно имеет глубокие корни в истории языкознания, восходящие к древнеиндийской традиции и получившие развитие в трудах В.фон Гумбольдта, И.А.Бодуэна де Куртенэ, Л.В.Щербы, Н.Хомского, в работах представителей Пражской лингвистической школы и французских функционалистов, в исследованиях по словообразованию, синтаксису и тектообразованию современных исследователей.

В лингвистической литературе пока не существует последовательного описания отличительных признаков динамических моделей в сопоставлении со статическими. Е.С.Кубрякова следующим образом определяет суть этих различий. Статические модели носят классификационный, таксономический и эмпирический характер – познавая природу языкового факта, исследователь находит место данного факта в определенной классификации; динамическое представление языка состоит в формировании сосуществующих во времени единиц в процессе деривации, именно деривационный анализ языковых данных ориентирован на отражение динамических сторон языка, а познать языковой факт при динамической языковой установке – значит определить, какая процедура приводит к нему [Кубрякова, 1980].

Современный этап формирования процессуальных представлений о языке связывается с признанием различных форм динамики языка в его истории и живом функционировании. В последние десятилетия все большее признание получает деривационный план описания языка. Соотнесение динамики с синхронией связано с процессами деривации – образованием одних

единиц из других на одном временном срезе. Становится очевидным, что деривационные процессы происходят на всех уровнях языка, а в деривационные отношения вовлекаются как одноуровневые, так и разноуровневые единицы. Эти особенности отражены в следующем определении Л.Н.Мурзина: "Деривация как процесс образования слова, предложения, грамматических форм слова, словосочетаний, фразеологизмов, слогов и тактов и т.п., текстов, наконец, всех возможных языковых единиц, начиная с фонемы и кончая текстом" [Мурзин, 1984. С. 3].

Такая трактовка деривационных процессов и отношений выявляет универсальную значимость принципа деривации в системе языка. Об этом убедительно свидетельствуют материалы научных конференций последних лет, в которых так или иначе затрагиваются широкий круг вопросов семантической, синтаксической, номинативной, фразеологической, фонологической, морфологической деривации, текстообразования, лексико-деривационных процессов в идиолектах и при многоязычии.

Выявление динамического характера *лексической системы* еще недавно считалось задачей далекого будущего, поскольку само понимание лексики как системы вызывало у многих сомнения. И традиционное представление динамизма лексики, как правило, ограничивалось фактами новаций на временной оси языкового развития (в диахронии), сосуществования архаизмов и неологизмов, варьирования языковых норм и т.д. Вместе с тем появление целого ряда обобщающих исследований, описывающих системные связи и отношения на лексическом уровне (см. работы [Шмелев, 1973; 1977; Апресян, 1974; Шрамм, 1979; Гайсина, 1981; Кузнецова, 1989; Уфимцева, 1986; Васильев, 1990; Соколовская, 1990; Кудрявцева, 1993] и многие другие), убедительно свидетельствуют о наличии системности и делают возможным выдвинуть новую задачу: описать ее динамический характер, создать динамическую модель лексико-семантической системы русского языка.

Приблизиться к пониманию динамического характера лексико-семантической системы и определению места данного фактора в системно-структурной организации лексики в значительной степени позволило

выделение деривационно-мотивационного аспекта, и в частности ее "третьего измерения" – эпидигматических, деривационно-ассоциативных отношений в качестве самостоятельного предмета исследования [Шмелев, 1973; Соколов, 1972, 1997; Апресян, 1974; Денисов, 1980; Блинова, 1984; Лукьянова, 1989]. Однако динамический аспект до сих пор не получил глубокого развития в современной теории системных связей и отношений. В отличие от парадигматики и синтагматики, разработанных с той или иной степенью полноты на широком и разнообразном языковом материале, проблема эпидигматики как способа структуризации лексики остается, главным образом, на уровне теоретического рассмотрения. Ее описание в плане динамического (процессуального) представления системы языка еще только начинается [Голев, 1989; Кудрявцева, 1993]. Актуальность предпринятого нами исследования определяется тем, что именно динамическая модель позволяет показать данный фрагмент языковой системы как целостное единство устойчивого и подвижного, стабильного и изменяющегося.

Лексическая деривация традиционно изучалась в рамках статического языкознания с точки зрения ее морфемных и словообразовательных характеристик (в системно-структурном аспекте) [Винокур, 1959; Улуханов, 1974; 1975; 1977; Лопатин, 1977; Немченко, 1976; 1979; Тихонов, 1974; 1985; 1987; 1996; Красильникова, 1980; 1982; Зверев, 1981; Манучарян, 1981; Ширшов, 1981; Азарх, 1984; Зенков, 1993; Ефремова, 1996]. Смена научно-исследовательской парадигмы со структурализма на функционализм и текстоцентризм во многом определила динамизацию в сфере изучения деривационных отношений. Она пробудила интерес к описанию семантико-синтаксических оснований словообразовательных структур и отношений [Гинзбург, 1979; Мурзин, 1984; Сахарный, 1974; 1978; 1985; Павлов, 1985; Кубрякова, 1981; Янценецкая, 1983; 1984; 1992; Панкрац, 1992; Араева, 1994; Лебедева; 1994; 1999], к активному изучению словообразования в динамическом аспекте, условий коммуникации, способствующих действию словообразовательного механизма, функционально-речевых особенностей производного слова и мотивированности (внутренней формы) слова в

функциональном аспекте [Блинова, 1976; 1995; Янценецкая, 1979; Кубрякова 1981; Виноградова, 1984; Земская, 1992; Резанова, 1996; Улуханов 1996]. Систематическое изучение деривационных отношений лексических единиц во многом определялось ономаσιологическими и дериватологическими исследованиями [Торопцев, 1980; Кубрякова, 1977; 1978; Мурзин, 1984; Павлов, 1985; Михайлов, 1989].

Вместе с тем функциональный подход к изучению деривационных отношений слов, представленный с позиций словообразовательной системы языка, в основном позволяет сосредоточить внимание на генетической стороне системообразования, проявляющейся в плане создания слова (хотя по существу образование нового слова в речи является частным случаем действия речевого деривационного механизма). Вместе с тем системообразующая функция морфо-деривационного плана слова (и лексики в целом) имеет сложную природу и отражает не только генетические истоки слова, но и синхронное его функционирование. Принципы деривационного взаимодействия лексических единиц в тексте проецируются на динамику словаря и находят отражение в строении словарной эпидигматики, которая, таким образом, имеет не только генетические, но синхронно-функциональные основания (объединения эпидигматов, реально взаимодействующих в процессах деривации текста). Соответственно данное диссертационное исследование основывается на том, что "язык-речь" представляют собой онтологически единый объект и языковые онтологические проявления лексической деривации не являются строго фиксированными на системно-парадигматическом уровне, не обязательно интегрируют в себе инвариантно общее, а осуществляются в связи с речевым функционированием, отличаются подвижностью и динамичностью.

Гипотеза о внутрисистемных свойствах дериватов как факторе, обуславливающим процессы их функционирования, нашла экспериментальное подтверждение в ряде исследований [Голев, 1989; Михалева; Пересыпкина, 1998; Доронина, 1999; Бринев, 2002; Глотова, 2003]. Вместе с тем было обнаружено, что формирование синхронно-функциональных свойств дериватов, опредмечивающихся на эмическом уровне в таких категориях как

мотивированность/немотивированность, членимость/нечленимость, идиоматичность/неидиоматичность, является результатом сложной и противоречивой борьбы различных планов слова: отражательного и коммуникативного, системного и функционального, генетического и синхронно-функционального, формы и содержания, что также требует дополнительного изучения в разных планах языка / речи, в нашем случае – в плане языковой системы.

Динамизация системного плана лексики в ее деривационном измерении в значительной степени стимулируется идеями, реализующимися в области форматики, восходящими, в свою очередь, к идеям В.фон Гумбольдта о единстве и взаимосоответствии означаемого и означающего языковых единиц, о единстве сил, порождающих эти сущности. В работах данного направления накоплен значительный материал, свидетельствующий о способности формы языковых единиц участвовать в процессах семантизации и формировать особого рода значимости [Виноградов, 1975; Кузнецов, 1964; Ахманова, 1966; Зубкова, 1986; 1989; 1999; Булыгина, 1975; 1977; Красильникова, 1982; Яцкевич, 1987; Кубрякова 1990; Кубрякова, Панкрац, 1983; Лопатин, 1990; 1994; Антипов; 2001;2001a].

Деривационный потенциал лексической системы благодаря бесконечной смысловой (и формальной) валентности языкового знака весьма значителен. В сфере отношений деривационного типа включаются прежде всего ассоциативно-смысловые (в случае многозначности слова) и словообразовательные сближения лексических единиц, которые тесно переплетаются, взаимообуславливаются и образуют особую ось структуризации лексики – эпидигматическую (Д.Н.Шмелев). При функциональном подходе область деривационных отношений значительно расширяется за счет формально-семантических и супплетивных сближений слов, образующих эпидигматические гнездо (на синхронно-функциональных основаниях). В деривационном ключе могут быть рассмотрены внутрисистемные парадигматические отношения между разнокорневыми словами (синонимия, антонимия, гипо-гиперонимия) и заимствования. Многообразие форм,

представленных в границах единой лексико-деривационной системы, актуализирует проблему их соотносительности и противопоставленности, которая, на наш взгляд, наиболее органично может быть решена с позиций функционального подхода. Естественно, в диссертационном исследовании решается более частная задача, заключающаяся в описании фрагмента динамической лексической модели, основанного на отношениях семантической и словообразовательной производности слов.

В настоящее время лицо многих направлений лингвистики во многом определяется антропоцентризмом, в последние десятилетия сказывающемся на содержании каждой работы. Антроподетерминизм (во всех его видах и разновидностях) в представлениях об устройстве и функционировании языка в настоящее время представляет собой одну из ведущих тенденций в развитии лингвистики. Не случайно антропологический принцип связывается в первую очередь с такой характеристикой современной науки, как экпланатарность – "стремление найти и внутренней организации языка, и его отдельным модулям, и архитектонике текстов, и реальному осуществлению дискурса, и порождению и пониманию речи и т.п. то или иное объяснение" [Кубрякова, 1995а. С. 221]. Было бы неверным недооценивать выходы лингвистической детерминологии за пределы языка в стремлении отыскать там изначальные звенья его обусловленности, но при этом "нельзя не обратить внимание и на некую односторонность возникающей детерминологической картины, в чем видится нарушение баланса детерминант" [Голев, 1998. С. 8].

Естественно, что ни антропоцентристская, ни имманентноцентристская модели реально не действуют друг без друга, и, следовательно, полная картина языка предполагает их представление как равноправных и равновесных членов антиномии и поиск механизмов их взаимодействия, а не взаимоисключения. Поэтому исключительно актуальным для современной лингвистики является создание модели языка, обосновывающей наличие в нем специфического системного образования, организующего взаимодействие внутренних и внешних детерминант. Важным шагом на пути формирования полной детерминологической картины языка является создание такой модели языка,

которая представляла бы его в виде языкоречевой материи, несущей в самой себе потенции своей активности. Актуальность настоящего диссертационного исследования заключается в том, что оно посвящена изучению детерминационных процессов, отраженных в самом языке. В нем на примере деривационного функционирования лексики оязыковление внешней детерминационности трактуется как эффект самодетерминации лексической системы.

Такое понимание системы позволяет рассматривать данное исследование в контексте синергетической модели мира, исследующей некие универсальные принципы спонтанной самоорганизации материи, обнаруженные и изучаемые учеными разных специальностей и сведенные в единое целое (брюссельская школа И.Пригожина, школа Г.Хакена, советская математическая школы под руководством В.И.Арнольда и Р.Тома, школа А.А.Самарского и С.П.Курдюмова, биофизическая школа М.В.Волькенштейна и Д.С.Чернавского и т.п.). Широкая экстраполяция выработанной теоретической модели процессов самоорганизации на гуманитарные науки [Василькова, 1999], в том числе и на лингвистику (см.: [Кубрякова, 1995а; Москальчук, 1997; Герман, Пищальникова, 1999; Кравченко, 1999; Залевская, 2001]) связана с неким глобальным методологическим и мировоззренческим переходом, который осознается (а чаще – предчувствуется) в рамках науки, культуры и морали современной цивилизации конца XX – начала XXI вв.

В диссертационном исследовании не используется терминологический аппарат, развиваемый в синергетике, она написана в рамках терминов и понятий традиционной динамической лингвистики, вместе с тем, с новым мировидением, связанным с синергетикой, ее роднит ориентация на такие стороны объекта, как нестационарное состояние, живая динамика, открытость, взаимопереходы разрушения и созидания.

Цель и задачи исследования. Цель работы заключается в описании системы лексико-деривационных отношений с позиций функционально-деятельностного подхода к слову и в рассмотрении с данных позиций одной из центральных оппозиций, организующих лексико-деривационную систему, –

противопоставление двух форм деривации – семантической и словообразовательной.

Достижение поставленной цели предполагает решение комплекса разноаспектных задач:

логико-теоретических:

- обоснование статуса лексико-деривационных отношений в онтологическом и гносеологическом аспектах;

- обоснование и выделение *спецификации* и *деривационного слова* как базовых понятий лексической деривации, отражающих различные аспекты деривационного функционирования слова; разработка принципов противопоставленности генетической и синхронно-функциональной модели деривационного слова; разработка принципов типологии спецификаций;

методологических и методических:

- разработка принципов и методики деривационно-лексикологического анализа языковой системы;

описательных:

- описание системной модели деривационного пространства слова как многомерной, динамической и самоорганизующейся структуры;

- обоснование возможности рассмотрения парадигматических отношений в лексике в деривационном аспекте и описание с этих позиций однокорневых слов, находящихся в отношениях синонимии и омонимии;

- обоснование оппозитивного статуса отношений между двумя формами лексической деривации – формально-семантической (словообразовательной) и семантической; описание их противопоставленности с учетом выявленных дифференциальных признаков; описание участков системы, на которых данные формы пересекаются и взаимодействуют.

Методы исследования. Теоретическую базу исследования составило учение В.фон Гумбольдта о языке как деятельности и о "внутренней форме" языка в том его конкретно-методологическом развитии, которое оно получило в теории деривации (Е.С.Кубрякова, Л.Н.Мурзин, Л.В.Сахарный), лингвистической детерминологии (А.Ф.Лосев; Н.Д.Голев); деривационной

лексикологии русского языка (Н.Д.Голев), в учении о форме слова В.В.Виноградова, теории семантического словообразования (М.Н.Янценецкая), в концепции имплицитной морфологии (С.Д.Кацнельсон, О.М.Соколов), функциональной грамматики (В.Г.Адмони, А.В.Бондарко, В.М.Павлов). Предлагаемые в данных концепциях методики выявления существенных и функциональных характеристик языковых единиц, представляющие собой по существу объединение структурного и функционального подхода к языку, наиболее близки целям настоящего исследования и во многом определили выбор конкретных методов и приемов.

Основные методы в работе – наблюдение и логико-лингвистическое описание, погруженное в диалектическую логику, с которой связаны все его основные оппозиции. В настоящей работе борьба противоречий разных форм, свойств и функций лексической деривации рассматривается как основной фактор деривационной динамики, понимаемой как самодвижение языка на одном из участков его системы. Поэтому в основе описания находятся различные оппозиции (антиномии) лексико-деривационной системы как функционально-динамического образования языка.

В работе различаются внешние и внутренние оппозиции лексической деривации. Внешней оппозицией, фиксирующей ее положение и отношение со смежными явлениями языка, является оппозиция деривационных / парадигматических / синтагматических отношений в лексике.

В числе внутренних оппозиций в работе рассматриваются оппозиции, относящиеся к сфере деривационной парадигматики. Среди них выделяются оппозиции, имеющие существенную природу, и оппозиции, носящие частный характер.

Ключевыми понятиями всей лексико-деривационной системы являются понятия спецификации и деривационного слова, образующие оппозицию глубинного уровня и являющиеся теми основаниями, на которых базируются все проявления данной системы.

Среди частных оппозиций выделяются следующие: семантические дериваты / формально-семантические дериваты; дериваты с формально

выраженными отношениями мотивации / супплетивные дериваты; дериваты с симметричными формально-семантическими отношениями / дериваты с асимметричными отношениями; оппозиции между однокорневыми дериватами, возникающими в границах деривационного слова и деривационного гнезда: однокорневые варианты / синонимы / паронимы / омонимы (в деривационном аспекте); оппозиции дивергентных и конвергентных отношений в рамках деривационного гнезда; оппозиции симметричных, асимметричных и смешанных смысловых структур деривационных слов; оппозиции дериватов, образуемых на логической основе (эквивалентные / привативные / эквиполентные / дизъюнктивные; с отношениями пересечения и включения).

Общая методология описания деривационной динамики в лексике конкретизируется в методике построения деривационного поля слова – (раздел 2.3.).

Частные методики, определяемые задачами конкретных этапов исследования, в настоящем исследовании разнообразны: компонентный анализ лексического значения слова, этимологический, словообразовательный анализ структуры слова, оппозиционные и позиционные приемы, дистрибутивный и контекстный анализ, элементы "полевого" анализа, статистический анализ (количественные подсчеты). При описании некоторых проявлений динамики лексической деривации использовались экспериментальные методики. Считаю необходимым подчеркнуть, что в настоящей диссертационной работе, посвященной проблемам онтологии языка, антропоцентрический аспект, проявляющийся в апелляции к языковому сознанию, выступает в качестве своеобразного зеркала рассмотрения данных проблем, способа обнаружения закономерностей организации лексического материала в системе языка и в качестве верификации исходных гипотез.

Материал, источники материала. Материалом для анализа послужили лексические единицы русского языка разных типов. Наиболее значимые группы материала следующие. Исходный словник был составлен с помощью сплошной выборки словообразовательных гнезд имен существительных из

Словообразовательного словаря русского языка [Тихонов, 1985. С. 266-327]. В итоге наша картотека насчитывала 388 слов-гнезд, начинающихся "на одну букву" (Д). Понятие словообразовательного гнезда в традиционном его понимании базируется на понятии лексемы (прежде всего в формальном плане). При этом тождество лексического значения слова и семантическое его развитие не учитывается. При функционально-семантическом подходе к морфо-деривационному варьированию слова как к "продленной спецификации" в данном диссертационном исследовании принятый в словообразовательном словаре принцип формального варьирования не является самодостаточным. Он тесно связан с реальным функционированием слова в контексте, которое осуществляется никак не отрыве от семантики. Поэтому описание системообразующих свойств лексической деривации в словарном составе русского языка осуществлялось в данной работе на материале всех доступных словарей русского языка: мотивационного (выборка из словаря составила 457 мотивационных пар), толковых: Словаря современного русского литературного языка Академии наук в 17-ти томах, Словаря русского языка Академии наук СССР в 4-х томах, Большого толкового словаря русского языка (под ред. С.А.Кузнецова), Толково-словообразовательного словаря в 2-томах Т.Ф.Ефремовой, а также Толкового словаря живого великорусского языка в 4-х томах В.И.Даля. Дополнительными справочными источниками при решении поставленных в работе задач послужили словари: омонимов О.С.Ахмановой, паронимов Ю.А.Бельчикова и М.С.Панюшевой, синонимов Н.Абрамова, З.Е.Александровой, под ред. А.П.Евгеньевой, сленга Т.Г.Никитиной, семантический (Т. I-II) под ред Н.Ю.Шведовой, частотный, тематический, иностранных слов и выражений и др.

В отдельных разделах работы для решения частных специфических задач дериватологическому анализу подвергались фрагменты текстов (раздел 3.6). Некоторые задачи решались на экспериментальном материале с заданными свойствами, таким образом изучалось, например, осознание звуковой формы слова-стимула с высокой степенью системной

мотивированности (2.2.4); осознание носителями языка связи лексического значения слова с его мотивацией (2.2.5.); усиление роли формальной стороны слова как креативной сущности, навязывающей носителям языка способ мотивизационного поведения (2.2.6.).

Научная новизна. Интегрируя эпидигматические отношения в целостный предмет изучения, Д.Н.Шмелев отмечал, что семантическая и деривационная стороны взаимосближения слов "сливаются в одну "ось" значения слова ("глубинную", если угодно, в дополнение к "вертикальной" – парадигматической и "горизонтальной" – синтагматической) [Шмелев, 1973. С. 198-199]. Понятие "глубинный" в данном определении, являясь существенным признаком эпидигматики (наряду с такими ее признаками, как семантическая производность, деривационная связанность и мотивированность), подводит ее к понятию гумбольдтовской внутренней формы, представляющей собой некие исходные детерминанты речемыслительной и языкотворческой деятельности. В диссертационной работе логико-лингвистическим анализом доказывается, что деривационные отношения слов имеют особый статус в лексической системе: представляя собой синтагмо-парадигматическое проявление внутренней формы слова на уровне словаря, они обеспечивают реализацию деривационной функции слова в речи. Глубинная ось, обнаруживаемая в деривационных отношениях, представляет собой генетико-синхронную детерминацию деривационных отношений как синхронно-функциональных явлений.

Новым является, во-первых, сам подход к языкоречевой материи, представляющей ее в виде самодетерминирующейся и самоорганизующейся системы, рассматривающей развитие и возникновение нового как свойство, имманентно присущее данному виду материи. Во-вторых, раскрыты системные механизмы такого саморазвития, достигаемого сбалансированным действием двух тенденций в слове: к немотивированности и к мотивированности. В третьих, представлен опыт структурирования аморфного, стремящегося к бесконечности деривационного пространства слова (и всей лексической системы в ее деривационном измерении), ассоциируемого с понятием

деривационного слова, представленного в синхронно-функциональном аспекте; а также выявлены механизмы преодоления его непрерывности, приводящие к образованию спецификаций, функциональная природа которых амбивалентна: они одновременно являются и "точками дискретности" и источниками континуальности деривационного пространства слова; в-четвертых, разработана методика такого структурирования; в-пятых поставлен вопрос о возможности рассмотрения парадигматических отношений в деривационном аспекте и исследованы две их разновидности – синонимия и омонимия однокорневых слов в деривационном гнезде; в шестых, разработаны параметры сопоставительного описания двух форм деривации – семантической и словообразовательной, с учетом данных позиций доказана их системно-функциональная противопоставленность.

Наиболее существенные результаты исследования сформулированы в следующих **основных положениях, выносимых на защиту**:

1. Статус деривационных отношений в лексической системе русского языка определяется их специфическим содержанием и формой его манифестации. Содержанием данных отношений является диалектическое единство двух составляющих его сем: семы детерминационности и инновационной составляющей (прироста сложности, модификационного ингредиента). При этом содержательные признаки деривационной зависимости следует рассматривать как более общие по отношению к формальной выраженности, так как они распространяются не только на традиционно выделяемые формы словообразовательной производности, но и многие другие, не укладывающиеся в рамки симметрии означающего и означаемого и свидетельствующие об условности основного закона знака.

2. Специфика системообразующей функции эпидигматики обнаруживается в единстве с деривационной функцией. Взаимодействие системного и функционального планов лексической деривации имеет диалектический характер. Формирование деривационных отношений выступает как непрерывный процесс их использования в речевой деятельности, как диалектическое взаимодействие статического и динамического аспектов,

при котором статическое есть не что иное, как результат динамического и в то же время его основа. Деривационная функция вводит лексическую деривацию в синхронный непрерывный деривационно-мотивационный процесс, сущность которого определяется постоянной потребностью в осуществлении актов речевой деривации / мотивации различных, в том числе и лексических, единиц (Н.Д.Голев) и в формировании на этой основе соответствующего языкового механизма.

3. Динамический характер деривационного развития слова обеспечивается двумя способами, заключающимися в образовании деривационных слов и спецификаций. Данные единицы являются ключевыми в системе лексической деривации, имеют этический и эмический планы, их речевые функции коррелируют с языковым значением.

4. Понятие деривационного слова в плане речи связано с регулярной актуализацией внутренней формы слова в процессе текстообразования. В языковой системе оно соответственно имеет статус динамической структуры. В основе его формирования лежит "челночная" процедура установления связей между морфо-деривационным планом слова и синтаксисом. Деривационное слово как структура, обусловленная детерминированным формально-семантическим взаимодействием лексических единиц текста, строится на принципиально иных основаниях, чем генетическая модель производности (в пределах словообразовательного гнезда слов). Благодаря данной структуре, лексическая единица встраивается в синхронную систему деривационных отношений, большинство из которых типизировано, и обретает в ней потенциал мотивированности, являющийся фактором, регулирующим процессы деривационного функционирования.

5. Появление спецификаций в расширяющемся семантическом пространстве слова связано с коммуникативной потребностью выделить из сплошного смыслового континуума единицу номинации, воспроизводимую как целостность. К числу основных языковых механизмов, участвующих в формировании спецификаций, относятся семантическая деривация и лексикализация внутренней формы. Накопление потенциала различий

лексических единиц осуществляется по нескольким каналам, важнейшими из которых являются функциональный и семантический. Важнейшим онтологическим свойством слова, с которым связано понятие спецификации, является идиоматичность значения.

6. Обе выделенные единицы заключают в себе противоположности, обеспечивающие механизм их самодвижения и развития. Спецификация, являясь инструментом выделения в семантическом пространстве слова индивидуально-неповторимых качеств, с одной стороны, преодолевает его континуальность, а с другой стороны, содержит в себе потенции дальнейшего формально-семантического развития слова, приводящего к формированию деривационного слова. Следствием первичности семантической деривации по отношению к формальной является разбиение словообразовательного гнезда на ряд синхронных деривационных микрогнезд, которые образуются вокруг отдельных спецификаций (ЛСВ). Динамическая структура данных микрогнезд формируется благодаря взаимодействию двух противоположно направленных тенденций – к лексикализации микрогнезд и к их грамматикализации в структуре целого – исходящих из лексической и словообразовательной системности. Благодаря функциональной разнонаправленности, каждая из сторон содействует более полному раскрытию возможностей другой стороны и системы в целом, усиливая как ее динамизм, так и устойчивость.

7. Данные тенденции обеспечивают многообразие вариантов структурирования смысла, выражающееся в различном соотношении дивергентных и конвергентных отношений в рамках деривационных слов и между ними. Нами обнаружены три типа соотнесенности деривационных структур: симметричный, асимметричный и смешанный. В данных структурах реализуется интегративный принцип формирования значения слова, отражающий включенность в содержание актуализируемого им понятия определенного набора категориальных признаков, представленного совокупностью деривационных форм слова. Количественное и качественное разнообразие данных структур отражает лабильность всей системы деривационной категоризации слов в целом и является достаточно надежным

критерием при установлении тождества / различия лексического значения слова. Таким образом, анализ деривационных структур слов трансформируется в метод диагностики семантического "расстояния" между ними.

8. Однокорневые слова в деривационном гнезде вступают между собой в различные системные отношения (от вариантных до омонимичных), которые также могут быть рассмотрены в деривационном аспекте. С одной стороны, они могут иметь отраженный характер и обнаруживать известный параллелизм отношений исходных и производных структур, в чем находит проявление системная соотнесенность внутрилексемных и межлексемных парадигматических отношений. С другой стороны, деривационный потенциал обнаруживается в пределах самого парадигматического ряда, как проявление значимых отношений между его членами. Было обнаружено, что в отношениях синонимов и смежных с ними оппозиций по линии семантического тождества/различия преобладают дивергентные тенденции, а в отношениях омонимичных форм преобладающими являются интегративные процессы, направленные на сохранение лексического тождества данных форм в границах деривационного слова. Деривационные расхождения значений однокорневых слов в значительной мере обусловлены факторами лексического уровня; словообразовательные отношения (и, прежде всего, семантика словообразовательного типа), напротив, сдерживает омонимичные тенденции в лексике.

9. Онтологической базой, функционально ориентированной на образование спецификаций и деривационных слов, является одна из центральных оппозиций, организующих лексико-деривационную систему, представленная двумя формами деривации слова: семантической и формально-семантической (словообразовательной). Их противопоставленность обнаруживается в самих механизмах образования: семантическая деривация затрагивает все компоненты многомерной структуры лексического значения слова; словообразовательная деривация в известном смысле надлексична, для ее осуществления важна не столько качественная, сколько количественная определенность значения. Функциональные различия данных форм деривации

коррелируют с их противопоставленностью на уровне логического, системного и семантического анализа. Семантическая и словообразовательная формы деривации соотносятся с различными разновидностями системных отношений в лексике (парадигматикой и синтагматикой) и ориентируются на выражение различных типов отношений – метонимических или метафорических, отражающих на уровне лексики две ведущих когнитивных стратегии.

10. Наряду с тенденцией к поляризации, в основе отношений между данными формами деривации лексических единиц, содержится стремление к взаимообмену качествами, приводящее к формированию синтетических форм деривации. На уровне словообразовательной системности (в границах словообразовательного типа) это приводит к образованию достаточно сложной иерархически устроенной системы, представляющей собой семантически разноуровневую категоризацию отражаемых здесь сущностей. На лексико-деривационном уровне оно находит отражение в формировании таких структур, в основе которых лежит неопозитивный, полевой (континуальный) принцип организации, что свидетельствует о нежестком характере данной системы.

Полученные результаты работы определяют ее теоретическую и практическую значимость.

Теоретическая значимость работы заключается в разработке проблем деривационной лексикологии на основе теоретического синтеза идей, связанных с деривационным функционированием слова и накоплением им потенциала деривационного функционирования, а также на основе комплексного исследования системного плана лексической деривации – онтологической базы, составляющей существенную предпосылку реализации данного потенциала. Использование при этом детерминистско-динамического подхода позволяет не только проследить связь между системными и функциональными свойствами слова, взаимную опосредованность факторов системной и функциональной детерминации, но и выявить совокупность внутрисистемных детерминант, обеспечивающих данной системе потенциал

саморазвития. Кроме того, анализ языковых механизмов лексической деривации раскрывает сущностный аспект деривационного принципа в языковой системе в целом и позволяет использовать разработанные здесь понятия в общей методологии описания деривационной динамики в языке, а через нее – принципов системно-структурного устройства языка.

В своих рассуждениях автор стремился уйти от узкого понимания внутренней формы слова, устойчиво ассоциирующего ее с этимологией. Разрабатываемая в диссертационной работе модель внутренней формы слова, понимаемой в динамическом аспекте в духе идей В.фон Гумбольдта, позволяет рассматривать форму языка как характер его динамики, как типичную форму комбинирования и распределения звуков для выражения понятий (форму обеспечения взаимосоответствия плана выражения и плана содержания) путем создания морфем, слов и т.п., характерных только для данного языка.

Результаты, полученные при описании деривационного среза лексической системности на материале одного конкретного языка – русского – имеют теоретическую значимость для выхода в область лексической типологии языков – нового направления теоретического языкознания [Исаченко, 1958; Толстой, 1969; Супрун, 1983; 1988; Гак, 1977, 1977а; Аракин, 1989; Мечковская, 2001]. Вопрос о значимом для русского языка противопоставлении двух форм деривации – семантической и формально-семантической – позволяет вынести его в рамки типологии языков с различным строем, так как языки используют такие источники пополнения словаря, как морфемная и семантическая деривация в существенно разной мере, а сравнительная продуктивность основных средств пополнения словарного запаса обуславливает такие типологически значимые признаки, как соотношение в языке мотивированных и немотивированных названий, степень морфемной сложности слова и т.п.

Кроме того, динамические модели языка представляют в теоретическом плане интерес для создателей биосистем в области вычислительной техники, для разработчиков проблематики искусственного интеллекта.

Практическая ценность работы. Представленная в диссертационном исследовании функционально-динамическая модель лексической деривации в ее системном варианте создает координирующую базу для дальнейшего многоаспектного изучения представленных в работе форм деривации на материале всего словарного состава русского и других языков, а также для изучения иных сфер лексической деривации: супплетивной, синонимических и иных парадигматических связей разнокорневых слов, синкретичных областей словообразовательной деривации (метафорическое словообразование, например) и др. Разработанная терминосистема и методика дериватологического анализа создает предпосылки для практической проработки заявленных теоретических положений и дальнейшего их совершенствования.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что деривационные отношения слов в системе языка, детерминированные функционально-семантическими процессами, обнаруживают специфику по сравнению с отношениями словообразовательной производности, основанной на генетических связях слов. Это дает основания говорить о необходимости отражения данной проблематики в преподавании общих курсов современного русского языка и языкознания (в разделах "Словообразование" и "Лексика"). Основные положения и выводы могут быть использованы в рамках спецкурса по деривационной лексикологии.

Данное диссертационное исследование имеет выход в лексикографическую практику. Лексикографическим воплощением тенденции к функционализму и динамизации русского словообразования явилось появление мотивационного словаря [МДС, 1982; 1983]. Антропоцентрический принцип верификации мотивационно-деривационного потенциала функционирования лексических единиц нашел применение в ассоциативно-мотивационном словаре [Пересыпкина, 1998] и деривационно-ассоциативном словаре [Доронина, 1999], фрагменты которых содержатся в указанных диссертационных исследованиях. Как показали отмеченные исследования, механизмами деривационного функционирования слова владеют все носители

языка – они являются элементом общей языковой, речевой порождающей способности человека. Данное положение объясняет актуальность выявления и лексикографического описания не только массовых проявлений деривационных рефлексий носителей русского языка, но и деривационных отношений слов в системе языка в ее синхронно-функциональном измерении, свидетельствующем о реальном потенциале деривационного функционирования лексических единиц. (О возможности создания Лексико-деривационного словаря (словаря спецификаций и деривационных слов) с применением методики, представленной в данном диссертационном исследовании, подробнее см. в [Шкуропацкая, 2002, С. 305-310]).

Апробация работы. Основные результаты работы были представлены в докладах на региональных, республиканских и международных конференциях в Москве, Минске, Томске, Новосибирске, Барнауле, Кемерово, Омске, Тобольске, Абакане, Бийске, а также на заседании кафедры русского языка Алтайского государственного университета; на заседании лаборатории междисциплинарных филологических исследований Бийского педагогического государственного университета им. В.М.Шукшина. По проблематике диссертации опубликована монография (23 п.л.). Результаты исследования отражены в 38 публикациях.

Структура работы определяется спецификой поставленных задач, характером объекта и предмета изучения. Диссертация объемом 442 с. состоит из введения, четырех глав, заключения, примечаний, списка литературы, списка основных источников языкового материала, списка сокращений и условных обозначений.

ГЛАВА I ДЕРИВАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ СЛОВ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Первая глава посвящена теоретическому описанию системы деривационных отношений слов и обоснованию особого статуса лексической деривации в системе языка. В главе представлена системная модель

деривационного пространства слова как многомерная, динамическая и самоорганизующаяся структура.

1.1. Деривация как универсальный принцип устройства и функционирования языка

Лексическая деривация органично входит в общезыковое разноуровневое поле деривационности, различные формы которого в речи образуют единый непрерывный деривационно-мотивационный процесс, пронизывающий все уровни и планы языка и образующий функционально-динамические пространства, в рамках которых деривация единиц более низких уровней входит в деривацию единиц более высоких уровней [Голев, 1989. С. 66]. Вместе с тем в рамках НДМП лексическая деривация образует специфический и относительно самостоятельный речевой механизм, что, в сущности, и дает основания для рассмотрения ее в качестве специального предмета исследования.

Единый непрерывный деривационно-мотивационный процесс, частью которого является лексическая деривация, есть проявление общего деривационного принципа языка, являющегося универсальным принципом его устройства и функционирования. Деривационный принцип осуществляется в языке как фундаментальный способ представления нового на базе исходных суппозиций и как важнейшая форма оязыковления детерминационного содержания. Всякое новое есть продолжение, развитие исходных суппозиций или, иными словами, есть реализация деривационно-мотивационного потенциала, носителем которого является любая единица языковой системы. Принцип деривации в языке соотносится с такими философскими категориями, как развитие, генезис, эволюция, детерминизм. К наиболее характерным чертам процессов, отраженных в данных понятиях, относятся направленность, закономерность, единство качественных и количественных изменений, противоречивость, цикличность формы, развертывание во времени, возникновение качественно нового объекта или его состояния. Современная наука (в частности, синергетика) подтверждает глубинную неотвратимость

развития, его многовариантность и альтернативность, а также то, что "носителями" развития оказываются сложные, открытые, самоорганизующиеся системы, к числу которых относится и язык.

Принцип деривации в языке не является самодостаточным и диалектически соотносится с принципом актуализации уже готовых языковых единиц. Как было отмечено в работах В. фон Гумбольдта [Гумбольдт, 1984] и И.А.Бодуэна де Куртене [Бодуэн де Куртене, 1963. С. 68], в динамической системе языка действуют два типа механизмов: одни из них обеспечивают воспроизводство в речи (тексте) прежнего состояния языка, другие - обеспечивают производство нового. С одной стороны, тексты строятся на материале, уже бывшем в употреблении. С другой стороны, в рамках такой почти исключительно коммуникативной единицы, как текст, не существует чистого воспроизводства языковых единиц. Любой текст, даже самый стандартный, уникален как целое, ибо в нем отражается каждый раз особенная ситуация, отличающаяся от другой подобной ситуации хотя бы настроением говорящего, его отношением к речи и партнеру по коммуникации.

Если текст представляет собой диалектическое единство и преемственность "старого" и "нового", то логично полагать, что такое же единство заключено в каждом его элементе и все единицы текста, вне зависимости от их структуры и функции, одновременно являются и хранителями старого (воспроизводимыми) и носителями нового (производимыми единицами). С этой точки зрения нет абсолютно готовых и абсолютно новых компонентов, и всякое разграничение готовых и вновь образуемых компонентов текста является относительным. Разумеется, компоненты текста в этом отношении не однородны. Одни из них в большинстве случаев воспроизводятся и служат паттернами известного тождества текста. Вместе с тем, в результате такого воспроизведения в языке постепенно накапливаются новые качества данных единиц. К явлениям такого рода относятся семантический и морфолого-синтаксический способы образования слов, опрощение производных слов, процессы фразеологизации. Нетрудно увидеть, что данные процессы тяготеют к диахронии и направлены

на воспроизведение в тексте прошлого состояния языка, его истории. Вместе с тем, в результате такого воспроизводства образуются новые качества слов и языка в целом.

Другие компоненты текста оцениваются как создаваемые в нем. Такие компоненты Л.В.Щерба называл живыми, все вновь и вновь образуемыми, противопоставляя их воспроизводимым компонентам ("мертвым", по образному выражению ученого) [Щерба, 1974а. С.77]. К компонентам такого рода обычно относят не только словосочетания и предложения, что очевидно, но и неологические единицы [Кудрявцева, 1993]. Диалектика производства и воспроизводства в данном случае проявляется в том, что вновь образуемые компоненты – неологизмы – в известном смысле являются уже готовыми единицами. Новым здесь является способ выражения идеи – изменение свойства сочетаемости морфем в рамках неологизма, по сравнению с другими словами, построенными по данной модели. Сама же модель и все морфемы, входящие в состав неологизма, являются известными и уже много раз употреблявшимися ранее, но в иных сочетаниях (подробнее об этом см. в [Мурзин, 1987. С.6]).

Вместе с тем, неологизмы являются только частным случаем проявления механизма производства слов в тексте. Деривационному функционированию подвержены уже готовые производные слова, давно вошедшие в языковой узус. Оно проявляется в значимом участии внутренней формы слова при его употреблении в речи, в актуализации формальных суппозиций слова в процессе выбора (создания или воссоздания) лексической единицы. Факт повторного регулярного производства, отмеченный еще В. фон Гумбольдтом (см.: [Гумбольдт, 1984. С.13]), может остаться незамеченным только в силу того, что обуславливающие его механизмы осуществляются в речевой деятельности с высочайшей степенью автоматизма. В любом случае нахождение слова в позиции порождения текста в той или иной мере способствует выявлению потенциала его деривационного функционирования. И в этом плане тексты могут обладать различными возможностями детерминирующего воздействия на слова. В аспекте языкового сознания

человека это связано с проявлением способности языкового сознания к активному использованию внутренней формы слова в механизмах текстопорождения.

Таким образом, сущность языка определяется антиномией двух важнейших принципов – производства и воспроизводства его единиц. Поэтому полная картина устройства языковой системы, равно как и речемыслительной, языкотворческой деятельности носителей языка, может быть получена только на основе взаимодополнительности данных принципов.

1.2. Принцип деривации как гносеологическая категория

1.2.1. Исторический аспект проблемы

Деривация является онтологическим и гносеологическим понятием одновременно. Изучение языка с деривационных позиций имеет глубокий историко-философский и лингвистический контекст. В одной из своих уже посмертно опубликованных работ Л.Н.Мурзин пишет о том, что "мысль о деривационной сущности языка принадлежит не нашему времени. Она возникла в древнюю эпоху, когда лингвистика еще только зарождалась" [Мурзин, 1998. С. 238]. Конкретные правила преобразования слов и предложений содержатся уже на страницах одной из самых ранних из известных современной науке грамматик - санскритской грамматики Панини. Те или иные стороны языковой деривации привлекают внимание ученых средневековья и эпохи Возрождения. В универсальных грамматиках 17 - 18 вв. были "переведены" на семантический язык правила образования и преобразования языковых выражений и обозначены все основные деривационные операции, характеризующие его. Эти традиции были восприняты логическими школами лингвистики в 19 веке. Появление философии языка В.Гумбольдта вызвало развитие психологических интерпретаций деривационных процессов как в России (А.А.Потебня), так и в Германии (Г.Штейнталь) и других странах мира.

В первой половине двадцатого столетия при господстве в лингвистике структуралистских воззрений на язык дериватологические исследования

сдерживались, однако во второй половине века интерес к деривационной сфере языка и в первую очередь к вопросам словообразования среди лингвистов увеличился с поразжающей быстротой. Появление ряда целостных концепций, вскрывающих устройство и закономерности развития словообразовательной системы в русском и шире - славянских языках, позволило поставить вопрос об относительной независимости и своеобразии словообразовательной подсистемы языка, вписывающейся в систему уже известных уровней. Углубленное изучение словообразования вызвало к жизни новые проблемы, широко обсуждаемые языковедами. Одной из важных является проблема специфики словообразования как такого звена в системе языка, которое, связывая грамматику с лексикой, постоянно испытывает на себе их влияние [Виноградов, 1952; Янко-Триницкая, 1964; Зенков, 1969; Максимов, 1975; Харитончик, 1987; Янценецкая, 1979; Земская, 1974; 1987; Кубрякова, 1981; 1984; 1988; Азарх, 1980; 1984; 1993; 2000; Милославский, 1980; Манучарян, 1981; Ширшов, 1981; Шатуновский, 1982; Катлинская, 1986; Тихонов 1987; Соколов, 1997]. Данная проблема сохраняет свою актуальность до настоящего времени. Усилия ученых направлены на выявление форм и видов этого влияния, играющего существенную роль в формировании базовых единиц словообразования, в организации и функционировании словообразовательной подсистемы в целом [Лебедева, 1979; 1983; 1984; 1991; 1991a; 1998; 1999; 2000; Араева, 1981; 1992; 1994; 2000; Резанова, 1983; 1983a; 1984; 1991; 1991a; 1994; 1996; Гудкова, 1983; Грушко, 1984; 1992; 1994; Халина 1986; 1992; 1994; Шишкина, 1987; 1991; 1994; Шкуропацкая (Семенкина) 1987; 1990; 1999; 2000; Ким, 1988; Ташлыкова 1990; 1994; Шиканова, 1990; 1991; 1994; Фургель, 1988; 1992; 1994; Оглезнева, 1996; Раевская, 1996; Вендина 1998; 1999; Антипов 1997; 2001; Катышев, 1997; 2001; Акимова, 2002; Белгородцева, 2002; Жукова, 2002].

В 50-е годы прошедшего века активизируется не только изучение словообразовательной деривации, но и деривационное осмысление других уровней и межуровневого пространства языка. Так, исследование синтаксических моделей в эти годы привело к обнаружению

трансформационных отношений между синтаксическими единицами, а с появлением работ Н.Хомского [Хомский, 1999; 1999a] стало ясно, что отношения производности распространяются и на область синтаксиса. С этого момента принцип деривации в лингвистической эпистемологии перестает быть частным принципом языка и кладется в основу целого ряда порождающих грамматик, которые не утратили своего научного значения и до сих пор. Важнейшей проблемой первой из них - генеративной трансформационной грамматики Н.Хомского - являлся вопрос о механизмах формирования конкретного предложения, его деривационной истории. Идея о производности предложения как основной единицы языка и идея глубинных / поверхностных структур, неразрывно связанные между собой, определяют то новое, что внес в лингвистику Н.Хомский и что составляет основу современного деривационного подхода к языку.

Генеративный подход к языковым структурам создал почву для многочисленных его интерпретаций в разных странах мира. Однако объединяющим началом всех возникших в связи с этим теорий был подход к языку не с точки зрения анализа готовых структур, а с точки зрения их синтеза. В России также были созданы две выдающиеся модели языка деривационной ориентации: аппликативная модель С.К.Шаумяна и П.А.Соболевой [Шаумян, Соболева, 1968; Шаумян, 1874; Соболева, 1980] и модель "Смысл \Leftrightarrow Текст" И.А.Мельчука, А.К.Жолковского, Ю.Д.Апресяна и др. [Жолковский, Мельчук, 1965; 1969; Апресян, 1967; Мельчук, 1974;].

Усилия авторов аппликативной грамматики были направлены на исчисление всех возможных деривационных структур с последующей их интерпретацией в рамках конкретного языка. Модель "Смысл \Leftrightarrow Текст" представляет собой одну из попыток разобраться в одном из сложнейших компонентов языка - семантике - с точки зрения всех возможных преобразований ее базы. Созданный ее авторами язык семантических операторов позволяет описать порождение бесконечного числа фраз-текстов. Обе упомянутые модели объединялись общим динамическим подходом к

языку, при этом основным принципом описания и объяснения языковых структур является деривационный принцип.

Лингвистическая наука неоклассического (современного) этапа претерпела значительные изменения как в общей методологии, так и в предмете исследования. "Включенность субъективной деятельности в тело знания" (В.В.Ильин), являющаяся сущностно-отличительным признаком современной науки, определяет дифференциальные признаки различных этапов теории познания и эпистемологии. В основе методологической базы теоретических знаний настоящего периода находятся три важнейших принципа: толерантность (терпимость к продуктам научного творчества), идиосинкрязия к инакомыслию (признание многообразия взглядов нормальным) и принцип условности (относительности собственных результатов) (подробнее об этом см.: [Гак, 1998. С. 14]. Два последних принципа нередко объединяются, на основании чего выдвигается принцип взаимной дополняемости различных исследовательских подходов (плюрализм в лингвистике), требующий установления того, какой круг языковых фактов поддается объяснению с той или иной точки зрения и почему. Обогащение философско-методологической базы языковедческой науки новыми идеями было тесно связано со вступлением различных существующих ныне в лингвистике школ и течений на путь сближения и создания новых интегральных парадигм знания, функциональных по своей общей направленности и конструктивно-синтетических по своему духу. Современное понимание природы языка связано с вовлечением в орбиту лингвистических исследований текста, а также широкомасштабным изучением семантики, которое в 70-80 годы прошлого века, по образному выражению Н.Д.Арутюновой, было подобно "штурму", продолжающемуся и по сей день. Формируется убеждение, что язык нельзя изучать вне его функционирования, вне тех противоречий, которые пронизывают все его уровни и которые являются источником его самоорганизации и саморазвития.

Изменения, коснувшиеся общих принципов познания, связанные с установкой на экспансионизм, антропоцентризм, функционализм и

экспланатарность [Кубрякова, 1995. С. 144-238], смена исследовательских приоритетов в рамках лингвистического объекта сказались на интерпретации деривационного принципа в языке. С одной стороны, в связи с осознанием деривации в языке как универсального принципа происходит определенное рассредоточение дериватологического объекта по различным сферам языкового существования, его дробление на частности и выделение мелкой аспектуализации. С другой стороны, современная дериватологическая наука стремится преодолеть центробежные тенденции и деривационный принцип становится одним из ведущих принципов обоснования и объяснения языковых явлений. Это способствует становлению дериватологии в качестве отдельной дисциплины, которая стремится представить свой объект в целостном и самостоятельном виде, имеет свой понятийный и терминологический аппарат и методик, соответствующую специфике ее объекта [Мурзин, 1976; 1979; 1982; 1984; 1986; 1998; Адливанкин, Мурзин, 1984; Сахарный, 1979; 1985; 1991; 1994; Голев, 1980; 1981; 1989; 1995; 1998].

В этом плане активно консолидирующейся выглядит деривационная лексикология, являющаяся составной частью общей деривационной грамматики языка. Современная "деривационная грамматика своими разными сторонами входит в различные классы грамматик. Эта грамматика является активной (в смысле Л.В.Щербы), синтезирующей, динамической, продуктивной, текстообразующей и объясняющей" [Мурзин, 1998. С. 247]. Деривационная лексикология развивается в рамках общей детерминалогической концепции языка, направленной на выявление его полной детерминалогической картины, в которой внутриязыковые (имманентные) и внеязыковые (антропологические и трансцендентальные) детерминанты представлены как равноправные и взаимодействующие члены антиномии (см. [Очерки по лингвистической детерминалогии, 1998]).

С одной стороны, деривационные механизмы языка формируются и управляются законами и правилами, принадлежащими самому языку; они не выходят за рамки текстов, обращены к текстам и направлены на удовлетворение потребностей говорящих в их построении. Эти правила

являются достаточно строгими и подчиняются принципу внутрисистемной детерминации, а языкоречевая материя представляется в виде самодетерминирующейся и саморазвивающейся системы, несущей в себе потенции своей активности. В этом смысле, дериватологическая концепция языка соотносится с синергетикой, рассматривающей развитие, возникновение нового как свойство, имманентно присущее материи (в том числе и речезыковой) (см.: [Москальчук, 1998]). Это позволяет высказать предположение, что механизм осуществления деривации в языке носит синергетический характер.

Вместе с тем природу лексической деривации в тексте нельзя объяснить только внутритекстовой детерминацией, поскольку общий деривационный процесс в конечном итоге "питается" пресуппозитивной энергией, исходящей из субъекта речи. Обусловленность природы лексической деривации в тексте со стороны пресуппозитивного компонента речепорождения предполагает, что источником энергии лексико-деривационного функционирования и развития слова в конечном итоге выступают коммуникативные потребности, возникающие в процессе текстовой деривации. "Суть проблемы деривационного функционирования слова как раз и заключается в выявлении такого рода потребностей, предпосылок и условий, при которых актуализация внутренней формы становится коммуникативно необходимой, во всестороннем исследовании лексико-деривационной способности личности" [Голев, 1998. С.15; см. также Гусар, 1995]. Имманентнодетерминистская модель языка реально не действует в отрыве от антроподетерминистской, без воздействия одной на другую. Поэтому полная деривационная картина языка предполагает поиск механизмов их взаимодействия.

Главная детерминологическая задача деривационной лексикологии заключается в выявлении и описании источников деривационной энергетики слова, которая обнаруживается в возникновении и сохранении потенциала его деривационного функционирования. В своей работе мы подробно останавливаемся на системе деривационных отношений, которая является важнейшим условием формирования и реализации потенциала деривационного

функционирования и саморазвития каждой языковой единицы. Все остальные источники деривационной энергетики слова, как то: *текст*, предоставляющий условия для реализации потенциала функционирующего слова и содержащий в себе семантические и формально-семантические компоненты, выступающие для формирующейся единицы в роли суппозиций, *носители языка*, коммуникативные намерения которых являются пусковым моментом всякой языковой деривации - мы сознательно по возможности исключаем согласно задачам исследования.

Рассмотрение лексико-деривационных отношений в системном ключе позволяет акцентировать внимание на нескольких проблемах: проблеме статуса деривационных отношений в ряду других "измерений" лексики; проблеме базовых категорий лексико-деривационной системности; проблеме функциональной направленности основных сфер лексической деривации (семантической и словообразовательной) в рамках общего деривационного поля лексики, проблеме рассмотрения парадигматических отношений в деривационном аспекте. Обсуждение поставленных проблем в данной работе связано с построением модели лексико-деривационных отношений в языке как системоцентристской модели синергетического типа, представляющей его в виде языкоречевой материи, несущей в самой себе потенции своей активности и - соответственно - в виде самодетерминирующейся и саморазвивающейся системы.

Далее речь пойдет об аспектах, предварительное обсуждение которых представляется нам наиболее важным для исследования, изложенного в последующих разделах работы. Среди них выделяются аспекты, которые носят общий для языкознания характер и имеют место при изучении почти всех сторон языка. К таковым относятся: диахронический и синхронический, онтологический (системный) и функциональный, ономаσιологический и семасиологический аспекты. Кроме того, в каждом лингвистическом разделе выделяются частные аспекты, которые определяются спецификой положения изучаемого объекта в общей языковой системе. Исходная точка зрения при этом зависит от того, в чем видится исследователю своеобразие изучаемого

явления и его связь с другими сторонами языка. Вопрос о "внутренних" аспектах исследования системы лексико-деривационных отношений в языке связан с решением вопроса о взаимодействии в рамках этой системы лексики со словообразованием и шире грамматикой языка, которые в данном случае являются сферами деривационного функционирования лексики. Основная задача при этом состоит в выявлении тех связей лексики со словообразовательным уровнем языка, которые играют роль в организации деривационных отношений в самой лексике.

1.2.2. Функциональный и онтологический (системный) аспекты деривации

При определении системы мы исходим из принципа ее диалектического единства с понятием функции. Функция, с одной стороны, проистекает из системного положения некоторого объекта, а, с другой стороны, определяет положение данного объекта в системе, и, в конечном итоге, определяет внутреннее устройство всей системы в целом. В рамках деривационной лексикологии функционально-динамический и системный планы слова являются взаимодополняющими и предполагающими друг друга: пополнение словаря осуществляется через текстовую лексическую деривацию, вместе с тем, эпидигматическая организация текста во многом формируется как реализация системной эпидигматики.

Функционированию производного слова в тексте посвящен ряд работ, в которых изучались: функциональные аспекты деривационной модели [Янценецкая, 1979; Земская, 1992; Резанова, 1996]; деривационное функционирование слов для создания эстетического эффекта [Блинова, 1984; Виноградова, 1987]; деривационное взаимодействие слова и контекста [Голев 1989; Трубникова, 1997; Гусар, 1995], слова и текста-примитива [Сахарный; 1991; Голев, 1998; Доронина, 1999], слова и текста в интра - и интерлингвальном (транслингвальном) пространстве [Сайкова, 2002]. Разносторонние исследования функциональной направленности

деривационной формы создают базу для рассмотрения деривационной системы языка как потенциала ее речевого функционирования.

Деривационное функционирование слова в тексте проявляется, во-первых, в создании лексико-деривационного ряда (ЛДР), представляющего собой последовательность однокоренных или одноаффиксальных слов (в том числе "чистых" повторов), пересекающих дискретное текстовое пространство (контекст)" [Голев, 1997. С. 96], во вторых, в создании лексического ряда – последовательности слов с отношениями детерминации, в которых деривационные отношения не носят формально выраженного характера. Данные ряды являются частью внутренней формы текста, связующими стержнями, олицетворяющими в повторах слов и морфем его онтологическое единство. Облигаторность функционирования лексико-деривационных и лексических рядов в тексте является доказательством включенности лексической деривации в процессы текстовой деривации и в непрерывный деривационно-мотивационный поток в целом.

Непрерывность деривационно-мотивационных процессов в речи ассоциируется с непрерывностью, континуальностью деривационного поля слова в языковой системе. Являясь расширяющимся формально-семантическим образованием, не имеющим четко очерченных границ, деривационное поле стремится к бесконечной формальной и смысловой валентности, реализуя принцип бесконечной смысловой валентности языкового знака (А.Ф.Лосев). Двумя важнейшими осями деривационного варьирования слова являются формальное и семантическое варьирование, приводящее к появлению двух различных в семантико-функциональном отношении единиц – *деривационных слов* и *спецификаций*, являющихся базовыми понятиями деривационной лексикологии.

Формальное варьирование слова в рамках его семантического тождества может быть нескольких видов: фонетическое (варьирование в рамках фонетического слова), морфологическое (варьирование в пределах словоизменительной парадигмы слова) и деривационное (варьирование в пределах деривационной парадигмы слова). Деривационные варианты слова –

вся совокупность производных слов, способных к деривационному взаимодействию в пределах одного семантико-функционального контекста, в котором данные варианты являются естественным деривационным источником и продолжением друг друга, - образуют деривационное слово.

Специфика деривационного слова как семантико-функциональной единицы лексико-деривационной системы, в отличие от других аспектов изучения слова в рамках уровневой грамматики, связана с актуализацией формально-семантических связей слова с другими словами. При формальном варьировании слова, связанном с образованием деривационных слов, приоритетным является деривационное видение словообразовательной структуры слова, которое предполагает возможность и необходимость регулярной реализации в речи внутренней формы слова (ВФС), тесное ее взаимодействие с актуальной лексической семантикой, приводящее к стиранию автономности этих значений и абсолютизации свойства мотивированности семантики.

Вместе с тем, во внутреннем и внешнем пространстве слова существуют системные факторы, которые в силу коммуникативных потребностей приводят к деривационным преобразованиям слова, характеризующимся иной семантико-функциональной направленностью – к образованию спецификаций. Понятие спецификации связано с появлением качественно новой дискретной единицы в лексическом пространстве языка. Оно обусловливается особенностями семиотической природы ВФС, проявляющейся в том, что ее компонентный состав подвержен как тенденции к сохранению своей системной значимости и автономности, так и тенденции к ее преодолению, к интегрированию в состав лексического значения слова.

Пределы семантического варьирования слова обусловлены широтой выражаемого им понятия и разнообразием ассоциативных связей. Важнейшим проявлением лексического начала в развитии производных слов, которое в конечном итоге может привести к появлению спецификаций, являются идиоматичность семантики и лексикализация ВФС. Дополнительные импульсы для образования качественно нового смысла лексическая единица получает в

связях с другими единицами в лексической системе языка, также обладающей большим потенциалом креативности.

Спецификации являются сгустками семантической энергии, которые образуют в непрерывном деривационном пространстве лексической системы отдельные паттерны (смыслы), с опорой на которые дискретизируется (членится) это пространство, репродуцируя в нем мир отраженных в языке сущностей. Вместе с тем, спецификация всегда несет в себе потенции формально-деривационного развития, механизм которого заключается в восприятии конкретного вещественного значения слова (спецификации) и придании ему той или иной категориальной оформленности. Категориальная семантика представляет собой регулярные семантические приращения к исходному значению слова, характеризующиеся высокой степенью предсказуемости и типизируемости. Благодаря формально-семантической деривации лексема представляет собой систему форм и функций, осознаваемую на фоне структуры языка в целом, тождество которой покоится на понимании единства в многообразии его мыслимых видоизменений. Понятие деривационной формы слова основано в данном случае на сознании тождества слова при наличии дифференциальных признаков его употребления. Истоки такого понимания слова и формы содержатся в работах В.В.Виноградова, который полагал, что "тождество не исключает многообразия, а напротив, предполагает его. Тождество – это единство в многообразии одного" [Виноградов, 1975. С. 48]. Таким образом, спецификации, с одной стороны являются инструментом выделения в семантическом пространстве языка дискретных индивидуально-неповторимых семантических качеств, вступающих в противоречие с непрерывностью общего деривационно-мотивационного потока. С другой стороны, активно включаясь в НДМП и выполняя в нем суппозитивную функцию в процессе создания / воссоздания / выбора лексической единицы, спецификации поддерживают его непрерывность и континуумность.

Далее понятия спецификации и деривационного слова, являющиеся центральными для нашего исследования, будут представлены подробнее в Главе II.

1.2.3. Диахронический и синхронический аспекты деривации

Деривационное функционирование лексики осуществляется в рамках непрерывного синхронно-диахронного процесса, представляющего собой цепь актов конструирования / употребления, приводящего к мутации исходных звеньев структуры. Таким образом, синхронное проявление функционально-динамического аспекта лексической деривации выражается в участии мотивационно-деривационных механизмов в производстве и воспроизводстве лексических единиц, но сами акты производства / воспроизводства являются реализацией потенций, накопленных в диахронии эволюционным путем. С этих позиций, диалектика "старого" и "нового", воспроизводства и производства, диахронии и синхронии проявляется в том, что готовые компоненты языка являются новыми и вновь образуемыми, а образуемые компоненты, в известном смысле, являются уже готовыми единицами. Таким образом, синхроническое представление лексической деривационной системы направлено на выявление в ней "расстановки сил" на данный момент ее развития (диахронии) и содержит в себе не только констатацию видов деривационно соотнесенных единиц, но и характеристику деривационных сфер лексики по их функциональной направленности. В данной системе содержатся единицы с темпоральными ограничениями, несущими на себе следы процессов, происходящих в языке в прошлом его бытии, опредмеченные деривационные процессы настоящего периода его существования, а также нарождающиеся, порой едва уловимые зачатки будущих функционально-семантических изменений, степень коммуникативной релевантности которых покажет время. В данном случае мы опираемся на идеи И.А.Бодуэна де Куртенэ, который выдвигал триаду категорий "статика – динамика – история", полагая, что в языке в каждый данный момент его состояния надлежит "считаться с фактом наличности, с одной стороны, промежуточных форм,

унаследованных от прошлого и уже не соответствующих данному общему строю, с другой стороны, явлений, предвещающих, так сказать, будущее состояние данного племенного и национального языка и еще не подходящих под современное построение данного языка" [Бодуэн де Куртенэ, 1963. С. 186].

В данной работе представлено синхронное описание системы деривационных отношений в лексике с учетом их функциональной направленности.

1.2.4. Ономаσιологический и семасиологический аспекты

Система лексико-деривационных отношений в языке, в целом, и деривационных отношений слова, в частности, является полевой структурой функционально-семантического типа (ФСП). Разработка понятия ФСП как особого типа системы – группировки, связей и взаимодействия языковых элементов в самой языковой действительности и как особого принципа лингвистического анализа, являющегося отражением этой объективной данности, содержится в работах А.В.Бондарко [1976; 1990]. Под ФСП понимается "система разноуровневых средств данного языка (морфологических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных – лексико-синтаксических и т.п.), взаимодействующих на основе общности их функций, базирующихся на определенной семантической категории" [Бондарко, 1990. С. 566-567]. Теория ФСП строится на принципе взаимодействия однородных и разнородных элементов на основе семантико-функциональной общности, являющемся ономаσιологическим по своей природе. С этой точки зрения, категориальное единство всех вариантов, входящих в состав деривационного слова, обеспечивается тождеством специфицированного значения на основе единства ВФС, благодаря которой осуществляется его деривационное функционирование – активное использование формальных суппозиций в процессах создания/выбора лексических единиц.

Вместе с тем каждая из сфер, выделенных в составе деривационного поля слова (и всей лексико-деривационной системы в целом) требует

функционально-семантического описания, изучения взаимоотношений с другими сферами в этом аспекте, участия в деривационной структуре текста. Поэтому мы полагаем, что более сильными объяснительными возможностями обладает модель ФСП, дополненная семасиологическим принципом описания. Вопрос об организации деривационного поля, поставленный в семасиологическом аспекте, требует исследования различий каждой из представленных здесь форм деривации в семантико-функциональном плане, или, иными словами, выявления содержательных оппозиций данного поля. Оппозитивный принцип взаимодействия средств одного ФСП, в нашем случае деривационного, формирует особый тип внутрисистемных значимостей, а их взаимодействие – особый тип внутреннего функционирования, являющегося источником динамики самой системы. В данном диссертационном исследовании при описании деривационных полей применяются оба принципа в зависимости от решаемой проблемы.

1.2.5. Лексический и словообразовательный аспекты системы деривационных отношений слов

С понятием системы в языке связаны формы движения языкоречевой материи, структурные уровни ее организации, отдельные целостные объекты внутри структурных уровней, различные аспекты, "срезы" этих объектов. На этом понятии как на исходном базируется вся картина общей структурированности языкоречевой материи. Поскольку производное слово одновременно является основной единицей системы синхронного словообразования и лексической системы, представление о системе деривационных отношений в лексике может быть связано с двумя различными подходами: со стороны словообразовательной и лексической системности. Наш подход является лексикоцентристским. Вместе с тем, нельзя обойти вниманием и второй подход, поскольку словообразовательная деривация (наряду с грамматической) образует важнейшую сферу реализации деривационного потенциала слова, взаимодействующего с другими планами в общей системе связей слова в деривационном аспекте.

В широком пространстве лексико-деривационных отношений в нашем исследовании более пристальному вниманию подвергаются отношения семантической и формально-семантической (словообразовательной) деривации. Проблема взаимоотношений лексики и словообразования уже получила глубокое и всестороннее осмысление в работах Томской лингвистической школы, и прежде всего в трудах М.Н.Янценецкой [Янценецкая, 1977; 1979; 1983; 1984; 1987; 1992]. В работах данного автора, имеющих словообразовательноцентристскую направленность, словообразование представляет собой особую систему языка, специфика которой определяется ее связями с "соседними" системами – лексикой и морфологией. Семантика производящего слова рассматривается как один из компонентов словообразовательного механизма. Анализ лексического значения слова в словообразовательном аспекте проводится с ориентацией на такую семантическую единицу, как словообразовательное значение, а также значение словообразовательного типа, в формировании которого она принимает непосредственное участие. При характеристике статуса словообразовательного значения, морфологический и лексический уровни отражают его поверхностные слои – уровни его языковой репрезентации, связанной с теми или иными языковыми формами. "Если морфолого-словообразовательное значение "принадлежит системе" и очерчивает рамки возможного, то ЛСЗ (лексико-словообразовательное значение - *М.Ш.*) связано с нормативной реализацией этих возможностей и в этом своем качестве служит созданию "сложноструктурированного иерархически организованного неэлементарного (словообразовательного) значения" (Е.С.Кубрякова) [Янценецкая, 1991а. С. 5].

В нашем исследовании словообразовательная деривация рассматривается с лексикоцентристских позиций - в качестве средства (формы) деривационного развития (расширения) лексики, которая существует наряду с другими формами, такими как семообразование, супплетивизм, парадигматика. Данное развитие осуществляется по определенным каналам: каждая спецификация несет в себе энергетический потенциал быть расширенной

целым набором деривационных форм. Данные ряды форм представляют собой заранее заданные позиции языковой концептуализации (категоризации) мира. Отмеченное движение осуществляется в двух направлениях. Первый путь предполагает актуализацию уже отработанных деривационных моделей, второй – связан с формированием моделей на основе категоризации индивидуального значения, в результате чего складывается сложная картина разноуровневой типизации значений, которая является отражением межуровневой сегментации и организации языковой системы.

Анализ формально-семантических деривационных связей слова свидетельствует о том, что реальный процесс образование словообразовательных форм далеко не всегда носит столь же регулярный и всеобщий характер, который свойственен грамматической категоризации лексики. Словообразование не нацелено на сплошной охват лексики, оно весьма избирательно в своем устройстве и тонко реагирует на лексическую семантику. В аспекте нашей работы наиболее вероятным объяснением механизмов такого рода "реагирования" является объяснение с опорой на понятие спецификации.

1.3. К вопросу о статусе деривационных отношений слов в лексической системе языка

Решение вопроса, вынесенного в заглавие параграфа, в значительной степени зависит от того, в рамках какого подхода осуществляется описание языка в целом, и системной организации лексики, в частности. Является важным, включаются ли такие характеристики языка, как динамизм и функциональность, в понятие языковой системы в ее синхронном варианте, или они выводятся за ее пределы.

В современном языкознании существуют два глобальных направления в исследовании языка: статическое и функционально-динамическое. Оба направления исследований взаимно дополняют друг друга. Статическая модель, развивающаяся, прежде всего, в рамках структуралистских воззрений, сформулированных Ф. де Соссюром, рассматривает инвентарь языковых

единиц и их структурную организацию. При данном подходе исходным является такое определение языка, при котором системность выступает в качестве его ведущего, наиболее существенного онтологического признака. Под системой понимается "внутренне организованная совокупность элементов (единиц языка, связанных устойчивыми отношениями" [Ахманова, 1966а. С. 412]. Под структурой принято понимать внутреннюю организацию, упорядоченность системы [Солнцев, 1978. С. 33]. Формирование статической модели языка дало мощный импульс развитию учения о лексико-семантической системе языка. Однако такой подход к описанию лексики не мог объяснить всего разнообразия описываемых данных, в особенности тех, которые выходили за рамки структуралистской модели. Их стали относить к асистемным явлениям в языке [Маковский, 1980; Конецкая, 1984 и др.].

Развитие языка в работах отечественных лингвистов всегда было органически связано со способами его функционирования. Исходя из принципа изменчивости языка во времени, авторы современных исследований стремятся определить причинную обусловленность лексико-семантических изменений. При этом выделяются два типа причин – внутренние, языковые и внешние, внеязыковые [Распопов, 1976; Журавлев, 1982; Шмелев, 1982; Кузнецова, 1983]. Вместе с тем, причинно-следственные теории развития языка, направленные на поиски противоположных тенденций, взаимодействие которых служит источников развития лексики, сами по себе не могут объяснить механизма изменчивости языковой системы.

Если признать за языковым знаком изменчивость как основное качество, определяющее его суть, следует включать факты изменчивости языковых знаков в понятие системы и рассматривать процедуры структурно-семантического преобразования исходных единиц как часть единого процесса языкового созидания. В последние десятилетия наблюдается активизация исследований по проблемам динамической лингвистики. Процессуальное представление языковых данных утверждается как в области фонологии, синтаксиса, словообразования, текстообразования [Лосев, 1968; Соболева,

1970; Сахарный, 1974; Мурзин, 1982; Колшанский, 1983], так и в области лексической семантики [Апресян, 1974; Голев, 1989; Кудрявцева, 1993].

Основы динамического подхода к языку и к лексикону как его составной части были заложены выдающимся исследователем языка и вместе с тем философом Вильгельмом фон Гумбольдтом, который одним из первых среди лингвистов подчеркивал созидательную деятельность языка в противоположность продукту этой деятельности. "Никоим образом нельзя рассматривать словарный запас как готовую, застывшую массу. Не говоря уже о постоянном процессе образования новых слов и словоформ, словарный запас, пока язык живет в речи народа, представляет собой развивающийся и вновь воспроизводящийся продукт словообразовательной потенции, прежде всего в той своей основе, которой язык обязан своей формой, затем при выучивании языка в детстве и, наконец, при повседневном речевом употреблении. Безошибочное использование в речи необходимого в данный момент слова, несомненно, нельзя объяснить одной памятью. Никакая человеческая память не смогла бы этого обеспечить, если бы душа одновременно не содержала бы в себе некий инстинкт, представляющий ей ключ к образованию слов. Словарный запас представляет собой единое целое, поскольку его породила единая сила, и процесс этого порождения непрерывно продолжается" [Гумбольдт, 1984. С. 112].

В данном случае В. фон Гумбольдт выделяет две стороны единой динамической сущности словарного состава: внешнюю – "**продукт** словообразовательной потенции", постоянно образующиеся новые слова и словоформы - и внутреннюю – "**словообразовательную потенцию**", инстинктивно улавливаемый "ключ к образованию слов", не данные непосредственному наблюдению явления и процессы, составляющие внутреннюю динамику языка, его внутреннюю форму.

В истории отечественной лингвистики формирование процессуальной познавательной установки к явлениям языка тесно связано с работами ученых Казанской лингвистической школы, и прежде всего, И.А.Бодуэна де Куртенэ, который развивал идеи динамической синхронии, выделяя на синхронном

срезы статику и динамику и определяя статику языка как частный случай его динамики [Бодуэн де Куртенэ, 1963, II. С. 186].

Поддерживая взгляды И.А.Бодуэна де Куртенэ на динамику языка, Л.В.Щерба предлагал включать в понятие системы как языковые единицы, так и "все правила образования слов, форм слов, групп слов и других языковых единиц высшего порядка" [Щерба, 1974. С. 26]. Щербовское представление о языковой системе, вносящее в нее не только компоненты, но и правила, необходимые для создания наиболее адекватной языковой модели, наиболее полно соответствует гумбольдтовским идеям о внутренней форме языка.

Взгляды Л.В.Щербы на языковую систему оказали существенное влияние на развитие лингвистической мысли. В этой связи заслуживает внимания понимание системы Ю.Д.Апресьяном: "Множество объектов образуют систему, если они могут преобразовываться друг в друга по регулярным, достаточно общим правилам. Лексика будет представлена как система (в данном ее понимании – М.Ш.), если мы будем располагать не только словарем, описывающим ее в соответствии с определенными принципами, но и определенными правилами взаимодействия значений и правилами перефразирования" [Апресян, 1974. С. 118]. Данная точка зрения позволяет приблизиться к пониманию динамического характера лексико-семантической системы и определить место динамического фактора в системно-структурной организации лексики.

Еще ближе к решению данной проблемы подошел Д.Н.Шмелев, введя в научный обиход понятие эпидигматики, или ассоциативно-деривационного "измерения" лексики [Шмелев, 1973].

Известно, что собственная значимость каждой языковой единицы, независимо от принадлежности к тому или иному уровню, определяется ее парадигматическими и синтагматическими связями. Парадигматика и синтагматика, по образному выражению М.В.Панова, два различных мира, сосуществующие в языке и формирующих его системные отношения. "В языке действуют два ряда законов: законы сочетаемости единиц (синтагматика) и законы чередования единиц (парадигматика)" [Панов, 1997. С. 9]. Ср. также:

"Когда мы пользуемся языком, обычно не отдаем себе отчета в том, что в основе нашей речи лежат два существенных фактора, обусловленных устройством языка в целом, - выбор, обуславливающий чередование языковых единиц, и их сочетание. Как правило, мы не задумываемся над тем, что, высказывая свои мысли, сообщая о чем-либо, мы отбираем определенные слова и определенным образом сочетаем их, причем и отбор, и сочетание определяется правилами, существующими в языке" [Шмелев, 1977. С. 187]. Вместе с тем, "благодаря тому, что каждая единица лексики имеет материальную форму и смысловое содержание, она является средоточием и этих двусторонних связей, объединяющих ее, с одной стороны, с рядами формально близких слов, с другой - с теми точками "семантического пространства", с которыми так или иначе соприкасается ее собственное смысловое содержание. Таким образом, значение слова определяется деривационными (в широком смысле) и ассоциативными связями: слово находится, помимо парадигматических и синтагматических отношений, также в определенных ассоциативно-деривационных отношениях с другими словами" [Там же, С. 225].

В понятие эпидигматики Д.Н.Шмелев включает семантическую (внутрисловную) и словообразовательную производность. В работах Д.Н.Шмелева выделяются собственно семантические связи, которые представляют одну сторону (сторону содержания) внутрилексемных отношений, определяемых как ассоциативные, или деривационные (в широком смысле), и формально-лексические, представляющие другую сторону отношений между словами (сторону формы). Выделяемые данным автором две линии деривационных отношений лексико-семантических единиц тесно переплетаются, взаимообуславливаются и образуют особую ось структурной организации лексики. Наряду с парадигматической (горизонтальной) и синтагматической (вертикальной), эпидигматическая ("глубинная") ось выступает одним из способов структурной организации лексико-семантической системы языка. Различия между парадигмой, синтагмой и эпидигмой, заключается в данном случае в способах структуризации: парадигма

представляет собой определенную совокупность связанных по смыслу слов в языке как системе; синтагма как непосредственный факт текста является сочетанием единиц языка, подчиненным определенным правилам, которые объективно закреплены в языке и лишь отражаются в речи; эпидигма – это набор деривационных моделей, правил, схем образования этих единиц.

Близкое понимание парадигмы и эпидигмы содержится в следующих их определениях. "Парадигма – статическая модель как обобщенная и формализованная структура тех или иных языковых единиц, эпидигма – динамическая модель как обобщенное и формализованное представление о процессах, ведущих к образованию тех или иных языковых единиц" [Кудрявцева, 1993. С. 28]. По мнению, того же автора, решение вопроса об эпидигматике, о способах ее структурной организации, о связях с парадигматикой и синтагматикой "ведет к познанию динамической сферы лексико-семантической системы, последовательное описание единиц которой в трех названных измерениях позволит исследователю выяснить устойчивое и подвижное, стабильное и изменяющееся как целостное единство статики и динамики лексической системы" [Там же. С. 28].

Не ставя под сомнение в целом возможность статического представления языковой парадигматики и синтагматики и естественность рассмотрения ассоциативно-деривационных связей лексических единиц в динамическом аспекте, отметим, что данное противопоставление, с нашей точки зрения, носит гносеологический характер и опирается не столько на понятие основания, связанного с онтологическим планом бытия языка и его устройством, сколько с принципами его обоснования, или объяснения. Если предположить, что внутрисловная парадигма может быть представлена инвариантной - прямой номинативной – семантической единицей и противопоставленными ей вариантами – производными единицами, то данное положение само по себе допускает возможность его интерпретации как в динамическом ключе, направленном на выявление схем, моделей, правил образования путем сопоставления исходной и производной единицы, так и в традиционном статическом плане, связанном с описанием упорядоченности

ЛСВ (такой подход представлен, например, в [Кретов, 1983]). Таким образом, внутрисловная парадигма выступает в качестве микроструктуры, которая описывает, с одной стороны, совокупность ЛСВ, а с другой – результат процесса и сам процесс образования этих единиц. Иными словами, данная структура может быть представлена и как статическая, и как динамическая.

В статическом и динамическом (деривационном) аспекте можно описать и всю лексическую систему в целом. Например, в трудах Л.В.Щербы выделяются активная и пассивная грамматика, различие между которыми, по мнению ученого, обусловлено исходной точкой зрения [Щерба, 1974].

Безусловно, язык содержательно не исчерпывается только деривационными категориями. Единицы языка не только производятся, но и воспроизводятся. Устойчивость и постоянство, подчеркивающие актуализационную сторону языка, также являются его существенными свойствами [Гаспаров, 1996]. Вместе с тем, язык явление историческое и непрерывно изменяющееся: в каждое новое мгновение он другой. Поэтому справедливым является утверждение о том, что "язык переходит из одного состояние в другое с каждым новым деривационным шагом" [Мурзин, 1998. С. 246]. Оформление содержания и выражения мысли в языке связаны, в первую очередь, с деривацией. Процессы семиозиса, представляющие собой операции синтезирования смысла (не исключая также и аналитические операции) ориентируются на творческое начало в языке и направлены, прежде всего, на производство единиц языка. Говоря словами В.фон Гумбольдта, "поистине язык представляет нам не сами предметы, а всего лишь понятия о них, самодеятельно образованные духом в процессе языкотворчества; об этом-то образовании, поскольку в нем приходится видеть нечто вполне внутреннее, как бы предшествующее артикуляционному чувству, и идет у нас речь" [Гумбольдт, 1984. С. 103]. Внутренняя форма языка, о которой в данном случае идет речь, у Гумбольдта связана с процессами и способами языкотворчества, с идеей энергий.

Теоретической основой изучения деривационного измерения лексико-семантической системы русского языка, предпринятого в данной работе,

является рассмотрение языка в его целостных и живых связях как созидющего процесса, "энергейи", как деятельности. В этой связи одна из гипотез исследования заключает в себе предположение о том, что не воспроизводство единиц определяет сущность языка, а их производство, и деривационные отношения являются базовым типом отношений на всех уровнях языка, включая и уровень лексической системности. Основными способами реализации деривационных отношений в языке являются парадигматика и синтагматика. Объединенные отношениями когерентности, связанности единиц по форме и содержанию, данные типы отношений принципиально различаются по типу этой связанности. Парадигму и синтагму объединяет диалектическое единство отношений тождества и различия, определенный внутренний баланс сил, нарушение которого приводит к разрушению как синтагмы, так и парадигмы.

Синтагматика и парадигматика являются как бы абстрактной моделью речи, отражая две ее взаимосвязанные стороны. С одной стороны, "на синтагматическую ось выходит один из членов парадигмы, поэтому конститутивным признаком парадигматической группировки слов является возможность их вхождения в одну и ту же точку семантической оси с некоторыми регулярными видоизменениями смысла, но без изменения структурной схемы словосочетания или предложения" [Денисов, 1980. С.122]. Содержание языковой единицы, ее значимость, в определенной степени "является лишь как бы конденсацией употреблений" [Курилович, 1962. С. 18]. С другой стороны, "лексическая парадигматика дана в тексте в скрытом виде" [Новиков, 1982. С. 94], и значимость лексических единиц, определяемая в системе путем их взаимного противопоставления как членов определенных парадигм, является важнейшей структурной характеристикой, определяющей их непосредственное речевое взаимодействие. С одной стороны, узуальное значение есть отвлечение от бесконечного количества употреблений данного слова с другими словами, но с другой стороны, данное слово появляется именно в таких сочетаниях, а не в других как раз благодаря своему значению.

Вместе с тем данные аспекты слова именно в силу их деривационности обладают достаточной степенью автономности, что не позволяет ни вывести семантику лексемы из ее синтактики, ни полностью объяснить ее синтактику, исходя из семантики. Сравнивая ранние попытки вывести парадигматические семантические характеристики лексемы из синтагматических [Апресян, 1967; 1974; Мельчук, 1974] с более поздними попытками объяснить синтагматические свойства лексемы ее парадигматическими семантическими свойствами [Филлмор, 1981; Wierzbicka, 1988; Падучева, 1992], можно отметить, что и те и другие базируются на объективно существующей связи лексико-семантической парадигматики с синтагматикой. Ее основу составляют отношения когезии, (взаимопроникновения), приводящей к интерференции и деривации смыслов. Данное отношение может быть проиллюстрировано многочисленными языковыми фактами. К их числу относится, например, явление семантического стяжения, случаи которого весьма разнообразны и многочисленны в языке. Природа семантического стяжения достаточно прозрачна: в языковом плане это приобретение словом с определенным значением, устойчиво сочетающимся с другим словом (со своим определенным значением), значения всего словосочетания [Шмелев, 1973. С. 181].

Влияние синтагматических связей слова на его семантику проявляется не только в семантическом стяжении. Смещение значения слова может быть обусловлено тем, что слово воспринимается в составе определенного словосочетания, значение которого так или иначе окрашивает, или "заражает" (contagion), по образному выражению М.Бреала, и его собственное значение. На семантику слова влияет не только его употребление в сочетании с определенными словами, т. е. лексическое окружение, но и синтаксический контекст. Из множества причин семантических изменений, сложно переплетающихся между собой, роль синтагматических связей слова при разнообразных изменениях значений слов вообще очень существенна. Изменение сочетаемости слов, как лексической, так и нередко синтаксической, является во всех случаях наиболее объективным показателем происходящих семантических сдвигов.

М.В.Панов следующим образом подчеркивал двоякую деривационную сущность слова в контексте: "Поэтический неологизм, созданный "для удивления", конечно, закрепляет тот довесок, который дан его единственным контекстом: обычное же слово, встречающееся в тысячах контекстов, не столь податливо к требованиям данного единичного контекста – *не только подчиняется ему, варьируя свое значение, но и само создает в данном словосочетании контекст для других слов: оно и в контексте, оно и контекст*" (курсив наш – М.Ш.) [Панов, 1997. С. 66].

Функциональную сущность парадигматики тот же ученый определял как отождествление единиц – отношение единиц, чье различие обусловлено положением в разных позициях. Структура парадигм обусловлена законами чередования. Отличительной особенностью единиц, входящих в состав парадигмы, в отличие от синтагмы, является их нечленимость, континуальность [Там же. С. 14-23]. Природа данного свойства связана с тем, что в основе каждой парадигматической единицы содержится предидирующее начало, синтагма, носящая, однако, характер "глубинной", не выраженной структуры. Поэтому деривационная сущность проявляется в парадигматических связях слов не столь очевидно. Она поддается описанию в результате применения специальных методик, направленных на выявление лексико-семантической деривации: например компонентного описания сопоставляемых семантических структур и определение динамики смысловых компонентов результативного значения (по сравнению с исходным) с целью реконструкции деривационного акта.

Само свойство диалектической взаимопроницаемости синтагматических и парадигматических характеристик слова является не только предметом изучения, но и одновременно средством познания соотносительных значимостей слова. Данный принцип находится в основе дополняющих друг друга методик дистрибутивного и трансформационного анализа (см. об этом подробнее [Апресян, 1967; 1974; Мельчук, 1974; ТКС, 1984], а также методики контекстного анализа. Например, в методике контекстологического анализа, предложенной Э.В.Кузнецовой, в одном случае объектом и целью анализа

является выявление специфики значений слов-синтагм, обусловленной влиянием контекстных партнеров; в другом случае цель состоит в выявлении типовых условий реализации определенных значений слов, и компонентный анализ исходных значений слов является этапом на пути их установления (см. [Кузнецова, 1989. С.96-98]). Более подробному описанию парадигматических отношений в деривационном аспекте посвящена Глава III настоящего исследования.

Деривационный план описания языка в рамках общей динамической модели опирается на понятие деривации как процесса преобразования функции исходной единицы, ведущей к изменению данной единицы, либо к изменению значения этой единицы. Данное понятие деривации связано, прежде всего, с исследованиями Ежи Куриловича [Курилович, 1962].

В настоящее время становится очевидным, что деривационные процессы происходят на всех уровнях языка, а в деривационные отношения вовлекаются как одноуровневые, так и разноуровневые единицы. Само понятие деривации при обращении к динамическим характеристикам языка и активизации исследований в этом направлении приобретает более размытые границы. Наиболее терминологически строгой и одновременно исчерпывающей представляется дефиниция Е.С.Кубряковой, согласно которой деривация определяется как "процесс образования или результат образования в языке любого вторичного знака, т.е. знака, который может быть объяснен с помощью единицы, принятой за исходную, или выведен из нее путем применения определенных правил" [Кубрякова, 1974. С. 64].

Такая трактовка деривационных процессов выявляет универсальную значимость принципа деривации в системе языка. Об универсальности данного принципа свидетельствуют также материалы межвузовских сборников "Вопросы словообразования в индоевропейских языках" [1978; 1979; 1983; 1985; 1991] "Деривация и семантика: слово – предложение – текст [1986]; "Деривация и история языка" [1987]; "Проблемы деривации в системе языка и в речевой деятельности: синхронное словообразование и номинация [1995]; "Функционирование значимых единиц языка: детерминационные отношения в

системе и тексте" [1990]; "Детерминационный аспект функционирования значимых единиц языка: языковые и неязыковые факторы" [1993]; "Проблемы лексикографии, мотивологии и дериватологии" [1998] и другие, в которых деривационное функционирование рассматривается как сфера функционально-динамического пространства языка, охватывающего разные планы и аспекты.

При широком понимании деривации в сферу деривационных отношений на лексико-семантическом уровне языка вовлекаются все лексические единицы, сохраняющие смысловую связь с исходными для них, производящими величинами. В литературе определены универсальные признаки, характеризующие деривационные процессы [Шмелев, 1973; Кубрякова, Панкрац, 1982; Кудрявцева, 1993]. К их числу относятся моделируемый характер деривационных процессов, что позволяет анализировать деривацию в формально-содержательном плане; полная или частичная предсказуемость функционально-семантического сдвига, осуществляемого в процессе применения к исходной величине той или иной формальной операции; мотивированность производной единицы; структурированность процесса, заключающаяся в оптимальном согласовании субстанции, структуры и функции процесса и тесно связана с моделированием процесса [Кудрявцева, 1993. С. 39-40]. Универсальность данных признаков позволяет применить их к любому акту деривации, реализованному тем или иным способом. При этом проявление данных универсальных признаков при различных способах деривации представляет собой нечто особенное, в котором "сплавлены" в нерасторжимом единстве и взаимодействии как общие (универсальные), так и единичные характеристики.

Определяя статус эпидигматических отношений (по Д.Н.Шмелеву) в общей лексико-семантической системе языка, рассматриваемой в деривационном контексте, мы придерживаемся в данном случае той же диалектики общего – особенно – единичного, которая касается любого другого способа реализации деривационного отношения в лексике. С нашей точки зрения, эпидигматика не противопоставлена парадигматике и синтагматике как особенное – деривационное – измерение лексики, поскольку вписывается в

систему как синтагмо-парадигматическое проявление внутренней формы слова на уровне словаря, обеспечивающее реализацию деривационной функции слова в речи. На уровне эпидигматики деривационная сущность синтагмо-парадигматического плана лексики выражается в наиболее специализированной форме. Эпидигматика вписывается в парадигматику и синтагматику как особый способ реализации деривационных отношений в лексике. Собственно семантические (внутрилексемные) и формально-лексические отношения, представляющие собой две стороны эпидигматических отношений, встраиваются в модели образования новых лексико-семантических и лексических единиц, которые имеют либо парадигматическую, либо синтагматическую направленность. Идея о возможности осуществления классификации типов внутренне мотивированных лексико-семантических (внутрилексических) и лексических (между словами) трансформаций с опорой на понятия лексической парадигматики и синтагматики первоначально была высказана Р.О.Якобсоном (см. обобщение позиции Якобсона в работе Р.Барта [Барт, 1975. С. 140], затем также в [Журавлев, 1982; Кудрявцева, 1993]. Интуитивно осознаваемая связь двух векторов эпидигматического развития слова с двумя основными способами системности (в данном случае на лексико-семантическом уровне) может свидетельствовать, с одной стороны, о когерентном, согласованном протекании всех деривационных процессов в лексико-семантической системе, и, с другой стороны, о некогерентности, возникающей при реализации деривационного отношения тем или иным способом.

В подтверждение нашей точки зрения рассмотрим отличительные свойства эпидигматики, по сравнению с парадигматикой и синтагматикой, которые обычно приводятся при обсуждении данной проблемы. Исследователи эти отличия видят в том, что "дериватика лежит в совершенно иной плоскости категориальных семантических переходов, и ее единицы - словообразовательный тип и эпидигматический тип регулярной полисемии". И далее: "словообразовательное гнездо имеет цепочечный характер иного рода. Словообразование естественным образом связано с "семантическим

словообразованием", что дает возможность говорить об особых разновидностях лексических групп: о деривационных гнездах. Их главное отличие от семантических полей состоит в том, что они, во-первых, являются контрастным фоном противопоставления только на уровне глубинного синтаксиса и семантики, во-вторых, относятся к семантическому потенциалу языка, составляя в нем базу дальнейших номинаций, окказионально возникающих производных слов, окказиональных употреблений слов, понятных в контексте и конситуации именно на фоне основного и второстепенных значений переосмысляющегося слова" [Денисов, 1980. С. 123].

Нам представляется, что в перечисленных свойствах дериватики (эпидигматики) содержатся такие, которые явным образом не противопоставляют ее парадигматике и синтагматике. Вместе с тем, автор, указывает и на такие свойства, которые выделяют деривационные отношения в ряду других, и это связано с особой формой их выражения. Прокомментируем сказанное.

Мысль о естественной связи словообразовательной деривации с семантической в контексте соотнесенности с проблемой выделения эпидигматики в качестве самостоятельного измерения лексики подчеркивается и Д.Н.Шмелевым: "Способность слова вступить одновременно в различные лексико-семантические парадигмы (а соответственно в синтагматические сочетания с другими словами), находит соответствие и в деривационном разветвлении данного слова" [Шмелев, 1973. С. 199]. Вместе с тем, особенности семантических отношений внутри слова определяют не только деривационные возможности слова. Истоки семантического развития слова, часто весьма противоречивого, реализуются затем на уровне межсловных и синтагматических связей [Сергеева, 1984. С. 23]. И в этом смысле дериватика не противопоставлена парадигматике и синтагматике, а, напротив, объединяется с ними. Синтагматические, парадигматические и деривационные значения определяются отношениями данного знака к другим знакам внутри знаковой системы и образуют совокупность их реляционных свойств (значимостей), существующих наряду с абсолютными свойствами (Ф. Соссюр).

На основании данных свойств и отношений выделяются соответствующие аспекты лексико-семантической структуры языка. С этой точки зрения, словообразовательная "ось" лексико-деривационных отношений противопоставлена другой "оси" в рамках эпидигматики - внутрилексемным семантическим отношениям (эпидигматике в узком смысле слова). Эта противопоставленность возникает вследствие того, что результатом семантической деривации является, как правило, появление качественно новой дискретной номинативной единицы. Словообразовательная деривация осуществляется на базе семантической деривации и в тенденции направлена на преобразование категориальной семантики исходного слова, выраженной особой словообразовательной формой. Ее механизм состоит в восприятии конкретного вещественного значения исходного слова и придании ему той или иной категориальной оформленности.

Особенность деривационных полей, заключающаяся в том, что они "являются контрастным фоном противопоставления только на уровне глубинного синтаксиса и семантики" (П.Н.Денисов), также не представляется нам отличительной. Идеи о глубинных / поверхностных структурах и производности предложений, высказанные Н.Хомским, с начала 70-х годов приобретают в языкознании характер универсального принципа языка в целом, и его словарного состава в частности [Филлмор, 1981; 1981a; Гак, 1973; Сильницкий, 1973; Янценецкая, 1983; 1992; Панкрац, 1992; ЯиСПЗ, 1992; Кубрякова, 1994; 1998б; СПЗвЯ, 1994; КСКТ, 1996; Лебедева, 1999]. М.Н.Янценецкая, делая обзор работ сибирских дериватологов, писала: "Если исходить из того, что пропозициональный подход характеризуется универсальностью и показывает способ мышления и организации человеческого сознания, то следует признать, что язык "ориентирован" на пропозицию, которая является смысловой основой языковых единиц разных уровней. Это означает, что структура пропозиции, ее компоненты и характер связей между предикатом и его аргументами находит отражение не только в синтаксических предикативных единицах, но и в морфологических формах, словообразовательной структуре и лексической семантике, хотя и в

специфическом, "свернутом" виде [Янценецкая, 1992. С. 4]. Наиболее полное выражение пропозиция получает в актуализированных синтаксических конструкциях, в остальных случаях наблюдается та или иная степень ее компрессии. Поэтому различия между пропозициональным смыслом, выраженном в предложении и заложенном в семантической структуре производного слова, заключаются в степени его репрезентативности на уровне формы. Если в поверхностной структуре предложения смысловые компоненты пропозиции стремятся быть выраженными в полном объеме, а реальная полнота/неполнота носит коммуникативный характер, то в семантической структуре производного слова пропозициональная структура представлена в рамках того или иного мотивационного аспекта (компонента пропозиции). Поэтому степень определенности, с которой пропозиция отражается в семантике слова, может быть разной.

Идея о пропозициональной природе языковых единиц становится актуальной на новом этапе развития лингвистической мысли, связанном с развитием когнитивной лингвистики. В рамках когнитивного направления в изучении языка, в фокусе внимания которого - "описание и объяснение внутренней когнитивной структуры и динамики говорящего-слушающего" [Демьянков, 1994. С. 22], языковые формы репрезентации различных структур знания, пропозициональные модели находятся в центре исследовательской парадигмы. Эксплицитно или имплицитно они признаются в концепциях ученых, стоящих на противоположных позициях в рамках самых разных когнитивных теорий, в большей степени, в рамках экспериенциального реализма, обращающегося "к обыденному сознанию и естественной логике событий, к принципам восприятия и осмысления мира в ходе его предметно-наглядного познания и т.п". [Кубрякова, 1992. С. 84]. Когнитивный подход позволяет уточнить понятие пропозиции за счет более полного вовлечения в сферу анализа принципов восприятия мира: все внешние события, объекты, явления воспринимаются в их взаимодействии, взаимоотношениях, в их связях. Эти связи имеют место между разными сущностями, а представления о связях или отношениях между объектами формируются наряду с представлениями о

самих объектах и порождают особый тип репрезентации знаний – пропозициональный (D.Norman; D.Rumelhart).

В когнитивной науке пропозиция рассматривается в качестве структуры сознания, единицы хранения знания, единицы, представляющей мир и выступающей в виде определенной формы его репрезентации в языке. В наиболее общем виде многие ученые разделяют определение пропозиции, как отражающей некие онтологически существующие отношения между предметами или предметом и его свойством и осмысленные как таковые в голове человека [Кубрякова, 1986]. Понятие пропозиции используется для репрезентации концептов глаголов и имен и соотносится на более глубинном – денотативном - уровне с понятием полиситуативной структуры - ситуатемы [Лебедева, 1999]. По мнению данного автора, полиситуативность, отражая онтологический план содержания языковой единицы, ассоциируется с лингвистической единицей и проявляется на всех уровнях ее системной организации (лексико-грамматическом и лексическом; морфемно-деривационном; синтагматическом) [Там же. С. 241].

Из всего сказанного следует, что непрямая и производная лексика не контрастирует на уровне глубинного синтаксиса и семантики. Их различия находят отражение на поверхностном уровне реализации: у производных слов проявляются в формировании особого рода значимостей, связанных с особой (внутренней и внешней) формой репрезентации глубинного содержания в слове (парадигматический аспект) и особым – деривационным-функциональным в тексте (синтагматический аспект).

Д.Н.Шмелев, вычлняя вербальные ассоциации, лежащие в основе деривационно связанных слов, и противопоставляя их другим видам словесных ассоциаций, видел их отличительные особенности прежде всего в актуализации внутренней формы слова как его особой деривационной значимости. Ученый выделял два типа такой актуализации. Первый случай связан с фактами осознания внутренней формы слова носителями языка. Такие факты мы находим в метаязыковых текстах, в которых лексическая семантика толкуется путем указания на собственно языковые связи слов [Шмелев, 1973.

С.197-199; а также: МДС, 1984; Блинова, 1984; 1995; Блинова, Ростова, 1985; Янценецкая, 1991; Ростова, 2000; Катышев, 2000; Глотова, 2003].

Детерминационные отношения, формально выраженные в деривате, также могут проявить себя в случае "оживления" деривационных связей при семантизации нового, непривычного, с точки зрения обычного восприятия, слова. "Новые слова, которые возникают перед нами, мы стараемся как-то соотнести с уже знакомыми нам единицами языка"; "чаще всего единственным путем к этому бывает выяснение мотивированности слова разложением его на составляющие его элементы, которыми определяется его значение, или обнаружением тех дифференциальных признаков известного нам значения этого слова, которое легло в основу его нового для нас смыслового применения" [Шмелев, 1973. С.202-203]. Роль внутреннего контекста (словообразовательной структуры слова) при осознании незнакомого слова получила всестороннее описание и экспериментальное подтверждение в [Сахарный, 1985].

Внутренняя форма, являясь основой межлексемных мотивационных отношений, может выполнять системообразующую роль, оказывая влияние на парадигматические и синтагматические связи производных слов и их соотношение. С одной стороны, словообразовательные компоненты слова, после его возникновения уходят в тень, на периферию семантики и морфемной структуры производной единицы, "предоставляя ему тем самым возможность функционировать по принципу неприводной единицы" (М.Н.Янценецкая). В обиходной практической речи звучание таких слов часто не замечается (чем привычнее слово, тем меньше обращается внимания на его звуковую сторону). Идиоматичность слова как бы поглощает мотивированность его значения. В этом смысле слово вполне оправдывает свое определение как "единицы наименования, характеризующейся цельюформленностью и идиоматичностью" [Шмелев, 1977. С. 53]. Вместе с тем, детерминационные отношения, формально выраженные в деривате, могут проявить себя в определенных условиях его функционирования. Пример Д.Н.Шмелева со словом *проливной (дождь)* (от *пролиться и пролить* - "выпасть, пройти (о

сильном дожде)" является одним из многочисленных фактов, свидетельствующих о том, что живая внутренняя форма (мотивированность) в условиях особой парадигматической противопоставленности способна актуализироваться и взаимодействовать с актуальной лексической семантикой, перейти в разряд актуальной деривационной значимости и тем самым оказывать влияние на парадигматическую закреплённость слова и ее синтагматическую реализации.

Внутренняя форма является тем компонентом, который несет в себе следы образования слова и одновременно ставит его в систему синхронных связей и отношений между единицами. Система внутрилексемных и межлексемных мотивационных отношений отражает существующие в языке типы и принципы номинации и вследствие этого составляет базу семантической и формально-семантической деривации. "Внутренние формы слов, формирующие и в то же время реализующие типы номинации, продуктивные на современном этапе развития (...), выполняют функцию межлексемных связей, поддерживают, питают и собственно словообразовательные отношения и, в свою очередь, порождаются ими" [Янценецкая, 1991. С.63-64]. Номинативная и словообразовательная функции, опирающиеся на деривационную структуру производного слова, в реальном речевом функционировании, подчиняясь внутритекстовой детерминации, либо поддерживают друг друга, либо проявляются относительно независимо. Имея свою специфику, деривационное функционирование отнюдь не растворяется в номинативном.

Специфика деривационного функционирования слова обусловлена тем, что "лексическая деривация, как и любой другой тип деривации, в конечном счете, удовлетворяет потребность в построении текста" [Мурзин, 1984. С.43]. Цели и механизмы лексической деривации в тексте органически включены в цели и механизмы порождения всего данного текста, в котором конкретные речевые ситуации и контекст широко используются в качестве естественных суппозиций и мотивов новообразования. "Деривационное функционирование слова в тексте включено в процессы самодетерминации текста, когда одни

элементы как бы сами "тянут" за собой другие, и это обстоятельство делает номинативную функцию как бы пусковым механизмом имманентных текстовых процессов. (...) Эти протяженные смыслы и формы, которыми пронизан текст, создают особый срез его системности, отражаемый в словаре, а через его опосредование и в языковом сознании, например, в факте словесных ассоциаций по форме, которая способна "притягивать" одно слово к другому почти так же, как семантика" [Голев, 1998.с.72-73]. Протяженность формы и семантики лексических единиц в пределах лексико-деривационного ряда в тексте носит ярко выраженный синтагматический характер. Деривационная (словообразовательная) функция эпидигматов в тексте и определяет ту специфику, которую они обнаруживают и в рамках системы наряду с другими отношениями слов.

Признание порождающих способностей текста включает в сферу внимания исследователей в области словообразования и деривационной лексикологии вопрос о системной языковой базе такого порождения. Исследования функциональной направленности формы и значения слов показали, что, имея пропозициональную структуру в качестве своей смысловой основы, словесные единицы репрезентируют ее на поверхностном синтаксическом уровне текста (актуализируя тот или иной ее компонент) в том или ином аспекте в зависимости от занимаемой синтаксической позиции [Резанова, 1996].

Подводя итоги, отметим, что эпидигматика не образует самостоятельной оси системности в лексике, которая существовала бы наряду с парадигматикой и синтагматикой по принципу дополнительности. Данные отношения встраиваются в парадигматические и синтагматические отношения как специфическая их разновидность, выделяемая на основании содержания детерминационности (деривационной зависимости) и ее формальной выраженности во внутренней форме слова. Причем эта специфика настолько очевидна и выразительна, что имеет смысл говорить о "эпидигматической" парадигматике и синтагматике как о двух взаимообусловленных структурах.

Системообразующая функция эпидигматов обнаруживает свою специфику в рамках общей лексико-семантической структуры языка только при рассмотрении ее в единстве с деривационной функцией. Деривационное функционирование слова, многообразно проявляющееся в языке и речи, в данном случае, заключается в активном участии внутренней формы слова при его употреблении, т.е. в использовании формальных суппозиций слова при выборе лексической единицы в тексте. Функциональная ось эпидигматики определяет системный план лексики: отношения, базирующиеся на деривационных связях слов в словаре. Словарная и функциональная оси системности органически связаны между собой: системно-эпидигматическая организация текста во многом формируется как реализация словарной эпидигматики, а пополнение и структурирование эпидигматических отношений в словаре осуществляется через текстовую эпидигматику.

1.4. Типы деривационных лексических оппозиций

Исходя из задач нашего исследования, основным объектом в работе являются слова, связанные деривационными отношениями. При широком понимании лексической деривации, которое было заявлено в предыдущем параграфе, следует более подробно остановиться на разновидностях, которые попадают в общий круг деривационных отношений в лексической системе, и отдельно оговорить те виды отношений, которые будут объектом непосредственного наблюдения при описании системы в данном исследовании.

На основе деривационной функции эпидигматов формируется особая область парадигматических отношений мотивационно связанных слов - смысловые парадигмы с отношениями мотивации, представляющие собой опредмеченные деривационные процессы. Данные парадигматические отношения, в свою очередь, реализуются в речевых деривационно-мотивационных процессах. Отношения, закрепленные в эпидигматической парадигматике языка, являются одним из главных факторов, обеспечивающих реализацию деривационной функции слова в тексте.

Область деривационных отношений в лексике в лингвистической литературе обычно рассматривается как внутренне цельная [Шмелев, 1973. С. 191]. Мы полагаем, что деривационный план лексической системности формируется не только за счет интеграционных тенденций, но и благодаря дифференциальным процессам. Системная деривационная парадигматика представляет собой поле с неравноценными в семантико-функциональном отношении участками, взаимодействие и противопоставленность которых образуют особого рода значимости, преобразующие деривационное поле в целом в динамическую, перестраивающуюся и подстраивающуюся, подвижную структуру. В связи с этим, одна из важнейших исследовательских задач состоит в том, чтобы выявить основные участки системной эпидигматики, которые, находясь в отношениях семантико-функционального взаимодействия и противопоставленности, обеспечивают действенный механизм самодвижения и саморазвития данной системы. Проблема соотношения (семантико-функционального взаимодействия и дифференциации) основных деривационных сфер языка находится в общем контексте нерешенности вопроса о месте деривационных отношений в языке.

Наше понимание места деривационных отношений в лексической системе сближается с позицией Н.В.Крушевского, который рассматривал эти отношения в ряду с другими системными отношениями слов по линии формальной и семантической соотносительности [Крушевский, 1998]. Как было отмечено в предыдущем параграфе, эпидигматические отношения не являются равноправным членом в ряду парадигматика / синтагматика / эпидигматика, а встраиваются в парадигматические и синтагматические отношения как их специфическая разновидность, выявляемая по содержательным и формальным основаниям, как особая осложненная форма проявления парадигматики и синтагматики. Осложненность проявляется в дополнении их формальной семой (образованием или актуализацией ВФС) и детерминационной семой (обусловленностью выбора или создания мотивата формой и семантикой мотиватора). Детерминационность, сохраняясь в той или

иной мере в отношениях словарных единиц, обнаруживается в связи с деривационным функционированием лексики.

Потенциал деривационного поля слова в силу его бесконечной смысловой и формальной валентности, весьма значителен. В сферу отношений деривационного типа включаются оппозиции слов, связанных отношениями семантической деривации, формально-семантические отношения исходного слова со всеми производными словами в гнезде, все типы парадигматических и синтагматических отношений связей однокоренных слов, образующих деривационное (лексическое) гнездо слов, а также детерминационно-деривационные отношения между разнокорневыми словами (не имеющие выражения во внутренней форме слова).

Смысловые парадигмы с отношением мотивации отличаются от немотивационных парадигм неравенством членов, выводимостью одного из них. Это проявляется в наименовании их членов: в мотивационных парадигмах говорят о мотивирующем члене и мотивате. Мотивационные парадигмы, как и другие разновидности смысловых парадигм, могут быть разной степени сложности и комплексности.

Объединяясь свойством мотивационной связанности, члены деривационных парадигм образуют, как уже отмечалось, внутренне дифференцированную (по другим основаниям) область отношений. Центральной оппозицией лексической деривации, организующей всю лексико-деривационную систему, является противопоставление двух ее форм - семантической и формальной (словообразовательной).

Семантические дериваты - лексико-семантические варианты - представленные формально одной лексемой и внутренне связанные, образуют структуру лексического значения или смысловую структуру слова. Такая структура основывается на различных взаимосвязях ЛСВ: функциональных ("первичная - вторичные функции"), компонентных (для некоторых видов полисемии - общность сем) и ассоциативных. Ассоциативные связи, психологические по своей природе, выступают в языке как семантическая мотивированность лексико-семантических вариантов. Связность, или

семантическая мотивированность, значений слова проявляется в их способности обнаруживать непрерывную последовательность или общность внутренних форм [Виноградов, 1972; Звегинцев, 1960; Шмелев, 1973; Новиков, 1982]. Понятие семантической мотивированности как общности и непрерывности внутренних форм ЛСВ является центральным при анализе структуры лексического значения. "Различная степень близости ЛСВ, реализующих вторичные функции, подсказывают логику связи частных значений слова на основе раскрытия их внутренних форм" [Новиков, 1982. С. 163; см. также Беляевская, 1987].

Выделяют два основных вида конфигурации ЛСВ в семантической структуре лексемы: радиальный (иррадиация) и цепочечный (конкатенация). В большинстве случаев в многозначных лексемах реализуется смешанная - радиально-цепочечная конфигурация ЛСВ. Следует отметить, что семантическая соотнесенность, особенно на синхронном уровне, ощущается не только между двумя отдельными ЛСВ, но и между несколькими ЛСВ одновременно. В этом находит отражение принцип "диффузности значения" (Д.Н.Шмелев, Ю.Д.Апресян). С другой стороны, связь между ЛСВ с мертвой внутренней формой (О.И.Блинова) и всей остальной семантической структурой не всегда ясно ощущается.

Элементарная *словообразовательная мотивационная парадигма* - словообразовательная пара - объединяет производное и производящее слова. Более сложные парадигмы этого типа объединяют:

1) пары таким образом, что каждый их член, кроме исходного, одновременно является и производным и производящим; данный вид парадигм именуется словообразовательными цепями или цепочками [Земская, 1999. С. 391; Тихонов, 1985. С. 41; Гейгер, 1986. С.12];

2) кодериваты одного производящего, называемые словообразовательной парадигмой (в узком смысле) [Земская, 1999. С.392; Тихонов, 1985. С. 41];

3) цепи и парадигмы, образующие вместе словообразовательное гнездо [Земская, 1999. С.416; Тихонов, 1982; 1985].

Поскольку все комплексные мотивационные парадигмы формируют мотивационные пары, характер формальных отношений в смысловой мотивационной парадигме обычно демонстрируется на них. Наиболее распространенными являются отношения формального сходства при совпадении корня и расхождении в аффиксальной части. Они имеют место в классических мотивационных парадигмах, которые составляют основной объект словообразования и описываются в словообразовательных словарях (см. например: [Тихонов, 1985]).

При неохарактеризованности формальных отношений членов мотивационной парадигмы говорят о супплетивном словообразовании [Балли, 1955; Мельчук, 1972; Апресян, 1974]; к этому, вероятно, можно добавить случаи с неполным супплетивизмом (*расследовать - следователь; вносить - взнос; выйти - выходить*); случаи радиальной мотивации типа ("*бавить*" - *прибавить, добавить, "перебавить"*); дериватов со смещенной в плане взаимоотношений формы и семантики мотивацией (*живот/брюхо - брюшной пресс; большой/великий - великоватый размер*) [Голев, 1998. С. 73-74]. Супплетивные мотивационные парадигмы можно рассматривать как разнокорневую реализацию типовых мотивационных парадигм (см. об этом далее в Главе II). Русский язык располагает большим количеством мотивационных супплетивных парадигм, существенно расширяющим границы деривационного поля слова и лексико-деривационной структуры языка в целом.

Классические мотивационные (словообразовательные) парадигмы симметричны: большая смысловая сложность деривата соответствует его большей формальной сложности. Случаи нарушения этой симметрии при незыблемости корневого тождества описаны в [Мельчук, 1967; 1968; 1969; Земская, 1973. С.69 - 76; Янценецкая, 1982. С. 120 - 124; 1984]. В парадигматической систематике приоритет классических однокорневых парадигм является своеобразным гарантом парадигм асимметрических. В ССРЯ асимметричные парадигмы не фигурируют. Однако по свидетельству дериватологов, "лексические мотивационные связи, не совпадающие со

словообразовательными, обладают потенциальной способностью служить схемой построения новых слов" и являются одним из "важных факторов, ведущих к изменению словообразовательной системы" [Янценецкая, 1984. С. 16, 17]. Поэтому гнездовой словарь с их участием мог бы продемонстрировать "соотношение и специализацию разных типов словообразования и их конкуренцию в отдельных клетках деривационных парадигм" [Шмелева, 1987. С.14].

Что касается направленности мотивационных отношений между однокорневыми словами, возникающих в текстах, то она согласуется с типом их включенности в глобальный и непрерывный деривационно-мотивационный процесс. Этот процесс относится к ведению особого раздела лексикологии, предметом которого выступает деривационное функционирование слова и системное описание текстовой деривации. К изучению данного предмета, по свидетельству самих дериватологов, деривационная лексикология еще только подступает [Голев, 1985; 1998; Гусар, 1995; Трубникова, 1997 и др.].

Предметом деривационной лексикологии являются не только мотивационные отношения классического типа. В деривационном ключе могут быть рассмотрены также парадигматические и синтагматические связи разнокорневых слов. Классическими мотивационными парадигмами являются пары однокорневых антонимов. Среди антонимов регулярны однокорневые пары: *весело - невесело; конечный - бесконечный; подход - отход; загадка – отгадка*. Парадигмами принципиально того же типа являются пары разнокорневых антонимов, так как они легко могут быть истолкованы друг через друга (пассивность - отсутствие активности) (см., например, в [Шмелева, 1987. С.13-14].

К числу отношений деривационного типа относятся многочисленные случаи иных парадигматических связей слов. Так, функциональные эквиваленты лексем, образующие синонимические пары и ряды слов, могут быть интерпретированы как парадигмы лексических вариантов, связанных единством семантических функций [Кузнецова, 1989. С. 128]. Элементы этих рядов неравноправны: в них, как правило, имеются слова-доминанты, с

которыми соотнесены все другие члены ряда. Роль доминантной лексемы в чем-то аналогична роли основного значения во внутрисловной семантической парадигме многозначного слова или роли мотивирующего слова в паре мотивационно связанных слов. Доминантой является, как правило, наиболее употребительная и нейтральная лексема, выступающая в основном значении, наиболее приспособленная к выполнению семантической функции, которая объединяет слова-синонимы. Остальные члены синонимического ряда могут быть рассмотрены по отношению к доминантной лексеме как лексические (семантические), стилистические, разного рода контекстуально обусловленные дериваты. Тем самым, синонимия может и должна рассматриваться в аспекте семантико-деривационного развития слова, понимаемого как появления у слова новых значений на основе уже существующих в процессе функционирования слова в лексической системе языка.

Введение в сферу деривационных отношений в лексике таких пар слов, в которых мотивационно-деривационные отношения не находят отражение в формальной структуре слова, а выражаются на уровне детерминационных сем – особого рода значимостей, появляющихся у слова в его парадигматических связях и проявляющихся в особенностях его семантико-синтаксического функционирования, значительно расширяет границы самой лексико-деривационной системы и усложняет принципы ее структурной организации.

Само понятие "рамок" или "границ" деривационного поля слова в пределах одного языка также является достаточно условным, так как объективной реальностью являются деривационные связи между словами, относящимися к различным диалектным и специальным сферам в общенациональном языке, а также между словами, относящимися к разным языкам. Общефилософский подход В.фон Гумбольдта к языку как "самодостаточному, самодостаточному и божественно свободному" организму (без сковывающей зависимости от народов), нашедший отражение в лингвистике языкового существования [Гаспаров, 1996], а также у многих других авторов в идеях равноценности, универсальности, тождественности языкового мира [Гадамер, 1988; Гаспаров, 1996; Лотман 2000], подтверждается

на конкретном материале фактом универсальности принципа деривации в межъязыковом пространстве [Голев, 1989; Морозов, 2001; Сайкова, 2002]. С этой точки зрения, иноязычная лексика также может быть включена в пределы деривационного исследования¹. Само вхождение слова в систему другого языка можно рассматривать как один из этапов его деривационного функционирования в иной семиотической среде по сравнению с языком-источником.

Семантико-функциональное описание лексико-деривационной системы русского языка в полном объеме, в особенности, с учетом возможности ее выхода в интра- и транслингвальное пространство, является одной из перспективных (и проспективных) задач деривационной лексикологии. Вместе с тем для выявления общего механизма языкотворчества в области лексической системы, описания семантико-функциональной направленности ее основных сфер нам представляется необходимым и достаточным описание фрагмента данной системы. В этой связи хотелось бы привести суждения о природе познания и задачах лингвистического исследования, высказанные В.фон Гумбольдтом: "Как бы мы ни фиксировали, как бы мы ни выделяли, как бы мы ни дробили, ни расчленили в языке все то, что в нем воплощено, все-таки многое в нем остается непознанным, и именно здесь скрывается загадка единства и одухотворенной жизненности языка. Ввиду этой особенности языков описание их формы не может быть абсолютно исчерпывающим, но оно достаточно, чтобы получить о языке общее представление. Таким образом, понятие формы открывает исследователю путь к постижению тайн языка, к выяснению его сущности. Пренебрегая этим путем, он непременно проглядит множество моментов, и они останутся неизученными; без объяснения останется и масса фактов, и, наконец, отдельные факты будут представляться изолированными там, где в действительности их соединяет живая связь" [Гумбольдт, 1984. С. 72].

В диссертационном исследовании представлен фрагмент целостной системы, охватывающий внутрисловные и межсловные эпидигматические отношения, носящие формально выраженный характер, а также представлено

описание в деривационном аспекте парадигматических (синонимических и омонимических) отношений однокорневых слов. Включение в Главу II параграфа, посвященного супплетивам, вызвано стремлением полнее представить деривационный потенциал слова и продемонстрировать расширительное понимание самого явления супплетивизма с позиций представленной здесь деривационной концепции. Вместе с тем супплетивная деривация специальным предметом исследования в данной диссертации не является.

1.5. Деривационное пространство слова

В современную концептуальную лингвистическую парадигму входит понятие пространства языка, значимость которого состоит в том, что "описание языковых категорий и всей языковой системы как особых пространств со специфической для них стратификацией и структуризацией, в разных системах координат и с разными единицами измерения, с определением места того или иного явления в системе координат или общем признаковом пространстве языка вполне отвечает новым представлениям о сути языка и эффективных методах анализа" [Кубрякова, 1997. С.13]. Пространство деривационных связей слова также многомерно. В данном параграфе содержится описание нашего представления о модели деривационного пространства слова: представленных здесь форм и отношений деривационного функционирования слова. Эти отношения рассматриваются нами как одна из важнейших составляющих деривационного потенциала слова, под которым подразумевается его готовность быть производящим (перспективное функционирование) и быть произведенным (ретроспективное функционирование).

Наша работа находится в русле построения модели "тождества слова" в рамках его стремления к бесконечному варьированию. Постановка и первичная разработка этой проблемы содержится в статье В.В.Виноградова "О формах слова", в которой он предлагает "различать два понятия и два термина - слово и лексема, т.е. лексическая единица языка, как система форм и функций, осознаваемая на фоне структуры языка в целом, или форма слова и слово"

[Виноградов, 1975. С.37]. Слово как единица лексической системы имеет, таким образом, два статуса. Во-первых, статус самостоятельной номинативной единицы, отвлеченной от реальных функций в предложении. Во-вторых, статус синтаксического слова, элемента текста, в составе которого слова, соединяясь друг с другом, участвуют в создании и выражении общего смысла текста. В связи с этим уместно привести слова А.М.Пешковского: "...Мы должны различать два образа: один, возникающий у нас при произнесении отдельного слова, и другой - при произнесении того или иного словосочетания с этим словом. Весьма вероятно, что первый есть лишь отвлечение от бесчисленного количества вторых ... это "отвлечение" не есть плод научных размышлений, а живой психологический факт, и он может даже вопреки действительности, представляться как первосущность, а конкретные образы слов в словосочетаниях как модификации этой первосущности" [Пешковский, 1959. С.93-94].

С позиций осуществляемого нами подхода важным является понимание "тождества слова" и соотнесенности с ним понятия формы слова. "Сознание тождества слова покоится на понимании его семантического единства в многообразии его мыслимых видоизменений, а эти видоизменения выражаются не только в морфологическом облике слова, но и в различиях его синтаксических связей и функций" [Виноградов, 1975. С. 47]. Придавая понятию формы такое расширенное значение, В.В.Виноградов видел различие форм слова не только в разновидностях морфологической структуры, но и в разнообразии так называемых лексических форм. Выявленный ученым набор лексических форм, в своем составе содержит: 1) синтетические и аналитические формы словоизменения; 2) фономорфологические варианты слова; 3) этимологические варианты слова; 4) лексико-стилистические варианты слова; 5) лексико-синтаксические варианты слова; 6) лексико-фразеологические варианты. Думается, что к данному набору вариантов можно причислить еще одно звено, которое можно было бы назвать "морфодеривационными вариантами" или "формами" слова. Тем более, что косвенное указание на это содержится в словах самого ученого, который полагал, что

"область формообразования относится к морфологии слова, а область словообразования - к морфологии лексемы" [Там же. С. 38]. К этому следует добавить и расширение у В.В.Виноградова понятия формы слова "за счет" словообразования (в современном понимании его границ) в связи с квалификацией им явлений типа модификационного словообразования именно как форм (ср. формы субъективной оценки: *пузырь* - *пузырек*, *щей* - *щеи*; *хороший* - *хорошенький* или родовых форм: *волк* - *волчица*). К формам слова ученый относит также широкий круг суффиксальных, префиксальных и префиксально-суффиксальных глагольных и адъективных дериватов (*засесть* - *заседать*, *бледнеть* - *побледнеть*, *дичать* - *одичать*, *покинуть* - *скинуть*, *гулять* - *нагуляться*, *сидеть* - *наседеться*; *скверный* - *прескверный*; *добрый* - *предобрейший*); глагольных и субстантивных дериватов, образованных посредством "внутренней флексии" или звуковых чередований, чаще всего в связи с суффиксацией (*села* - *села*; *заподозрить* - *заподозривать*, *заходить* - *захаживать*, *нести* - *носить*). Все приведенные здесь примеры содержатся в той части работы, в которой В.В.Виноградов характеризует основные способы образования форм слов, без разделения их на морфологию слова (формообразование в современном его понимании) и морфологию лексемы (словообразование). Хотя выделение и в определенном смысле сближение (по подбору примеров) данных сфер варьирования слова В.В.Виноградовым заявлено как исследовательская проблема.

Таким образом, слово представляет собой систему сосуществующих, обуславливающих друг друга и функционально объединенных форм, каждая из которых связана со строго определенными, оправданными языковой структурой контекстами употребления. Стремясь к максимальному сохранению классификационных основ при характеристике различных форм слова, принятых В.В.Виноградовым, мы выделяем в деривационном пространстве слова четыре основных сферы, которые условно могут быть названы следующим образом: сфера фонетического варьирования, сфера морфологического варьирования, сфера словообразовательного варьирования и сфера лексического варьирования.

При описании вариативности языковых единиц представляется более целесообразным исходить из выделения не инварианта, противопоставленного вариантам, а константных признаков единицы, противопоставленных ее вариативным признакам. Константная и вариативная зоны могут быть выделены на основании множества конкретных реализаций. Константная зона при этом понимается не как некая абстрактная общность, связывающая все варианты (инвариант), а как "конкретный набор характеристик объекта, остающийся неизменным при всех его модификациях в реальных условиях употребления" [Беляевская, 1987. С.87]. Константность и вариативность характеризуют любую единицу как элемент системы. Каждый вариант включает в себя все константные конститутивные признаки, а также часть вариативных из общей зоны вариативности, что и составляет индивидуальную специфику каждого варианта. Наличие константной и вариативной частей единицы является обязательным, хотя соотношение данных признаков может быть различным.

Применение принципа константности - вариативности к содержательной стороне слова предполагает выделение константной и вариативной частей значения. Изучение процессов деривации позволяет заключить, что в самом процессе деривации формируется не только способность содержательной стороны слова к гибкости и вариативности, но и способность к определенной устойчивости. Константность семантики не только обеспечивает тождество единицы, но также определяет пределы варьирования: расширение зоны вариативности возможно лишь постольку, поскольку оно не нарушает стабильности константных признаков. В каждой сфере деривационного варьирования слова обнаруживается свой характер константно-вариативных отношений, к описанию которого мы и переходим.

Сферу фонетического варьирования образуют все видоизменения слова (точнее было бы сказать, корневой морфемы или основы слова в качестве представителя целого слова) в речи, обусловленные действующими в языке фонетическими закономерностями. Изменение звучания связано с позицией звука и не меняет состава фонем в морфеме (основе), который является в

данном случае константой. Например: н[о]с // за-н[ъ]с // А-но[с']ь. Термин *фонетическое слово*, которое обычно употребляется для обозначения самостоятельного слова вместе с примыкающими к нему безударными служебными словами и частицами (см. два последних варианта в приведенном примере) [Розенталь, Теленкова. С. 512], в рамках нашей модели можно было бы распространить на всю совокупность фонетических вариантов корневой морфемы (основы) в пределах данного слова.

Сферу морфологического варьирования слова составляет совокупность его грамматических форм, служащих для выражения грамматического значения. Единство слова в данном случае организуется прежде всего его лексико-семантическим стержнем, который является общим (константным) у всех его грамматических форм. Лексему как совокупность грамматических форм слова можно дифференцировать терминологически и обозначить *морфологическим словом*.

"Словообразовательным" продолжением любого слова, например, слова *заповедник*, являются такие его морфо-деривационные варианты, как *заповедный, заповедать, заповедывать, заповедоваться, заповеданный, заповедание, заповедность, заповедно*. Весь приведенный ряд можно обозначить термином *деривационное слово*, под которым понимается вся совокупность лексических дериватов, объединенных под эгидой лексемы (ЛСВ) и способных к деривационному взаимодействию в пределах одного семантико-синтаксического контекста. Словообразовательные варианты в рамках деривационного слова связаны тождеством (константой) специфицированного лексического значения и различаются уникальностью своей морфо-деривационной структуры и выражаемого ею категориального значения.

Сфера лексического варьирования представлена различными вариантами (см. классификацию В.В.Виноградова, представленную выше). Вместе с тем, ядерную позицию здесь занимают лексико-семантические варианты слова (лексико-фразеологические, по терминологии В.В.Виноградова). Эти формы слова связаны в единое целое непрерывной последовательностью или

общностью внутренней формы (являющейся константой), прямым отношением к основному номинативному значению и другими средствами семантического строя. В рамках предлагаемой типологии совокупность лексико-семантических вариантов, или форм слова можно обозначить термином *лексическое слово*. Лексическое слово является базовой категорией для всех других перечисленных видов варьирования в деривационном пространстве слова. Отличительной особенностью лексико-семантических вариантов от всех прочих деривационных вариантов слова является то, что при лексико-семантическом варьировании происходит изменение онтологической (номинативной) сущности слова, самого набора категориально-лексических, дифференциальных и периферийных признаков, а не просто изменение их соотношения в составе семемы. При морфологическом и словообразовательном варьировании вещественное значение слова сохраняется, но оно "должно приобрести ту структуру, быть представлено в том аспекте, который диктуется соответствующей грамматической" и словообразовательной формой [Янценецкая, 1991. С. 35].

Значения многозначного слова объединяются в семантическое единство благодаря определенным отношениям, которые существуют между ними на основе общих семантических ассоциаций (метафора, метонимия, функциональная общность). "Однако именно характер этих отношений не позволяет усматривать в слове какое-то "общее значение", а его применение для отображения разных явлений действительности расценивать как некое варьирование этого общего значения" [Шмелев, 1973. С. 71]. Глубина семантических изменений лексического содержания вторичных значений по сравнению с исходными при семантической деривации носит характер спецификации, которая на синтагматической оси продуцирует лексикализованную комбинаторику, а на номинативной - качественно новые дискретные семантические единицы.

Симптоматично, что проблема семантического тождества слова рассматривается обычно как вопрос о том, что же обеспечивает единство всех ЛСВ слова? В данном случае их качественное разнообразие является

очевидным. Как известно, в современной лингвистической литературе нет единого мнения по этому вопросу. Можно выделить несколько различных направлений, в зависимости от того, что принимается за основной параметр, обеспечивающий смысловое единство слова: семантический стержень [Виноградов, 1986; Смирницкий, 1954], семантический центр [Уфимцева, 1962; Беляевская, 1987], общее понятие [Звегинцев, 1957; Новиков, 1982], общее значение лексемы, определенным образом упорядоченная структура значения ЛСВ [Арнольд, 1981; Медникова, 1974; Слюсарева, 1979; Уфимцева, 1980; Шмелев, 1973], формально-функциональная общность ЛСВ. Материальное, звуковое тождество слова, по словам Д.Н.Шмелева, является основой его семантического тождества, несмотря на возможность самого разнообразного применения слова, всевозможных модификаций его смысла, расщепления денотативных функций. Однако функционально (морфологически и словообразовательно) ориентированное значение слова реагирует главным образом не на семантическую общность *лексического слова*, а на онтологические (номинативные) различия составляющих его лексико-семантических вариантов. Как известно, именно онтологическая модель признается за "точку отсчета", такую семантическую структуру, "которая в процессе различного функционирования подвергается изменениям как в своем объеме, так и в строении" [Янценецкая, 1991. С.36]. В этом смысле, всякое дальнейшее развитие слова осуществляется на базе того специфицированного значения, которое появляется в результате семантической деривации.

В этой связи в деривационном пространстве слова формирование обозначенных выше сфер происходит вокруг отдельных специфицированных значений (ЛСВ), появление которых связано в первую очередь с семантической деривацией. Поэтому лексико-семантическая деривация в представленной нами модели является первичной и базовой. Образующиеся при этом семантические дериваты становятся теми опорными "точками", вокруг которых формируются поля формально-семантических дериватов. В целом, образно говоря, деривационное пространство слова представляет собой функцию (соответствие) между несколькими переменными величинами на

осях, главными из которых является глубина семантического преобразования слова (вертикальная ось) и глубина формального преобразования слова (горизонтальная ось).

Покажем соотношение различных сфер деривационного пространства на примере слова **дно** (при анализе мы пользовались данными Большого толкового словаря (БТС), Толково-словообразовательного словаря (ТСС) и Словообразовательного словаря русского языка (ССРЯ). В БТС в составе лексемы **дно** выделяются 4 ЛСВ: ЛСВ₁ - "почва, грунт под водой моря, реки, озера и т. д." (*Рельеф морского дна. Песчаное, илистое, каменистое дно. Идти ко дну* (тонуть). *Достать со дна*); ЛСВ₂ - "нижняя часть какого-л. углубления на земной поверхности" (*Д. колодца. Д. ямы. На дне оврага*); ЛСВ₃ - "низ, основание какой-л. емкости, а также судна" (*Д. корзины. Д. корабля. На дне стакана*); ЛСВ₄ - "о деклассированных членах общества, их среде, быте" (*Дно общества. Опуститься на дно. Идти ко дну. На дне*). В ТСС значение "основание впадин, каких-л. углублений на земной поверхности" рассматривается как оттенок в составе ЛСВ₁, которое совпадает с ЛСВ₁ в БТС. Значение "основание предмета, формой напоминающего сосуд, вместилище (обычно о судне)" выделяется в качестве оттенка значения в составе ЛСВ₂, который совпадает с первой частью ЛСВ₃ в БТС. Семантическим центром (термин В.В.Виноградова), организующим всю систему ЛСВ в данном случае является основное номинативное значение слова (ЛСВ₁). Семантическим стержнем (также термин В.В.Виноградова), остающимся константным для всех употреблений слова, является внутренняя форма ЛСВ₁, составляющая указание на "нижнюю часть предмета". При этом характер самого предмета варьируется (водоем, углубление на земной поверхности, емкость, сосуд, вместилище, судно). С ЛСВ₄ основное номинативное значение связано по ассоциации: "нижняя часть предмета" ("осадок") - "нижний слой общества". Анализ формальных дериватов свидетельствует о том, что в рамках данной лексемы выделяется 5 спецификаций (С) (самостоятельных семем, или ЛСВ): С₁ - "почва, грунт под водой какого-л. водоема"; С₂ - "основание углубление на

поверхности земли"; С₃ - "низ, основание какой-л. емкости"; С₄ - "основание судна"; С₅ - "среда деклассированных, опустившихся людей".

В сфере морфологической деривации С₃ противопоставлена всех остальным С как имеющая полную падежную парадигму в единственном и множественном числе (мн.: *донья, доньев* и т.д.). Все остальные спецификации обладают падежной парадигмой только в единственном числе.

В сфере словообразовательной деривации спецификации противопоставлены друг другу по набору формально-семантических дериватов:

ДНО₁ - *дноуглубительный* (предназначенный для углубления *дна*); *дноочистительный* (предназначенный для очищения *дна*); *донный* (соотносящийся по знач. с сущ. *дно*, связанный с ним; свойственный *дну*, характерный для него; предназначенный для лова на глубине, у *дна* водоема (*Д. сети. Д. трал. Д. удочка*); находящийся, обитающий, произрастающий на *дне* или у самого *дна* водоема (*Д. грунт. Д. лед. Д. рыбы.*); *донка* (рыболовная снасть, состоящая из лесы и крючков, предназначенная для ловли рыбы, обитающей на *дне, у дна*); *доночник* (рыболов, ловящий рыбу при помощи *донки*); *надонный* (находящийся на *дне*); *глубокодонный*; *плоскодонный* (с плоским *дном* (*Плоскодонный пруд*));

ДНО₂ - *дноуглубительный*; *дноочистительный*; *донный* (соотносящийся по значению с сущ. *дно*, связанный с ним; свойственный *дну*, характерный для него); *надонный*; *глубокодонный*;

ДНО₃ - *донце* (уменьш. к сущ. *дно*; ласк. к сущ. *дно*); *донышко* (уменьш. к сущ. *дно*; ласк. к сущ. *дно*); *днище* (то же, что *дно*); *днищевый* (соотносящийся по знач. с сущ.: *днище*, связанный с ним); *донный* (соотносящийся по знач. с сущ.: *дно*, связанный с ним (*донное стекло аквариума*); свойственный *дну*, характерный для него); *одонья* (остатки на *дне*); *подонки* (остатки жидкости на *дне* вместе с осадком (*Допить из бутылки последние подонки*)); *поддон* (то, что ставится *под дно* чего-л., подставка в виде тарелки, противня и т.п.) (*поддон для свечей; Воск, жир стекает в поддон*); второе накладное *дно* у чего-л. (*поддон корзины; Бак с поддоном*); *поддонник*

(подставка *под дно* чего-л.; поддон (*подсвечник с поддонником; цветочный поддон*); **толстодонный** (имеющий толстое *дно*, *днище* (*толстодонная кастрюля*)); **плоскодонный** (с плоским *дном*) (*плоскодонные чашки*);

ДНО₄ - **донный** (соотносящийся по знач. с сущ.: *дно*, связанный с ним (*донные доски лодки*); свойственный *дну*, характерный для него); **днище** (то же, что *дно*); **днищевый** (соотносящийся по знач. с сущ.: *днище*, связанный с ним); **плоскодонный** (с плоским *дном* (*плоскодонная барка; плоскодонный буксир; плоскодонная лодка*)); **плоскодонка** (плоскодонная лодка);

ДНО₅ - **подонки** (деклассированные, разложившиеся преступные элементы, общества (*пристанище для подонков; якшаться с подонками*)).

В пределах выделенных микрогнезд, или деривационных слов, словообразовательные варианты связаны с исходным ЛСВ общностью прозрачной внутренней формы - мотивирующей основой, в которой выражается их лексическая мотивированность, отражающая мотивировочный признак. Каждый дериват образует с исходным ЛСВ, а также со всеми другими дериватами в пределах деривационного слова своеобразный системный лексико-деривационный ряд, способный реализоваться в речи (тексте) в том или ином наборе.

Среди словообразовательных дериватов, образованных на базе слова *дно*, встречаются производные с уже значительно лексикализованной² или метафорической³ внутренней формой. Приведем примеры: **подонок** (разг. бранно. "низкий, подлый человек; подлец, мерзавец"); **донка** ("небольшой паровой поршневой насос для перекачки воды на судне"); **бездонный**₂ (перен. "очень глубокий" // "очень вместительный" (*бездонный карман*)); **бездонный**₃ ("беспредельный" (о небе, дали, пространстве); **бездонный**₃ (оттенок) ("выразительный, глубокий" (о взгляде, взоре); **бездонный**₄ (неисчерпаемый).

Два первых деривата, обладают ВФ, компоненты которой уже не осознаются как взаимообусловленные. Каждый из них представляет самостоятельную спецификацию.

Различные ЛСВ слова **бездонный** связаны с основным номинативным значением **бездонный**₁ ("не имеющий дна") единым семантическим стержнем

(метафорической внутренней формой), в качестве которой выступает признак "глубокий". Вокруг отдельных ЛСВ формируются свои деривационные слова: **бездонный**₁ (*бездонность*₁, *бездонье*₁); **бездонный**₂ (*бездонность*₂, *бездонье*₂, *бездонно*); **бездонный**₃ (*бездонность*₃, *бездонье*₃); **бездонный**₄ (*бездонность*₄, *бездонье*₄).

Подводя итог сказанному, отметим, что деривационное пространство слова является многомерной структурой. В ее составе можно выделить сферы лексического, фонетического, морфологического и словообразовательного варьирования. Лексическое слово (совокупность всех ЛСВ в пределах одной лексемы) является базовой категорией для всех других перечисленных видов варьирования. Оно образует вертикальную ось деривационного пространства слова, отражающую качественное разнообразие лексических категорий, представленных в слове. Морфологическая и словообразовательная деривация образуют оси горизонтального развития слова на уровне отдельных ЛСВ. В пределах данных деривационных сфер происходит грамматическая и словообразовательная перекатегоризация единого вещественного (лексического) значения. Горизонтальные составляющие деривационного пространства слова отражают его количественно-категориальную структуру.

У деривационного пространства слова есть и глубинная составляющая, которая, с одной стороны, представлена парадигматическими взаимодействиями однокорневых слов, с другой – выходит в область парадигматических отношений между разнокорневыми словами. В рамках деривационного пространства слова в целом данные виды взаимодействий являются источниками формирования особого рода значимостей, которые находятся на различных стадиях спецификации (качественной отдельности). Глубинная ось также является средой формирования качественного (семантико-функционального) разнообразия лексемы.

Выделенные сферы оказывают воздействие друг на друга, в результате чего формируется множество дополнительных "деривационных пространств" слова, которые совмещают в себе признаки основных выделенных деривационных форм, образуют собой "соединительные ткани" в общей

структуре деривационных отношений. Подобно семантическим отношениям в лексике, в ней нет резких переходов, непроницаемых участков, нет "пустого пространства". Специфика некоторых деривационных структур состоит в том, что они находятся на стыке деривационных полей, образуемых различными способами. Они осуществляют переходы от одного уровня к другому на оси уровневой репрезентации деривационного значения слова между грамматическими, словообразовательными и лексическими ее составляющими, отражая различные уровни и стадии языковой категоризации объективного мира. Различные виды деривационных отношений, их неоднородность и неравномерность определяют основные особенности структуры этих отношений – ее противоречивый, диалектический и динамический характер.

Каждая из осей деривационного пространства слова и их семантико-функциональная соотносительность является предметом специального рассмотрения в последующих главах нашей работы. Деривационная характеристика парадигматически соотносящихся однокоренных слов содержится в Главе III, а описанию противопоставленности и взаимодействия вертикальной и горизонтальной (словообразовательной) осей деривации слова посвящена Глава IV.

Выводы

Принцип деривации является универсальным принципом устройства и функционирования языка. Деривация есть имманентно присущее речезыковой материи свойство к развитию и возникновению нового на базе исходных суппозиций. С этой точки зрения, деривационная концепция языка соотносится с лингвистической синергетикой, представляющей языкоречевую материю в виде самодетерминирующейся и саморазвивающейся системы, несущей в себе потенции своей активности.

Деривационная лексикология является структурной частью деривационной лингвистики. В сферу ее интересов входит исследование деривационного функционирования лексики и его проекции на лексическую систему. Среди других измерений лексики (парадигматика и синтагматика) эпидигматика рассматривается как специфическая их разновидность. Особенность деривационного функционирования слова в тексте (по сравнению

с недеривационным) заключается в регулярной актуализации внутренней формы как морфо-семантической структуры слова, а именно: в участии порождающих механизмов слова и ретроспективном использовании компонентов морфо-словообразовательной структуры готовых слов в процессах текстопорождения.

Деривационная функция эпидигматов в тексте определяет ту специфику, которую они обнаруживают в рамках системы по сравнению с парадигматическими отношениями слов, не носящими эпидигматического характера. Эпидигматически связанные слова формируют особую область парадигматики - смысловые парадигмы с отношениями мотивации, представляющие собой опредмеченные деривационные процессы. Закрепленные в эпидигматической парадигматике языка эти отношения, в свою очередь, являются одним из главных факторов, обеспечивающих реализацию деривационной функции слова в текстопорождении.

Потенциал деривационного поля (пространства) слова, в силу бесконечности его смысловой и формальной валентности, количественно значителен и качественно разнообразен. В деривационном пространстве слова мы выделяем области фонетического, морфологического, словообразовательного и лексического варьирования, соответственно обозначая совокупность вариантов в каждой из выделенных областей фонетическим, морфологическим, деривационным и лексическим словом.

Лексико-семантическая деривация в представленной нами модели является первичной и базовой, так как формирование всех обозначенных выше сфер происходит вокруг отдельных специфицированных значений (ЛСВ). Семантические дериваты становятся теми опорными точками, вокруг которых формируются микрополя формально-семантических дериватов.

Каждая из выделенных сфер деривационной парадигматики слова интегрируется в особую самостоятельную область, вступающую в определенные отношения с другими областями в общем деривационном системном поле лексики. И с этой точки зрения они не только являются выразителями детерминации онного содержания

разными средствами, но и образуют оппозицию средств, на основе которой формируются особые типы внутрисистемных значимостей, функциональное взаимодействие которых является внутренним источником динамики языка.

Функцию базовой оппозиции в данном случае выполняют сферы семантической и словообразовательной деривации. В их функционально-семантической противопоставленности заложены механизмы деривационного развития лексики.

Выявлению и описанию этих различий посвящены следующие главы.

ГЛАВА I ДЕРИВАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ СЛОВ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Первая глава посвящена теоретическому описанию системы деривационных отношений слов и обоснованию особого статуса лексической деривации в системе языка. В главе представлена системная модель деривационного пространства слова как многомерная, динамическая и самоорганизующаяся структура.

1.1. Деривация как универсальный принцип устройства и функционирования языка

Лексическая деривация органично входит в общезыковое разноуровневое поле деривационности, различные формы которого в речи образуют единый непрерывный деривационно-мотивационный процесс, пронизывающий все уровни и планы языка и образующий функционально-динамические пространства, в рамках которых деривация единиц более низких уровней входит в деривацию единиц более высоких уровней [Голев, 1989. С. 66]. Вместе с тем в рамках НДМП лексическая деривация образует специфический и относительно самостоятельный речевой механизм, что, в сущности, и дает основания для рассмотрения ее в качестве специального предмета исследования.

Единый непрерывный деривационно-мотивационный процесс, частью которого является лексическая деривация, есть проявление общего

деривационного принципа языка, являющегося универсальным принципом его устройства и функционирования. Деривационный принцип осуществляется в языке как фундаментальный способ представления нового на базе исходных суппозиций и как важнейшая форма оязыковлени детерминационного содержания. Всякое новое есть продолжение, развитие исходных суппозиций или, иными словами, есть реализация деривационно-мотивационного потенциала, носителем которого является любая единица языковой системы. Принцип деривации в языке соотносится с такими философскими категориями, как развитие, генезис, эволюция, детерминизм. К наиболее характерным чертам процессов, отраженных в данных понятиях, относятся направленность, закономерность, единство качественных и количественных изменений, противоречивость, цикличность формы, развертывание во времени, возникновение качественно нового объекта или его состояния. Современная наука (в частности, синергетика) подтверждает глубинную неотвратимость развития, его многовариантность и альтернативность, а также то, что "носителями" развития оказываются сложные, открытые, самоорганизующиеся системы, к числу которых относится и язык.

Принцип деривации в языке не является самодостаточным и диалектически соотносится с принципом актуализации уже готовых языковых единиц. Как было отмечено в работах В. фон Гумбольдта [Гумбольдт, 1984] и И.А.Бодуэна де Куртене [Бодуэн де Куртене, 1963. С. 68], в динамической системе языка действуют два типа механизмов: одни из них обеспечивают воспроизводство в речи (тексте) прежнего состояния языка, другие - обеспечивают производство нового. С одной стороны, тексты строятся на материале, уже бывшем в употреблении. С другой стороны, в рамках такой почти исключительно коммуникативной единицы, как текст, не существует чистого воспроизводства языковых единиц. Любой текст, даже самый стандартный, уникален как целое, ибо в нем отражается каждый раз особенная ситуация, отличающаяся от другой подобной ситуации хотя бы настроением говорящего, его отношением к речи и партнеру по коммуникации.

Если текст представляет собой диалектическое единство и преемственность "старого" и "нового", то логично полагать, что такое же единство заключено в каждом его элементе и все единицы текста, вне зависимости от их структуры и функции, одновременно являются и хранителями старого (воспроизводимыми) и носителями нового (производимыми единицами). С этой точки зрения нет абсолютно готовых и абсолютно новых компонентов, и всякое разграничение готовых и вновь образуемых компонентов текста является относительным. Разумеется, компоненты текста в этом отношении не однородны. Одни из них в большинстве случаев воспроизводятся и служат паттернами известного тождества текста. Вместе с тем, в результате такого воспроизведения в языке постепенно накапливаются новые качества данных единиц. К явлениям такого рода относятся семантический и морфолого-синтаксический способы образования слов, опрощение производных слов, процессы фразеологизации. Нетрудно увидеть, что данные процессы тяготеют к диахронии и направлены на воспроизведение в тексте прошлого состояния языка, его истории. Вместе с тем, в результате такого воспроизводства образуются новые качества слов и языка в целом.

Другие компоненты текста оцениваются как создаваемые в нем. Такие компоненты Л.В.Щерба называл живыми, все вновь и вновь образуемыми, противопоставляя их воспроизводимым компонентам ("мертвым", по образному выражению ученого) [Щерба, 1974а. С.77]. К компонентам такого рода обычно относят не только словосочетания и предложения, что очевидно, но и неологические единицы [Кудрявцева, 1993]. Диалектика производства и воспроизводства в данном случае проявляется в том, что вновь образуемые компоненты – неологизмы – в известном смысле являются уже готовыми единицами. Новым здесь является способ выражения идеи – изменение свойства сочетаемости морфем в рамках неологизма, по сравнению с другими словами, построенными по данной модели. Сама же модель и все морфемы, входящие в состав неологизма, являются известными и уже много раз

употреблявшимися ранее, но в иных сочетаниях (подробнее об этом см. в [Мурзин, 1987. С.6]).

Вместе с тем, неологизмы являются только частным случаем проявления механизма производства слов в тексте. Деривационному функционированию подвержены уже готовые производные слова, давно вошедшие в языковой узус. Оно проявляется в значимом участии внутренней формы слова при его употреблении в речи, в актуализации формальных суппозиций слова в процессе выбора (создания или воссоздания) лексической единицы. Факт повторного регулярного производства, отмеченный еще В. фон Гумбольдтом (см.: [Гумбольдт, 1984. С.13]), может остаться незамеченным только в силу того, что обуславливающие его механизмы осуществляются в речевой деятельности с высочайшей степенью автоматизма. В любом случае нахождение слова в позиции порождения текста в той или иной мере способствует выявлению потенциала его деривационного функционирования. И в этом плане тексты могут обладать различными возможностями детерминирующего воздействия на слова. В аспекте языкового сознания человека это связано с проявлением способности языкового сознания к активному использованию внутренней формы слова в механизмах текстопорождения.

Таким образом, сущность языка определяется антиномией двух важнейших принципов – производства и воспроизводства его единиц. Поэтому полная картина устройства языковой системы, равно как и речемыслительной, языкотворческой деятельности носителей языка, может быть получена только на основе взаимодополнительности данных принципов.

1.2. Принцип деривации как гносеологическая категория

1.2.1. Исторический аспект проблемы

Деривация является онтологическим и гносеологическим понятием одновременно. Изучение языка с деривационных позиций имеет глубокий историко-философский и лингвистический контекст. В одной из своих уже посмертно опубликованных работ Л.Н.Мурзин пишет о том, что "мысль о

деривационной сущности языка принадлежит не нашему времени. Она возникла в древнюю эпоху, когда лингвистика еще только зарождалась" [Мурзин, 1998. С. 238]. Конкретные правила преобразования слов и предложений содержатся уже на страницах одной из самых ранних из известных современной науке грамматик - санскритской грамматики Панини. Те или иные стороны языковой деривации привлекают внимание ученых средневековья и эпохи Возрождения. В универсальных грамматиках 17 - 18 вв. были "переведены" на семантический язык правила образования и преобразования языковых выражений и обозначены все основные деривационные операции, характеризующие его. Эти традиции были восприняты логическими школами лингвистики в 19 веке. Появление философии языка В.Гумбольдта вызвало развитие психологических интерпретаций деривационных процессов как в России (А.А.Потебня), так и в Германии (Г.Штейнталь) и других странах мира.

В первой половине двадцатого столетия при господстве в лингвистике структуралистских воззрений на язык дериватологические исследования сдерживались, однако во второй половине века интерес к деривационной сфере языка и в первую очередь к вопросам словообразования среди лингвистов увеличился с поразжающей быстротой. Появление ряда целостных концепций, вскрывающих устройство и закономерности развития словообразовательной системы в русском и шире - славянских языках, позволило поставить вопрос об относительной независимости и своеобразии словообразовательной подсистемы языка, вписывающейся в систему уже известных уровней. Углубленное изучение словообразования вызвало к жизни новые проблемы, широко обсуждаемые языковедами. Одной из важных является проблема специфики словообразования как такого звена в системе языка, которое, связывая грамматику с лексикой, постоянно испытывает на себе их влияние [Виноградов, 1952; Янко-Триницкая, 1964; Зенков, 1969; Максимов, 1975; Харитончик, 1987; Янценецкая, 1979; Земская, 1974; 1987; Кубрякова, 1981; 1984; 1988; Азарх, 1980; 1984; 1993; 2000; Милославский, 1980; Манучарян, 1981; Ширшов, 1981; Шатуновский, 1982; Катлинская, 1986; Тихонов 1987;

Соколов, 1997]. Данная проблема сохраняет свою актуальность до настоящего времени. Усилия ученых направлены на выявление форм и видов этого влияния, играющего существенную роль в формировании базовых единиц словообразования, в организации и функционировании словообразовательной подсистемы в целом [Лебедева, 1979; 1983; 1984; 1991; 1991а; 1998; 1999; 2000; Араева, 1981; 1992; 1994; 2000; Резанова, 1983; 1983а; 1984; 1991; 1991а; 1994; 1996; Гудкова, 1983; Грушко, 1984; 1992; 1994; Халина 1986; 1992; 1994; Шишкина, 1987; 1991; 1994; Шкуропацкая (Семенкина) 1987; 1990; 1999; 2000; Ким, 1988; Ташлыкова 1990; 1994; Шиканова, 1990; 1991; 1994; Фургель, 1988; 1992; 1994; Оглезнева, 1996; Раевская, 1996; Вендина 1998; 1999; Антипов 1997; 2001; Катышев, 1997; 2001; Акимова, 2002; Белгородцева, 2002; Жукова, 2002].

В 50-е годы прошедшего века активизируется не только изучение словообразовательной деривации, но и деривационное осмысление других уровней и межуровневого пространства языка. Так, исследование синтаксических моделей в эти годы привело к обнаружению трансформационных отношений между синтаксическими единицами, а с появлением работ Н.Хомского [Хомский, 1999; 1999а] стало ясно, что отношения производности распространяются и на область синтаксиса. С этого момента принцип деривации в лингвистической эпистемологии перестает быть частным принципом языка и кладется в основу целого ряда порождающих грамматик, которые не утратили своего научного значения и до сих пор. Важнейшей проблемой первой из них - генеративной трансформационной грамматики Н.Хомского - являлся вопрос о механизмах формирования конкретного предложения, его деривационной истории. Идея о производности предложения как основной единицы языка и идея глубинных / поверхностных структур, неразрывно связанные между собой, определяют то новое, что внес в лингвистику Н.Хомский и что составляет основу современного деривационного подхода к языку.

Генеративный подход к языковым структурам создал почву для многочисленных его интерпретаций в разных странах мира. Однако

объединяющим началом всех возникших в связи с этим теорий был подход к языку не с точки зрения анализа готовых структур, а с точки зрения их синтеза. В России также были созданы две выдающиеся модели языка деривационной ориентации: аппликативная модель С.К.Шаумяна и П.А.Соболевой [Шаумян, Соболева, 1968; Шаумян, 1874; Соболева, 1980] и модель "Смысл \Leftrightarrow Текст" И.А.Мельчука, А.К.Жолковского, Ю.Д.Апресяна и др. [Жолковский, Мельчук, 1965; 1969; Апресян, 1967; Мельчук, 1974;].

Усилия авторов аппликативной грамматики были направлены на исчисление всех возможных деривационных структур с последующей их интерпретацией в рамках конкретного языка. Модель "Смысл \Leftrightarrow Текст" представляет собой одну из попыток разобраться в одном из сложнейших компонентов языка - семантике - с точки зрения всех возможных преобразований ее базы. Созданный ее авторами язык семантических операторов позволяет описать порождение бесконечного числа фраз-текстов. Обе упомянутые модели объединялись общим динамическим подходом к языку, при этом основным принципом описания и объяснения языковых структур является деривационный принцип.

Лингвистическая наука неоклассического (современного) этапа претерпела значительные изменения как в общей методологии, так и в предмете исследования. "Включенность субъективной деятельности в тело знания" (В.В.Ильин), являющаяся сущностно-отличительным признаком современной науки, определяет дифференциальные признаки различных этапов теории познания и эпистемологии. В основе методологической базы теоретических знаний настоящего периода находятся три важнейших принципа: толерантность (терпимость к продуктам научного творчества), идиосинкразия к инакомыслию (признание многообразия взглядов нормальным) и принцип условности (относительности собственных результатов) (подробнее об этом см.: [Гак, 1998. С. 14]. Два последних принципа нередко объединяются, на основании чего выдвигается принцип взаимной дополняемости различных исследовательских подходов (плюрализм в лингвистике), требующий установления того, какой круг языковых фактов

поддается объяснению с той или иной точки зрения и почему. Обогащение философско-методологической базы языковедческой науки новыми идеями было тесно связано со вступлением различных существующих ныне в лингвистике школ и течений на путь сближения и создания новых интегральных парадигм знания, функциональных по своей общей направленности и конструктивно-синтетических по своему духу. Современное понимание природы языка связано с вовлечением в орбиту лингвистических исследований текста, а также широкомасштабным изучением семантики, которое в 70-80 годы прошлого века, по образному выражению Н.Д.Арутюновой, было подобно "штурму", продолжающемуся и по сей день. Формируется убеждение, что язык нельзя изучать вне его функционирования, вне тех противоречий, которые пронизывают все его уровни и которые являются источником его самоорганизации и саморазвития.

Изменения, коснувшиеся общих принципов познания, связанные с установкой на экспансионизм, антропоцентризм, функционализм и экспланатарность [Кубрякова, 1995. С. 144-238], смена исследовательских приоритетов в рамках лингвистического объекта сказались на интерпретации деривационного принципа в языке. С одной стороны, в связи с осознанием деривации в языке как универсального принципа происходит определенное рассредоточение дериватологического объекта по различным сферам языкового существования, его дробление на частности и выделение мелкой аспектуализации. С другой стороны, современная дериватологическая наука стремится преодолеть центробежные тенденции и деривационный принцип становится одним из ведущих принципов обоснования и объяснения языковых явлений. Это способствует становлению дериватологии в качестве отдельной дисциплины, которая стремится представить свой объект в целостном и самостоятельном виде, имеет свой понятийный и терминологический аппарат и методику, соответствующую специфике ее объекта [Мурзин, 1976; 1979; 1982; 1984; 1986; 1998; Адливанкин, Мурзин, 1984; Сахарный, 1979; 1985; 1991; 1994; Голев, 1980; 1981; 1989; 1995; 1998].

В этом плане активно консолидирующей выглядит деривационная лексикология, являющаяся составной частью общей деривационной грамматики языка. Современная "деривационная грамматика своими разными сторонами входит в различные классы грамматик. Эта грамматика является активной (в смысле Л.В.Щербы), синтезирующей, динамической, продуктивной, текстообразующей и объясняющей" [Мурзин, 1998. С. 247]. Деривационная лексикология развивается в рамках общей детерминологической концепции языка, направленной на выявление его полной детерминологической картины, в которой внутриязыковые (имманентные) и внеязыковые (антропологические и трансцендентальные) детерминанты представлены как равноправные и взаимодействующие члены антиномии (см. [Очерки по лингвистической детерминологии, 1998]).

С одной стороны, деривационные механизмы языка формируются и управляются законами и правилами, принадлежащими самому языку; они не выходят за рамки текстов, обращены к текстам и направлены на удовлетворение потребностей говорящих в их построении. Эти правила являются достаточно строгими и подчиняются принципу внутрисистемной детерминации, а языкоречевая материя представляется в виде самодетерминирующейся и саморазвивающейся системы, несущей в себе потенции своей активности. В этом смысле, дериватологическая концепция языка соотносится с синергетикой, рассматривающей развитие, возникновение нового как свойство, имманентно присущее материи (в том числе и речезыковой) (см.: [Москальчук, 1998]). Это позволяет высказать предположение, что механизм осуществления деривации в языке носит синергетический характер.

Вместе с тем природу лексической деривации в тексте нельзя объяснить только внутритекстовой детерминацией, поскольку общий деривационный процесс в конечном итоге "питается" пресуппозитивной энергией, исходящей из субъекта речи. Обусловленность природы лексической деривации в тексте со стороны пресуппозитивного компонента речепорождения предполагает, что источником энергии лексико-деривационного функционирования и развития

слова в конечном итоге выступают коммуникативные потребности, возникающие в процессе текстовой деривации. "Суть проблемы деривационного функционирования слова как раз и заключается в выявлении такого рода потребностей, предпосылок и условий, при которых актуализация внутренней формы становится коммуникативно необходимой, во всестороннем исследовании лексико-деривационной способности личности" [Голев, 1998. С.15; см. также Гусар, 1995]. Имманентнодетерминистская модель языка реально не действует в отрыве от антроподетерминистской, без воздействия одной на другую. Поэтому полная деривационная картина языка предполагает поиск механизмов их взаимодействия.

Главная детерминологическая задача деривационной лексикологии заключается в выявлении и описании источников деривационной энергетики слова, которая обнаруживается в возникновении и сохранении потенциала его деривационного функционирования. В своей работе мы подробно останавливаемся на системе деривационных отношений, которая является важнейшим условием формирования и реализации потенциала деривационного функционирования и саморазвития каждой языковой единицы. Все остальные источники деривационной энергетики слова, как то: *текст*, предоставляющий условия для реализации потенциала функционирующего слова и содержащий в себе семантические и формально-семантические компоненты, выступающие для формирующейся единицы в роли суппозиций, *носители языка*, коммуникативные намерения которых являются пусковым моментом всякой языковой деривации - мы сознательно по возможности исключаем согласно задачам исследования.

Рассмотрение лексико-деривационных отношений в системном ключе позволяет акцентировать внимание на нескольких проблемах: проблеме статуса деривационных отношений в ряду других "измерений" лексики; проблеме базовых категорий лексико-деривационной системности; проблеме функциональной направленности основных сфер лексической деривации (семантической и словообразовательной) в рамках общего деривационного поля лексики, проблеме рассмотрения парадигматических отношений в

деривационном аспекте. Обсуждение поставленных проблем в данной работе связано с построением модели лексико-деривационных отношений в языке как системоцентристской модели синергетического типа, представляющей его в виде языкоречевой материи, несущей в самой себе потенции своей активности и - соответственно - в виде самодетерминирующейся и саморазвивающейся системы.

Далее речь пойдет об аспектах, предварительное обсуждение которых представляется нам наиболее важным для исследования, изложенного в последующих разделах работы. Среди них выделяются аспекты, которые носят общий для языкознания характер и имеют место при изучении почти всех сторон языка. К таковым относятся: диахронический и синхронический, онтологический (системный) и функциональный, ономаσιологический и семасиологический аспекты. Кроме того, в каждом лингвистическом разделе выделяются частные аспекты, которые определяются спецификой положения изучаемого объекта в общей языковой системе. Исходная точка зрения при этом зависит от того, в чем видится исследователю своеобразие изучаемого явления и его связь с другими сторонами языка. Вопрос о "внутренних" аспектах исследования системы лексико-деривационных отношений в языке связан с решением вопроса о взаимодействии в рамках этой системы лексики со словообразованием и шире грамматикой языка, которые в данном случае являются сферами деривационного функционирования лексики. Основная задача при этом состоит в выявлении тех связей лексики со словообразовательным уровнем языка, которые играют роль в организации деривационных отношений в самой лексике.

1.2.2. Функциональный и онтологический (системный) аспекты деривации

При определении системы мы исходим из принципа ее диалектического единства с понятием функции. Функция, с одной стороны, проистекает из системного положения некоторого объекта, а, с другой стороны, определяет положение данного объекта в системе, и, в конечном итоге, определяет

внутреннее устройство всей системы в целом. В рамках деривационной лексикологии функционально-динамический и системный планы слова являются взаимодополняющими и предполагающими друг друга: пополнение словаря осуществляется через текстовую лексическую деривацию, вместе с тем, эпидигматическая организация текста во многом формируется как реализация системной эпидигматики.

Функционированию производного слова в тексте посвящен ряд работ, в которых изучались: функциональные аспекты деривационной модели [Янценецкая, 1979; Земская, 1992; Резанова, 1996]; деривационное функционирование слов для создания эстетического эффекта [Блинова, 1984; Виноградова, 1987]; деривационное взаимодействие слова и контекста [Голев 1989; Трубникова, 1997; Гусар, 1995], слова и текста-примитива [Сахарный; 1991; Голев, 1998; Доронина, 1999], слова и текста в интра - и интерлингвальном (транслингвальном) пространстве [Сайкова, 2002]. Разносторонние исследования функциональной направленности деривационной формы создают базу для рассмотрения деривационной системы языка как потенциала ее речевого функционирования.

Деривационное функционирование слова в тексте проявляется, во-первых, в создании лексико-деривационного ряда (ЛДР), представляющего собой последовательность однокоренных или одноаффиксальных слов (в том числе "чистых" повторов), пересекающих дискретное текстовое пространство (контекст)" [Голев, 1997. С. 96], во вторых, в создании лексического ряда – последовательности слов с отношениями детерминации, в которых деривационные отношения не носят формально выраженного характера. Данные ряды являются частью внутренней формы текста, связующими стержнями, олицетворяющими в повторах слов и морфем его онтологическое единство. Облигаторность функционирования лексико-деривационных и лексических рядов в тексте является доказательством включенности лексической деривации в процессы текстовой деривации и в непрерывный деривационно-мотивационный поток в целом.

Непрерывность деривационно-мотивационных процессов в речи ассоциируется с непрерывностью, континуальностью деривационного поля слова в языковой системе. Являясь расширяющимся формально-семантическим образованием, не имеющим четко очерченных границ, деривационное поле стремится к бесконечной формальной и смысловой валентности, реализуя принцип бесконечной смысловой валентности языкового знака (А.Ф.Лосев). Двумя важнейшими осями деривационного варьирования слова являются формальное и семантическое варьирование, приводящее к появлению двух различных в семантико-функциональном отношении единиц – *деривационных слов* и *спецификаций*, являющихся базовыми понятиями деривационной лексикологии.

Формальное варьирование слова в рамках его семантического тождества может быть нескольких видов: фонетическое (варьирование в рамках фонетического слова), морфологическое (варьирование в пределах словоизменительной парадигмы слова) и деривационное (варьирование в пределах деривационной парадигмы слова). Деривационные варианты слова – вся совокупность производных слов, способных к деривационному взаимодействию в пределах одного семантико-функционального контекста, в котором данные варианты являются естественным деривационным источником и продолжением друг друга, - образуют деривационное слово.

Специфика деривационного слова как семантико-функциональной единицы лексико-деривационной системы, в отличие от других аспектов изучения слова в рамках уровневой грамматики, связана с актуализацией формально-семантических связей слова с другими словами. При формальном варьировании слова, связанном с образованием деривационных слов, приоритетным является деривационное видение словообразовательной структуры слова, которое предполагает возможность и необходимость регулярной реализации в речи внутренней формы слова (ВФС), тесное ее взаимодействие с актуальной лексической семантикой, приводящее к стиранию автономности этих значений и абсолютизации свойства мотивированности семантики.

Вместе с тем, во внутреннем и внешнем пространстве слова существуют системные факторы, которые в силу коммуникативных потребностей приводят к деривационным преобразованиям слова, характеризующимся иной семантико-функциональной направленностью – к образованию спецификаций. Понятие спецификации связано с появлением качественно новой дискретной единицы в лексическом пространстве языка. Оно обуславливается особенностями семиотической природы ВФС, проявляющейся в том, что ее компонентный состав подвержен как тенденции к сохранению своей системной значимости и автономности, так и тенденции к ее преодолению, к интегрированию в состав лексического значения слова.

Пределы семантического варьирования слова обусловлены широтой выражаемого им понятия и разнообразием ассоциативных связей. Важнейшим проявлением лексического начала в развитии производных слов, которое в конечном итоге может привести к появлению спецификаций, являются идиоматичность семантики и лексикализация ВФС. Дополнительные импульсы для образования качественно нового смысла лексическая единица получает в связях с другими единицами в лексической системе языка, также обладающей большим потенциалом креативности.

Спецификации являются сгустками семантической энергии, которые образуют в непрерывном деривационном пространстве лексической системы отдельные паттерны (смыслы), с опорой на которые дискретизируется (членится) это пространство, репродуцируя в нем мир отраженных в языке сущностей. Вместе с тем, спецификация всегда несет в себе потенции формально-деривационного развития, механизм которого заключается в восприятии конкретного вещественного значения слова (спецификации) и придании ему той или иной категориальной оформленности. Категориальная семантика представляет собой регулярные семантические приращения к исходному значению слова, характеризующиеся высокой степенью предсказуемости и типизируемости. Благодаря формально-семантической деривации лексема представляет собой систему форм и функций, осознаваемую на фоне структуры языка в целом, тождество которой покоится

на понимании единства в многообразии его мыслимых видоизменений. Понятие деривационной формы слова основано в данном случае на сознании тождества слова при наличии дифференциальных признаков его употребления. Истоки такого понимания слова и формы содержатся в работах В.В.Виноградова, который полагал, что "тождество не исключает многообразия, а напротив, предполагает его. Тождество – это единство в многообразии одного" [Виноградов, 1975. С. 48]. Таким образом, спецификации, с одной стороны являются инструментом выделения в семантическом пространстве языка дискретных индивидуально-неповторимых семантических качеств, вступающих в противоречие с непрерывностью общего деривационно-мотивационного потока. С другой стороны, активно включаясь в НДМП и выполняя в нем суппозитивную функцию в процессе создания / воссоздания / выбора лексической единицы, спецификации поддерживают его непрерывность и континуумность.

Далее понятия спецификации и деривационного слова, являющиеся центральными для нашего исследования, будут представлены подробнее в Главе II.

1.2.3. Диахронический и синхронический аспекты деривации

Деривационное функционирование лексики осуществляется в рамках непрерывного синхронно-диахронного процесса, представляющего собой цепь актов конструирования / употребления, приводящего к мутации исходных звеньев структуры. Таким образом, синхронное проявление функционально-динамического аспекта лексической деривации выражается в участии мотивационно-деривационных механизмов в производстве и воспроизводстве лексических единиц, но сами акты производства / воспроизводства являются реализацией потенциалов, накопленных в диахронии эволюционным путем. С этих позиций, диалектика "старого" и "нового", воспроизводства и производства, диахронии и синхронии проявляется в том, что готовые компоненты языка являются новыми и вновь образуемыми, а образуемые компоненты, в известном смысле, являются уже готовыми единицами. Таким

образом, синхроническое представление лексической деривационной системы направлено на выявление в ней "расстановки сил" на данный момент ее развития (диахронии) и содержит в себе не только констатацию видов деривационно соотнесенных единиц, но и характеристику деривационных сфер лексики по их функциональной направленности. В данной системе содержатся единицы с темпоральными ограничениями, несущими на себе следы процессов, происходящих в языке в прошлом его бытии, опредмеченные деривационные процессы настоящего периода его существования, а также нарождающиеся, порой едва уловимые зачатки будущих функционально-семантических изменений, степень коммуникативной релевантности которых покажет время. В данном случае мы опираемся на идеи И.А.Бодуэна де Куртенэ, который выдвигал триаду категорий "статика – динамика – история", полагая, что в языке в каждый данный момент его состояния надлежит "считаться с фактом наличности, с одной стороны, промежуточных форм, унаследованных от прошлого и уже не соответствующих данному общему строю, с другой стороны, явлений, предвещающих, так сказать, будущее состояние данного племенного и национального языка и еще не подходящих под современное построение данного языка" [Бодуэн де Куртенэ, 1963. С. 186].

В данной работе представлено синхронное описание системы деривационных отношений в лексике с учетом их функциональной направленности.

1.2.4. Ономаσιологический и семасиологический аспекты

Система лексико-деривационных отношений в языке, в целом, и деривационных отношений слова, в частности, является полевой структурой функционально-семантического типа (ФСП). Разработка понятия ФСП как особого типа системы – группировки, связей и взаимодействия языковых элементов в самой языковой действительности и как особого принципа лингвистического анализа, являющегося отражением этой объективной данности, содержится в работах А.В.Бондарко [1976; 1990]. Под ФСП понимается "система разноуровневых средств данного языка

(морфологических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных – лексико-синтаксических и т.п.), взаимодействующих на основе общности их функций, базирующихся на определенной семантической категории" [Бандарко, 1990. С. 566-567]. Теория ФСП строится на принципе взаимодействия однородных и разнородных элементов на основе семантико-функциональной общности, являющемся ономаσιологическим по своей природе. С этой точки зрения, категориальное единство всех вариантов, входящих в состав деривационного слова, обеспечивается тождеством специфицированного значения на основе единства ВФС, благодаря которой осуществляется его деривационное функционирование – активное использование формальных суппозиций в процессах создания/выбора лексических единиц.

Вместе с тем каждая из сфер, выделенных в составе деривационного поля слова (и всей лексико-деривационной системы в целом) требует функционально-семантического описания, изучения взаимоотношений с другими сферами в этом аспекте, участия в деривационной структуре текста. Поэтому мы полагаем, что более сильными объяснительными возможностями обладает модель ФСП, дополненная семасиологическим принципом описания. Вопрос об организации деривационного поля, поставленный в семасиологическом аспекте, требует исследования различий каждой из представленных здесь форм деривации в семантико-функциональном плане, или, иными словами, выявления содержательных оппозиций данного поля. Оппозитивный принцип взаимодействия средств одного ФСП, в нашем случае деривационного, формирует особый тип внутрисистемных значимостей, а их взаимодействие – особый тип внутреннего функционирования, являющегося источником динамики самой системы. В данном диссертационном исследовании при описании деривационных полей применяются оба принципа в зависимости от решаемой проблемы.

1.2.5. Лексический и словообразовательный аспекты системы деривационных отношений слов

С понятием системы в языке связаны формы движения языкоречевой материи, структурные уровни ее организации, отдельные целостные объекты внутри структурных уровней, различные аспекты, "срезы" этих объектов. На этом понятии как на исходном базируется вся картина общей структурированности языкоречевой материи. Поскольку производное слово одновременно является основной единицей системы синхронного словообразования и лексической системы, представление о системе деривационных отношений в лексике может быть связано с двумя различными подходами: со стороны словообразовательной и лексической системности. Наш подход является лексикоцентристским. Вместе с тем, нельзя обойти вниманием и второй подход, поскольку словообразовательная деривация (наряду с грамматической) образует важнейшую сферу реализации деривационного потенциала слова, взаимодействующего с другими планами в общей системе связей слова в деривационном аспекте.

В широком пространстве лексико-деривационных отношений в нашем исследовании более пристальному вниманию подвергаются отношения семантической и формально-семантической (словообразовательной) деривации. Проблема взаимоотношений лексики и словообразования уже получила глубокое и всестороннее осмысление в работах Томской лингвистической школы, и прежде всего в трудах М.Н.Янценецкой [Янценецкая, 1977; 1979; 1983; 1984; 1987; 1992]. В работах данного автора, имеющих словообразовательноцентристскую направленность, словообразование представляет собой особую систему языка, специфика которой определяется ее связями с "соседними" системами – лексикой и морфологией. Семантика производящего слова рассматривается как один из компонентов словообразовательного механизма. Анализ лексического значения слова в словообразовательном аспекте проводится с ориентацией на такую семантическую единицу, как словообразовательное значение, а также значение словообразовательного типа, в формировании которого она

принимает непосредственное участие. При характеристике статуса словообразовательного значения, морфологический и лексический уровни отражают его поверхностные слои – уровни его языковой репрезентации, связанной с теми или иными языковыми формами. "Если морфолого-словообразовательное значение "принадлежит системе" и очерчивает рамки возможного, то ЛСЗ (лексико-словообразовательное значение - *М.Ш.*) связано с нормативной реализацией этих возможностей и в этом своем качестве служит созданию "сложноструктурированного иерархически организованного неэлементарного (словообразовательного) значения" (Е.С.Кубрякова) [Янценецкая, 1991а. С. 5].

В нашем исследовании словообразовательная деривация рассматривается с лексикоцентристских позиций - в качестве средства (формы) деривационного развития (расширения) лексики, которая существует наряду с другими формами, такими как семообразование, супплетивизм, парадигматика. Данное развитие осуществляется по определенным каналам: каждая спецификация несет в себе энергетический потенциал быть расширенной целым набором деривационных форм. Данные ряды форм представляют собой заранее заданные позиции языковой концептуализации (категоризации) мира. Отмеченное движение осуществляется в двух направлениях. Первый путь предполагает актуализацию уже отработанных деривационных моделей, второй – связан с формированием моделей на основе категоризации индивидуального значения, в результате чего складывается сложная картина разноуровневой типизации значений, которая является отражением межуровневой сегментации и организации языковой системы.

Анализ формально-семантических деривационных связей слова свидетельствует о том, что реальный процесс образование словообразовательных форм далеко не всегда носит столь же регулярный и всеобщий характер, который свойственен грамматической категоризации лексики. Словообразование не нацелено на сплошной охват лексики, оно весьма избирательно в своем устройстве и тонко реагирует на лексическую семантику. В аспекте нашей работы наиболее вероятным объяснением

механизмов такого рода "реагирования" является объяснение с опорой на понятие спецификации.

1.3. К вопросу о статусе деривационных отношений слов в лексической системе языка

Решение вопроса, вынесенного в заглавие параграфа, в значительной степени зависит от того, в рамках какого подхода осуществляется описание языка в целом, и системной организации лексики, в частности. Является важным, включаются ли такие характеристики языка, как динамизм и функциональность, в понятие языковой системы в ее синхронном варианте, или они выводятся за ее пределы.

В современном языкознании существуют два глобальных направления в исследовании языка: статическое и функционально-динамическое. Оба направления исследований взаимно дополняют друг друга. Статическая модель, развивающаяся, прежде всего, в рамках структуралистских воззрений, сформулированных Ф. де Соссюром, рассматривает инвентарь языковых единиц и их структурную организацию. При данном подходе исходным является такое определение языка, при котором системность выступает в качестве его ведущего, наиболее существенного онтологического признака. Под системой понимается "внутренне организованная совокупность элементов (единиц языка, связанных устойчивыми отношениями" [Ахманова, 1966а. С. 412]. Под структурой принято понимать внутреннюю организацию, упорядоченность системы [Солнцев, 1978. С. 33]. Формирование статической модели языка дало мощный импульс развитию учения о лексико-семантической системе языка. Однако такой подход к описанию лексики не мог объяснить всего разнообразия описываемых данных, в особенности тех, которые выходили за рамки структуралистской модели. Их стали относить к асистемным явлениям в языке [Маковский, 1980; Конецкая, 1984 и др.].

Развитие языка в работах отечественных лингвистов всегда было органически связано со способами его функционирования. Исходя из принципа изменчивости языка во времени, авторы современных исследований стремятся

определить причинную обусловленность лексико-семантических изменений. При этом выделяются два типа причин – внутренние, языковые и внешние, внеязыковые [Распопов, 1976; Журавлев, 1982; Шмелев, 1982; Кузнецова, 1983]. Вместе с тем, причинно-следственные теории развития языка, направленные на поиски противоположных тенденций, взаимодействие которых служит источников развития лексики, сами по себе не могут объяснить механизма изменчивости языковой системы.

Если признать за языковым знаком изменчивость как основное качество, определяющее его суть, следует включать факты изменчивости языковых знаков в понятие системы и рассматривать процедуры структурно-семантического преобразования исходных единиц как часть единого процесса языкового созидания. В последние десятилетия наблюдается активизация исследований по проблемам динамической лингвистики. Процессуальное представление языковых данных утверждается как в области фонологии, синтаксиса, словообразования, текстообразования [Лосев, 1968; Соболева, 1970; Сахарный, 1974; Мурзин, 1982; Колшанский, 1983], так и в области лексической семантики [Апресян, 1974; Голев, 1989; Кудрявцева, 1993].

Основы динамического подхода к языку и к лексикону как его составной части были заложены выдающимся исследователем языка и вместе с тем философом Вильгельмом фон Гумбольдтом, который одним из первых среди лингвистов подчеркивал созидательную деятельность языка в противоположность продукту этой деятельности. "Никоим образом нельзя рассматривать словарный запас как готовую, застывшую массу. Не говоря уже о постоянном процессе образования новых слов и словоформ, словарный запас, пока язык живет в речи народа, представляет собой развивающийся и вновь воспроизводящийся продукт словообразовательной потенции, прежде всего в той своей основе, которой язык обязан своей формой, затем при выучивании языка в детстве и, наконец, при повседневном речевом употреблении. Безошибочное использование в речи необходимого в данный момент слова, несомненно, нельзя объяснить одной памятью. Никакая человеческая память не смогла бы этого обеспечить, если бы душа одновременно не содержала бы в

себе некий инстинкт, представляющий ей ключ к образованию слов. Словарный запас представляет собой единое целое, поскольку его породила единая сила, и процесс этого порождения непрерывно продолжается" [Гумбольдт, 1984. С. 112].

В данном случае В. фон Гумбольдт выделяет две стороны единой динамической сущности словарного состава: внешнюю – "**продукт** словообразовательной потенции", постоянно образующиеся новые слова и словоформы - и внутреннюю – "словообразовательную **потенцию**", инстинктивно улавливаемый "ключ к образованию слов", не данные непосредственному наблюдению явления и процессы, составляющие внутреннюю динамику языка, его внутреннюю форму.

В истории отечественной лингвистики формирование процессуальной познавательной установки к явлениям языка тесно связано с работами ученых Казанской лингвистической школы, и прежде всего, И.А.Бодуэна де Куртенэ, который развивал идеи динамической синхронии, выделяя на синхронном срезе статику и динамику и определяя статику языка как частный случай его динамики [Бодуэн де Куртенэ, 1963, II. С. 186].

Поддерживая взгляды И.А.Бодуэна де Куртенэ на динамику языка, Л.В.Щерба предлагал включать в понятие системы как языковые единицы, так и "все правила образования слов, форм слов, групп слов и других языковых единиц высшего порядка" [Щерба, 1974. С. 26]. Щербовское представление о языковой системе, вносящее в нее не только компоненты, но и правила, необходимые для создания наиболее адекватной языковой модели, наиболее полно соответствует гумбольдтовским идеям о внутренней форме языка.

Взгляды Л.В.Щербы на языковую систему оказали существенное влияние на развитие лингвистической мысли. В этой связи заслуживает внимания понимание системы Ю.Д.Апресьяном: "Множество объектов образуют систему, если они могут преобразовываться друг в друга по регулярным, достаточно общим правилам. Лексика будет представлена как система (в данном ее понимании – М.Ш.), если мы будем располагать не только словарем, описывающим ее в соответствии с определенными

принципами, но и определенными правилами взаимодействия значений и правилами перефразирования" [Апресян, 1974. С. 118]. Данная точка зрения позволяет приблизиться к пониманию динамического характера лексико-семантической системы и определить место динамического фактора в системно-структурной организации лексики.

Еще ближе к решению данной проблемы подошел Д.Н.Шмелев, введя в научный обиход понятие эпидигматики, или ассоциативно-деривационного "измерения" лексики [Шмелев, 1973].

Известно, что собственная значимость каждой языковой единицы, независимо от принадлежности к тому или иному уровню, определяется ее парадигматическими и синтагматическими связями. Парадигматика и синтагматика, по образному выражению М.В.Панова, два различных мира, сосуществующие в языке и формирующих его системные отношения. "В языке действуют два ряда законов: законы сочетаемости единиц (синтагматика) и законы чередования единиц (парадигматика)" [Панов, 1997. С. 9]. Ср. также: "Когда мы пользуемся языком, обычно не отдаем себе отчета в том, что в основе нашей речи лежат два существенных фактора, обусловленных устройством языка в целом, - выбор, обуславливающий чередование языковых единиц, и их сочетание. Как правило, мы не задумываемся над тем, что, высказывая свои мысли, сообщая о чем-либо, мы отбираем определенные слова и определенным образом сочетаем их, причем и отбор, и сочетание определяется правилами, существующими в языке" [Шмелев, 1977. С. 187]. Вместе с тем, "благодаря тому, что каждая единица лексики имеет материальную форму и смысловое содержание, она является средоточием и этих двусторонних связей, объединяющих ее, с одной стороны, с рядами формально близких слов, с другой - с теми точками "семантического пространства", с которыми так или иначе соприкасается ее собственное смысловое содержание. Таким образом, значение слова определяется деривационными (в широком смысле) и ассоциативными связями: слово находится, помимо парадигматических и синтагматических отношений, также

в определенных ассоциативно-деривационных отношениях с другими словами" [Там же, С. 225].

В понятие эпидигматики Д.Н.Шмелев включает семантическую (внутрисловную) и словообразовательную производность. В работах Д.Н.Шмелева выделяются собственно семантические связи, которые представляют одну сторону (сторону содержания) внутрилексемных отношений, определяемых как ассоциативные, или деривационные (в широком смысле), и формально-лексические, представляющие другую сторону отношений между словами (сторону формы). Выделяемые данным автором две линии деривационных отношений лексико-семантических единиц тесно переплетаются, взаимообуславливаются и образуют особую ось структурной организации лексики. Наряду с парадигматической (горизонтальной) и синтагматической (вертикальной), эпидигматическая ("глубинная") ось выступает одним из способов структурной организации лексико-семантической системы языка. Различия между парадигмой, синтагмой и эпидигмой, заключается в данном случае в способах структуризации: парадигма представляет собой определенную совокупность связанных по смыслу слов в языке как системе; синтагма как непосредственный факт текста является сочетанием единиц языка, подчиненным определенным правилам, которые объективно закреплены в языке и лишь отражаются в речи; эпидигма – это набор деривационных моделей, правил, схем образования этих единиц.

Близкое понимание парадигмы и эпидигмы содержится в следующих их определениях. "Парадигма – статическая модель как обобщенная и формализованная структура тех или иных языковых единиц, эпидигма – динамическая модель как обобщенное и формализованное представление о процессах, ведущих к образованию тех или иных языковых единиц" [Кудрявцева, 1993. С. 28]. По мнению, того же автора, решение вопроса об эпидигматике, о способах ее структурной организации, о связях с парадигматикой и синтагматикой "ведет к познанию динамической сферы лексико-семантической системы, последовательное описание единиц которой в трех названных измерениях позволит исследователю выяснить устойчивое и

подвижное, стабильное и изменяющееся как целостное единство статики и динамики лексической системы" [Там же. С. 28].

Не ставя под сомнение в целом возможность статического представления языковой парадигматики и синтагматики и естественность рассмотрения ассоциативно-деривационных связей лексических единиц в динамическом аспекте, отметим, что данное противопоставление, с нашей точки зрения, носит гносеологический характер и опирается не столько на понятие основания, связанного с онтологическим планом бытия языка и его устройством, сколько с принципами его обоснования, или объяснения. Если предположить, что внутрисловная парадигма может быть представлена инвариантной - прямой номинативной - семантической единицей и противопоставленными ей вариантами - производными единицами, то данное положение само по себе допускает возможность его интерпретации как в динамическом ключе, направленном на выявление схем, моделей, правил образования путем сопоставления исходной и производной единицы, так и в традиционном статическом плане, связанном с описанием упорядоченности ЛСВ (такой подход представлен, например, в [Кретов, 1983]). Таким образом, внутрисловная парадигма выступает в качестве микроструктуры, которая описывает, с одной стороны, совокупность ЛСВ, а с другой - результат процесса и сам процесс образования этих единиц. Иными словами, данная структура может быть представлена и как статическая, и как динамическая.

В статическом и динамическом (деривационном) аспекте можно описать и всю лексическую систему в целом. Например, в трудах Л.В.Щербы выделяются активная и пассивная грамматика, различие между которыми, по мнению ученого, обусловлено исходной точкой зрения [Щерба, 1974].

Безусловно, язык содержательно не исчерпывается только деривационными категориями. Единицы языка не только производятся, но и воспроизводятся. Устойчивость и постоянство, подчеркивающие актуализационную сторону языка, также являются его существенными свойствами [Гаспаров, 1996]. Вместе с тем, язык явление историческое и непрерывно изменяющееся: в каждое новое мгновение он другой. Поэтому

справедливым является утверждение о том, что "язык переходит из одного состояние в другое с каждым новым деривационным шагом" [Мурзин, 1998. С. 246]. Оформление содержания и выражения мысли в языке связаны, в первую очередь, с деривацией. Процессы семиозиса, представляющие собой операции синтезирования смысла (не исключая также и аналитические операции) ориентируются на творческое начало в языке и направлены, прежде всего, на производство единиц языка. Говоря словами В.фон Гумбольдта, "поистине язык представляет нам не сами предметы, а всего лишь понятия о них, самодеятельно образованные духом в процессе языкотворчества; об этом-то образовании, поскольку в нем приходится видеть нечто вполне внутреннее, как бы предшествующее артикуляционному чувству, и идет у нас речь" [Гумбольдт, 1984. С. 103]. Внутренняя форма языка, о которой в данном случае идет речь, у Гумбольдта связана с процессами и способами языкотворчества, с идеей энергий.

Теоретической основой изучения деривационного измерения лексико-семантической системы русского языка, предпринятого в данной работе, является рассмотрение языка в его целостных и живых связях как созидющего процесса, "энергейи", как деятельности. В этой связи одна из гипотез исследования заключает в себе предположение о том, что не воспроизводство единиц определяет сущность языка, а их производство, и деривационные отношения являются базовым типом отношений на всех уровнях языка, включая и уровень лексической системности. Основными способами реализации деривационных отношений в языке являются парадигматика и синтагматика. Объединенные отношениями когерентности, связанности единиц по форме и содержанию, данные типы отношений принципиально различаются по типу этой связанности. Парадигму и синтагму объединяет диалектическое единство отношений тождества и различия, определенный внутренний баланс сил, нарушение которого приводит к разрушению как синтагмы, так и парадигмы.

Синтагматика и парадигматика являются как бы абстрактной моделью речи, отражая две ее взаимосвязанные стороны. С одной стороны, "на

синтагматическую ось выходит один из членов парадигмы, поэтому конститутивным признаком парадигматической группировки слов является возможность их вхождения в одну и ту же точку семантической оси с некоторыми регулярными видоизменениями смысла, но без изменения структурной схемы словосочетания или предложения" [Денисов, 1980. С.122]. Содержание языковой единицы, ее значимость, в определенной степени "является лишь как бы конденсацией употреблений" [Курилович, 1962. С. 18]. С другой стороны, "лексическая парадигматика дана в тексте в скрытом виде" [Новиков, 1982. С. 94], и значимость лексических единиц, определяемая в системе путем их взаимного противопоставления как членов определенных парадигм, является важнейшей структурной характеристикой, определяющей их непосредственное речевое взаимодействие. С одной стороны, узвальное значение есть отвлечение от бесконечного количества употреблений данного слова с другими словами, но с другой стороны, данное слово появляется именно в таких сочетаниях, а не в других как раз благодаря своему значению.

Вместе с тем данные аспекты слова именно в силу их деривационности обладают достаточной степенью автономности, что не позволяет ни вывести семантику лексемы из ее синтактики, ни полностью объяснить ее синтактику, исходя из семантики. Сравнивая ранние попытки вывести парадигматические семантические характеристики лексемы из синтагматических [Апресян, 1967; 1974; Мельчук, 1974] с более поздними попытками объяснить синтагматические свойства лексемы ее парадигматическими семантическими свойствами [Филлмор, 1981; Wierzbicka, 1988; Падучева, 1992], можно отметить, что и те и другие базируются на объективно существующей связи лексико-семантической парадигматики с синтагматикой. Ее основу составляют отношения когезии, (взаимопроникновения), приводящей к интерференции и деривации смыслов. Данное отношение может быть проиллюстрировано многочисленными языковыми фактами. К их числу относится, например, явление семантического стяжения, случаи которого весьма разнообразны и многочисленны в языке. Природа семантического стяжения достаточно прозрачна: в языковом плане это приобретение словом с определенным

значением, устойчиво сочетающимся с другим словом (со своим определенным значением), значения всего словосочетания [Шмелев, 1973. С. 181].

Влияние синтагматических связей слова на его семантику проявляется не только в семантическом стяжении. Смещение значения слова может быть обусловлено тем, что слово воспринимается в составе определенного словосочетания, значение которого так или иначе окрашивает, или "заражает" (contagion), по образному выражению М.Бреала, и его собственное значение. На семантику слова влияет не только его употребление в сочетании с определенными словами, т. е. лексическое окружение, но и синтаксический контекст. Из множества причин семантических изменений, сложно переплетающихся между собой, роль синтагматических связей слова при разнообразных изменениях значений слов вообще очень существенна. Изменение сочетаемости слов, как лексической, так и нередко синтаксической, является во всех случаях наиболее объективным показателем происходящих семантических сдвигов.

М.В.Панов следующим образом подчеркивал двоякую деривационную сущность слова в контексте: "Поэтический неологизм, созданный "для удивления", конечно, закрепляет тот довесок, который дан его единственным контекстом: обычное же слово, встречающееся в тысячах контекстов, не столь податливо к требованиям данного единичного контекста – *не только подчиняется ему, варьируя свое значение, но и само создает в данном словосочетании контекст для других слов: оно и в контексте, оно и контекст*" (курсив наш – М.Ш.) [Панов, 1997. С. 66].

Функциональную сущность парадигматики тот же ученый определял как отождествление единиц – отношение единиц, чье различие обусловлено положением в разных позициях. Строение парадигм обусловлено законами чередования. Отличительной особенностью единиц, входящих в состав парадигмы, в отличие от синтагмы, является их нечленимость, континуальность [Там же. С. 14-23]. Природа данного свойства связана с тем, что в основе каждой парадигматической единицы содержится предидирующее начало, синтагма, носящая, однако, характер "глубинной", не выраженной

структуры. Поэтому деривационная сущность проявляется в парадигматических связях слов не столь очевидно. Она поддается описанию в результате применения специальных методик, направленных на выявление лексико-семантической деривации: например компонентного описания сопоставляемых семантических структур и определение динамики смысловых компонентов результативного значения (по сравнению с исходным) с целью реконструкции деривационного акта.

Само свойство диалектической взаимопроницаемости синтагматических и парадигматических характеристик слова является не только предметом изучения, но и одновременно средством познания соотносительных значимостей слова. Данный принцип находится в основе дополняющих друг друга методик дистрибутивного и трансформационного анализа (см. об этом подробнее [Апресян, 1967; 1974; Мельчук, 1974; ТКС, 1984], а также методики контекстного анализа. Например, в методике контекстологического анализа, предложенной Э.В.Кузнецовой, в одном случае объектом и целью анализа является выявление специфики значений слов-синтагм, обусловленной влиянием контекстных партнеров; в другом случае цель состоит в выявлении типовых условий реализации определенных значений слов, и компонентный анализ исходных значений слов является этапом на пути их установления (см. [Кузнецова, 1989. С.96-98]). Более подробному описанию парадигматических отношений в деривационном аспекте посвящена Глава III настоящего исследования.

Деривационный план описания языка в рамках общей динамической модели опирается на понятие деривации как процесса преобразования функции исходной единицы, ведущей к изменению данной единицы, либо к изменению значения этой единицы. Данное понятие деривации связано, прежде всего, с исследованиями Ежи Куриловича [Курилович, 1962].

В настоящее время становится очевидным, что деривационные процессы происходят на всех уровнях языка, а в деривационные отношения вовлекаются как одноуровневые, так и разноуровневые единицы. Само понятие деривации при обращении к динамическим характеристикам языка и активизации

исследований в этом направлении приобретает более размытые границы. Наиболее терминологически строгой и одновременно исчерпывающей представляется дефиниция Е.С.Кубряковой, согласно которой деривация определяется как "процесс образования или результат образования в языке любого вторичного знака, т.е. знака, который может быть объяснен с помощью единицы, принятой за исходную, или выведен из нее путем применения определенных правил" [Кубрякова, 1974. С. 64].

Такая трактовка деривационных процессов выявляет универсальную значимость принципа деривации в системе языка. Об универсальности данного принципа свидетельствуют также материалы межвузовских сборников "Вопросы словообразования в индоевропейских языках" [1978; 1979; 1983; 1985; 1991] "Деривация и семантика: слово – предложение – текст [1986]; "Деривация и история языка" [1987]; "Проблемы деривации в системе языка и в речевой деятельности: синхронное словообразование и номинация [1995]; "Функционирование значимых единиц языка: детерминационные отношения в системе и тексте" [1990]; "Детерминационный аспект функционирования значимых единиц языка: языковые и неязыковые факторы" [1993]; "Проблемы лексикографии, мотивологии и дериватологии" [1998] и другие, в которых деривационное функционирование рассматривается как сфера функционально-динамического пространства языка, охватывающего разные планы и аспекты.

При широком понимании деривации в сферу деривационных отношений на лексико-семантическом уровне языка вовлекаются все лексические единицы, сохраняющие смысловую связь с исходными для них, производящими величинами. В литературе определены универсальные признаки, характеризующие деривационные процессы [Шмелев, 1973; Кубрякова, Панкрац, 1982; Кудрявцева, 1993]. К их числу относятся моделируемый характер деривационных процессов, что позволяет анализировать деривацию в формально-содержательном плане; полная или частичная предсказуемость функционально-семантического сдвига, осуществляемого в процессе применения к исходной величине той или иной формальной операции; мотивированность производной единицы;

структурированность процесса, заключающаяся в оптимальном согласовании субстанции, структуры и функции процесса и тесно связана с моделированием процесса [Кудрявцева, 1993. С. 39-40]. Универсальность данных признаков позволяет применить их к любому акту деривации, реализованному тем или иным способом. При этом проявление данных универсальных признаков при различных способах деривации представляет собой нечто особенное, в котором "сплавлены" в нерасторжимом единстве и взаимодействии как общие (универсальные), так и единичные характеристики.

Определяя статус эпидигматических отношений (по Д.Н.Шмелеву) в общей лексико-семантической системе языка, рассматриваемой в деривационном контексте, мы придерживаемся в данном случае той же диалектики общего – особенно – единичного, которая касается любого другого способа реализации деривационного отношения в лексике. С нашей точки зрения, эпидигматика не противопоставлена парадигматике и синтагматике как особенное – деривационное – измерение лексики, поскольку вписывается в систему как синтагмо-парадигматическое проявление внутренней формы слова на уровне словаря, обеспечивающее реализацию деривационной функции слова в речи. На уровне эпидигматики деривационная сущность синтагмо-парадигматического плана лексики выражается в наиболее специализированной форме. Эпидигматика вписывается в парадигматику и синтагматику как особый способ реализации деривационных отношений в лексике. Собственно семантические (внутрилексемные) и формально-лексические отношения, представляющие собой две стороны эпидигматических отношений, встраиваются в модели образования новых лексико-семантических и лексических единиц, которые имеют либо парадигматическую, либо синтагматическую направленность. Идея о возможности осуществления классификации типов внутренне мотивированных лексико-семантических (внутрилексических) и лексических (между словами) трансформаций с опорой на понятия лексической парадигматики и синтагматики первоначально была высказана Р.О.Якобсоном (см. обобщение позиции Якобсона в работе Р.Барта [Барт, 1975. С. 140], затем также в

[Журавлев, 1982; Кудрявцева, 1993]. Интуитивно осознаваемая связь двух векторов эпидигматического развития слова с двумя основными способами системности (в данном случае на лексико-семантическом уровне) может свидетельствовать, с одной стороны, о когерентном, согласованном протекании всех деривационных процессов в лексико-семантической системе, и, с другой стороны, о некогерентности, возникающей при реализации деривационного отношения тем или иным способом.

В подтверждение нашей точки зрения рассмотрим отличительные свойства эпидигматики, по сравнению с парадигматикой и синтагматикой, которые обычно приводятся при обсуждении данной проблемы. Исследователи эти отличия видят в том, что "дериватика лежит в совершенно иной плоскости категориальных семантических переходов, и ее единицы - словообразовательный тип и эпидигматический тип регулярной полисемии". И далее: "словообразовательное гнездо имеет цепочечный характер иного рода. Словообразование естественным образом связано с "семантическим словообразованием", что дает возможность говорить об особых разновидностях лексических групп: о деривационных гнездах. Их главное отличие от семантических полей состоит в том, что они, во-первых, являются контрастным фоном противопоставления только на уровне глубинного синтаксиса и семантики, во-вторых, относятся к семантическому потенциалу языка, составляя в нем базу дальнейших номинаций, окказионально возникающих производных слов, окказиональных употреблений слов, понятных в контексте и конситуации именно на фоне основного и второстепенных значений переосмысляющегося слова" [Денисов, 1980. С. 123].

Нам представляется, что в перечисленных свойствах дериватики (эпидигматики) содержатся такие, которые явным образом не противопоставляют ее парадигматике и синтагматике. Вместе с тем, автор, указывает и на такие свойства, которые выделяют деривационные отношения в ряду других, и это связано с особой формой их выражения. Прокомментируем сказанное.

Мысль о естественной связи словообразовательной деривации с семантической в контексте соотнесенности с проблемой выделения эпидигматики в качестве самостоятельного измерения лексики подчеркивается и Д.Н.Шмелевым: "Способность слова вступить одновременно в различные лексико-семантические парадигмы (а соответственно в синтагматические сочетания с другими словами), находит соответствие и в деривационном разветвлении данного слова" [Шмелев, 1973. С. 199]. Вместе с тем, особенности семантических отношений внутри слова определяют не только деривационные возможности слова. Истоки семантического развития слова, часто весьма противоречивого, реализуются затем на уровне межсловных и синтагматических связей [Сергеева, 1984. С. 23]. И в этом смысле дериватика не противопоставлена парадигматике и синтагматике, а, напротив, объединяется с ними. Синтагматические, парадигматические и деривационные значения определяются отношениями данного знака к другим знакам внутри знаковой системы и образуют совокупность их реляционных свойств (значимостей), существующих наряду с абсолютными свойствами (Ф. Соссюр). На основании данных свойств и отношений выделяются соответствующие аспекты лексико-семантической структуры языка. С этой точки зрения, словообразовательная "ось" лексико-деривационных отношений противопоставлена другой "оси" в рамках эпидигматики - внутрилексемным семантическим отношениям (эпидигматике в узком смысле слова). Эта противопоставленность возникает вследствие того, что результатом семантической деривации является, как правило, появление качественно новой дискретной номинативной единицы. Словообразовательная деривация осуществляется на базе семантической деривации и в тенденции направлена на преобразование категориальной семантики исходного слова, выраженной особой словообразовательной формой. Ее механизм состоит в восприятии конкретного вещественного значения исходного слова и придании ему той или иной категориальной оформленности.

Особенность деривационных полей, заключающаяся в том, что они "являются контрастным фоном противопоставления только на уровне

глубинного синтаксиса и семантики" (П.Н.Денисов), также не представляется нам отличительной. Идеи о глубинных / поверхностных структурах и производности предложений, высказанные Н.Хомским, с начала 70-х годов приобретают в языкознании характер универсального принципа языка в целом, и его словарного состава в частности [Филлмор, 1981; 1981а; Гак, 1973; Сильницкий, 1973; Янценецкая, 1983; 1992; Панкрац, 1992; ЯиСПЗ, 1992; Кубрякова, 1994; 1998б; СПЗвЯ, 1994; КСКТ, 1996; Лебедева, 1999]. М.Н.Янценецкая, делая обзор работ сибирских дериватологов, писала: "Если исходить из того, что пропозициональный подход характеризуется универсальностью и показывает способ мышления и организации человеческого сознания, то следует признать, что язык "ориентирован" на пропозицию, которая является смысловой основой языковых единиц разных уровней. Это означает, что структура пропозиции, ее компоненты и характер связей между предикатом и его аргументами находит отражение не только в синтаксических предикативных единицах, но и в морфологических формах, словообразовательной структуре и лексической семантике, хотя и в специфическом, "свернутом" виде [Янценецкая, 1992. С. 4]. Наиболее полное выражение пропозиция получает в актуализированных синтаксических конструкциях, в остальных случаях наблюдается та или иная степень ее компрессии. Поэтому различия между пропозициональным смыслом, выраженном в предложении и заложенном в семантической структуре производного слова, заключаются в степени его репрезентативности на уровне формы. Если в поверхностной структуре предложения смысловые компоненты пропозиции стремятся быть выраженными в полном объеме, а реальная полнота/неполнота носит коммуникативный характер, то в семантической структуре производного слова пропозициональная структура представлена в рамках того или иного мотивационного аспекта (компонента пропозиции). Поэтому степень определенности, с которой пропозиция отражается в семантике слова, может быть разной.

Идея о пропозициональной природе языковых единиц становится актуальной на новом этапе развития лингвистической мысли, связанном с

развитием когнитивной лингвистики. В рамках когнитивного направления в изучении языка, в фокусе внимания которого - "описание и объяснение внутренней когнитивной структуры и динамики говорящего-слушающего" [Демьянков, 1994. С. 22], языковые формы репрезентации различных структур знания, пропозициональные модели находятся в центре исследовательской парадигмы. Эксплицитно или имплицитно они признаются в концепциях ученых, стоящих на противоположных позициях в рамках самых разных когнитивных теорий, в большей степени, в рамках экспериенциального реализма, обращающегося "к обыденному сознанию и естественной логике событий, к принципам восприятия и осмысления мира в ходе его предметно-наглядного познания и т.п". [Кубрякова, 1992. С. 84]. Когнитивный подход позволяет уточнить понятие пропозиции за счет более полного вовлечения в сферу анализа принципов восприятия мира: все внешние события, объекты, явления воспринимаются в их взаимодействии, взаимоотношениях, в их связях. Эти связи имеют место между разными сущностями, а представления о связях или отношениях между объектами формируются наряду с представлениями о самих объектах и порождают особый тип репрезентации знаний – пропозициональный (D.Norman; D.Rumelhart).

В когнитивной науке пропозиция рассматривается в качестве структуры сознания, единицы хранения знания, единицы, представляющей мир и выступающей в виде определенной формы его репрезентации в языке. В наиболее общем виде многие ученые разделяют определение пропозиции, как отражающей некие онтологически существующие отношения между предметами или предметом и его свойством и осмысленные как таковые в голове человека [Кубрякова, 1986]. Понятие пропозиции используется для репрезентации концептов глаголов и имен и соотносится на более глубинном – денотативном - уровне с понятием полиситуативной структуры - ситуатемы [Лебедева, 1999]. По мнению данного автора, полиситуативность, отражая онтологический план содержания языковой единицы, ассоциируется с лингвистической единицей и проявляется на всех уровнях ее системной

организации (лексико-грамматическом и лексическом; морфемно-derivационном; синтагматическом) [Там же. С. 241].

Из всего сказанного следует, что непрямая и производная лексика не контрастирует на уровне глубинного синтаксиса и семантики. Их различия находят отражение на поверхностном уровне реализации: у производных слов проявляются в формировании особого рода значимостей, связанных с особой (внутренней и внешней) формой репрезентации глубинного содержания в слове (парадигматический аспект) и особым – деривационным-функционированием в тексте (синтагматический аспект).

Д.Н.Шмелев, вычлняя вербальные ассоциации, лежащие в основе деривационно связанных слов, и противопоставляя их другим видам словесных ассоциаций, видел их отличительные особенности прежде всего в актуализации внутренней формы слова как его особой деривационной значимости. Ученый выделял два типа такой актуализации. Первый случай связан с фактами осознания внутренней формы слова носителями языка. Такие факты мы находим в метаязыковых текстах, в которых лексическая семантика толкуется путем указания на собственно языковые связи слов [Шмелев, 1973. С.197-199; а также: МДС, 1984; Блинова, 1984; 1995; Блинова, Ростова, 1985; Янценецкая, 1991; Ростова, 2000; Катышев, 2000; Глотова, 2003].

Детерминационные отношения, формально выраженные в деривате, также могут проявить себя в случае "оживления" деривационных связей при семантизации нового, непривычного, с точки зрения обычного восприятия, слова. "Новые слова, которые возникают перед нами, мы стараемся как-то соотнести с уже знакомыми нам единицами языка"; "чаще всего единственным путем к этому бывает выяснение мотивированности слова разложением его на составляющие его элементы, которыми определяется его значение, или обнаружением тех дифференциальных признаков известного нам значения этого слова, которое легло в основу его нового для нас смыслового применения" [Шмелев, 1973. С.202-203]. Роль внутреннего контекста (словообразовательной структуры слова) при осознании незнакомого слова

получила всестороннее описание и экспериментальное подтверждение в [Сахарный, 1985].

Внутренняя форма, являясь основой межлексемных мотивационных отношений, может выполнять системообразующую роль, оказывая влияние на парадигматические и синтагматические связи производных слов и их соотношение. С одной стороны, словообразовательные компоненты слова, после его возникновения уходят в тень, на периферию семантики и морфемной структуры производной единицы, "предоставляя ему тем самым возможность функционировать по принципу непродеривированной единицы" (М.Н.Яценецкая). В обиходной практической речи звучание таких слов часто не замечается (чем привычнее слово, тем меньше обращается внимания на его звуковую сторону). Идиоматичность слова как бы поглощает мотивированность его значения. В этом смысле слово вполне оправдывает свое определение как "единицы наименования, характеризующейся цельноформленностью и идиоматичностью" [Шмелев, 1977. С. 53]. Вместе с тем, детерминационные отношения, формально выраженные в деривате, могут проявить себя в определенных условиях его функционирования. Пример Д.Н.Шмелева со словом *проливной (дождь)* (от *пролиться и пролить* - "выпасть, пройти (о сильном дожде)") является одним из многочисленных фактов, свидетельствующих о том, что живая внутренняя форма (мотивированность) в условиях особой парадигматической противопоставленности способна актуализироваться и взаимодействовать с актуальной лексической семантикой, перейти в разряд актуальной деривационной значимости и тем самым оказывать влияние на парадигматическую закрепленность слова и ее синтагматическую реализации.

Внутренняя форма является тем компонентом, который несет в себе следы образования слова и одновременно ставит его в систему синхронных связей и отношений между единицами. Система внутрилексемных и межлексемных мотивационных отношений отражает существующие в языке типы и принципы номинации и вследствие этого составляет базу семантической и формально-семантической деривации. "Внутренние формы

слов, формирующие и в то же время реализующие типы номинации, продуктивные на современном этапе развития (...), выполняют функцию межлексемных связей, поддерживают, питают и собственно словообразовательные отношения и, в свою очередь, порождаются ими" [Янценецкая, 1991. С.63-64]. Номинативная и словообразовательная функции, опирающиеся на деривационную структуру производного слова, в реальном речевом функционировании, подчиняясь внутритекстовой детерминации, либо поддерживают друг друга, либо проявляются относительно независимо. Имея свою специфику, деривационное функционирование отнюдь не растворяется в номинативном.

Специфика деривационного функционирования слова обусловлена тем, что "лексическая деривация, как и любой другой тип деривации, в конечном счете, удовлетворяет потребность в построении текста" [Мурзин, 1984. С.43]. Цели и механизмы лексической деривации в тексте органически включены в цели и механизмы порождения всего данного текста, в котором конкретные речевые ситуации и контекст широко используются в качестве естественных суппозиций и мотивов новообразования. "Деривационное функционирование слова в тексте включено в процессы самодетерминации текста, когда одни элементы как бы сами "тянут" за собой другие, и это обстоятельство делает номинативную функцию как бы пусковым механизмом имманентных текстовых процессов. (...) Эти протяженные смыслы и формы, которыми пронизан текст, создают особый срез его системности, отражаемый в словаре, а через его опосредование и в языковом сознании, например, в факте словесных ассоциаций по форме, которая способна "притягивать" одно слово к другому почти так же, как семантика" [Голев, 1998.с.72-73]. Протяженность формы и семантики лексических единиц в пределах лексико-деривационного ряда в тексте носит ярко выраженный синтагматический характер. Деривационная (словообразовательная) функция эпидигматов в тексте и определяет ту специфику, которую они обнаруживают и в рамках системы наряду с другими отношениями слов.

Признание порождающих способностей текста включает в сферу внимания исследователей в области словообразования и деривационной лексикологии вопрос о системной языковой базе такого порождения. Исследования функциональной направленности формы и значения слов показали, что, имея пропозициональную структуру в качестве своей смысловой основы, словесные единицы репрезентируют ее на поверхностном синтаксическом уровне текста (актуализируя тот или иной ее компонент) в том или ином аспекте в зависимости от занимаемой синтаксической позиции [Резанова, 1996].

Подводя итоги, отметим, что эпидигматика не образует самостоятельной оси системности в лексике, которая существовала бы наряду с парадигматикой и синтагматикой по принципу дополнительности. Данные отношения встраиваются в парадигматические и синтагматические отношения как специфическая их разновидность, выделяемая на основании содержания детерминационности (деривационной зависимости) и ее формальной выраженности во внутренней форме слова. Причем эта специфика настолько очевидна и выразительна, что имеет смысл говорить о "эпидигматической" парадигматике и синтагматике как о двух взаимообусловленных структурах.

Системообразующая функция эпидигматов обнаруживает свою специфику в рамках общей лексико-семантической структуры языка только при рассмотрении ее в единстве с деривационной функцией. Деривационное функционирование слова, многообразно проявляющееся в языке и речи, в данном случае, заключается в активном участии внутренней формы слова при его употреблении, т.е. в использовании формальных суппозиций слова при выборе лексической единицы в тексте. Функциональная ось эпидигматики определяет системный план лексики: отношения, базирующиеся на деривационных связях слов в словаре. Словарная и функциональная оси системности органически связаны между собой: системно-эпидигматическая организация текста во многом формируется как реализация словарной эпидигматики, а пополнение и структурирование эпидигматических отношений в словаре осуществляется через текстовую эпидигматику.

1.4. Типы деривационных лексических оппозиций

Исходя из задач нашего исследования, основным объектом в работе являются слова, связанные деривационными отношениями. При широком понимании лексической деривации, которое было заявлено в предыдущем параграфе, следует более подробно остановиться на разновидностях, которые попадают в общий круг деривационных отношений в лексической системе, и отдельно оговорить те виды отношений, которые будут объектом непосредственного наблюдения при описании системы в данном исследовании.

На основе деривационной функции эпидигматов формируется особая область парадигматических отношений мотивационно связанных слов - смысловые парадигмы с отношениями мотивации, представляющие собой опредмеченные деривационные процессы. Данные парадигматические отношения, в свою очередь, реализуются в речевых деривационно-мотивационных процессах. Отношения, закрепленные в эпидигматической парадигматике языка, являются одним из главных факторов, обеспечивающих реализацию деривационной функции слова в тексте.

Область деривационных отношений в лексике в лингвистической литературе обычно рассматривается как внутренне цельная [Шмелев, 1973. С. 191]. Мы полагаем, что деривационный план лексической системности формируется не только за счет интеграционных тенденций, но и благодаря дифференциальным процессам. Системная деривационная парадигматика представляет собой поле с неравноценными в семантико-функциональном отношении участками, взаимодействие и противопоставленность которых образуют особого рода значимости, преобразующие деривационное поле в целом в динамическую, перестраивающуюся и подстраивающуюся, подвижную структуру. В связи с этим, одна из важнейших исследовательских задач состоит в том, чтобы выявить основные участки системной эпидигматики, которые, находясь в отношениях семантико-функционального взаимодействия и противопоставленности, обеспечивают действенный механизм самодвижения и саморазвития данной системы. Проблема

соотношения (семантико-функционального взаимодействия и дифференциации) основных деривационных сфер языка находится в общем контексте нерешенности вопроса о месте деривационных отношений в языке.

Наше понимание места деривационных отношений в лексической системе сближается с позицией Н.В.Крушевского, который рассматривал эти отношения в ряду с другими системными отношениями слов по линии формальной и семантической соотносительности [Крушевский, 1998]. Как было отмечено в предыдущем параграфе, эпидигматические отношения не являются равноправным членом в ряду парадигматика / синтагматика / эпидигматика, а встраиваются в парадигматические и синтагматические отношения как их специфическая разновидность, выявляемая по содержательным и формальным основаниям, как особая осложненная форма проявления парадигматики и синтагматики. Осложненность проявляется в дополнении их формальной семьей (образованием или актуализацией ВФС) и детерминационной семьей (обусловленностью выбора или создания мотивата формой и семантикой мотиватора). Детерминационность, сохраняясь в той или иной мере в отношениях словарных единиц, обнаруживается в связи с деривационным функционированием лексики.

Потенциал деривационного поля слова в силу его бесконечной смысловой и формальной валентности, весьма значителен. В сферу отношений деривационного типа включаются оппозиции слов, связанных отношениями семантической деривации, формально-семантические отношения исходного слова со всеми производными словами в гнезде, все типы парадигматических и синтагматических отношений связей однокоренных слов, образующих деривационное (лексическое) гнездо слов, а также детерминационно-деривационные отношения между разнокорневыми словами (не имеющие выражения во внутренней форме слова).

Смысловые парадигмы с отношением мотивации отличаются от немотивационных парадигм неравенством членов, выводимостью одного из них. Это проявляется в наименовании их членов: в мотивационных парадигмах говорят о мотивирующем члене и мотивате. Мотивационные парадигмы, как и

другие разновидности смысловых парадигм, могут быть разной степени сложности и комплексности.

Объединяясь свойством мотивационной связанности, члены деривационных парадигм образуют, как уже отмечалось, внутренне дифференцированную (по другим основаниям) область отношений. Центральной оппозицией лексической деривации, организующей всю лексико-деривационную систему, является противопоставление двух ее форм - семантической и формальной (словообразовательной).

Семантические дериваты - лексико-семантические варианты - представленные формально одной лексемой и внутренне связанные, образуют структуру лексического значения или смысловую структуру слова. Такая структура основывается на различных взаимосвязях ЛСВ: функциональных ("первичная - вторичные функции"), компонентных (для некоторых видов полисемии - общность сем) и ассоциативных. Ассоциативные связи, психологические по своей природе, выступают в языке как семантическая мотивированность лексико-семантических вариантов. Связность, или семантическая мотивированность, значений слова проявляется в их способности обнаруживать непрерывную последовательность или общность внутренних форм [Виноградов, 1972; Звегинцев, 1960; Шмелев, 1973; Новиков, 1982]. Понятие семантической мотивированности как общности и непрерывности внутренних форм ЛСВ является центральным при анализе структуры лексического значения. "Различная степень близости ЛСВ, реализующих вторичные функции, подсказывают логику связи частных значений слова на основе раскрытия их внутренних форм" [Новиков, 1982. С. 163; см. также Беляевская, 1987].

Выделяют два основных вида конфигурации ЛСВ в семантической структуре лексем: радиальный (иррадиация) и цепочечный (конкатенация). В большинстве случаев в многозначных лексемах реализуется смешанная - радиально-цепочечная конфигурация ЛСВ. Следует отметить, что семантическая соотнесенность, особенно на синхронном уровне, ощущается не только между двумя отдельными ЛСВ, но и между несколькими ЛСВ

одновременно. В этом находит отражение принцип "диффузности значения" (Д.Н.Шмелев, Ю.Д.Апресян). С другой стороны, связь между ЛСВ с мертвой внутренней формой (О.И.Блинова) и всей остальной семантической структурой не всегда ясно ощущается.

Элементарная *словообразовательная мотивационная парадигма* - словообразовательная пара - объединяет производное и производящее слова. Более сложные парадигмы этого типа объединяют:

1) пары таким образом, что каждый их член, кроме исходного, одновременно является и производным и производящим; данный вид парадигм именуется словообразовательными цепями или цепочками [Земская, 1999. С. 391; Тихонов, 1985. С. 41; Гейгер, 1986. С.12];

2) кодериваты одного производящего, называемые словообразовательной парадигмой (в узком смысле) [Земская, 1999. С.392; Тихонов, 1985. С. 41];

3) цепи и парадигмы, образующие вместе словообразовательное гнездо [Земская, 1999. С.416; Тихонов, 1982; 1985].

Поскольку все комплексные мотивационные парадигмы формируют мотивационные пары, характер формальных отношений в смысловой мотивационной парадигме обычно демонстрируется на них. Наиболее распространенными являются отношения формального сходства при совпадении корня и расхождении в аффиксальной части. Они имеют место в классических мотивационных парадигмах, которые составляют основной объект словообразования и описываются в словообразовательных словарях (см. например: [Тихонов, 1985]).

При неохарактеризованности формальных отношений членов мотивационной парадигмы говорят о супплетивном словообразовании [Балли, 1955; Мельчук, 1972; Апресян, 1974]; к этому, вероятно, можно добавить случаи с неполным супплетивизмом (*расследовать - следователь; вносить - взнос; выйти - выходит*); случаи радиальной мотивации типа ("*бавить*" - *прибавить, добавить, "перебавить"*); дериватов со смещенной в плане взаимоотношений формы и семантики мотивацией (*живот/брюхо - брюшной пресс; большой/великий - великоватый размер*) [Голев, 1998. С. 73-74].

Супплетивные мотивационные парадигмы можно рассматривать как разнокорневую реализацию типовых мотивационных парадигм (см. об этом далее в Главе II). Русский язык располагает большим количеством мотивационных супплетивных парадигм, существенно расширяющим границы деривационного поля слова и лексико-деривационной структуры языка в целом.

Классические мотивационные (словообразовательные) парадигмы симметричны: большая смысловая сложность деривата соответствует его большей формальной сложности. Случаи нарушения этой симметрии при незыблемости корневого тождества описаны в [Мельчук, 1967; 1968; 1969; Земская, 1973. С.69 - 76; Янценецкая, 1982. С. 120 - 124; 1984]. В парадигматической систематике приоритет классических однокорневых парадигм является своеобразным гарантом парадигм асимметрических. В ССРЯ асимметричные парадигмы не фигурируют. Однако по свидетельству дериватологов, "лексические мотивационные связи, не совпадающие со словообразовательными, обладают потенциальной способностью служить схемой построения новых слов" и являются одним из "важных факторов, ведущих к изменению словообразовательной системы" [Янценецкая, 1984. С. 16, 17]. Поэтому гнездовой словарь с их участием мог бы продемонстрировать "соотношение и специализацию разных типов словообразования и их конкуренцию в отдельных клетках деривационных парадигм" [Шмелева, 1987. С.14].

Что касается направленности мотивационных отношений между однокорневыми словами, возникающих в текстах, то она согласуется с типом их включенности в глобальный и непрерывный деривационно-мотивационный процесс. Этот процесс относится к ведению особого раздела лексикологии, предметом которого выступает деривационное функционирование слова и системное описание текстовой деривации. К изучению данного предмета, по свидетельству самих дериватологов, деривационная лексикология еще только подступает [Голев, 1985; 1998; Гусар, 1995; Трубникова, 1997 и др.].

Предметом деривационной лексикологии являются не только мотивационные отношения классического типа. В деривационном ключе могут быть рассмотрены также парадигматические и синтагматические связи разнокорневых слов. Классическими мотивационными парадигмами являются пары однокорневых антонимов. Среди антонимов регулярны однокорневые пары: *весело - невесело; конечный - бесконечный; подход - отход; загадка – отгадка*. Парадигмами принципиально того же типа являются пары разнокорневых антонимов, так как они легко могут быть истолкованы друг через друга (пассивность - отсутствие активности) (см., например, в [Шмелева, 1987. С.13-14]).

К числу отношений деривационного типа относятся многочисленные случаи иных парадигматических связей слов. Так, функциональные эквиваленты лексем, образующие синонимические пары и ряды слов, могут быть интерпретированы как парадигмы лексических вариантов, связанных единством семантических функций [Кузнецова, 1989. С. 128]. Элементы этих рядов неравноправны: в них, как правило, имеются слова-доминанты, с которыми соотнесены все другие члены ряда. Роль доминантной лексемы в чем-то аналогична роли основного значения во внутрисловной семантической парадигме многозначного слова или роли мотивирующего слова в паре мотивационно связанных слов. Доминантой является, как правило, наиболее употребительная и нейтральная лексема, выступающая в основном значении, наиболее приспособленная к выполнению семантической функции, которая объединяет слова-синонимы. Остальные члены синонимического ряда могут быть рассмотрены по отношению к доминантной лексеме как лексические (семантические), стилистические, разного рода контекстуально обусловленные дериваты. Тем самым, синонимия может и должна рассматриваться в аспекте семантико-деривационного развития слова, понимаемого как появления у слова новых значений на основе уже существующих в процессе функционирования слова в лексической системе языка.

Введение в сферу деривационных отношений в лексике таких пар слов, в которых мотивационно-деривационные отношения не находят отражение в

формальной структуре слова, а выражаются на уровне детерминационных сем – особого рода значимостей, появляющихся у слова в его парадигматических связях и проявляющихся в особенностях его семантико-синтаксического функционирования, значительно расширяет границы самой лексико-деривационной системы и усложняет принципы ее структурной организации.

Само понятие "рамок" или "границ" деривационного поля слова в пределах одного языка также является достаточно условным, так как объективной реальностью являются деривационные связи между словами, относящимися к различным диалектным и специальным сферам в общенациональном языке, а также между словами, относящимися к разным языкам. Общефилософский подход В.фон Гумбольдта к языку как "самодостаточному, самодостаточному и божественно свободному" организму (без сковывающей зависимости от народов), нашедший отражение в лингвистике языкового существования [Гаспаров, 1996], а также у многих других авторов в идеях равноценности, универсальности, тождественности языкового мира [Гадамер, 1988; Гаспаров, 1996; Лотман 2000], подтверждается на конкретном материале фактом универсальности принципа деривации в межъязыковом пространстве [Голев, 1989; Морозов, 2001; Сайкова, 2002]. С этой точки зрения, иноязычная лексика также может быть включена в пределы деривационного исследования¹. Само вхождение слова в систему другого языка можно рассматривать как один из этапов его деривационного функционирования в иной семиотической среде по сравнению с языком-источником.

Семантико-функциональное описание лексико-деривационной системы русского языка в полном объеме, в особенности, с учетом возможности ее выхода в интра- и транслингвальное пространство, является одной из перспективных (и проспективных) задач деривационной лексикологии. Вместе с тем для выявления общего механизма языкотворчества в области лексической системы, описания семантико-функциональной направленности ее основных сфер нам представляется необходимым и достаточным описание фрагмента данной системы. В этой связи хотелось бы привести суждения о

природе познания и задачах лингвистического исследования, высказанные В. фон Гумбольдтом: "Как бы мы ни фиксировали, как бы мы ни выделяли, как бы мы ни дробили, ни расчленили в языке все то, что в нем воплощено, все-таки многое в нем остается непознанным, и именно здесь скрывается загадка единства и одухотворенной жизненности языка. Ввиду этой особенности языков описание их формы не может быть абсолютно исчерпывающим, но оно достаточно, чтобы получить о языке общее представление. Таким образом, понятие формы открывает исследователю путь к постижению тайн языка, к выяснению его сущности. Пренебрегая этим путем, он непременно проглядит множество моментов, и они останутся неизученными; без объяснения останется и масса фактов, и, наконец, отдельные факты будут представляться изолированными там, где в действительности их соединяет живая связь" [Гумбольдт, 1984. С. 72].

В диссертационном исследовании представлен фрагмент целостной системы, охватывающий внутрисловные и межсловные эпидигматические отношения, носящие формально выраженный характер, а также представлено описание в деривационном аспекте парадигматических (синонимических и омонимических) отношений однокорневых слов. Включение в Главу II параграфа, посвященного супплетивам, вызвано стремлением полнее представить деривационный потенциал слова и продемонстрировать расширительное понимание самого явления супплетивизма с позиций представленной здесь деривационной концепции. Вместе с тем супплетивная деривация специальным предметом исследования в данной диссертации не является.

1.5. Деривационное пространство слова

В современную концептуальную лингвистическую парадигму входит понятие пространства языка, значимость которого состоит в том, что "описание языковых категорий и всей языковой системы как особых пространств со специфической для них стратификацией и структуриацией, в разных системах координат и с разными единицами измерения, с определением места того или

иного явления в системе координат или общем признаковом пространстве языка вполне отвечает новым представлениям о сути языка и эффективных методах анализа" [Кубрякова, 1997. С.13]. Пространство деривационных связей слова также многомерно. В данном параграфе содержится описание нашего представления о модели деривационного пространства слова: представленных здесь форм и отношений деривационного функционирования слова. Эти отношения рассматриваются нами как одна из важнейших составляющих деривационного потенциала слова, под которым подразумевается его готовность быть производящим (перспективное функционирование) и быть произведенным (ретроспективное функционирование).

Наша работа находится в русле построения модели "тождества слова" в рамках его стремления к бесконечному варьированию. Постановка и первичная разработка этой проблемы содержится в статье В.В.Виноградова "О формах слова", в которой он предлагает "различать два понятия и два термина - слово и лексема, т.е. лексическая единица языка, как система форм и функций, осознаваемая на фоне структуры языка в целом, или форма слова и слово" [Виноградов, 1975. С.37]. Слово как единица лексической системы имеет, таким образом, два статуса. Во-первых, статус самостоятельной номинативной единицы, отвлеченной от реальных функций в предложении. Во-вторых, статус синтаксического слова, элемента текста, в составе которого слова, соединяясь друг с другом, участвуют в создании и выражении общего смысла текста. В связи с этим уместно привести слова А.М.Пешковского: "...Мы должны различать два образа: один, возникающий у нас при произнесении отдельного слова, и другой - при произнесении того или иного словосочетания с этим словом. Весьма вероятно, что первый есть лишь отвлечение от бесчисленного количества вторых ... это "отвлечение" не есть плод научных размышлений, а живой психологический факт, и он может даже вопреки действительности, представляться как первосущность, а конкретные образы слов в словосочетаниях как модификации этой первосущности" [Пешковский, 1959. С.93-94].

С позиций осуществляемого нами подхода важным является понимание "тождества слова" и соотнесенности с ним понятия формы слова. "Сознание тождества слова покоится на понимании его семантического единства в многообразии его мыслимых видоизменений, а эти видоизменения выражаются не только в морфологическом облике слова, но и в различиях его синтаксических связей и функций" [Виноградов, 1975. С. 47]. Придавая понятию формы такое расширенное значение, В.В.Виноградов видел различие форм слова не только в разновидностях морфологической структуры, но и в разнообразии так называемых лексических форм. Выявленный ученым набор лексических форм, в своем составе содержит: 1) синтетические и аналитические формы словоизменения; 2) фономорфологические варианты слова; 3) этимологические варианты слова; 4) лексико-стилистические варианты слова; 5) лексико-синтаксические варианты слова; 6) лексико-фразеологические варианты. Думается, что к данному набору вариантов можно причислить еще одно звено, которое можно было бы назвать "морфодеривационными вариантами" или "формами" слова. Тем более, что косвенное указание на это содержится в словах самого ученого, который полагал, что "область формообразования относится к морфологии слова, а область словообразования - к морфологии лексемы" [Там же. С. 38]. К этому следует добавить и расширение у В.В.Виноградова понятия формы слова "за счет" словообразования (в современном понимании его границ) в связи с квалификацией им явлений типа модификационного словообразования именно как форм (ср. формы субъективной оценки: *пузырь* - *пузырек*, *щей* - *щец*; *хороший* - *хорошенький* или родовых форм: *волк* - *волчица*). К формам слова ученый относит также широкий круг суффиксальных, префиксальных и префиксально-суффиксальных глагольных и адъективных дериватов (*засесть* - *заседать*, *бледнеть* - *побледнеть*, *дичать* - *одичать*, *покинуть* - *скинуть*, *гулять* - *нагуляться*, *сидеть* - *наседеться*; *скверный* - *прескверный*; *добрый* - *предобрейший*); глагольных и субстантивных дериватов, образованных посредством "внутренней флексии" или звуковых чередований, чаще всего в связи с суффиксацией (*села* - *села*; *заподозрить* - *заподозривать*, *заходить* -

захаживать, нести - носить). Все приведенные здесь примеры содержатся в той части работы, в которой В.В.Виноградов характеризует основные способы образования форм слов, без разделения их на морфологию слова (формообразование в современном его понимании) и морфологию лексем (словообразование). Хотя выделение и в определенном смысле сближение (по подбору примеров) данных сфер варьирования слова В.В.Виноградовым заявлено как исследовательская проблема.

Таким образом, слово представляет собой систему сосуществующих, обуславливающих друг друга и функционально объединенных форм, каждая из которых связана со строго определенными, оправданными языковой структурой контекстами употребления. Стремясь к максимальному сохранению классификационных основ при характеристике различных форм слова, принятых В.В.Виноградовым, мы выделяем в деривационном пространстве слова четыре основных сферы, которые условно могут быть названы следующим образом: сфера фонетического варьирования, сфера морфологического варьирования, сфера словообразовательного варьирования и сфера лексического варьирования.

При описании вариативности языковых единиц представляется более целесообразным исходить из выделения не инварианта, противопоставленного вариантам, а константных признаков единицы, противопоставленных ее вариативным признакам. Константная и вариативная зоны могут быть выделены на основании множества конкретных реализаций. Константная зона при этом понимается не как некая абстрактная общность, связывающая все варианты (инвариант), а как "конкретный набор характеристик объекта, остающийся неизменным при всех его модификациях в реальных условиях употребления" [Беляевская, 1987. С.87]. Константность и вариативность характеризуют любую единицу как элемент системы. Каждый вариант включает в себя все константные конститутивные признаки, а также часть вариативных из общей зоны вариативности, что и составляет индивидуальную специфику каждого варианта. Наличие константной и вариативной частей

единицы является обязательным, хотя соотношение данных признаков может быть различным.

Применение принципа константности - вариативности к содержательной стороне слова предполагает выделение константной и вариативной частей значения. Изучение процессов деривации позволяет заключить, что в самом процессе деривации формируется не только способность содержательной стороны слова к гибкости и вариативности, но и способность к определенной устойчивости. Константность семантики не только обеспечивает тождество единицы, но также определяет пределы варьирования: расширение зоны вариативности возможно лишь постольку, поскольку оно не нарушает стабильности константных признаков. В каждой сфере деривационного варьирования слова обнаруживается свой характер константно-вариативных отношений, к описанию которого мы и переходим.

Сферу фонетического варьирования образуют все видоизменения слова (точнее было бы сказать, корневой морфемы или основы слова в качестве представителя целого слова) в речи, обусловленные действующими в языке фонетическими закономерностями. Изменение звучания связано с позицией звука и не меняет состава фонем в морфеме (основе), который является в данном случае константой. Например: н[о]с // за-н[ъ]с // Λ-но[с']ь. Термин *фонетическое слово*, которое обычно употребляется для обозначения самостоятельного слова вместе с примыкающими к нему безударными служебными словами и частицами (см. два последних варианта в приведенном примере) [Розенталь, Теленкова. С. 512], в рамках нашей модели можно было бы распространить на всю совокупность фонетических вариантов корневой морфемы (основы) в пределах данного слова.

Сферу морфологического варьирования слова составляет совокупность его грамматических форм, служащих для выражения грамматического значения. Единство слова в данном случае организуется прежде всего его лексико-семантическим стержнем, который является общим (константным) у всех его грамматических форм. Лексему как совокупность грамматических

форм слова можно дифференцировать терминологически и обозначить *морфологическим словом*.

"Словообразовательным" продолжением любого слова, например, слова *заповедник*, являются такие его морфо-derivационные варианты, как *заповедный, заповедать, заповедывать, заповедоваться, заповеданный, заповедание, заповедность, заповедно*. Весь приведенный ряд можно обозначить термином *derivационное слово*, под которым понимается вся совокупность лексических дериватов, объединенных под эгидой лексемы (ЛСВ) и способных к derivационному взаимодействию в пределах одного семантико-синтаксического контекста. Словообразовательные варианты в рамках derivационного слова связаны тождеством (константой) специфицированного лексического значения и различаются уникальностью своей морфо-derivационной структуры и выражаемого ею категориального значения.

Сфера лексического варьирования представлена различными вариантами (см. классификацию В.В.Виноградова, представленную выше). Вместе с тем, ядерную позицию здесь занимают лексико-семантические варианты слова (лексико-фразеологические, по терминологии В.В.Виноградова). Эти формы слова связаны в единое целое непрерывной последовательностью или общностью внутренней формы (являющейся константой), прямым отношением к основному номинативному значению и другими средствами семантического строя. В рамках предлагаемой типологии совокупность лексико-семантических вариантов, или форм слова можно обозначить термином *лексическое слово*. Лексическое слово является базовой категорией для всех других перечисленных видов варьирования в derivационном пространстве слова. Отличительной особенностью лексико-семантических вариантов от всех прочих derivационных вариантов слова является то, что при лексико-семантическом варьировании происходит изменение онтологической (номинативной) сущности слова, самого набора категориально-лексических, дифференциальных и периферийных признаков, а не просто изменение их соотношения в составе семемы. При морфологическом и

словообразовательном варьировании вещественное значение слова сохраняется, но оно "должно приобрести ту структуру, быть представлено в том аспекте, который диктуется соответствующей грамматической" и словообразовательной формой [Янценецкая, 1991. С. 35].

Значения многозначного слова объединяются в семантическое единство благодаря определенным отношениям, которые существуют между ними на основе общих семантических ассоциаций (метафора, метонимия, функциональная общность). "Однако именно характер этих отношений не позволяет усматривать в слове какое-то "общее значение", а его применение для отображения разных явлений действительности расценивать как некое варьирование этого общего значения" [Шмелев, 1973. С. 71]. Глубина семантических изменений лексического содержания вторичных значений по сравнению с исходными при семантической деривации носит характер спецификации, которая на синтагматической оси продуцирует лексикализованную комбинаторику, а на номинативной - качественно новые дискретные семантические единицы.

Симптоматично, что проблема семантического тождества слова рассматривается обычно как вопрос о том, что же обеспечивает единство всех ЛСВ слова? В данном случае их качественное разнообразие является очевидным. Как известно, в современной лингвистической литературе нет единого мнения по этому вопросу. Можно выделить несколько различных направлений, в зависимости от того, что принимается за основной параметр, обеспечивающий смысловое единство слова: семантический стержень [Виноградов, 1986; Смирницкий, 1954], семантический центр [Уфимцева, 1962; Беляевская, 1987], общее понятие [Звегинцев, 1957; Новиков, 1982], общее значение лексемы, определенным образом упорядоченная структура значения ЛСВ [Арнольд, 1981; Медникова, 1974; Слюсарева, 1979; Уфимцева, 1980; Шмелев, 1973], формально-функциональная общность ЛСВ. Материальное, звуковое тождество слова, по словам Д.Н.Шмелева, является основой его семантического тождества, несмотря на возможность самого разнообразного применения слова, всевозможных модификаций его смысла, расщепления

денотативных функций. Однако функционально (морфологически и словообразовательно) ориентированное значение слова реагирует главным образом не на семантическую общность *лексического слова*, а на онтологические (номинативные) различия составляющих его лексико-семантических вариантов. Как известно, именно онтологическая модель признается за "точку отсчета", такую семантическую структуру, "которая в процессе различного функционирования подвергается изменениям как в своем объеме, так и в строении" [Янценецкая, 1991. С.36]. В этом смысле, всякое дальнейшее развитие слова осуществляется на базе того специфицированного значения, которое появляется в результате семантической деривации.

В этой связи в деривационном пространстве слова формирование обозначенных выше сфер происходит вокруг отдельных специфицированных значений (ЛСВ), появление которых связано в первую очередь с семантической деривацией. Поэтому лексико-семантическая деривация в представленной нами модели является первичной и базовой. Образующиеся при этом семантические дериваты становятся теми опорными "точками", вокруг которых формируются поля формально-семантических дериватов. В целом, образно говоря, деривационное пространство слова представляет собой функцию (соответствие) между несколькими переменными величинами на осях, главными из которых является глубина семантического преобразования слова (вертикальная ось) и глубина формального преобразования слова (горизонтальная ось).

Покажем соотношение различных сфер деривационного пространства на примере слова **дно** (при анализе мы пользовались данными Большого толкового словаря (БТС), Толково-словообразовательного словаря (ТСС) и Словообразовательного словаря русского языка (ССРЯ). В БТС в составе лексемы **дно** выделяются 4 ЛСВ: ЛСВ₁ - "почва, грунт под водой моря, реки, озера и т. д." (*Рельеф морского дна. Песчаное, илистое, каменистое дно. Идти ко дну* (тонуть). *Достать со дна*); ЛСВ₂ - "нижняя часть какого-л. углубления на земной поверхности" (*Д. колодца. Д. ямы. На дне оврага*); ЛСВ₃ - "низ, основание какой-л. емкости, а также судна" (*Д. корзины. Д. корабля. На дне*

стакана); ЛСВ₄ - "о деклассированных членах общества, их среде, быте" (*Дно общества. Опуститься на дно. Идти ко дну. На дне*). В ТСС значение "основание впадин, каких-л. углублений на земной поверхности" рассматривается как оттенок в составе ЛСВ₁, которое совпадает с ЛСВ₁ в БТС. Значение "основание предмета, формой напоминающего сосуд, вместилище (обычно о судне)" выделяется в качестве оттенка значения в составе ЛСВ₂, который совпадает с первой частью ЛСВ₃ в БТС. Семантическим центром (термин В.В.Виноградова), организующим всю систему ЛСВ в данном случае является основное номинативное значение слова (ЛСВ₁). Семантическим стержнем (также термин В.В.Виноградова), остающимся константным для всех употреблений слова, является внутренняя форма ЛСВ₁, составляющая указание на "нижнюю часть предмета". При этом характер самого предмета варьируется (водоем, углубление на земной поверхности, емкость, сосуд, вместилище, судно). С ЛСВ₄ основное номинативное значение связано по ассоциации: "нижняя часть предмета" ("осадок") - "нижний слой общества". Анализ формальных дериватов свидетельствует о том, что в рамках данной лексемы выделяется 5 спецификаций (С) (самостоятельных семем, или ЛСВ): С₁ - "почва, грунт под водой какого-л. водоема"; С₂ - "основание углубление на поверхности земли"; С₃ - "низ, основание какой-л. емкости"; С₄ - "основание судна"; С₅ - "среда деклассированных, опустившихся людей".

В сфере морфологической деривации С₃ противопоставлена всех остальным С как имеющая полную падежную парадигму в единственном и множественном числе (мн.: *донья, доньев* и т.д.). Все остальные спецификации обладают падежной парадигмой только в единственном числе.

В сфере словообразовательной деривации спецификации противопоставлены друг другу по набору формально-семантических дериватов:

ДНО₁ - **дноуглубительный** (предназначенный для углубления *дна*); **дноочистительный** (предназначенный для очищения *дна*); **донный** (соотносящийся по знач. с сущ. *дно*, связанный с ним; свойственный *дну*, характерный для него; предназначенный для лова на глубине, у *дна* водоема (*Д.*

сети. Д. трал. Д. удочка); находящийся, обитающий, произрастающий на *дне* или у самого *дна* водоема (*Д. грунт. Д. лед. Д. рыбы.*); **донка** (рыболовная снасть, состоящая из лесы и крючков, предназначенная для ловли рыбы, обитающей на *дне*, у *дна*); **доночник** (рыболов, ловящий рыбу при помощи *донки*); **надонный** (находящийся на *дне*); **глубокодонный**; **плоскодонный** (с плоским *дном* (*Плоскодонный пруд*));

ДНО₂ - **дноуглубительный**; **дноочистительный**; **донный** (соотносящийся по значению с сущ. *дно*, связанный с ним; свойственный *дну*, характерный для него); **надонный**; **глубокодонный**;

ДНО₃ - **донце** (уменьш. к сущ. *дно*; ласк. к сущ. *дно*); **донышко** (уменьш. к сущ. *дно*; ласк. к сущ. *дно*); **днище** (то же, что *дно*); **днищевый** (соотносящийся по знач. с сущ.: *днище*, связанный с ним); **донный** (соотносящийся по знач. с сущ.: *дно*, связанный с ним (*донное стекло аквариума*); свойственный *дну*, характерный для него); **одонья** (остатки на *дне*); **подонки** (остатки жидкости на *дне* вместе с осадком (*Допить из бутылки последние подонки*)); **поддон** (то, что ставится *под дно* чего-л., подставка в виде тарелки, противня и т.п.) (*поддон для свечей; Воск, жир стекает в поддон*); второе накладное *дно* у чего-л. (*поддон корзины; Бак с поддоном*); **поддонник** (подставка *под дно* чего-л.; *поддон* (*подсвечник с поддонником; цветочный поддон*)); **толстодонный** (имеющий толстое *дно*, *днище* (*толстодонная кастрюля*)); **плоскодонный** (с плоским *дном*) (*плоскодонные чашки*);

ДНО₄ - **донный** (соотносящийся по знач. с сущ.: *дно*, связанный с ним (*донные доски лодки*); свойственный *дну*, характерный для него); **днище** (то же, что *дно*); **днищевый** (соотносящийся по знач. с сущ.: *днище*, связанный с ним); **плоскодонный** (с плоским *дном* (*плоскодонная барка; плоскодонный буксир; плоскодонная лодка*)); **плоскодонка** (плоскодонная лодка);

ДНО₅ - **подонки** (деклассированные, разложившиеся преступные элементы, общества (*пристанище для подонков; якшаться с подонками*)).

В пределах выделенных микрогнезд, или деривационных слов, словообразовательные варианты связаны с исходным ЛСВ общностью прозрачной внутренней формы - мотивирующей основой, в которой

выражается их лексическая мотивированность, отражающая мотивировочный признак. Каждый дериват образует с исходным ЛСВ, а также со всеми другими дериватами в пределах деривационного слова своеобразный системный лексико-деривационный ряд, способный реализоваться в речи (тексте) в том или ином наборе.

Среди словообразовательных дериватов, образованных на базе слова *дно*, встречаются производные с уже значительно лексикализованной² или метафорической³ внутренней формой. Приведем примеры: *подонок* (разг. бранно. "низкий, подлый человек; подлец, мерзавец"); *донка* ("небольшой паровой поршневой насос для перекачки воды на судне"); *бездонный*₂ (перен. "очень глубокий" // "очень вместительный" (*бездонный карман*)); *бездонный*₃ ("беспредельный" (о небе, дали, пространстве); *бездонный*₃ (оттенок) ("выразительный, глубокий" (о взгляде, взоре); *бездонный*₄ (неисчерпаемый).

Два первых деривата, обладают ВФ, компоненты которой уже не осознаются как взаимообусловленные. Каждый из них представляет самостоятельную спецификацию.

Различные ЛСВ слова *бездонный* связаны с основным номинативным значением *бездонный*₁ ("не имеющий дна") единым семантическим стержнем (метафорической внутренней формой), в качестве которой выступает признак "глубокий". Вокруг отдельных ЛСВ формируются свои деривационные слова: *бездонный*₁ (*бездонность*₁, *бездонье*₁); *бездонный*₂ (*бездонность*₂, *бездонье*₂, *бездонно*); *бездонный*₃ (*бездонность*₃, *бездонье*₃); *бездонный*₄ (*бездонность*₄, *бездонье*₄).

Подводя итог сказанному, отметим, что деривационное пространство слова является многомерной структурой. В ее составе можно выделить сферы лексического, фонетического, морфологического и словообразовательного варьирования. Лексическое слово (совокупность всех ЛСВ в пределах одной лексемы) является базовой категорией для всех других перечисленных видов варьирования. Оно образует вертикальную ось деривационного пространства слова, отражающую качественное разнообразие лексических категорий, представленных в слове. Морфологическая и словообразовательная деривация

образуют оси горизонтального развития слова на уровне отдельных ЛСВ. В пределах данных деривационных сфер происходит грамматическая и словообразовательная перекатегоризация единого вещественного (лексического) значения. Горизонтальные составляющие деривационного пространства слова отражают его количественно-категориальную структуру.

У деривационного пространства слова есть и глубинная составляющая, которая, с одной стороны, представлена парадигматическими взаимодействиями однокорневых слов, с другой – выходит в область парадигматических отношений между разнокорневыми словами. В рамках деривационного пространства слова в целом данные виды взаимодействий являются источниками формирования особого рода значимостей, которые находятся на различных стадиях спецификации (качественной отдельности). Глубинная ось также является средой формирования качественного (семантико-функционального) разнообразия лексемы.

Выделенные сферы оказывают воздействие друг на друга, в результате чего формируется множество дополнительных "деривационных пространств" слова, которые совмещают в себе признаки основных выделенных деривационных форм, образуют собой "соединительные ткани" в общей структуре деривационных отношений. Подобно семантическим отношениям в лексике, в ней нет резких переходов, непроницаемых участков, нет "пустого пространства". Специфика некоторых деривационных структур состоит в том, что они находятся на стыке деривационных полей, образуемых различными способами. Они осуществляют переходы от одного уровня к другому на оси уровневой репрезентации деривационного значения слова между грамматическими, словообразовательными и лексическими ее составляющими, отражая различные уровни и стадии языковой категоризации объективного мира. Различные виды деривационных отношений, их неоднородность и неравномерность определяют основные особенности структуры этих отношений – ее противоречивый, диалектический и динамический характер.

Каждая из осей деривационного пространства слова и их семантико-функциональная соотносительность является предметом специального

рассмотрения в последующих главах нашей работы. Деривационная характеристика парадигматически соотносящихся однокоренных слов содержится в Главе III, а описанию противопоставленности и взаимодействия вертикальной и горизонтальной (словообразовательной) осей деривации слова посвящена Глава IV.

Выводы

Принцип деривации является универсальным принципом устройства и функционирования языка. Деривация есть имманентно присущее речезыковой материи свойство к развитию и возникновению нового на базе исходных суппозиций. С этой точки зрения, деривационная концепция языка соотносится с лингвистической синергетикой, представляющей языкоречевую материю в виде самодетерминирующейся и саморазвивающейся системы, несущей в себе потенции своей активности.

Деривационная лексикология является структурной частью деривационной лингвистики. В сферу ее интересов входит исследование деривационного функционирования лексики и его проекции на лексическую систему. Среди других измерений лексики (парадигматика и синтагматика) эпидигматика рассматривается как специфическая их разновидность. Особенность деривационного функционирования слова в тексте (по сравнению с недеривационным) заключается в регулярной актуализации внутренней формы как морфо-семантической структуры слова, а именно: в участии порождающих механизмов слова и ретроспективном использовании компонентов морфо-словообразовательной структуры готовых слов в процессах текстопорождения.

Деривационная функция эпидигматов в тексте определяет ту специфику, которую они обнаруживают в рамках системы по сравнению с парадигматическими отношениями слов, не носящими эпидигматического характера. Эпидигматически связанные слова формируют особую область парадигматики - смысловые парадигмы с отношениями мотивации, представляющие собой опредмеченные деривационные процессы. Закрепленные в эпидигматической парадигматике языка эти отношения, в

свою очередь, являются одним из главных факторов, обеспечивающих реализацию деривационной функции слова в текстопорождении.

Потенциал деривационного поля (пространства) слова, в силу бесконечности его смысловой и формальной валентности, количественно значителен и качественно разнообразен. В деривационном пространстве слова мы выделяем области фонетического, морфологического, словообразовательного и лексического варьирования, соответственно обозначая совокупность вариантов в каждой из выделенных областей фонетическим, морфологическим, деривационным и лексическим словом.

Лексико-семантическая деривация в представленной нами модели является первичной и базовой, так как формирование всех обозначенных выше сфер происходит вокруг отдельных специфицированных значений (ЛСВ). Семантические дериваты становятся теми опорными точками, вокруг которых формируются микрополя формально-семантических дериватов.

Каждая из выделенных сфер деривационной парадигматики слова интегрируется в особую самостоятельную область, вступающую в определенные отношения с другими областями в общем деривационном системном поле лексики. И с этой точки зрения они не только являются выразителями детерминации определенного содержания разными средствами, но и образуют оппозицию средств, на основе которой формируются особые типы внутрисистемных значимостей, функциональное взаимодействие которых является внутренним источником динамики языка.

Функцию базовой оппозиции в данном случае выполняют сферы семантической и словообразовательной деривации. В их функционально-семантической противопоставленности заложены механизмы деривационного развития лексики.

Выявлению и описанию этих различий посвящены следующие главы.

Глава III

ДЕРИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМАТИКИ

Третья глава посвящена обоснованию возможности рассмотрения в деривационном аспекте парадигматических отношений в лексике. Диалектика связей слов в деривационном гнезде рассматривается как проявление противоположно направленных тенденций, исходящих из лексической и словообразовательной системности слов. Конкретному анализу подвергаются однокорневые слова, находящиеся в отношениях синонимии и омонимии. В качестве источников языкового материала используются данные словарей, тексты художественной литературы и показания языкового сознания, полученные экспериментальным путем.

3.1. Парадигматические связи слов в деривационном аспекте

Потенциал деривационного развития того или иного слова может реализоваться различными способами. В качестве «продукта» данного развития рассматриваются прежде всего эпидигматические отношения (отношения обусловленности одного лексического значения другим), появляющиеся в результате семантической и словообразовательной деривации слова.

Вместе с тем ряд исследователей допускают возможность рассмотрения под деривационным углом зрения не только традиционно выделяемые здесь отношения, но и отношения, обычно относимые к ведению лексической парадигматики. На общее соотношений системы и деривации можно взглянуть с разных точек зрения, поскольку само различие между системой и деривацией, базирующееся на логической операции пересечения, приводящей к оппозиции лексических единиц в системе языка, и логической операции включения, приводящей к их отождествлению при деривации, является относительным. Включение можно рассматривать как частный случай пересечения, когда пересечением является одно из множеств. И поэтому можно утверждать, что деривация – это специфическая часть общей системности языка. Однако ничто не мешает взглянуть на эти отношения с другой, деривационной, точки зрения и в пересечении видеть уже частный случай

включения (не случайно математики говорят о полном и неполном включении множеств). Тогда, напротив, деривация как бы поглощает систему. Таким образом, система языка как система оппозиций и деривация как производство единиц языка дополняет друг друга и является не столько разными объектами, сколько разными аспектами одного и того же явления [Мурзин, 1998. С. 241].

Таким образом, сфера деривационных отношений в лексической системе языка значительно расширяется за счет включения в нее отношений, которые традиционно рассматриваются в пределах лексической парадигматики. Объектом системной деривационной лексикологии являются не только связи лексико-семантических вариантов слова и формально-семантические отношения исходного слова со всеми производными словами в гнезде, но и лексические отношения всех производных слов друг с другом, т.е. все типы парадигматических и синтагматических связей однокоренных слов, образующих деривационное гнездо. В деривационном аспекте возможно рассмотрение также парадигматических отношений разнокорневых производных. При этом в центре исследовательских интересов находятся прежде всего отношения синонимии, среди разновидностей которой особо выделяются гипонимия (род – вид) и несовместимость (вид – вид). Вступая в системные связи, слово получает импульс для своего семантического развития от других слов. Тем самым не только эпидигматические, но и парадигматические отношения слов могут и должны рассматриваться в аспекте семантико-деривационного развития слова, понимаемого как появление у слова новых значений на основе существующих в процессе функционирования слова в лексической системе языка.

В данной главе объектом рассмотрения в заданном аспекте являются такие разновидности парадигматических отношений однокорневых слов, как синонимия и омонимия. Данные виды отношений рассматриваются нами в ряду смежных явлений по линии семантического тождества и различия. По этой причине в орбиту исследовательских интересов в той или иной мере попадают другие разновидности смежных отношений однокоренных слов – варианты и паронимы. Парадигматические связи однокоренных слов

рассматриваются, с одной стороны, как результат деривации, с другой – как ее цель.

Основой для возникновения парадигматических корреляций между производными единицами в рамках деривационного гнезда являются эпидигматические (внутрисловные семантические и словообразовательные) связи слов. Базовыми, определяющими все остальные виды отношений, в том числе и отношения словообразовательной деривации, являются отношения семантической деривации, представленные оппозицией полисемии/омонимии.

Как уже отмечалось, примат семантической деривации над словообразовательной приводит к разбиению деривационного гнезда на ряд микрогнезд (деривационных слов), которые формируются вокруг отдельных ЛСВ слова. При формировании микрогнезд обнаруживаются две противоположно направленные тенденции – к их лексикализации и грамматикализации. Следствием борьбы этих разнонаправленных сил является сложное взаимодействие дивергентных и конвергентных процессов в рамках гнезда, под влиянием которых формируется состав эпидигматов, образующихся на основе исходных специфицированных значений. В результате этих отношений складывается определенная система лексических оппозитивных отношений между членами деривационных слов и гнезд. Так, семантические и словообразовательные дериваты могут вступать между собой в отношения омонимии (*докторский совет* и *докторское звание*), в отношения паронимии (*докторский* и *докторальный*; *дипломатический корпус* и *дипломатичный ответ*), в отношения вариативности и синонимии (*апельсинный* и *апельсиновый сок*; *дипломатическая* и *дипломатичная улыбка*; *курящие* и *курильщики*; оценка *пять* и *пятерка*; *город* (жители города) и *горожане*).

Поскольку оппозиции словообразовательных омонимов и паронимов, с одной стороны, вариантов и синонимов – с другой, являются следствием одних и тех же семантических процессов (следствием продления спецификаций на морфодеривационном уровне), между ними обнаруживается определенный параллелизм семантических различий.

Вместе с тем парадигматические отношения между лексическими единицами в пределах деривационного гнезда слов могут носить не только отраженный характер и являться следствием собственно деривационных процессов. Способность лексико-семантической системы в любом ее проявлении к непрерывному развитию заложена в самой природе языка. Тем самым парадигматические микросистемы слов обладают потенциалом собственного развития. Поскольку значение знака обусловлено теми отношениями, в которых данный знак находится с другими знаками в системе, оно может изменяться под влиянием изменения этих отношений. В наиболее четкой форме обусловленность значения знака его отношением к другим знакам была сформулирована Ф. де Соссюром, который ввел понятие значимости (*valeur*) специально для обозначения места знака в системе – место, которое определяется чисто дифференциально, на основе противопоставленности знака другим знакам. При переводе значимостных отношений в деривационную плоскость деривация нового в семантике слова обуславливается его парадигматическими связями и приобретает значимостный аспект. Парадигматическая значимость, направленная на дискретизацию (дифференциацию) лексических единиц, является внутрисистемным механизмом деривации, лишь опосредованно связанным с какими бы то ни было внеязыковыми факторами.

Оппозитивные отношения между однокорневыми дериватами по линии «формальное варьирование – однокорневая синонимия – однокорневая паронимия» являются следствием появления специфицированного значения (семы или семемы) у одного из словообразовательных дериватов в результате взаимодействия определенных парадигм этих слов. Параллелизм отношений абсолютного тождества и формального варьирования в плане семантических различий уже нельзя считать абсолютным. Степень устойчивости тождественных отношений у морфологических вариантов (по сравнению с отношениями абсолютного тождества) ослабевает. Поэтому большинство вариантов, отмеченных в словарях, являются стилистически маркированными, различаются по сочетаемости и частотности. Накопление подобных

функциональных различий в конечном итоге может привести к качественным преобразованиям единиц, тяготеющим к формированию своего фокуса дивергенции.

Прежде, чем перейти к характеристике в деривационном аспекте конкретных разновидностей парадигматических отношений однокоренных слов в соответствии с поставленной задачей, коротко остановимся на вопросе о характере эпидигматических отношений слов в границах деривационного слова и деривационного гнезда (совокупности деривационных слов, образованных от разных семем в пределах одной лексемы), который имеет непосредственное отношение к исследуемой нами проблеме.

3.2. Лексическая мотивация как фактор формирования системных отношений в лексике

Данная проблема обусловлена отсутствием симметрии между эпидигматическими и словообразовательными отношениями однокоренных слов в гнезде, что и определяет принципиальное различие между эпидигматическими (лексическими) и словообразовательными гнездами [Янценецкая, 1984; Тихонов, 1994]. Данные единицы различаются тем, что в основе организации их смысловых структур лежат разные типы мотивированности однокорневых слов. Мотивационные отношения членов лексического гнезда (ЛГ) строятся на базе лексической мотивации, а мотивационные связи членов словообразовательного гнезда (СГ) покоятся на словообразовательной мотивированности. Основные различия между лексической и словообразовательной мотивацией определены в [Янценецкая, 1979; 1984] и сводятся к следующему:

1. Отношения лексической мотивации не зависят от аффиксального оформления производной единицы. Словообразовательная мотивация учитывает словообразовательную форму производных слов.

2. Лексические эпидигматические отношения – это всегда отношения непосредственной семантической мотивации. Словообразовательная мотивация может быть как непосредственной, так и опосредованной.

3. Лексическая мотивация допускает подвижность связей между значениями слова в зависимости от типа отношений, в которые они вступают (лицо, например, может быть определено и по действию, и по результату действия, и по орудю действия и т.д.). Отличительным свойством семантики производного слова в данном случае является ее принципиальная функциональная полимотивированность. Словообразовательная мотивация такой вариативностью не обладает, «свобода выбора» мотивирующей единицы у производного слова сведена к минимуму (случаи двойной мотивации ограничены).

4. При лексической мотивации взаимная обусловленность двух слов для многих видов отношений является нормой. В словообразовании явление взаимной мотивации проблематично, само утверждение о взаимной мотивации ставит под сомнение наличие словообразовательных отношений между соответствующей парой слов.

Специфика ЛГ в сравнении с СГ с учетом различий между лексической и словообразовательной мотивированностью заключается в следующем:

1) опосредованные отношения словообразовательного гнезда в ЛГ нередко предстают как отношения непосредственного семантического включения. Это вызвано денотативной, вещественной основой лексической мотивации, не реагирующей на изменения сигнификативного (грамматического и стилистического) плана;

2) в ЛГ возможны эпидигматические связи, обратные словообразовательным;

3) лексическая мотивация представляет опосредованные словообразовательные отношения как непосредственные и по своему направлению противоположна словообразовательной мотивации;

4) лексическая мотивация может появляться между словами разных словообразовательных цепочек, т.е. там, где единицы словообразовательного гнезда мотивационных связей не устанавливаются;

5) поскольку ЛГ создается за счет связей семантического включения, независимо от того, выраженными или невыраженными являются эти отношения, в его состав, кроме словообразовательных дериватов, могут входить супплетивы и некоторые разновидности семантических дериватов.

Помимо отношений семантического включения (привативных оппозиций) и отношений семантического тождества, которые могут быть рассмотрены как частный случай включения [Янценецкая, 1984. С. 11], между лексическими единицами в гнезде устанавливаются эквиолентные оппозиции, в которых значения слов пересекаются друг с другом, частично совпадая и частично различаясь. Например: мучнистый – «содержащий в избытке муку» и мучной – «приготовленный из муки»; набрать – «взять много» и отобрать – «взять у кого-то силой», мечтатель – «тот, кто любит мечтать» и мечтание – «действие и состояние по глаголу мечтать».

Таким образом, лексическая мотивированность обуславливает все типы смысловых связей, имеющих отношение к лексическому гнезду. К ее ведению относятся связи однокорневых слов, словообразовательно связанных и не связанных отношениями производности; семантические отношения исходного слова со всеми производными словами в гнезде, а также лексические отношения всех производных слов друг с другом. Каждая лексическая мотивация носит индивидуальный характер. В своей совокупности они очень разнообразны и трудно поддаются типологическим обобщениям (в отличие от словообразовательной мотивации, обладающей свойством повторяемости, регулярности). Важнейшее свойство лексического гнезда – его семантическая и структурная индивидуальность, обусловленная неповторимостью лексических отношений входящих в него однокоренных слов. Благодаря регулярности значений и средств их выражения на словообразовательном уровне являются повторяемыми и регулярными

составные элементы СГ (словообразовательные пары, цепочки и парадигмы) и сами гнезда.

3.3. Состав и общая характеристика лексических оппозиций однокорневых слов

Лексически связанные однокорневые слова в гнезде образуют словесные оппозиции, отличающиеся друг от друга по соотношению интегральных и дифференциальных компонентов. Словесные оппозиции принято типологизировать с двух точек зрения. Во-первых, слова могут быть сходны по форме (по наличию в лексемах общих морфем) и по значению (по наличию в их значениях общих семантических компонентов). С этой точки зрения различаются три основные типа словесных оппозиций: формальные, семантические и формально-семантические [Кузнецова, 1989. С. 43–44].

Во-вторых, слова, входящие в оппозиции, могут быть охарактеризованы по реальному соотношению составляющих компонентов, формальных и семантических, т.е. могут быть сопоставлены либо по форме, либо по значению. Поэтому для каждой оппозиции возможны (и необходимы) две характеристики: соотношение лексем (форм) и соотношение семем. Каждая их двух сторон языковой единицы (форма и содержание) в несколько упрощенном виде может быть представлена на шкале трех основных качественных состояний: полного тождества; тождества при относительном различии (варьирования); полного различия (контраста). Целостная структура формально-семантической соотносительности лексических единиц представлена их матричным распределением, учитывающим степень сходств и различий по форме и содержанию¹ (см. табл. 9).

Таблица 9

Матричное распределение формально-семантической соотносительности лексических единиц по степени их сходств и различий

Типы оппозиций		Тождество формы	Относительное совпадение формы	Различие формы
		А	В	С
Тождество семантики	I	Абсолютное тождество	Формальное варьирование	Отношения лексической дублетности
Варьирование семантики	II	Лексико-семантическое варьирование	Однокорневая синонимия	Разнокорневая синонимия
Различие семантики	III	Омонимия	Паронимия	Прочие типы

Эта трехчленная градация соответствует определению лексико-словообразовательного (л/с) варианта, лексического и л/с омонима, лексического и л/с синонима, л/с паронима и др. В пределах деривационных слов могут быть представлены оппозиции, члены которых объединяются тождеством формы (полным – А; частичным – Б). В таблице они выделены более темным тоном. Иллюстративный материал представлен для всех выделенных оппозиций (с указанием их системного статуса):

А I – оппозиция абсолютного тождества: доктор₁ «врач» = доктор₁; доктор₂ «ученая степень» = доктор₂.

А II – оппозиция семантического варьирования: доктор₁ ≈ доктор₂; деловой₂ (руководитель, отношение к работе) ≈ деловой₃ (лес, древесина).

А III – оппозиция омонимии: докторский₁ (д. съезд, д. обязанности) ≠ докторский₂ (степень, диссертация); докторство₁ (деятельность врача) ≠ докторство₂ (степень, звание).

В I – оппозиция л/с варьирования: поверить = поверовать (диалектно-просторечная форма).

В II – оппозиция л/с синонимии: драматичный ≈ драматический₂ («Не было в его жизни ничего драматического»); докучливый ≈ докучный (надоедливый, навязчивый).

В III – оппозиция л/с паронимии: деловой (письмо, разговор) ≠ деловитый (работник).

Взаимная обусловленность и связи лексических оппозиций представляют собой сложное переплетение отношений, которые устанавливаются в синхронном и диахронном планах. В синхронии устанавливаются дифференциальные признаки, отличающие одни виды оппозиций от других, а также сопредельность оппозиций; определяется внутренняя мотивационная обусловленность оппозиций. Диахронический аспект изучения оппозиций предполагает выявление того, в каком направлении изменяется характер конкретных структурно-семантических оппозиций, какие условия определяют взаимодействие между ними. Выявление условий функционирования оппозиций может быть соотнесено и с синхронным планом.

Границей оппозиционного типа является понятие предела. Термин «предел», используемый для обозначения перехода одного качественного состояния в другое, был введен О.С.Ахмановой [1957] и О.М.Соколовым [1959; 1972]. Концепция пределов в синхронном плане строится на представлении о непрерывном и нарастающем количестве дифференциальных признаков, определяющих сущность той или иной оппозиции. Многоморфемные слова, образующие оппозиции различных типов в рамках деривационных слов и лексических гнезд обнаруживают следующую сопредельность. Пределом абсолютного тождества является семантическое или морфологическое варьирование (А II и В I). Пределом семантического варьирования является омонимия (А III). Пределом морфологического варьирования (варьирования на морфемном уровне) является морфологическая (однокорневая) синонимия (В II). Пределом морфологической синонимии является морфологический пароним (В III). Кроме перечисленных (за рамками ЛГ), можно выделить также лексический (немотивированный) синоним в качестве предела мотивированной (разнокорневой) дублетности (С II) и отношение полного и относительного симметричного несовпадения в форме и значениях (отношение внеположенности) как предел морфологической паронимии и немотивированной синонимии (С III). Пределом формально выраженной эпидигматики (обусловленности одного лексического значения другим) является супплетивизм. Оппозиции, занимающие крайнее положение на шкале сходств и различий, теснейшим образом связаны между собой как в синхронии, так и в диахронии. Ключом для понимания и правильной оценки всех возможных оппозиционных типов является оппозиция многозначности и сопредельная с ней оппозиция омонимии. Об отношениях вариативности, синонимии и паронимии представляется оправданным говорить только в одном случае – когда разграничены значения полисемантического комплекса (т.е. разграничены соответствующие семантические оппозиции). Для правильного установления того или иного типа оппозиций при n-количестве лекс (ЛСВ), следует каждое значение сопоставляемых различных по форме образований соотнести в отдельности (рис. 12).

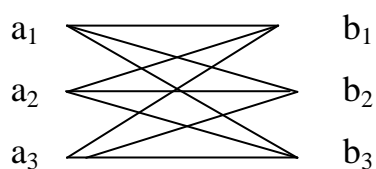

Рис. 12. Типы позитивных отношений между лексическими единицами

К примеру, сопоставление образований a_1 и b_1 позволяет объединить их как варианты, с другой стороны, пара a_2 и b_1 может быть квалифицирована как паронимическая.

Если в систему типов оппозитивных отношений между лексическими единицами, выделенных по степени их сходств и различий на формальном и семантическом уровнях, ввести деривационную ось, то характер их сопредельности несколько изменится. Это связано с тем, что при деривационном функционировании накопление потенциала семантической дифференциации с неизбежностью приводит к разграничению лексических единиц на формальном уровне. В этом проявляется стремление языкового знака к обретению симметрии между двумя его составляющими – формой и содержанием.

В приведенной матрице направление этого движения (дифференциации) обозначено стрелками (см. табл. 10).

Таблица 10

Распределение формально-семантической соотносительности лексических единиц по степени их сходств и различий с учетом деривационной составляющей

Типы оппозиций		Тождество формы	Относительное совпадение формы	Различие формы
		А	В	С
Тождество семантики	I	Абсолютное тождество	Формальное варьирование	Отношения лексической дублетности
	II	Лексико-семантическое варьирование	Однокорневая синонимия	Разнокорневая синонимия
Различие семантики	III	Омонимия	Паронимия	Прочие типы

Поясним сказанное на примерах. От существительного апельсин образуются прилагательные *апельсинный* и *апельсиновый*, значение которых в различных словарях представлено по-разному. В «Словаре русского языка» (в 4 томах) данные слова рассматриваются как абсолютные синонимы: **Апельсинный**. Прил. к апельсин. Апельсинное дерево. Апельсинные дольки. || Приготовленный из апельсинов. Апельсинное варенье. **Апельсиновый**. То же, что *апельсинный*. В Толковом словаре русского языка С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой и «Большом толковом словаре русского языка» С.А.Кузнецова семантические объемы данных слов не совпадают: **Апельсиновый** 1. = Апельсинный. Апельсинное дерево. Апельсинные дольки. Апельсинное варенье. Апельсиновые корки. Апельсиновый сок, сироп. Апельсиновое варенье. 2. Цвета апельсина; оранжево-желтый. *Одеяло апельсинового цвета. Апельсиновый джемпер.* В «Словаре трудностей русского языка» Д.И.Розенталя и М.А.Теленковой аспект функциональной дифференциации данных слов усиливается в еще большей степени: в значении «приготовленный из апельсинов» *апельсиновый* и *апельсинный* употребляются одинаково. *Апельсиновый (апельсинный) джем.* В значении «имеющий признаки апельсина» употребляются преимущественно *апельсиновый*. В значении «относящийся к самому растению, дереву» чаще употребляется *апельсиновый*, реже, с оттенком устарелости, *апельсинный*. В значении «относящийся к плоду (апельсину)» чаще употребляется *апельсинный*, реже *апельсиновый*. Отношения дифференциации в таблице обозначены стрелкой, направленной от абсолютного тождества к варьированию на уровне формы и значения.

От существительного *аромат* образуются прилагательные *ароматный*, *ароматичный* и *ароматический*. В «Большом толковом словаре»: **Ароматный**. "Имеющий, распространяющий приятный запах; душистый". Ароматный чай, мед. Ароматный клевер. **Ароматичный**. Устар. = Ароматный. Данные отношения в таблице обозначены стрелкой, направленной от абсолютного тождества в сторону варьирования по форме и содержанию.

Содержательная вариантность в данном случае проявляется в отличие данных слов на уровне функционирования.

*Только **Ароматический** употребляется в значении «включающий в свой состав душистые вещества». Ароматические соединения. Я ароматическим уксусом вытирал ей лицо и руки (Каверин). Пахло дымом и ароматической свечей (Паустовский). Данный тип отношения в таблице обозначен стрелкой, направленной от тождества к паронимии, характеризующейся относительным совпадением формы и различием семантики. Согласно принципу параллелизма семантических отношений, который прослеживается по горизонтальным рядам матрицы [Соколов, 1987. С. 7], паронимические отношения между ароматный (ароматичный) и ароматический свидетельствуют о том, что степень устойчивости отношения абсолютного тождества исходной лексемы ослабевает.*

Отношения лексико-семантического варьирования, в результате деривации «приходящие» к паронимии, можно проиллюстрировать на примере слова ассимиляция, от двух значений которого – «превращать в себе подобное (обычно о языковых, этнических и т.п. процессах)» и «усвоение необходимых для жизнедеятельности веществ из внешней среды (о животных и растениях)» – образуются прилагательные ассимилятивный «приводящий к уподоблению» и ассимиляторный «способный усваивать органические вещества», находящиеся в паронимических отношениях. В таблице данный тип соотношения представлен стрелкой, направленной от лексико-семантического варьирования исходной лексемы в сторону образования паронимов в результате суффиксальной деривации. В данном случае степень тождества исходной лексемы ослаблена в еще большей степени.

3.4. Оппозиция лексико-словообразовательной (однокорневой) синонимии в кругу сопредельных оппозиций

Объектом нашего исследования являются номинативные синонимы, представленные в формально-семантических оппозициях, в которых семантическое тождество слов сопровождается их частичным морфемным

сходством. Это однокоренные синонимы типа лебединый – лебяжий, деловой – дельный, дилетантизм – дилетантство и т.п. В семантическом плане такие слова представляют собой оппозицию тождества, а в формальном отношении могут иметь характер оппозиции иного рода. Например, стучать – стучаться, табурет – табуретка, чистить – очищать – оппозиции привативного типа; читальня – читалка, отварить – сварить, дородность – дородство – представляют собой оппозиции эквивалентного типа.

Левым пределом оппозиции однокорневой синонимии являются однокорневые варианты. Правым ее пределом является однокорневая паронимия (рис. 13).

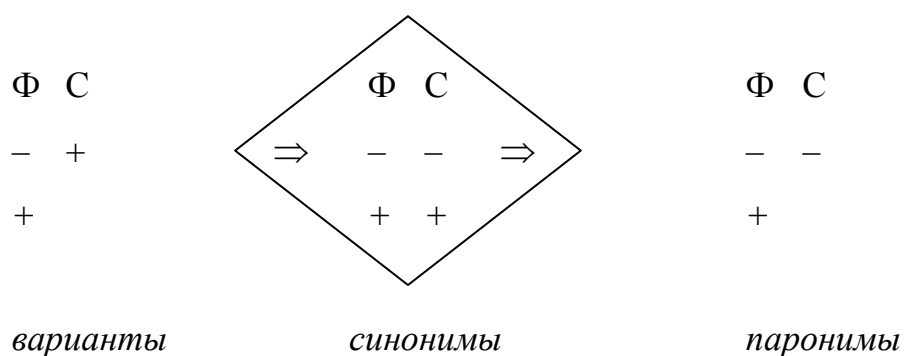

Рис. 13. Однокорневые синонимы в ряду сопредельных отношений:
Ф – форма; С – семантика

К лексико-словообразовательным вариантам принято относить лишь такие образования с тождественным корнем и различными аффиксами, которые не различаются сколько-нибудь заметными семантическими оттенками. Если в результате анализа устанавливается даже очень тонкое семантическое различие, то данные образования уже не могут считаться вариантными. Однокорневыми синонимами являются близкие или совпадающие по значению лексемы, которые не могут быть подведены под определение варианта. При существующем известном параллелизме вариантных и синонимических образований в структуре их компонентов, такого параллелизма нет в характере семантических отношений между ними. Если варианты любой разновидности стремятся к абсолютному тождеству, то синонимы допускают различие семантики, причем шкала семантических различий при синонимии точно не определена. Таким образом, в

языке, с одной стороны, существуют однокорневые слова с разными аффиксами, между которыми может не быть семантических различий; с другой стороны, существуют однокорневые синонимы, которые обязательно различны по значению. Можно выделить разновидности синонимов по степени их семантического тождества. При этом проведение разграничительной черты между вариантами и синонимами, по свидетельству ученых, является, пожалуй, наиболее трудным делом именно в силу того обстоятельства, что степень устойчивости абсолютных отношений ослабевает по мере движения от абсолютного тождества к формальному варьированию. В сущности, большинство фонетических и морфологических вариантов, отмеченных в нормативных словарях, редко бывают абсолютно равноценны и обычно включают стилистически маркированный компонент.

Правым пределом лексико-словообразовательной синонимии является однокорневая паронимия. Паронимы при известной фонетической и морфологической близости обладают такими различиями в семантике, которые препятствуют их нормальному отождествлению или сближению в языке. Практически паронимы от однокорневых синонимов отличаются тем, что так называемая замена одного слова другим ведет или к полному искажению высказывания, или к тому, что слову приписывается иное значение (не закрепленное узусом). Но в таком случае в сознании говорящего слово теряет признаки паронима.

Семантические различия между лексико-словообразовательными паронимами частично мотивированы. Однако природа этих различий является чрезвычайно разнообразной. Она связывается и с лексикализацией отдельных форм (при сохранении признаков морфемного тождества), и со специфическими значениями дифференцирующих аффиксов, и с тем и другим одновременно.

Вполне самостоятельным является вопрос о функционировании однокорневых паронимов и синонимов в речи. Если синонимические замещения не нарушают коммуникативных установок говорящего, то паронимическое замещение делает высказывание либо абсурдным, либо не относящимся к

ситуации. В соответствии с этим употребление одного из компонентов синонимической парадигмы ориентировано на сходный семантико-синтагматический контекст, а употребление паронимов – на различные.

Одна из объективных предпосылок смешения заключается в определенной, часто очень значительной близости материальной оболочки лексических единиц, а также в том, что в языке фиксируются аналогичные структурные модели лексических оппозиций, не препятствующие семантическому сближению отдельных ЛСВ.

Рассматривая синонимию (и лексико-словообразовательную парадигматику в целом) как среду деривационного развития лексики, мы имеем в виду две стороны этого явления. С одной стороны, синонимия производных слов является результатом тех деривационных процессов, которые осуществлялись на стадии семантического варьирования производящих слов и семантико-морфологического варьирования в пределах лексико-деривационного слова. С другой стороны, синонимия является результатом тех процессов, которые происходят внутри самого парадигматического ряда слов. Деривация нового качества в данном случае приобретает значимостный аспект.

3.5. Словообразовательный аспект однокорневой синонимии

Исследование однокорневых синонимов в словообразовательном аспекте обнаруживает следующие их особенности. Однокорневые синонимы принадлежат к одному словообразовательному гнезду и связаны непосредственными или опосредованными словообразовательными отношениями: они могут быть членами словообразовательной пары, словообразовательной цепи, словообразовательной парадигмы, могут быть производными от членов одной и разных словообразовательных парадигм. Все однокорневые синонимы принадлежат к одной словообразовательной категории, или группе словообразовательных типов, объединенных общим деривационным значением и однотипной словопроизводственной базой, как отмечает Ю.С. Азарх [1987. С. 65–66].

Возможность синонимизации производных слов обуславливается их словообразовательными особенностями: типом словообразовательного значения, продуктивностью/непродуктивностью модели, функциональной нагрузкой суффикса.

Количество однокорневых синонимов зависит от числа функционирующих в языковой системе словообразовательных типов одной словообразовательной категории. Появление однокорневых синонимов предопределяется однотипностью и недостаточной дифференцированностью словопроизводственной базы у разных словообразовательных типов. Равно, как противоположная тенденция к специализации словообразовательных типов и средств, приводит к неустойчивости явления синонимии однокорневых слов.

Однако однотипность общего словообразовательного значения еще недостаточна для установления синонимических отношений между однокорневыми словами одной части речи. Для однокорневой синонимии обязательна непосредственная или опосредованная мотивация одним и тем же ЛСВ производящего слова при его многозначности.

Необходимым условием синонимии однокорневых слов на уровне словообразовательной системности является также тождество типа словообразовательного значения. Эта возможность реализуется только при тождестве значений производящих у словообразовательных транспозитов и модификатов, находящихся в синонимических отношениях. А при мутационном словообразовании полностью или частично эквивалентные по смыслу однокорневые слова являются обычно соответствиями, характерными для разных систем и подсистем.

Вопрос о том, связана ли синонимия однокорневых слов с синонимией словообразовательных средств, в лингвистической литературе решается по-разному. Мы полагаем, что едва ли правомерно говорить о синонимии суффиксов, так как они имеют связанное значение. Это значение не выводимо из внутреннего или внешнего контекста суффиксального деривата. Суффикс имеет абстрактное значение, что определяет возможность развития у производных слов многозначности. Исследования показывают, что при

установлении синонимических отношений у однокорневых слов различия в функциональной нагрузке суффикса, при всем их многообразии, не играют существенной роли. У подобных синонимов «практически возможен любой суффикс, регулярный в синхронии у слов одной словообразовательной категории» [Азарх, 1987. С. 72].

При межкатегориальном функционировании семантика суффикса обеспечивает формирование прежде всего категориальной, лексико-грамматической характеристики производного слова. Избирательность потенциала мотивирующих единиц в словообразовательном типе обуславливается тем набором частных словообразовательных значений, которые выражаются словообразовательной структурой производных слов и представлены в типе в различных количественных соотношениях. Значения производных прилагательных, типа «свойственный», «характерный», «принадлежащий», «изготовленный», «состоящий из», «созданный», «выведенный» и т.п. (см.: [Ефремова, 2000. С. VII]), являются, на наш взгляд, идиоматическими наращениями в рамках производного слова, а не собственно значениями форманта. Употребляя в дальнейшем понятие *функциональная семантика суффикса* (термин введен М.Н. Янценецкой), мы имеем в виду, что в рамках внутреннего контекста (сочетание словообразовательного форманта с определенным типом мотивирующих основ) происходит функциональная конкретизация абстрактного значения собственно суффиксальной морфемы. Но это конкретизированное значение соотносится с производным словом в целом, а не только со словообразовательным формантом.

У отыменных прилагательных семантика суффикса связана с категориями качества или относительного признака, у качественных прилагательных она способна конкретизироваться за счет указания на разную степень интенсивности. Например, *дуплистый* – «имеющий большое дупло, несколько дупел» и *дупловатый* – «имеющий небольшое дупло или несколько небольших дупел».

Суффиксы относительных прилагательных, образованных от существительных (такие, как *-н-*, *-ск-*, *-ов-*), чаще имеют общее значение

отношения к лицу, предмету, явлению, действию, месту, времени. Семантическая конкретизация словообразовательного типа может идти по линии указания на вид отношений, образующих данный признак. «У разных словообразовательных типов такая конкретизация в разной степени связана с его собственными словообразовательными характеристиками и далеко не всегда определяется значением суффикса» [Янценецкая, 1979. С. 176]. Так, прилагательные с суффиксом *-ий-* (*дельфиний, дикобразий, дьячий*) общую идею отношения конкретизируют в значении «свойственный лицу (или животному)». Поскольку круг мотивирующих единиц по тематике достаточно однообразен, семантический элемент «свойственности кому-либо» может быть приписан суффиксу *-ий-* [Янценецкая, 1979. С. 173].

У суффикса *-ин-* подобная конкретизация происходит в двух направлениях: «принадлежащий кому-либо» (отношения принадлежности) и «свойственный кому-либо» (отношения свойственности). Семантическая дифференциация связана с двумя функциональными значениями суффикса *-ин-*, о чем свидетельствует наличие особого круга производящих единиц для каждого словообразовательного подтипа. Притяжательные прилагательные образуются главным образом от существительным со значением «лица» (*дедушкин, дядин, дочернин, деушкин, девочкин*); существительные со значением «свойственности кому-либо» мотивируются названиями животных и птиц (*дроздиный, дятлиный, дрофиный*).

Более сложным оказывается соотношение словообразовательной семантики и лексико-словообразовательных групп внутри относительных прилагательных с суффиксом *-ов-*. Можно выделить три разных функциональных значения производных прилагательных с данным суффиксом, находящихся на различных уровнях абстракции. Большинство отношений производных с суффиксом *-ов-*, мотивируемых существительными, обозначают признак, выраженный через отношение к чему-либо. Данное абстрактное суффиксальное значение функционально связано с семантикой неодушевленных существительных (*дискантовый, дождевой, доломитовый, дубовый*).

Абстрактная семантика суффикса применительно к отдельным группам производных слов может конкретизироваться. Прилагательные, мотивированные существительными со значением лица и реже – животного, выражают значение принадлежности (*дедов, демонов, денищиков, драконов, дьячков, дьяконов*), а словообразовательный подтип имеет семантику «принадлежащий лицу, животному». Вычленению и сохранению этого значения способствует ограничение группы производных прилагательных определенными грамматическими рамками (смешанный тип склонения).

У прилагательных, мотивированных названиями пород животных, выделяется общее значение «принадлежащий, свойственный определенной породе, виду животных (*дельфиновый, драконовый, дроздовый, дятловый*). Функциональная семантика суффикса – «свойственный кому-либо». Именно от прилагательных на *-ов-* образуются субстантивированные производные со значением «вид, разновидность, порода» (*дельфиновые, дроздовые*).

Значения «принадлежащий лицу, животному» и «свойственный породе, виду» являются конкретизацией абстрактной семантики суффикса, которая у большинства прилагательных на *-ов-* подобной конкретизации не подвергается. Конкретизированные значения прилагательных легко обобщаются до значения признака по отношению, сферы действия этих значений могут перекрещиваться, и они не противоречат одно другому.

Иная картина наблюдается у прилагательных с суффиксом *-н-* (суффиксальные морфы *-енн-, альн-, -арн-, -озн-, -орн- уальн-, -ичн-, -ческ-, -йск-, -нск-, -вск-*), обозначающих «признак, относящийся к предмету, явлению, названному мотивирующим словом» [РГ, 1980. С. 242] и у прилагательных с суффиксом *-ск-(-еск-, -ическ-, -овск-, -анск-)* с общим значением «относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом». Семантические различия этих прилагательных связаны со значением мотивирующих единиц, называющих предметы и лица, действия или свойства; они не зависят от семантических особенностей суффикса, который во всех случаях имеет самое общее значение относительного признака («имеющий отношение»). Дифференциация прилагательных по указанному принципу

может быть продолжена вплоть до выделения единичных семем, но при этом оказываются учтенными лексические мотивировочные связи, которые не согласуются непосредственно с функциональной семантикой суффикса.

3.6. Вопрос о влиянии словообразовательной модели на синонимические отношения однокорневых слов

В данном параграфе проблема воздействия словообразовательной системы на установление парадигматических связей однокорневых слов исследуется на конкретном материале. Из всех видов лексических отношений, возможных между однокорневыми словами в рамках деривационного гнезда слов, в качестве объекта исследования нами выбраны синонимические отношения, представленные в парах слов, типа *абрикосовый/абрикосный; ананасовый/ананасный; апельсиновый/апельсинный* и т.п., образованных от наименований растений с помощью близких по значению суффиксов *-н-* и *-ов-* в границах двух синонимичных словообразовательных типов.

Однокорневые слова с полностью или частично совпадающими лексико-семантическими вариантами значения пока не имеют общепринятого наименования. В современной русистике их называют однокоренными синонимами, словообразовательными синонимами и параллелями, вариантами, вариантоидами, дублетами; лексико-словообразовательными вариантами; параллельными образованиями и параллелями; морфологическими синонимами и вариантами. Этот далеко не полный перечень номинаций, различающихся и по своему содержанию, отражает недостаточную разработанность и дискуссионность ряда положений, касающихся вариативности и синонимии слов и словообразовательных средств.

Однокорневые синонимы являются разновидностью лексических синонимов, синонимия которых обусловлена прежде всего тождеством лексической морфемы – корня. Этим определяется и возможность синонимии производящего и производного. Одновременно с этим однокорневые слова одной словообразовательной категории – результат словообразовательных

процессов. Отношения синонимии у этих слов – следствие их синхронных парадигматических связей в лексике и словообразовании.

Из множества детерминант, исходящих из лексической и словообразовательной системности лексики и организующих данные отношения, мы ограничимся в данном случае рассмотрением следующих вопросов: связана ли синонимия однокорневых слов с синонимией словообразовательных средств и какую роль играет функциональное тождество словообразовательной модели в устойчивости отношений синонимии у однокорневых слов?

В контексте поставленной задачи исходная гипотеза заключается в следующем: с одной стороны, тождество корня, общность типа словообразовательного значения у ряда дериватов при относительной свободе выбора словообразовательного средства способствует регулярному порождению однокорневых синонимов; с другой стороны, стремление к специализации словообразовательных типов в ряде обобщенно-мотивационных значений, отражающих значение производных различных тематических классов и носящих лексико-словообразовательный характер, приводит к неустойчивости явления синонимии у однокорневых слов. Узуализация параллельных форм прилагательных объясняется тем обстоятельством, что слова с определенным значением имеют тенденцию закрепиться с суффиксом, свойственным большинству слов этой группы.

В словообразовательной системе языка данные словообразовательные типы рассматриваются как синонимические [РГ-80. С. 272–273; 279]. Вместе с тем отличительной чертой словообразовательного уровня, по сравнению с лексическим, является отсутствие полной синонимии словообразовательных моделей [Араева, 1990; 1994]. Семантическую организацию словообразовательных типов пронизывают отношения тождества и различия. Тождество наблюдается на более высоких уровнях абстракции словообразовательного значения, различия – на уровне лексико-словообразовательного значения (ЛСЗ). Поскольку набор ЛСЗ различен для

каждого СТ, выявление их семантических различий является наиболее перспективным в границах ЛСЗ тематических групп производных слов.

Согласно логике исследования, на предварительном его этапе был выявлен состав лексико-словообразовательных значений (ЛСЗ) анализируемых слов в границах двух словообразовательных типов.

ЛСЗ в общем смысле зависит от ономаσιологической классификации явлений, выделяющей значимые для человека более или менее конкретные их классы (темы), и от типов номинации, свойственных данным классам (М.Н. Янценецкая). В частности, в состав словообразовательного значения относительных прилагательных, обладающих той или иной словообразовательной структурой, входит не только абстрактное значение «относящийся к тому, что названо мотивирующим словом», но и конкретный тип этого отношения. Количество выделяемых типов отношений конечно: в общеотносительной семантике производного прилагательного отражаются мотивационно значимые аспекты производящего имени. У прилагательных, образованных от существительных определенной тематической группы, выделяется свой набор мотивационных отношений.

В нашем исследовании определение ЛСЗ производных прилагательных дается с опорой на классификацию М.Н.Янценецкой [1987], в которой насчитывается 42 разновидности ЛСЗ.

За системное значение производных прилагательных были приняты сводные словарные дефиниции, которые «сводились» из дефиниций, представленных в «Толковом словаре русского языка» С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой [1999] и «Толково-словообразовательного словаря» Т.Е.Ефремовой [2000]. На основании анализа полученных определений были выявлены следующие словообразовательные значения (СЗ): наиболее обобщенное СЗ – «признак, определяемый по предмету», связанное со словарной дефиницией «соотносящийся по значению с существительным». Оно конкретизируется в двух аспектах – определительном и функциональном. Определительная семантика дана лишь в социально необусловленном плане, функциональная – главным образом в социально обусловленном.

Социально необусловленный определительный аспект конкретизируется за счет следующих ЛСЗ:

- 1) «характеризующийся наличием растительности» (*картофельный огород, грибное место, ромашковое поле*);
- 2) «являющийся целым по отношению к части» (*еловые шишки, осиновый лист, овсяный корень*);
- 3) «являющийся частью целого» (*черемуховые заросли, ивовая роща, сосновый бор*);
- 4) «обладающий внешним признаком другого предмета» (*вишневая шаль, капитановая краска, платье с гороховым оттенком*);
- 5) «проявляющий свойства, подобные свойствам предмета» (*бобовая руда – «видом похожая на бобы»; ананасный дезодорант – «ароматом напоминающий ананас»*).

Среди отсубстантивных прилагательных, обладающих СЗ функционального типа, различаются отношения социального и несоциального плана. В социально обусловленном функциональном аспекте выделяются следующие ЛСЗ:

- 1) «сделанный из предмета» (*осиновое полешко, льняное полотно, еловая изба*);
- 2) «приготовленный из плодов, ягод» (*овсяный кисель, льняное масло, ячменная мука, ромашковый отвар*);
- 3) «предназначенный для переработки предмета» (*табачная фабрика*);
- 4) «предназначенный для действия над предметом (для помещения в него объекта)» (*табачная трубка, капустная кадка*);
- 5) «предназначенный для производства действия над предметом» (*кукурузный комбайн, чайный сервиз*).

ЛСЗ социально необусловленного функционального аспекта:

- 1) «обитающий в определенном месте» (*капустный червь*).

Сопоставительный анализ двух СТ проводился по признакам системной и эмпирической продуктивности (термины М. Докулила). В качестве критерия системной продуктивности мы рассматривали состав ЛСЗ в типе.

Эмпирическая продуктивность определялась на основании количественного подсчета дериватов, обладающих тем или иным ЛСЗ. Ее показатели содержатся в таблице 11. Коэффициент эмпирической продуктивности каждого ЛСЗ в типе рассчитывался путем отношения числа производных, обладающих данным ЛСЗ, к общему числу производных в типе.

Таблица 11

Соотношение ЛСВ по эмпирической продуктивности

Виды ЛСЗ	Коэффициент эмпирической продуктивности в СТ (округлен до десятых)	
	С+ов / ев (ый)	С+н (ый)
Характеризующийся наличием растительности	0,2	0,3
Являющийся целым по отношению к части	0,6	0,7
Являющийся частью целого	0,6	0,1
Обладающий внешним признаком (цветом) другого предмета	0,4	0,4
Проявляющий свойства, подобные свойствам предмета	0,2	0,1
Сделанный из предмета	0,6	0,2
Приготовленный из плодов, ягод	0,6	0,8
Другие ЛСЗ функционального аспекта	0,1	0,3

Критерием ядерности ЛСЗ в рамках типа является структурная закреплённость определенного вида мотивационных отношений, следствием чего является предельно полная или значительная представленность производных с конкретным ЛСЗ в типе [Араева, 1990. С. 16]. С этой точки зрения, оба СТ обладают разветвленной семантической организацией с «расплывчатым» ядром, состоящим из целого набора ЛСЗ. В СТ «С+ов/ев(ый)» это ЛСЗ: «являющийся целым по отношению к части»; «являющийся частью целого», «сделанный из предмета», «приготовленный из плодов, ягод» (с примерно одинаковой эмпирической продуктивностью). В СТ «С+н(ый)» ядерная структура менее расплывчата, она состоит из двух ЛСЗ «являющийся целым по отношению к части» и «приготовленный из плодов, ягод» (с высоким коэффициентом эмпирической продуктивности); периферийная область типа является семантически «размытой».

На следующем этапе исследования была подвергнута анализу лексическая сочетаемость производных прилагательных, что позволило не только скорректировать данные о качественной и количественной продуктивности значения прилагательных, полученные при анализе словарных материалов, но и дополнить общую картину их семантического описания функциональными характеристиками, такими как частотность употребления прилагательных с тем или иным типом ЛСЗ в речи.

Материалом для выборки словосочетаний послужили тексты художественной литературы, перечень которых содержится в разделе «Основные источники». Объем выборок составил 119 словосочетаний с прилагательными, образованными по модели «С+ов/ев(ый)» (I) и 47 словосочетаний с прилагательными, образованными по модели «С+н(ый)» (II).

В полученных словосочетаниях производные прилагательные обнаруживают те же самые ЛСЗ в определительном и функциональном аспектах, которые были выявлены при их системном описании. Таким образом, характеристика системной и функциональной продуктивности значения данных прилагательных по качественному критерию совпадает. Различия связаны с их характеристикой по количественному критерию и обусловлены частотностью употребления прилагательных с определенным типом ЛСЗ в речи. Количественная характеристика функциональной продуктивности дается через коэффициент частотности прилагательных с определенным типом ЛСЗ в художественных текстах. Коэффициент частотности рассчитывался путем соотношения количества словосочетаний с прилагательными, обладающими данным ЛСЗ, к общему количеству встреченных в текстах словосочетаний с прилагательными, образованными по данной модели. Эти данные содержатся в таблице 12.

Полевая модель семантики СТ «С+ов/ев(ый)» в ее функциональном варианте, в отличие от системного, имеет точечное ядро, представленное ЛСЗ «сделанный из предмета» (*камышовая трость; березовый полоз; еловые лыжи; сосновый косяк; ореховый стул*), – социально-функциональный аспект. В определительном аспекте наиболее частотными являются значения

«обладающий цветом другого предмета» (*каштановое манто; малиновая рубаша; сиреневые белки; вишневый румянец*) и «являющийся целым по отношению к части» (*рябиновый куст; еловая ветка*). Остальные значения составляют около 17% от общего количества употреблений и образуют периферию поля. Ядерные части системной и функциональной модели СТ пересекаются в двух ЛСЗ: «сделанный из предмета» и «являющийся целым по отношению к части». Структура периферийной части функциональной модели поля является более размытой, чем одноименная структура системной модели.

Таблица 12

Частотность употребления прилагательных двух СТ
с определенным типом ЛСЗ в текстах художественной литературы

Виды ЛСЗ	Коэффициент частотности прилагательных с определенным типом ЛСЗ в художественных текстах (округляется до сотых)	
	С+ов / ев (ый)	С+н (ый)
Характеризующийся наличием растительности	0,04	0,14
Являющийся целым по отношению к части	0,21	0,11
Являющийся частью целого	0,03	0,02
Обладающий внешним признаком (цветом) другого предмета	0,26	0,11
Проявляющий свойства, подобные свойствам предмета	0,07	0,17
Сделанный из предмета	0,34	0,11
Приготовленный из плодов, ягод	0,03	0,28
Другие ЛСЗ функционального аспекта	-	0,06

В функциональное поле типа «С+н(ый)» ядерную позицию занимает ЛСЗ «приготовленный из плодов, ягод» (*клюквенный кисель; пшеничный хлеб; репное вино; ячменная мука*) (социально-функциональный аспект). В определительном аспекте количественно преобладает группа прилагательных со значением «проявляющий свойства, подобные свойствам предмета» (*хмельные волны; льняной ручей; хмельные глаза; кукурузная канитель; льняное лицо*) (словообразовательная метафора). Ядерные части системной и функциональной модели типа пересекаются в одном ЛСЗ – «приготовленный из плодов, ягод».

Сопоставительный анализ функциональных особенностей прилагательных, образованных по двум разным моделям, обнаружил, что в СТ «С+ов/ев(ый)» более продуктивным является ядро модели и менее продуктивной периферия. В СТ «С+н(ый)», по сравнению с первым СТ, ядро является менее продуктивным, а периферия более продуктивной. Ядро первого типа формируется за счет ЛСЗ функционального аспекта, а периферию второго СТ образуют ЛСЗ, конкретизирующие определительный аспект.

Для решения основного вопроса: имеют ли однокоренные прилагательные с суффиксами *-н-* и *-ов-* тенденцию закрепляться за какими-то определенными значениями, свойственными большинству слов этой группы (с учетом системного и функционального аспекта их семантики) – было проведено исследование системных значений данных прилагательных, с которыми затем сравнивались реально представленные в сознании носителей языка компоненты их значений, полученные экспериментальным путем.

Из «Словаря трудностей русского языка» Д.И.Розенталя и М.А.Теленковой [2001] нами было отобрано 12 пар прилагательных и исследованы особенности их значения и употребления. Особенности словоупотребления однокорневых прилагательных отражены в таблице 13, где они представлены в следующем порядке: однокорневые прилагательные «совпадают в значении» (=); «в данном значении употребляется преимущественно одна из форм» (>); «в данном значении употребляется только одна форма» (+).

Данные, приведенные в таблице, свидетельствуют о том, что четкого разграничения значения этих прилагательных в современном языке нет. В сфере их отношений можно выделить три зоны: зону совпадения значений, зону варьирования значений и зону контраста значений. В количественном отношении преобладают зона тождества (=) и зона варьирования (>). Зона тождества (совпадения) значений образуется ЛСЗ «приготовленный из плодов или ягод растения» (*абрикосовый (абрикосный) сок; ананасное (ананасовое)*

мороженое; апельсиновый (апельсинный) джем; бузиновый (бузинный) настой).

Таблица 13

Особенности словоупотребления однокоренных прилагательных

ЛСЗ	Относящийся к плоду	Относящийся к самому растению	Имеющий признаки или свойства плода растения	Сделанный из растения, его плодов	Приготовленный из плодов растения	Терминологическое употребление
1	2	3	4	5	6	7
<i>Абрикосовый</i>	=	+	+		+	
<i>Абрикосный</i>	= (разг.)				= (разг.)	
<i>Ананасовый</i>		=			=	
<i>Ананасный</i>		=	+		=	
<i>Апельсиновый</i>		>	>		=	
<i>Апельсинный</i>	>	Устар.			=	
<i>Барбарисовый</i>	=	=			>	+
<i>Барбарисный</i>	=	=				
<i>Бузиновый</i>	=	>		=	=	
<i>Бузинный</i>	=			=	=	
<i>Жасминовый</i>		>		>	>	
<i>Жасминный</i>	>					
<i>Кипарисовый</i>		>		>		+
<i>Кипарисный</i>						
<i>Лимоновый</i>		=				
<i>Лимонный</i>	>	=	>		>	
<i>Мандариновый</i>	>	>	>		>	
<i>Мандаринный</i>						
<i>Миндалевый</i>		>				+
<i>Миндальный</i>	+					
<i>Маслиновый</i>						+
<i>Маслинный</i>	>	>				
<i>Смородиновый</i>						
<i>Смородинный</i>		>			>	
<i>Шафрановый</i>			=			
<i>Шафранный</i>			=			

В ряде параллельных образований можно отметить некоторые разграничения в употреблении слов с разными суффиксами в определенных значениях, образующие зону варьирования. Прилагательные с суффиксом -ов/ев- чаще употребляются со значением «относящийся к самому растению» (*апельсиновое дерево, бузиновый куст, кипарисовая роща; мандариновый сад,*

мандариновая плантация, миндалевое дерево), по-видимому, по аналогии с прилагательными, употребляемыми только с данным суффиксом: *сосновый, березовый, еловый, грушевый, яблоневый* и т.п. Прилагательные того же корня с суффиксом *-н-* чаще употребляются в значении «относящийся к плодам» и «имеющий свойства плода» (*апельсинная корка, апельсинная кожура, жасминный запах, ананасная клубника, лимонный запах, лимонный цвет, миндальные орехи, миндальное молоко*).

Зону контраста образуют прилагательные с суффиксом *-ов/ев-*, которые употребляются в сельскохозяйственной терминологии преимущественно в названиях семейств растений, например: *барбарисовые, кипарисовые, миндалевые*.

Эксперимент. С целью выявления значений, закрепленных за прилагательными с разными суффиксами, был проведен эксперимент, состоящий из двух этапов. На первом этапе испытуемым предлагалось образовать от данных существительных прилагательные при помощи суффиксов *-ов-* и *-н-*. Были даны следующие слова: *каштан, жасмин, апельсин, абрикос, шафран, маслина, яблоко*. В эксперименте участвовали 100 испытуемых – студенты V курса филологического факультета Бийского педагогического государственного университета. Возраст испытуемых – 21–22 года, родной язык – русский. Было получено 485 ответов, из них 290 составили прилагательные с суффиксом *-ов-*, 195 – прилагательные с суффиксом *-н-*. Количественные данные были распределены по конкретным словам следующим образом: *абрикосовый* – 44; *абрикосный* – 20; *шафрановый* – 34; *шафранный* – 29; *маслиновый* – 41; *маслинный* 24; *яблоковый* – 13; *яблочный* – 50; *каштановый* – 44; *каштаный* -14; *подсолнуховый* – 33; *подсолнечный* – 22; *апельсиновый* – 40; *апельсинный* – 20; *жасминовый* – 41; *жасминный* – 16.

Результаты эксперимента показали, что более продуктивными (в 1,5 раза) оказались прилагательные с суффиксом *-ов-*. Этот результат коррелирует с данными, полученными нами при исследовании контекстных сочетаний с прилагательными, среди которых словосочетаний с прилагательными на *-ов-* было в 2,5 раза больше.

На втором этапе участникам эксперимента предлагалось составить словосочетания со словами: *апельсиновый, апельсинный, барбарисовый, барбарисный, ананасовый, ананасный, мандариновый, мандаринный*. В результате эксперимента было получено 367 словосочетаний прилагательных с определяемыми существительными, составившими шесть тематических групп: 1) «кушанье и напитки» (*сок, компот, квас, джем, варенье, повидло, плов, пряник, желе, мармелад, зефир, торт, конфета, десерт*); 2) «обозначение самого растения» (*куст, дерево*); 3) «свойство растения» (*вкус, дух, запах, аромат, цвет*); 4) «часть растения или его плода» (*соцветие, кожура, корень, плод, корка, лист*); 5) «территория» (*край, сад, страна, город, республика, материк*); 6) «предметы одежды» (*шарф, пальто, ботинки*); 7) разное (*гора, улыбка, настроение, дом, день, погода, любовь, море, воздух*).

Обработка результатов эксперимента позволяет интерпретировать полученные словосочетания как отражение наиболее важных для носителей языка типов связей называемого явления в данном ономаσιологическом аспекте.

На основании сопоставления ономаσιологического класса (тематической группы) имен существительных и ономаσιологического признака, выраженного производным прилагательным, были выявлены аспект и тип номинации, реализовавшиеся в отсубстантивных прилагательных в определенном наборе ЛСЗ. В таблице 14 содержится описание выделенных ЛСЗ с указанием количественной представленности прилагательных с данными значениями в составе общей совокупности.

Таблица 14

Осознание значений однокоренных прилагательных с суффиксами *-ов-* и *-н-* носителями языка

ЛСЗ	Коэффициент продуктивности ЛСЗ прилагательных, представленных в сознании испытуемых	
	«С+ов/ев(ый)»	«С+н(ый)»
Характеризующийся наличием растительности		0,05
Являющийся целым по отношению к части	0,02	0,08
Являющийся частью целого	0,05	0,11
Называющий свойство растения	0,13	0,55

	Коэффициент продуктивности ЛСЗ прилагательных, представленных в сознании испытуемых	
Проявляющий свойства, подобные свойствам растения	0,04	0,07
Приготовленный из плодов, ягод	0,75	0,13

Семантическая структура прилагательных, образованных по двум словообразовательным моделям, представленная в сознании испытуемых (старшекурсников филологического факультета), имеет полевой характер с четко оформленным точечным ядром и достаточно размытой периферией. В отличие от системного значения данных прилагательных, носители языка более склонны связывать функциональное значение «приготовленный из плодов, ягод растения» с прилагательными с суффиксом *-ов-*, а определительное значение «называющий свойства растения» – с формой прилагательного на *-н-*. Однако ни то, ни другое значение не исключает возможности употребления параллельных форм прилагательного.

В заключение отметим: собственно словообразовательные особенности слова при всей их значимости обуславливают лишь возможность синонимии однокорневых слов, но не обязательную реализацию этой возможности. Проведенный анализ показал, что существует более или менее строгая закреплённость смысловых модификаций того или иного словообразовательного значения за конкретным типом производных, маркированных определенным аффиксом. Это проявляется во всех сферах языкового существования: в языковой системе, в речи и на уровне языкового сознания. Реальные отношения между однокорневыми словами зависят, во-первых, от особенностей парадигматических связей производных слов на уровне лексико-словообразовательных значений, выявляемых в рамках семантических структур СТ, и, во-вторых, от ряда функциональных и семантических характеристик слов, выявляемых на лексическом уровне. «Однокоренные слова, так же как и разнокоренные, не однородны в семантическом отношении. Среди однокоренных слов есть немало слов,

несовпадающих в значении, хотя аффиксы, образующие их, являются семантически близкими» [Рогожникова, 1967, С. 157]. Факторами, существенными для установления отношений синонимии на лексическом уровне, являются особенности употребления слов, его частотность, сочетаемость слов-синонимов с другими словами, соотнесение значений слов-синонимов, стилистическая характеристика слов и их синтаксическая функция, наличие темпоральных ограничений (указания на некоторые из перечисленных факторов содержатся в [Рогожникова, 1967; Бережан, 1967]).

Таким образом, решение проблемы тождества и дифференциации значений однокорневых синонимов в значительной мере связано с рассмотрением их семантических и функциональных особенностей на собственно лексическом уровне.

3.7. Лексические оппозиции однокорневых прилагательных

На данном этапе исследовательской задачей является выявление возможных типов различий (функциональных, семантико-функциональных) у однокорневых синонимов (в ряду смежных явлений). Материалом для настоящего исследования послужили однокорневые прилагательные, полученные путем сплошной выборки из «Нового словаря русского языка» Т.Ф. Ефремовой (с. 352–438), составившие более 70 пар, например: дипломатический – дипломатичный, декорационный – декоративный, дворницкий – дворничий, дисперсный – дисперсионный [Ефремова, 2000]. Характеристика словесных корреляций осуществлялась на основе семантического анализа дефиниций (по данным «Словаря современного русского литературного языка» (в 17-ти т.), «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [1999], «Нового словаря русского языка» Т.Ф. Ефремовой [2000], «Советского энциклопедического словаря» [1980], «Словаря иностранных слов» [1989], «Словаря трудностей русского языка» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой [1987]. Исследование лексических значений слов-коррелятов осуществлялось также с учетом их контекстного функционирования и частотных характеристик.

Одним из видов вариантных отношений в лексике является синонимия в широком смысле или функциональная эквивалентность слов. Понятие «функциональная эквивалентность» гораздо шире категории «абсолютные синонимы», которые представляют собой один из видов словесных оппозиций на системном уровне. Понимание синонимов как функциональных эквивалентов ориентировано на слова, функционирующие в предложении. Функциональными эквивалентами являются такие слова, которые способны выполнять одну и ту же функцию в рамках одного и того же предложения. Адекватность функции может быть установлена путем подстановки слов. В качестве инварианта функциональных эквивалентов выступает категория общей функции.

В исследуемом материале с учетом функциональных характеристик совпадающих по значению слов нами были обнаружены следующие оппозиции.

Тип А-I образуют однокорневые синонимы, совпадающие по значению, но различающиеся частотностью употребления.

Например: девический и (реже) девичий и (в некоторых сочетаниях) девичий. Данные прилагательные имеют одинаковые значения: 1) соотнесенности, связанности; 2) свойственности, характерности; 3) принадлежности. Сохраняя семантическое тождество, но различаясь частотностью употребления, данные слова утрачивают абсолютную функциональную эквивалентность.

Аналогично: *дискантовый* и (реже) *дискантный* (*дискантовый перелив, дискантовый писк; дискантное пение*); *диссимлятивный* и (реже) *диссимляционный* (*диссимлятивный процесс, диссимлятивное аконье, диссимлятивное яконье*); *диахронический* и (реже) *диахроничный* (*диахроническая лингвистика, диахроническая фонология, диахроническая грамматика*); *джазовый* и (реже) *джазовский* (*джазовая музыка, джазовый оркестр, джазовый певец*); *дистрибутивный* и (реже) *дистрибуционный* (*дистрибутивные отношения, дистрибутивный вид, дистрибутивный метод, дистрибутивный анализ, дистрибутивный закон, дистрибутивное множественное, дистрибутивное единственное*); *демагогический* и (реже)

демагогичный – «относящийся к демагогии, свойственный демагогам» (*демагогические приемы, демагогический обман масс*). Но *демагогичный* в полной форме употребляется реже, чем *демагогический*; *дисгармонический* и (реже) *дисгармоничный* (*дисгармоническое карканье, дисгармоничные сигналы*; только *дисгармоническое сочетание цветов*).

В типе А-II различия однокорневых синонимов по частотным характеристикам могут быть связаны с хронологическим расслоением лексики, когда один из оппозитивов характеризуется как слово, выходящее или уже вышедшее из живого употребления, но еще известное в современном литературном языке и используемое как выразительное средство (имитации речи прежних эпох). Например: *дочерин* и (устар.) *дочернин* («принадлежащий дочери»); *дурацкий* и (устар.) *дураков* («принадлежащий дураку»); *дружеский* и (устар.) *дружный* (1) «относящийся, принадлежащий другу»;

2) «основанный на взаимном расположении»); *демонический* и (устар.) *демонский* («относящийся», «свойственный»); *диалектный* и (устар.) *диалектальный*; *досужий* и (устар.) *досужный*; *диетический* и (устар.) *диетный*.

В тип А-III вошли слова со стилистическими ограничениями. Функциональные различия в употреблении совпадающих по значению однокорневых прилагательных связаны с различными стилистическими характеристиками слов, среди которых встретились следующие сочетания: нейтральное/разговорное; нейтральное/просторечное; нейтральное/официальное. Например: *дочернин*– *дочернин* – *дочерин* совпадают по значению «принадлежащий дочери», но *дочернин* и *дочерин* – прост. (*дочерний (дочернин, дочерин) дом*); *дружеский* – *дружественный* (совпадают в значении «выражающий дружбу, расположение», но *дружественный* имеет оттенок официальности. *Дружеский (дружественный) тон*; *Жена моя очень благодарит тебя за дружеские приветствия* (Баратынский); *Благодарю за дружественное и лестное письмо Ваше* (Баратынский)); *денищицкий* и *денищиков* – совпадают в

значении «принадлежащий» но *денищиков* – разговорное; *дефектный* и *дефективный* – совпадают в значении «с дефектом, с изъяном, испорченный», но *дефективный* – разговорное (*дефектный (дефективный) телевизор*).

Тип А-IV образуют однокорневые прилагательные, совпадающие в значении, но различающиеся сочетаемостью. Например: *дистантный* и *дистанционный* совпадают в значении «действующий на расстоянии, производимый на расстоянии, без соприкосновения», но различаются сочетаемостью: только *дистантный массаж, дистантные отношения* (формальные, без дружбы); только *дистанционное измерение* (измерение физических величин на расстоянии), *дистанционное правление* (управление на расстоянии объектами), *дистанционная бомба*.

Тип Б образуют оппозиции слов, которые, совпадая в одном (или нескольких) из значений, расходятся в другом (или других), например, лексемы *декоративный* и *декорационный*, с одной стороны, имеют общее значение «относящийся к декорациям, к оформлению сцены» (*декоративное (декорационное) искусство, декоративные (декорационные) мастерские*). позволяет, что позволяет их объединить как морфологические варианты (или как очень близкие однокорневые синонимы). Но, с другой стороны, учитывая, что *декоративный* имеет значения «предназначенный, служащий для украшения чего-либо» (*декоративная живопись, декоративная скульптура, декоративные растения*) и «живописный, картинный, нарядный», отношения между словами *декоративный* – *декорационный* должны квалифицироваться как паронимические. И синонимы, и паронимы, и все другие виды лексических оппозиций соотносятся с многозначностью не только как носители пучков различных значений, но и как выразители (дифференциаторы) различных значений.

В исследуемом материале к числу таких оппозиций относятся следующие:

Дистантный–дистанционный. Совпадают в значении «действующий на расстоянии, производимый на расстоянии». Но только *дистанционный*

употребляется в значении «управляющий участком административно-технического деления железной или шоссейной дороги, водного пути» (*дистанционный начальник*).

Дидактический–дидактичный. Совпадают в значении «поучительный, наставительный» (*дидактический* (*дидактичный*) *тон*). Только *дидактический* употребляется в значении «основанный на дидактике I (Часть педагогики, в которой обосновываются содержание, методы и формы обучения)» (*дидактические принципы*) и в значении «имеющий характер поучения, наставления (о литературных произведениях и жанрах) (*дидактическая литература, дидактическая повесть*). Только *дидактичный* может быть употреблен в краткой форме в предикативной функции (*Слова учителя были весьма дидактичны*).

Динамический–динамичный. Совпадают в значении «богатый действием, движением, внутренней энергией», но различаются сочетаемостью (*динамический* (*динамичный*) *образ, динамическая* (*динамичная*) *музыка*. Только *динамический* в *динамические стороны характера*. Только *динамичный* в *динамичное развитие сюжета, динамическое исполнение пьесы*. Только *динамический* употребляется в значении «относящийся к динамике (раздел механики), связанный с движением, действием силы» – *динамическая нагрузка* (физич.), *динамическое ударение* (линг.), *электродинамический громкоговоритель*.

Дипломатический–дипломатичный. Совпадают в значении «тонкий в отношениях с другими, ловкий, уклончивый» (*дипломатический* и *дипломатичный* (-ая, -ое, -ые) – *ответ, поступок, шаг, поведение, позиция, ход, речь, выступление*. Только *дипломатичный* в значении «осторожный, избегающий прямо высказывать свое мнение, мягкий, вежливый» сочетается с существительными со значением «лица» (*дипломатичный* (-ая, -ые) – *секретарь, работник, чиновники, человек, мужчина, мальчик, женщина*). Только *дипломатический* в значении «относящийся к дипломатии, деятельности по осуществлению внешней, международной политики государства» (*дипломатический* (-ая, -ое, -ие) – *представитель, курьер, агент*,

работник, чиновник, персонал, корпус, миссия, представительство, пост, должность, служба, протокол, нота, послание, каналы, отношения, поддержка, скандал, протесты, переписка.

Догматический–догматичный. Совпадают в значении «свойственный догматику, бездоказательный, категорический, не допускающий возражений» (*догматическое (догматичное) мышление*). Только *догматический* употребляется в значении «основанный на догмах» (*догматическое учение*). Только *догматичный* употребляется в значении «отвлеченный, абстрактный, схематичный» (*Положения доклада были догматичны. Догматичный способ выражения*).

Демократический–демократичный. Совпадают в значении «свойственный широким слоям народа, простой» (*демократическое и демократичное воспитание*). Только *демократический* употребляется в значении «основанный на принципах демократии (о политическом строе, при котором верховная власть принадлежит народу)» (*демократический (-ая, -ое, -ие) – республика, образ правления, реформы*).

Деспотический–деспотичный. Совпадают в значении «самовластный, не считающийся с волей и желанием других» (*деспотический (деспотичный) характер*), но различаются сочетаемостью. Только *деспотичный (-ая, -ые, -ое) человек, женщина, ребенок* (со значением «лица»). Только *деспотический* употребляется в значении «основанный на неограниченной, самодержавной власти» (*деспотическое государство*).

Диалектический–диалектичный. Совпадают в значении «основанный на диалектике – науке о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления», но различаются употреблением: *диалектический* только в полной форме: *Истина не в диалектических тонкостях, а в живой правде того, о чем вы рассуждаете; диалектичный* употребляется главным образом в краткой форме (*Метод автора вполне диалектичен*). Только *диалектический* употребляется в терминах *диалектический материализм, диалектический метод*.

Дружественный–дружеский. Совпадают в значении «выражающий дружбу, расположение», но *дружественный* с оттенком официальности (см. об этом А-Ш). Только *дружеский* употребляется в значении «характеризующийся отношением друзей» (*дружеский* (-ая, -ое, -ие) – *привет, участие, разговор, послание*). Только *дружественный* употребляется в значении «основанный на дружбе, взаимноблагожелательный (преимущественно о государствах, народах и отношениях между ними)» (*дружественный* (-ое, -ая, -ые) – *политика, сотрудничество, связи между народами, страны*).

Драматический–драматичный. Совпадают в значениях «полный драматизма, напряженности» (*драматический* (-ая, -ое, -ие) и *драматичный* (-ая, -ое, -ые) – *момент, конец, спорт, жизнь, судьба, обстановка, ситуация, развязка, обстоятельство, музыка, игра (актеров), объяснение кого-либо с кем-либо, сцена, рассказ о чем-либо*), а также в значении «расчитанный на эффект, напыщенный» (*драматический* (*драматичный*) *тон, жест, пауза, поза, выражение лица*). Только *драматический* употребляется в значении «относящийся к драме, роду литературных произведений, к произведению подобного рода» (*драматический* (-ая, -ое, -ие) – *актер, актриса, театр, спектакль, кружок, жанр, герой, язык, конфликт, форма, искусство, постановка, литература, мастерство, творчество, произведение*).

Тип В составляют оппозиции однокорневых прилагательных, с одной стороны, находящихся в паронимических отношениях. Наиболее многочисленную и репрезентативную группу паронимов составляют однокорневые слова, семантическая соотносительность которых обусловлена общей в сопоставляемых словах производящей основой. Степень семантического расхождения может быть разной: оппозитивные пары располагаются на шкале, пределами которой являются отношения семантической соотносительности (левый предел) и отношения семантической несоотносительности в силу семантического расхождения производных (правый предел).

В подтип В-I входят оппозиции слов, образованные от одного ЛСВ производящего слова. Приведем примеры.

Слова в оппозиции досадный–досадливый различаются значениями: *досадный* имеет значение «причиняющий, вызывающий досаду, такой, которого не следовало бы допускать, которого могло бы и не быть». Сочетается преимущественно с существительными, в семантике которых заключена негативная оценка (*досадный (-ая, -ое, -ые) недостаток, пропуск чего-либо, момент в чем-либо, промах, случайность, чувство чего-либо, недоразумения, промашки, ошибки*). *Досадливый* означает «такой, который вызван, обусловлен досадой, а также выражает досаду». Сочетаемость этого слова весьма ограничена: оно сочетается с существительными, обозначающими некоторые отрицательные эмоциональные состояния (нетерпеливость, неудовлетворенность), выявления чувства досады (покашливание, гримаса). Например: *досадливый (-ая, -ое, -ые) – нетерпеливость, покашливание, гримаса, чувство, неудовлетворенность, потирание рук*.

Дефектный–дефективный. Различаются значениями: *дефектный* означает «имеющий дефект, испорченный», сочетается только с существительными, обозначающими конкретные неодушевленные предметы (*дефектный (-ая, -ое, -ые) – экземпляр, книга, вещь, изделие*); *дефективный* обозначает «имеющий физический или психический недостаток, ненормальный». Прилагательное сочетается с существительными со значением «лица» (*дефективный (-ая, -ое, -ые) – мальчик, дитя, девочка, ребенок, дети*).

Диффузионный–диффузный. Различаются значениями: *диффузионный* имеет значение «относящийся к диффузии, основанный на диффузии (взаимное проникновение соприкасающихся веществ друг в друга вследствие теплового движения молекул и атомов)»; употребляется в терминах: *диффузионная камера, диффузионный насос* (действие которого основано на диффузии молекул откачиваемого газа в струю жидкости, истекающей из сопла, т.е. на основе взаимопроникновения веществ), *диффузионная сварка* (производится нагревом и сдавливанием соединяемых деталей в вакууме, в результате чего происходит диффузия атомов материалов контактирующих деталей (т.е. на основе взаимопроникновения веществ). *Диффузный* употребляется в значении 1) физич., «рассеянный» (о свете); 2) астр.

«расплывчатый» в словосочетаниях *диффузный свет, диффузные туманности* (облака звездной пыли и газов неправильной формы». На базе данного значения формируется переносный смысл «расплывчатый, нечеткий, неопределенный» (*диффузный смысл, диффузное представление о мире*).

Дисперсный–дисперсионный. Различаются значениями: *дисперсный* употребляется в сочетаниях *дисперсный (-ая, -ое, -ые) – частицы, состояние вещества, среда*; в терминологическом сочетании *дисперсная система* (вещество в виде мелких частиц (*дисперсная фаза*) вместе с той средой (*дисперсная среда*), в которой они распределены». Прилагательное *дисперсионный* употребляется в терминах *дисперсионная призма, дисперсионный анализ* (совокупность методов определения размеров частиц в *дисперсных системах*). На основании анализа сочетаемости можно сделать вывод, что прилагательному *дисперсный* присуще значение «разложенный, раздробленный, рассеянный, характеризующийся этим состоянием», а его оппозиту (*дисперсионный*) свойственно значение «служащий для обнаружения, исследования дисперсии».

Подтип В-II образуют однокорневые паронимы, маркирующие разные значения производящего слова (образованные от различных ЛСВ производящего слова). К их числу можно отнести следующие:

Диалогический–диалоговый. Прилагательное *диалогичный* обозначает «относящийся к диалогу» (в 1 и 2 значениях): 1) «разговор между двумя или несколькими людьми» и 2) «часть литературного произведения, представляющая собой разговор двух лиц» // «Литературное произведение, написанное в форме беседы» (*диалогическая речь, диалогическая форма изложения*). Прилагательное *диалоговый* соотносится с существительным *диалог* в 4 значении («технически грамотная постановка человеком заданий для компьютера и получение от нее нужных результатов») и обозначает «связанный с обменом информацией» (*диалоговый режим работы компьютера, диалоговое окно*).

Добычный–добычливый. Оба паронима образованы от существительного *добыча*, но от разных его значений. *Добычный* имеет значение «связанный с

добычей полезных ископаемых» (*добыча*₃ «то, что извлечено, добыто из недр земли») – *добычный участок, добычная бригада, добычное оборудование*. Прилагательное *добычливый* имеет значение «такой, который умеет много добывать (охотой, промыслом и т.д.) и образуется от существительного *добыча*₂ (оттенок значения) «то, что добыто охотой, промыслом, ловлей» – *добычливый охотник, добычливые промысловики, добычливая хозяйка*. На базе данного значения образуется переносное значение прилагательного «дающий большую добычу, выгоду», в том случае, если оно сочетается с существительными, обозначающими «способ получения, приобретения» (*добычливый лов; Осенняя охота особенно добычлива*).

Подтип В-III образуют оппозиции однокорневых паронимов, образованных от разных производящих основ на разных ступенях деривации. Например:

Диверсионный–диверсантский. Прилагательное *диверсионный* имеет значение «соотносящийся с существительным *диверсия*₁. Прилагательное *диверсантский* образовано от существительного *диверсант* (← *диверсия*) и имеет значение «принадлежащий диверсантам», «свойственный диверсантам», «связанный с диверсантами».

Диетический–диететический. Различаются значениями: *диетический* «относящийся к диете (определенный режим питания)» – *диетическая столовая, диетическое питание, диетическое яйцо*; *диететический* – «относящийся к диететике (наука о рациональном питании)» – *диететические рекомендации*.

Дисциплинированный–дисциплинарный. Различаются значениями: *дисциплинированный* (образовано от *дисциплинировать* (← *дисциплина*) и имеет значение «соблюдающий дисциплину, порядок; приученный или привыкший соблюдать дисциплину» в сочетании с существительными, обозначающими «лицо» (*дисциплинированный рабочий, дисциплинированный ученик*). Прилагательное *дисциплинарный* (образовано от *дисциплина*) употребляется в словосочетаниях *дисциплинарные требования, дисциплинарные вопросы, дисциплинарный устав* (определяющий правила

поведения кого-либо, его обязанности); с другой стороны, *дисциплинарное взыскание* (налагаемое за нарушение дисциплины), *дисциплинарная воинская часть* (воинское подразделение для военных, допустивших серьезные нарушения дисциплины). На основании сочетаемости прилагательное имеет два значения, находящихся в энантиосемических отношениях: 1) «соотносящийся с дисциплиной, связанный с ней», 2) «связанный с нарушением дисциплины».

Прилагательные *дозированный, дражированный, дистиллированный*, образованные от глаголов *дозировать, дражировать, дистиллировать*, имеют значение «полученный путем...». Соотносящиеся с ними однокорневые паронимы *дозировочный, дражировочный и дистилляционный*, образованные от существительных *дозировка, дражировка, дистилляция*, имеют значения «предназначенный, служащий для...».

В-IV подгруппу составляют паронимы, дифференцирующие омонимичные лексемы. Например: *диагоналевый – диагональный* различаются значениями: *диагоналевый* «сделанный из диагонали (ткань) (*диагоналевый костюм*); *диагональный* – «расположенный по диагонали» (*диагональное направление*).

Отношения, возникающие в рамках оппозиций всех типов, имеют деривационную природу. С одной стороны, они являются результатом тех деривационных процессов, которые осуществляются на стадии семантического варьирования производящих слов и семантико-морфологического варьирования в пределах лексико-деривационного слова. С другой стороны, оппозитивные отношения можно рассматривать как некие «ценности» (Ф. де Соссюр), возникающие внутри самого парадигматического ряда. Значимость (совокупность реляционных свойств), устанавливаемая на основе ассоциативных отношений между однокорневыми формами прилагательных в рамках описываемых оппозиций, служит основой отождествления лексических единиц и их дискретизации (и деривации) относительно друг друга.

Объективной предпосылкой для семантической дифференциации оппозитивов является их морфологическая структура, в которой при тождественной корневой морфеме (или производящей основе) содержатся различные словообразовательные аффиксальные морфемы. Наличие абсолютных (разнокорневых) синонимов, равно как и морфологических вариантов слов, противоречит принципам построения знаковых систем.

Поэтому длительное и вполне равноправное их сосуществование не является типичным для языка. Как правило, такая синонимия преодолевается тем или иным способом. Одним из них является постепенное ограничение употребительности одного из синонимов, заканчивающееся полным выходом его из лексической системы. Помета «устаревшее» в толковых словарях как раз и указывает на то, что слово вышло или выходит из живого употребления (см. А-II).

Другим проявлением процесса преодоления абсолютной синонимии и дублетности форм часто бывает стилистическое ограничение одного из синонимов или дублетов (см. А-III). В толковых словарях на стилистическую дифференциацию слов указывает целая серия помет.

Функциональной характеристикой, оказывающей влияние на парадигматические связи слов, их стилистическую дифференциацию и хронологическое расслоение, является общая частотность слова и частотность по текстовым выборкам в соответствии с их жанровой принадлежностью (см. А-I).

Важнейшим способом преодоления абсолютной синонимии и дублетности внутри системы является семантическое размежевание синонимов. Процесс семантическая дифференциация дублетных форм носит диахронический характер и осуществляется, как правило, в несколько этапов. Лингвисты, исследовавшие данный вопрос, выделяют следующие этапы: 1) дублетного функционирования вариантных слов; 2) функционального размежевания сфер использования этих слов; 3) расхождения в значении до полной паронимии (предела семантической соотносительности слов). (О.В. Вишнякова приводит пример со словами *симпатический* и *симпатичный*,

технический и техничный [Вишнякова, 1981. С. 60]. На определенном этапе языкового функционирования коррелятивные пары однокорневых слов могут находиться на той или иной стадии дифференциации (функциональной, функционально-семантической, стадии формального закрепления в слове его функционально-семантических отличий).

Потенциальная нетождественность свойственна уже дублетным образованиям и является условием их существования в языковой системе. То, что в языке первоначально образуется как дублетные формы, уже несет в себе потенциал для дальнейшей коммуникативной дифференциации. Первоначальное накопление энергии отталкивания словесных единиц происходит на функциональном уровне (за счет перепада частотностей в употреблении, ведущей к стилистической дифференциации слов или к изменению дистрибутивных (сочетаемых) свойств слова. Накопление дифференциала у слов на функциональном уровне в конечном итоге преобразуется в «вещную» семантическую и формальную структуру слова. Объективным следствием этого процесса является существование разновидностей синонимических оппозиций слов, различающихся по степени и характеру их тождества. На общем фоне можно выделить несколько типов оппозиций по характеру соотнесенности составляющих их словесных единиц. К типу А относятся семантические оппозиции, максимально близкие дублетным образованиям. На уровне семантики они являются абсолютными синонимами. Некоторые различия между оппозитами просматриваются на уровне частотных и валентных свойств (примеры приведены в А-I; А-II; А-III). Появление такого рода функциональной значимости (поскольку перепад в частотности и дифференциация дистрибутивных свойств слов может быть осуществлен только на основе их сопоставления по этим характеристикам) у семантически эквивалентных слов свидетельствует о начальном этапе их дифференциации. Например, тонкие функциональные различия, возникающие у слов *докучный* и *докучливый* на уровне их сочетаемости (*докучливая муха, докучливый треск, докучливые жалобы, докучливые мысли; и докучный шум столицы, докучные разговоры, / Докучны ей / И звуки ласковых речей, / И взор*

заботливой прислуги (Пушкин) можно попытаться выразить семантическим языком: *докучливый* – «надоедливый, навязчивый», *докучный* – «надоедливый, наводящий скуку». Отмеченные модусные различия в значении данных слов проявляются при функционировании их дериватов: *Не сочтите моих слов за докучливость: но мне нужно только узнать* (в значении «навязчивость, неотступность чего-либо»); *Они считали себя совершенно свободными ото всяких докучностей* (в значении «то, что наводит скуку своей продолжительностью и однообразием»).

Появление спецификации можно, на наш взгляд, обнаружить в сочетаемостных свойствах близких (если не тождественных) по значению прилагательных *девичий* и *девический*. Прилагательное *девичий* употребляется в сочетаниях *девичья песенка, девичья жизнь, девичья комната, девичье лицо, девичья чистота и целомудренность* и обозначает «принадлежность». Со значением принадлежности прилагательного коррелирует семантика производного субстантива *девичья* ("комната девушки" и (устар.) "комната для дворовых девушек"). Сочетаемость прилагательного *девический* позволяет усматривать в нем не только значение «соотнесенности» и «принадлежности» как его частную разновидность, но и значение «подобия» (*Евгения Степановна до глубокой старости сохраняла какой-то девический, целомудренный вид; ...Тонкая березка – девическая грудь...*), которое относится к категории квалификативности, принимающей в системе адъективной лексики характер сравнительной оценки.

Модификация значений производных прилагательных, связанная с категорией квалификативности (сравнительной оценочности), приводит к расщеплению их семантики на два компонента – «относительный» и «кваликативный», которые получают формальное закрепление в особых морфологических структурах (данный материал представлен в группе Б). В значении прилагательных на *-ский (-ический), -онный, -овый, -евый, -енный* доминирующими является относительный компонент значения «относящийся к ...» (*дипломатический, динамический, декораторский, добровольческий, драматический, драматургический, дружеский, декорационный, домашний,*

домовый) и его лексические модификации: «предназначенный, служащий для <...>» (*демонстрационный*); «связанный с <...>» (деловой); «сделанный, состоящий из <...>», «расположенный там, где»; «источающий» (*дымовой, дождевой*); «основанный на чем-либо» (*дидактический, догматический, демократический, деспотический, диалектический, дружественный*) и др. Перечисленные разновидности относительных значений прилагательных обнаруживают глубокую корреляцию с универсальными семантическими категориями и типами отношений в пределах пропозиции. Субъектно-объектные, пространственные, посессивные, каузативные, структурные, релятивные, временные и тому подобные отношения, предстоящие в адъективном слове в свернутом виде и новых синтаксических ролях, связывают производные прилагательные с лежащими в их истоках пропозициями и выступают как рефлексия в дериватах той роли и места, которые занимают в пропозициях их производящие базы. Нередко значения относительных производных прилагательных выступают как разнонаправленные варианты одного и того же отношения. Например, значения «вызывающий, производящий» и «вызываемый, производимый» в прилагательных *досадный* и *досадливый* предстают как разнонаправленные варианты одного и того же отношения каузации.

Семантика относительных прилагательных свидетельствует о восприятии говорящим предмета, значение которого служит базой для деривации, либо в целостном виде (на основе чего формируется общеотносительное значение прилагательного), либо по тому или иному признаку, отражающему его функциональные, структурные или какие-либо другие особенности (на основании чего формируется то или иное частное относительное значение). И в том, и в другом случае относительные прилагательные предстают как языковые единицы, характеризующие мир через сетку наблюдаемых в нем отношений, которые, как правило, носят метонимический характер.

Формирование семантики относительного прилагательного может происходить на основе изменения категориальной семы мотивирующего слова,

при этом лексический компонент значения сохраняется. Преобразование категориальной семы при деривации адъектива может быть связано с аспектуализацией лексической семантики мотивирующего имени и появлением в семантике производного идиоматичности. Идиоматичность в значении относительных прилагательных носит, как правило, типизированный, регулярный и системный характер. Она отражает те семантические признаки, которые регулярно выбираются в значениях соответствующих мотивирующих слов и суждений и тех актантов, которые являются постоянными или факультативными членами коррелирующих с производными синтаксических конструкций, тех естественных ассоциаций, которые возникают у говорящих в связи с мотивирующим словом, точнее, в связи с предметами, объектами и явлениями реальной действительности, обозначаемыми мотивирующими словами [Улуханов, 1977; Харитончик, 1986; Янценецкая, 1992; Араева, 1994].

По мере того, как связь относительного прилагательного с его первообразным существительным становится в сознании более отдаленной, увеличивается его отвлеченность, безоотносительность, качественность, «ибо качественность прилагательного есть лишь другое имя его «безотносительности» [Потебня, 1968]. Окачествление относительных прилагательных носит процессуальный характер [Тазиева, 1991], поэтому в русском языке, помимо относительных и качественных прилагательных, сформировался некий промежуточный слой «окачествленных» относительных прилагательных. В нашем материале это главным образом прилагательные на *-ическ-*, имеющие квалификативное (характеризующее) значение (*дидактический тон, дипломатический поступок, догматическое мышление, драматический тон* и под.). Семантической основой окачествленных относительных прилагательных является особый характер из лексического значения, который уже нельзя считать предметным, но оно еще не является в полной мере признаковым. Как свидетельствуют наши исследования и отмечают другие авторы [Тазиева, 1991. С. 18–21], в семантике этих прилагательных происходят изменения в структуре денотативно-сигнификативного соотношения: на первый план выдвигается

сигнификативная сема, выражающая какой-либо характеризующий признак предмета. Денотативные семы, отражающие связи и отношения данного предмета с другими, отступают на второй план, приглушаются, но не исчезают полностью. Эта остаточная многопризнаковость, связанная с денотатом имени, создает неустойчивое положение качественного признака в структуре лексического значения.

Наряду с прилагательными на *-ский-* от тех же самых мотивирующих основ имен образуются прилагательные на *-ичн-*, в семантике которых данное противоречие преодолевается. Именно на основе парадигматического соотношения с однокорневыми прилагательными квалификативная семантика прилагательных на *-ичн-* является не просто их значением, но и еще особого рода значимостью. В структуре лексического значения данных прилагательных происходит выдвигание на передний план абстрактных признаков компонентов, лишь ассоциативно связанных со значением мотивирующих существительных: *дидактичный* («поучительный, назидательный»); *динамичный* («насыщенный событиями, полный действия»); *дипломатичный* («ловкий, уклончивый» и «осторожный, мягкий, вежливый»); *догматичный* («отвлеченный, абстрактный, схематичный»); *демократичный* («простой»); *деспотичный* («злой»); *диалектичный* («гибкий»); *драматичный* («напряженный») и т.п.

Преобразование значений мотивирующего имени при деривации в данном случае имеет существенные качественные отличия: они касаются не только категориальной семантики и понятийного ядра значения (интенционала), но затрагивают ассоциативную сферу значения имени (Д.Н. Шмелев), или зону сильного и слабого импликационала (М.В. Никитин). Данные периферийные компоненты самостоятельно или вкупе с семами интенционала образуют особый тип значения производного слова, характеризующийся наличием лексикализованной (качественной, индивидуальной) идиоматичности, приводящий к появлению спецификации. Предугадать характер идиоматичности можно только приблизительно, поскольку в отличие от интенционального компонента

значения мотивирующего слова, в котором находят отражение признаки предмета, основанные на его постоянных и типичных связях, импликациональный компонент представляет более открытую и вероятностную структуру и в каждом конкретном случае неизвестно, какая часть импликациональных сем ложится в основу интенционального ядра значения производного прилагательного. Это находит отражение в синонимических связях данных прилагательных, которые образуют многочленные, открытые ряды.

В оппозиции прилагательных на *-ическ-/-ичн-*, при обозначении квалификативного признака, сильными членами являются прилагательные на *-ичн-*, которые, кроме семантических показателей, имеют формально-грамматические маркеры качества. Отличительной особенностью этих прилагательных (в отличие от однокорневых коррелятов) является их связь с категорией количественности (интенсивности). Градация признака может быть выражена сравнительной формой прилагательного или же благодаря его сочетаемости с внешними интенсификаторами (*весьма дипломатичный, вполне демократичный, очень деспотичный*). Данные прилагательные способны употребляться в функции предиката имени (в краткой форме) (*По существу своему наука неизбежно изменчива и динамична и не может не двигаться вперед; Метод автора вполне диалектичен*).

Процесс окачества (отвлечения) признака, отраженный в семантике данных прилагательных, продолжает развиваться в рамках внутрисловной семантической деривации на базе данных прилагательных, приводя к появлению новых спецификаций.

Спецификации, приобретшие статус сигнификативно значимых компонентов в семантической структуре слова, обнаруживают стремление к формированию своего фокуса дивергенции, в результате чего возникают однокорневые синонимы, различающиеся грамматическими и синтаксическими свойствами. Например, прилагательные на *-ичн-*, в отличие от морфологических синонимов на *-ическ-*, имеют грамматические показатели качества (степени сравнения) и в краткой форме способны

употребляться в предикативной функции. От данных прилагательных, в отличие от синонимов на *-ическ-*, регулярно образуются наречия и существительные со значением «отвлеченного признака», которые продлевают данную спецификацию на морфодеривационном уровне.

Подведем некоторые итоги. Анализ показал, что словообразовательная форма является способом дифференциации семантических различий исходных значений. Эти различия выделяются на уровне лексем, семем и сем. В первых двух случаях разграничиваются омонимы и лексико-семантические варианты. В последнем случае семантическая дифференциация осуществляется на уровне отдельных сем одного и того же значения. Это может быть связано с актуализацией таких сем (мотивационных аспектов), как, например, «одушевленный»/«неодушевленный» (*дефектный–дефективный*); «причиняющий»/«причиняемый» (*досадный–досадливый*); «обладающий свойством» – «основанный на данном свойстве» (*диффузный–диффузионный; дисперсный–дисперсионный*) и т.п.

Одной из функций словообразовательного механизма в языке является образование дублетных суффиксальных вариантов (деривационных форм) от исходной лексемы. Однако в силу того, что коммуникативный механизм языка «не терпит» функционально неоправданной дублетности, данные дублетные образования втягиваются в процессы дивергенции, расхождения сначала на функциональном, а затем и на семантическом уровне. Функциональная дивергенция может осуществляться по одному из следующих каналов: частотная; стилистическая, граничащая с прагматической (коннотативной) дивергенцией; валентностная (или сочетаемостная) дивергенция. При этом деривационная форма вновь становится средством дифференциации глубинных различий словесных единиц, носящих функциональный или семантический характер. Функциональная дивергенция уже содержит в себе зародыш спецификации, так как и сама спецификация представляет собой прежде всего единицу функционального плана. Семантические спецификации, обладающие формальной выраженностью, своими корнями уходят в план глобального функционирования.

3.8. Омонимия и смежные явления в деривационном гнезде

В лингвистической литературе содержится различное понимание статуса явления омонимии в языковой системе. Круг вопросов, которые связывал с понятием «омонимия» В.В. Виноградов [1975а], свидетельствует о том, что ученый рассматривал омонимию как внутренне дифференцированную область отношений, в структуре которой отчетливо выделяются центр и периферия. Омонимия – прежде всего явление лексическое. Ее центром являются слова, отдельность которых определяется лексико-семантическим критерием: отсутствием внутренней семантической мотивированности единиц, независимо от их происхождения. Омонимия морфем, или «омоморфемность» (термин В.В. Виноградова) относится, по мнению ученого, к периферийным явлениям, в границах которого различаются омоморфемность основ и омоморфемность аффиксов. Главным критерием отдельности омонимичных единиц в этом случае является словообразовательный. Лексическая омонимия производных слов может быть связана с омоморфемностью производных слов, внутри которой наблюдаются «очень далекие и очень разнообразные словообразовательные типы» [Виноградов, 1975а. С. 304].

Наш подход к явлению омонимии производных слов характеризуется тем, что мы рассматриваем данное явление в деривационном аспекте в ряду с другими смежными явлениями, как то: абсолютное тождество/лексико-семантическое варьирование/омонимия; омонимия/паронимия/прочие типы в рамках синхронно-функциональных словообразовательных подгнезд. Дивергентные и конвергентные процессы, пронизывающие деривационное гнездо, приводят к формированию смежных явлений полисемии и однокорневой синонимии, с одной стороны, и омонимии и однокорневой паронимии, с другой.

К возникновению формально совпадающих (одноименных) дериватов приводят конвергентные процессы, например, *докторские рекомендации*, *докторская колбаса* и *докторская степень*, *докторская диссертация*; *дипломатический корпус* и *дипломатический взгляд*, *драматическое*

произведение и *драматический возглас*. Для конвергентных структур типична симметрия смысловых структур исходных и результативных единиц деривации, для дивергентных – асимметрия этих структур. По способу организации значений производных слов, совпадающих по форме, можно выделить и противопоставить два типа структур: 1) структуры, стремящиеся к полисемии (отраженная полисемия (О.П.Ермакова); параллелизм деривационных рядов (Н.Д.Голев)) и 2) структуры, стремящиеся к омонимии. Для первого типа характерно то, что второе значение производного слова получает двойную мотивацию (своеобразную «множественную» мотивацию) – переносным значением производящего слова (словообразовательная мотивация) и прямым значением самого производного слова (семантическая мотивация). Примерами таких структур являются *дезертир₁* (*дезертирский₁*, *дезертировать₁*, *дезертирство₁*) и *дезертир₂* (*дезертирский₂*, *дезертировать₂*, *дезертирство₂*), *династия₁* (*династический₁*) и *династия₂* (*династический₂*), *десант₁* (*десантный₁*, *десантировать₁*, *десантироваться₁*, *десантирование₁*, *десантировка₁*, *десантник₁*) и *десант₂* (*десантные₂*, *десантировать₂*, *десантироваться₂*, *десантирование₂*, *десантировка₂*, *десантник₂*). В системно-синхронном аспекте все способы создания слова уравновешены между собой. Разница между этими способами может выявиться при речевом функционировании слова в контексте, в котором происходит реализация конкретных видов мотивационных отношений. В зависимости от вида мотивации компонентная структура производного значения в каждом конкретном случае приобретает различный вид.

Одноименные значения в производном слове могут быть и не связаны между собой отношениями семантической выводимости. Такие структуры представляют собой иной способ организации значений совпадающих по форме производных слов. Они связаны общей производящей основой (образуются от разных ЛСВ одного слова), но между собой не находятся в отношениях семантической выводимости. Поэтому связь между производными значениями еще более слабая, чем между значениями производящего слова. По сути, это уже отношения омонимии. Так, *докторский¹* и *докторский²*,

*докторство*¹ и *докторство*² являются омонимами, находящимися в отношениях дополнительной дистрибуции (*Докторский совет по лечению больного. – Докторская степень. Докторская диссертация; Дали Кирсанову докторство, дали года через полтора кафедру. – После неудачного докторства занялся я коммерцией*). В данном случае наблюдается не многозначность производного, а лишь иное синтаксическое преломление многозначности производящих. О.П. Ермаковой было установлено, что наиболее последовательно принимают переносные значения производящих самые нефразеологичные производные – синтаксические дериваты [Ермакова, 1984], обладающие свойством непосредственной деривационной трансформируемости (термин М.Н.Янценецкой). Из всех производных (на базе имен существительных) данным свойством в большей степени обладают производные прилагательные и наречия, в меньшей – глаголы и существительные. Именно прилагательные и наречия (реже глаголы), а также девербативы и деадъективы, как правило, образуют конвергентные ряды. Вместе с тем эти же части речи являются наиболее синтаксичными (форматика и семантика которых зависит главным образом от контекста). Преодоление системной полисемии-омонимии осуществляется контекстно.

Отмеченный ранее параллелизм семантических отношений наблюдается и здесь: отдельные ЛСВ производящего слова так соотносятся друг с другом, как их аффиксальные дериваты полисемично-омонимичного типа. Семантический параллелизм можно усмотреть и между парами дериватов, связанными конвергентными и дивергентными отношениями в словообразовательном гнезде: между аффиксальными дериватами, находящимися в отношениях полисемии (при конвергенции) и синонимии (при дивергенции), с одной стороны, и между аффиксальными производными, находящимися в отношениях омонимии (при конвергенции) и паронимии (при дивергенции), с другой стороны. Поскольку потенциал дивергенции, присущий семантике исходного слова, обнаруживается в образованных от него эпидигматах, а в парадигматических связях уже производных единиц формально выраженные семантические расхождения в еще большей степени

усиливаются, речь может идти не о полном, а лишь о частичном параллелизме исходных и производных корреляций лексических единиц. В рамках лексических гнезд между омонимичными производными складываются отношения, характеризующиеся различной степенью семантической дивергенции (расхождения). Следующие параграфы посвящены рассмотрению разновидностей семантической дивергенции между производными омофоничными словами, сохраняющими принадлежность к одному деривационному слову.

3.9. Дивергентные отношения омонимов в рамках деривационного слова

Источником омонимии производных слов может стать каждый их трех компонентов, составляющих его словообразовательного значения: классифицирующий, равный семантической теме, к которой принадлежит производное значение, выражается обычно словообразовательным формантом; дифференцирующий, отличающий данное производное от других значений семантической темы, выражается производящей основой; релятивный, отражающий тип связи между первыми двумя компонентами, чаще не имеющий формального выражения (термины принадлежат М.Н. Янценецкой) [1987. С. 23].

В.В.Виноградов [1977. С. 294] выделял две разновидности омонимии производных слов: **омонимию непосредственную**, источником которой является омонимия аффиксов, и **омонимию отраженную**; источником второй является омонимия основ. Круг явлений, входящих в понятие отраженной полисемии (и омонимии), достаточно широк. К семантическому варьированию производного может привести разный характер вхождения мотивирующего слова в мотивированное (лексическое значение производящего может осваиваться производным полностью или частично) [Ширшов, 1995]. Кроме этого, к появлению семантических вариантов у производных слов может привести полимотивированность – соотнесенность мотивированного с несколькими мотивирующими словами².

Неоднозначность производного слова, связанная с его мотивирующей частью, кроме полимотивации, может носить отраженный характер. При этом собственно полисемия развивается в производящем (на основе семантической деривации), но при соотносительности производного с производящим по всему семантическому объему или по его части, включающей несколько значений, она передается производному. Равноименность производных, носящая отраженный характер, имеет место тогда, когда многозначное производное, сопрягаясь с одним и тем же аффиксом, формирует структурный параллелизм производного (при этом тип соотносительности структур производящего и производного слова может быть различным: формально-семантическим или только формальным).

Омонимия производных слов может иметь своим источником формантную часть и возникать за счет функциональной неоднозначности аффикса: *грибница* – «любительница собирать грибы», *грибница* – «вегетативное тело гриба», *грибница* – «теплица для выращивания грибов», *грибница* – «грибная похлебка» (обл. и прост.) [Ожегов, Шведова, 1999. С. 145].

Наконец, неоднозначность производного слова может возникать на базе третьей составляющей семантической структуры производного – релятивного компонента, имеющего идиоматичный характер. Например: *книжник* – «тот, кто любит книги» и «тот, кто продает книги»; *туберкулезник* – «тот, кто болеет туберкулезом» и «тот, кто лечит туберкулез». В каждой паре производных слов содержится противопоставление лица как носителя свойства (характеризующий аспект) и как производителя действия (функциональный аспект), но в словообразовательной структуре данные различия не выражены. Лексические значения указанных слов различаются идиоматическими наращениями³.

Совокупное действие всех трех компонентов, составляющих словообразовательное значение производного слова, приводит к формированию омонимичных структур в рамках деривационного слова, элементы которых характеризующихся различной степенью дивергенции. В

дальнейшем будет рассмотрено влияние словообразовательных факторов, а именно семантической структуры словообразовательного типа, на формирование омонимичных структур многозначного производного слова.

Омонимия производных слов на основе их аффиксальной неоднозначности

Явление неоднозначности однокоренных производных слов с одним и тем же суффиксом в лингвистической литературе рассматривалось и как полисемия (П.А.Соболева, И.А.Ширшов, О.П.Ермакова, М.Н.Янценецкая, Л.А.Араева, Т.А.Шиканова, О.А.Булгакова и др.) и как омонимия (В.В.Виноградов, А.Н.Тихонов и др.). Суть проблемы состоит в следующем: «А.Н.Тихонов считает ядром словообразовательной омонимии дериваты типа *счетчик, птичник, пилка, комсомолка*. Мы хотели показать, что это не разные слова, а скорее разные значения одного и того же слова, различающиеся словообразовательной структурой (*пилка, комсомолка*), либо не различающиеся (*счетчик, птичник*). Полисемия деривационных аффиксов (-*ник, -щик*) и даже их омонимия (-*к-*) не нарушает тождества производных слов. Полисемия аффикса – обычно следствие многократной деривации от одного и того же производящего с помощью одной и той же словообразовательной модели. Омонимия аффикса – свидетельство вхождения слова более чем в одну деривационную цепочку словообразовательного гнезда» [Соболева, 1980. С. 89]. Аналогичную точку зрения высказывает И.А.Ширшов, предлагая использовать гнездовой критерий отграничения словообразовательной полисемии/омонимии. Сущность его заключается в том, что «если разные значения производного слова мотивируются одним производящим и, следовательно, принадлежат одному словообразовательному гнезду, то это явление следует квалифицировать как словообразовательную полисемию» [Ширшов, 1996. С. 58]. Полисемия производного в данном случае возникает за счет того, что производящее слово сопрягается с многозначным аффиксом. Однако именно мотивирующая основа не позволяет многозначному слову расщепляться на омонимы, так как она занимает в нем доминирующее

положение. Поэтому «гораздо продуктивнее изучать производные не только с точки зрения различий в значении аффиксов и фразеологических наращений, но и с точки зрения их способности сочетаться с одной и той же производящей основой» [Там же].

Иначе проблема решается в работах В.В.Лопатина [1978]. Данный автор разделит словообразовательные значения на общие, свойственные словообразовательному типу, и частные, характерные для семантических подтипов внутри типа. Например, отсубстантивные существительные с суффиксом *-ник-* имеют общее словообразовательное значение «предмет (одушевленный/неодушевленный), характеризующийся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом» [Русская грамматика. Т. I. С. 183]. Внутри этого типа выделяются следующие подтипы: лицо, животное, растение, вместилище и др. В результате частные значения не распадаются на омонимы, а закрепляются за одной морфемой с одним инвариантным значением. В рамках этой концепции общее значение объединяет все приведенные выше производные в один тип, а частные значения указывают на предел семантического варьирования. Совмещаясь в одном производном слове, частные значения не утрачивают связи с общим, инвариантным значением и скрепляются одной мотивирующей частью (*коровник* «лицо» и *коровник* «помещение» – ЛСВ одного производного слова).

Мы полагаем, что структура производного слова, возникшая в результате многократных актов деривации по одной и той же словообразовательной модели, представляет собой сложный конструкт, который совмещает в себе признаки и полисеманта, и омонимичной структуры, не являясь в чистом виде ни тем, ни другим. Отдельные значения слова обнаруживают семантическую связь благодаря единству мотивирующего слова и форманта, но эта связь не имеет характера внутренней семантической мотивированности (выводимости). При этом степень дивергенции отдельных значений производного слова зависит от характера соотношения словообразовательного и лексического компонентов в значении слов, которые имеют различную функциональную направленность.

Словообразовательный аффикс, в частности суффикс, функционирует только как компонент общей структуры слова, поэтому нельзя устанавливать значение суффикса путем простого вычитания значения производящего из значения производного слова, ибо такой односторонний анализ естественно приводит к выводу, что суффикс многозначен, или к сомнению в том, что это один суффикс, а не множество разных суффиксов-омонимов.

Однако то, что слова с определенным суффиксом могут иметь самые разные значения, вовсе не предполагает многозначности самого суффикса, так как суффикс – это всего лишь один из компонентов, формирующих значение производного слова, семантика которого реализуется только в соединении с производящей основой в рамках определенной грамматической формы. Поэтому, на наш взгляд, правильнее было бы говорить не о частном значении отдельного аффикса, а о значении, которое создается совокупностью всех структурных компонентов производного слова, иначе говоря, о значении словообразовательного образца.

В свое время Н.А.Янко-Триницкой [1963] было предложено разграничение словообразовательной модели и словообразовательного образца. Различие между ними заключается в следующем: модель – это структурная схема производных слов с указанием аффиксов и категориальной характеристики производящей основы, например: «основа глагола + *-тель-* (+ система флексий второго склонения); образец – структурная схема производных слов с указанием аффиксов, а также семантики производящей основы в той степени обобщения или конкретизации, в которой эта семантика сказывается на значении производной основы [Янко-Триницкая Н.А., 1963. С. 86]. Производящие основы в словообразовательных образцах различны в самых общих своих признаках, поэтому никак нельзя сказать, какая именно часть значения производного слова передается суффиксом, какая – производящей основой и какая может быть самим фактом объединения данной основы с данным суффиксом. «Не исключена и возможность, что некоторая часть значения производного слова выражается не основой и не аффиксом, а самим фактом интеграции морфем определенного качества» [Там же. С. 88]⁴.

Словообразовательный образец – это разновидность словообразовательной модели, определяющаяся семантикой производящей основы и аффикса, наименьшая самостоятельная единица словообразования. Поэтому выделение суффиксов на основании чисто лексической классификации здесь недопустимо. Позднее М.Н.Янценецкой было введено понятие «обобщенно-мотивационное значение», в котором и выражается соотносительность модели с ономазиологическими классами производящих и закрепленными за ними типами номинации [Янценецкая, 1979; 1985].

Слово, как правило, обозначает больше того, что непосредственно выражено слагаемыми его формы. Невыраженные элементы значения, появляющиеся у производных слов в результате применения образца в каждом конкретном случае и носящие частный характер, получили разное наименование в лингвистической литературе: сопутствующие (у Н.А.Янко-Триницкой), идиоматичные, фразеологические наращения (в работе О.П.Ермаковой), частные значения (у В.В.Лопатина).

Покажем соотношение словообразовательного образца и сопутствующих значений в семантической структуре производного слова *блинница*, одного из самых многозначных в данном словообразовательном типе. Слово образовано по образцу «основа существительного со значением «кушанье» + *-ниц(а)*» и имеет значение «конкретное существительное, обозначающее предмет, имеющий отношение к названному в производящей основе кушанью». По данным толковых литературных и диалектных словарей и диалектологических записей, слово имеет следующий набор значений: «женщина из родни невесты, несущая блины во время свадебного обряда», «мастерица готовить блины», «горшок для приготовления теста для блинов», «маленькая кадочка, в которой разводят тесто для блинов», «мелкая поварешка, которой наливают тесто на сковородку, когда пекут блины», «поднос для готовых блинов», «пирог из ячменных блинов», «небольшой кухонный стол в виде шкафчика с полочками (похожий на стопку блинов)» [Шкуропацкая, 2000. С. 135–136]. Идиоматические наращения в значениях слова разнообразны (они подчеркнуты в определениях) и имеют разный удельный вес в семантике производных,

образованных по данному образцу. По количеству производных в словообразовательном ряду, выражающих то или иное идиоматичное значение, можно выделить регулярные и единичные наращения. Из перечисленных значений к числу регулярных в СТ «основа существительного + *-ница(а)*», образованных от наименований «кушаний» (одной из самых многочисленных тематических групп производящей лексики в данном СТ), относятся следующие: «пища, приготовленная из (продукта)» (*молочница, кусочница, хлебница, кашница, квасница, сухарница, манница, мучница, творожница, сырница, масленица, блинница* и под.), «посуда, в которой подают пищу на стол» (*блинница, конфетница, масленица, мельменница, пирожница, оладница, салатница, селедочница, сливочница, сольница, студница, суповница, супница, чайница, шанежница, хлебница*), «посуда, предназначенная для приготовления (определенного вида пищи)» (*блинница, булочница, деженница, лесорница, каравайница, мякильница, оладница, опарница, пыжечница, чайница, капустаница, квасница*) [Там же. С. 137]. К числу менее регулярных относятся следующие значения: «мастерица готовить определенный вид пищи» (*квасница, кашница, каравайница, блиночница* и под.) и «кухонная утварь, используемая в процессе приготовления пищи» (*кашница* – «большая деревянная ложка для выкладывания каши в блюдо», *пельменница* – «большая металлическая ложка для вынимания пельменей из воды (Ср. Урал), *пельменница* «шумовка» (Нвсб., Урал.); *пельменница* – «плетенный из лыка ковш для пельменей» (Нвсб.), *блинница* – «мелкая поварешка, которой наливают тесто на сковородку, когда пекут блины (Пск.), *оладочница* – «форма для приготовления оладий» (Ю.Урал), *пасошница* – «деревянная форма для приготовления пасхи» (Яросл.), *пирожница* – «скалка для раскатывания теста» (Ср. Урал, Яросл.), *сочельница* – «скалка для раскатывания теста» (Ср. Урал). К числу периферийных значений, встречающихся у производных слов в данном СТ в единичных случаях относятся: «женщина из родни невесты, несущая блины» (*блинница*) и «небольшой кухонный столик с несколькими полочками» (*блинница* – Яросл.). В данном типе встречается еще одно слово, обозначающее

предмет быта, по форме сходный с формой другого предмета (*спичница* – «суковатый шест для вешания одежды» (Яросл.).

Соотношение в семантике слов одного словообразовательного ряда инвариантных значений (связанных со словообразовательным образцом) и их многочисленных лексических реализаций, проявляющихся с той или иной степенью регулярности, свидетельствует о сложном и противоречивом характере взаимодействия процессов словообразовательной и лексической деривации, осуществляющемся в каждом производном слове. Оно состоит в том, что, с одной стороны, благодаря действующим в словообразовательной системе законам аналогии за определенными словообразовательными образцами в рамках словообразовательных моделей (СТ) закрепляются те или иные регулярные сопутствующие лексические значения (фразеологические наращения), определяющие потенциальную возможность для их реализации в семантике новых производных слов. С другой стороны, многие образцы имеют весьма общее словообразовательное значение, и слова, созданные по этим образцам, обладают самыми разнообразными лексическими значениями: одни из них повторяются в новообразованиях и становятся регулярными, другие сохраняют свою уникальность, третьи выходят из употребления, четвертые появляются с новыми сопутствующими значениями. Все это оказывает влияние не только на семантику деривационного поля СТ, но и на семантику многозначного производного слова.

Тенденции, идущие из словообразовательной системности (законы аналогии: регулярность, типизируемость) и из лексической системности (уникальность, идиоматичность, неповторимость значения), имеют различную функциональную направленность: словообразовательная деривация функционально направлена на сдерживание или преодоление семантической деривации лексической единицы. Следствием этих процессов является типизация отдельных лексических значений в рамках словообразовательного образца, переход лексического значения на иной уровень категоризации⁵.

Показательной в этом отношении является динамика семантических преобразований в словообразовательном типе «основа глагола + *-тель-*» в

диахроническом аспекте. Основные этапы исторического развития модели под влиянием лексической системы состоят в следующем: в древнейшую эпоху – наличие некоторых слов со значением лица книжного употребления; в XVIII в. – образование большого количества слов со значением лица на русской почве, что свидетельствует о сформировавшемся словообразовательном образце; утрата стилистической окраски книжного и высокого стиля; появление единичных применений производных слов в переносном употреблении со значением «механизмов»; XIX в. – формирование образца со значением деятеля вообще с двумя сопутствующими значениями – лица и механизма; появление отдельных слов со значением «вещества»⁶; XX в. – названия лиц как создавались по этому образцу, так и продолжают создаваться. Однако в соотношении сопутствующих значений произошел все же некоторый сдвиг в сторону сокращения новообразований со значением лица (особенно лиц по профессии) и расширения количества новообразований со значением орудия (механизмов и веществ). «Но до поры до времени это всего лишь количественные накопления, количественные изменения значения образца, которые не переходят еще в качественные, т.е. не изменяют значения образца, не создают изменений в самой системе словообразования, хотя, возможно, и ведут к ним» [Янко-Триницкая, 1963. С. 95]. Новации могут проявиться не только в изменении значения образца или количественного соотношения слов с тем или иным значением, но также в появлении слов с новым сопутствующим значением, прежде не свойственным данному образцу (например, *распределитель, вытрезвитель, оздоровитель*).

Примечательно, что в качестве условий, ограничивающих продуктивность образца (с определенным сопутствующим значением), упоминаются такие лексические факторы, как история каждого конкретного слова, дистрибуция, идиоматичность [Белгородцева, 2001. С. 45]. В качестве фактора, стабилизирующего деривационное пространство типа, является единство пропозиции (наименование деятеля по действию), на которую опирается словообразовательный образец со всеми сопутствующими ему значениями. Меняется только конкретное наполнение пропозиции

(*восстановитель* – «тот, кто восстанавливает» и «то, чем восстанавливают»; *вытрезвитель* – «там, где занимаются отрезвлением», «те, кто (организация) занимаются отрезвлением»).

Деривационное пространство словообразовательного ряда в целом можно представить на шкале «всеобщее – особенное – единичное», отражающей типы соотношения словообразовательного (типичного) и лексического (индивидуального) в семантике каждого производного слова. Значения дериватов, относящихся к категории «всеобщее», полностью соответствуют пропозиции, т.е. равны значению составляющих их основы предикатов и форманта. Полное соответствие лексического значения слова тому значению, которое предписывается пропозицией, по мнению О.Г.Ревзиной [1969. С. 48], наблюдается почти исключительно в именах с суффиксами, находящимися на стадии максимальной продуктивности.

Значения дериватов, репрезентирующих в деривационном поле типа категорию «особенное», соответствуют пропозиции, однако они приобретают идиоматичность, которая регулярно возникает у слов определенного круга (*писатель, сочинитель*) или у дериватов в сочетании с определенными словами (*слушатели курсов, читатели библиотеки, партия любителей пива*). Речь идет о дополнительной семе «постоянный». Каждая дополнительная сема предсказывается в той мере, в какой она регулярно выражается в значениях производных слов в рамках словообразовательного ряда.

С категорией «единичное» соотносятся дериваты, у которых значение мотивирующего глагола лишь угадывается в качестве внутренней формы, мотивировочного значения, не расходящегося с лексическим значением слова, ставшим специфицированным, уникальным, неповторимо идиоматичным (например, *вдыхатель* не «тот, кто вдыхает», а «поклонник, влюбленный»).

М.Н.Янценецкая ставит значение производного слова в прямую зависимость от тех видов внутри- и межпропозициональных отношений, которые маркируются его морфемной структурой. «Способы связи производного слова с называемым явлением ограничивается теми видами внутри- или межпропозициональных отношений, которые маркируются его

морфемной структурой и которые выделены говорящим в качестве типов номинации. Последние отражают функциональный или характеризующий аспект (принцип) номинации и оказываются отмеченными, хотя и опосредованно, через тематическое «наполнение» словообразовательных типов» [Янценецкая, 1992. С. 8]. Таким образом, словообразовательные типы характеризуются не только определенным тематическим наполнением (предпочтением) лексики, но и распределением между ними типов мотивационных отношений производящих и производных слов, которые определяются актуализованными аспектами семантики мотивирующих слов, обусловленными вхождением этих мотивирующих в конкретные виды пропозиций.

Данное положение подтверждается на материале производных слов разных СТ, образованных от слов, относящихся к одной тематической группе, рассмотренных в сопоставительном аспекте. Сравним значения производных существительных, образованных от наименований животных по четырем словообразовательным образцам.

В модели «основа существительного + *-онок-* (+ система флексий второго склонения) или *-ат-* (+ система флексий множественного числа существительных)» при основе со значением «животного» производные слова имеют патронимическое значение, обозначая «детенышей данного животного» (*волчонок, волчата, журавленок, журавлята* и под.).

«Основа существительного + *-(ат)ин-* (+ система флексий первого склонения существительных) при основе с тем же значением «животного» имеет два сопутствующих значения: «мясо животного» и «шкура животного» (менее регулярно). Причем с суффиксальным вариантом *-атин-* регулярно образуются производные, обозначающие «мясо животного», а с *-ин-* — производные, обозначающие «мясо животного» (менее регулярно) и «шкуру животного».

Семантическая структура производных с суффиксами *-ник-* и *-ница-*, образованных от наименований той же тематической группы, имеют более сложную структуру.

Словообразовательный образец «основа существительного со значением животного + -ник». Для объяснения значения производного, образованного по той или иной модели, необходимо исчисление репертуара ролей денотата производящего имени и типов пропозиций, характеризующих мотивирующее. Существительные со значением «домашние животные и птицы», используясь в качестве мотивирующих слов в модели «основа существительного + -ник-», выступают в следующих синтаксических позициях: а) объект ухода; б) объект помещения; в) объект привязанности со стороны лица; г) объект продажи; д) объект приготовления пищи. Образующиеся при этом производные слова имеют значения:

- «лицо-субъект по объекту ухода (животновод)»: *коровник, телятник;*
- «артефакт-место по объекту назначения»: *курятник, коровник, телятник;*
- «лицо-субъект по объекту увлечения: *собачник, кошачник, лошажник;*
- «лицо-субъект по объекту купли-продажи»: *крольчатник;*
- «артефакт-результат по материалу приготовления»: *курник* [Жукова, 2000. С. 173].

Отмеченные значения могут совмещаться в одном слове в самых различных комбинациях, например, в кемеровских говорах обнаружены следующие их виды:

1: а) «продавец животных»; б) «любитель»; в) «работник, ухаживающий за животными» (*кошачник, собачник*);

2: а) «любитель животных»; б) «помещение для животных»; в) «птица, охотящаяся за животными» (*голубятник, ягнятник*);

3: а) «работник, ухаживающий за животными»; б) «помещение для животных» (*телятник, коровник*);

4: а) «охотник на промысловых животных»; б) «работник, ухаживающий за одомашненными животными»; в) «помещение для животных» (*лисятник, лосятник*);

5: а) «охотник на промысловых животных»; б) «дрессировщик» (*медвежатник*) [Араева, 1994. С. 90].

Отношение «натурфакт (объект помещения) – артефакт (вместилище)» представляет собой один из типов отношений, определяющих для анализируемого типа в целом, и является основным для тематической группы «животные» в качестве мотиваторов. «Категориальная семантика «вместилище» реализуется в типе с учетом мотивирующей семантики в следующих разновидностях: «сарай», «хлев», «загон», «вольер», «птичник», «питомник», «клетка» для животных и птиц» [Жукова, 2001. С. 112]. Вторым по количеству производных в типе от наименований животных является значение «лицо по функционально значимому объекту» («охотник», «служитель», «любитель», «скупщик», «торговец», «дрессировщик»). Третий вид отношений «натурфакт (объект воздействия) – артефакт (орудие воздействия)» представлен в типе производными со значением «приспособление для содержания животного»: «кормушка», «насед», «посуда», «деревянное корыто», «телега с кузовом» (*конник, курник*) [Там же].

Остальные из сопутствующих значений (место по обитаемому животному, птице; растение как пища животных и птиц; растение – место обитания животных и птиц; животное по объекту охоты; птица по объекту охоты; кушанье) являются периферийными для данного словообразовательного образца в типе «с+ -ник».

Словообразовательный образец «основа существительного со значением животного + -ница». Осуществленное нами исследование данного образца свидетельствует о том, что производные слова, образованные от наименований животных, входят в состав фрейма «скотоводство» и «птицеводство». Производная лексика, входящая в состав данного фрейма, образована на базе слов со значением «домашние животные и птица», «постройки», «место», «время года», «время суток», «опредмеченные действия», «отходы от сельскохозяйственных продуктов». Ядерную зону данного поля образуют слова, обозначающие «домашних животных и птицу». Они преобладают в количественном отношении и содержат наибольшее число деривационно значимых аспектов семантики.

Сам фрейм⁷ представляет собой комплекс пропозиций, каждая из которых в свернутом виде содержится в семантике отдельных производных слов. Все пропозиции во фрейме связаны между собой по принципу пространственной или временной метонимии. Временные (таксисные) отношения между пропозициями могут дополняться отношениями причинно-следственной, целевой и сравнительной обусловленности между событиями, отображенными в пропозициях.

Фрейм «скотоводство» в СТ «С+ниц(а)» структурирован следующим образом: 1) «ухаживать за животными»; «ухаживать за определенными видами животных»; 2) «пасти»; 3) «кормить»; 4) «содержать в определенном месте»; 5) «переносить с места на место»; 5) «доить»; 6) «стричь (овец)»; 7) «забивать на мясо».

Описанные структуры компрессируются, сворачиваются в семантике производных слов, каждое из которых имеет значение того или иного актанта в типизированных пропозициях. По имени актантной функции производного слова можно выделить следующие их парадигмы: субъект: «женщина-животновод, ухаживающая за домашними животными» (*конница, коровница, овечница, овчарница, утятница, цыплятница, курятница, гусятница, птичница*); средство: 1) «посуда, предназначенная для приготовления корма для скота» (*мякильница*); 2) «вместилище, емкость для переноски посадных уток» (*утятница*); 3) «корзина для перевозки гусей» (*гусятница*); 4) «корзина для высиживания гусей» (*гусятница*); 5) «подойник» (*коровница*); 6) «орудие для убоя» (*убойница*); место: 1) «загон для животных» (*коровница*); 2) «помещение для животных» (*коровница, овчарница, гусятница, голубятница*); 3) «загон по времени использования» (*денница, зимница*); 4) «помещение для определенных лиц» (*доярница*); 5) «помещение для убоя скота» (*бойница*); объект-результат: 1) «овечья шерсть по способу получения» (*битница, бойница*); 2) «овечья шерсть по времени стрижки» (*летница, зимница*).

Во фрейме «скотный двор», кроме перечисленных производных, содержатся также наименования «мифическое существо, покровительница животных» (*Анастасии — овечница*); «животное определенного возраста»

(*мякинница*); «животное, паразитирующее на другом животном» (*коровница*); «птица по месту выведения птенцов» (*загадница*; *загада* – «узкое место между тесно поставленными избами»).

Фреймовую структуру типа, отраженную в семантике многозначных производных слов, образованных на базе ядерной группы производных слов, можно представить следующим образом (табл. 15).

Таблица 15

Семантика многозначных производных существительных
в пределах одного СТ

<i>Прим.</i> <i>Знач.</i>	<i>конница</i>	<i>коровни ца</i>	<i>овечниц а</i>	<i>овчарни ца</i>	<i>утятница</i>	<i>цыплятн ица</i>	<i>гусятни ца</i>
<i>Лицо</i>	+	+	+	+	+	+	+
<i>Помещен.</i>	+	+		+			+
<i>Загон</i>		+					
<i>Изгородь</i>				+			
<i>Корзина</i>					+		+
<i>Подойник</i>		+					
<i>Гриб</i>		+					
<i>Лягушка</i>		+					

Наиболее продуктивными, многократно повторяющимися на уровне ЛСВ являются лексико-словообразовательные значения «женщина-животновод, ухаживающая за животными» и «помещение (место) для животных». Семантическую периферию производных полисемантов образуют ЛСВ со значением «корзина», «подойник», «растение, поедаемое животными (гриб)», «мифическое существо», «лягушка».

Через семантику многозначных производных дериватов осуществляется не только внутренняя связь между пропозициями одного фрейма, но и связь между различными фреймами в рамках данного СТ.

Например, наименования животных, объединяясь с производящей лексикой, обозначающей «растения», «продукты питания», образуют производные со значением «посуда для приготовления пищи из определенных продуктов» (*гусЯтница*, *утЯтница*, *курЯтница*) «сковорода», реализуя семантику фрейма «приготовление пищи» («кухня»). При этом пропозиции, которые находятся в ядерной и периферийной зоне содержательной структуры данного фрейма, являются

для него основными, а пропозиции фрейма «скотоводство» – неосновными, дополнительными, скрытыми, ретроспективными. Они в свернутом виде содержатся в семантике производящего слова (курица, гусь, утка), которые во фрейме «кухня» обозначают «тушки домашней птицы, выращенной и забитой на мясо».

Таким образом, хотя сопутствующие значения (лексические реализации инвариантной семантики словообразовательного образца) могут совмещаться в одном слове в самых разных комбинациях, благодаря тому, что одни из них обладают большей регулярностью при реализации, а другие – меньшей, сами образцы, закрепленные за определенными словообразовательными моделями, предполагают возможность появления того или иного значения в семантической структуре производного слова с разной степенью вероятности. Это предполагает также достаточно унифицированный характер словарных дефиниций производных существительных с регулярной идиоматичностью.

В целом проблема полисемии/омонимии значений производных слов, образованных от одних и тех же производящих основ в результате многократного применения одной словообразовательной модели является проблемой вероятностного моделирования семантических структур производных слов, образованных по той или иной словообразовательной модели в направлении от СТ к слову. Вместе с тем многозначные производные слова сами являются семантической моделью для образования других слов с аналогичной словообразовательной структурой.

Экспериментальное исследование возможностей семантического моделирования на основе морфемной структуры слова. Эксперимент направлен на выявление того, существует ли устойчивая связь между морфемной структурой слова определенного СТ и правилами его семантизации. В качестве материала для эксперимента привлекались производные существительные, образованные по образцу «основа существительного со значением животного + -ница», как общеязыковые (телятница, цыплятница, курятница, гусятница, утятница), так и диалектные (бычница, коровница, свинятница, кролятница, конница). Экспериментальное

исследование состоит из трех частей: рецептивного эксперимента, кластерного анализа и эксперимента, направленного на выявление функционального значения слова).

Суть рецептивного эксперимента сводилась к семантизации (толкованию) носителями языка значений предъявленных по одному слов-стимулов: *птичница*, *телятница*, *утятница*, *гусятница*, *скотница*⁸. В результате были получены следующие значения (формулируются в обобщенном виде):

- *птичница*: 1) работница, ухаживающая за домашней птицей (5); 2) ворует ее (1);
- *скотница*: 1) работница, ухаживающая за скотиной (4);
- *телятница*; 1) работница, ухаживающая за телятами (3); 2) место (помещение), где находятся телята (1)
- *гусятница*: 1) работница, ухаживающая за гусями (13); 2) посуда (11); 3) помещение для гусей (3);
- *утятница*: 1) посуда (1); 2) помещение для уток (1).

Общее количество инвариантных дефиниций на данные слова-стимулы составило 10. Из них 6 совпало со значениями слов в литературном языке (*птичница*₁, *скотница*, *телятница*₁, *гусятница*₁, *гусятница*₂, *утятница*₁). Одно значение совпало с диалектным употреблением: *гусятница*₃. В трех случаях приведены значения, не встречающиеся у данных слов в языке (в словарях не отмечены): *птичница*₂, *телятница*₂, *утятница*₂⁹.

Полученные данные свидетельствуют о том, что при семантизации слов носители языка опирались на знания о денотатах слов, а также на знания семасиологии (возможности соотнесения формы знака с тем или иным содержанием). Наиболее вероятным для слов данного словообразовательного образца (за исключением слов *гусятница*, *утятница*) является значение «работница, ухаживающая за животными»; затем значение «помещение для животных», периферийным является значение «воровка»¹⁰.

Данные, полученные в результате кластерного анализа, также свидетельствуют о полевом (вероятностном) характере значения

словообразовательного образца, размытости границ, семантическом взаимодействии когерентных значений и пересечении смежных значений (как в сознании человека, так и по данным системного анализа языка).

Условия эксперимента: в эксперименте принимали участие жители сельской местности и горожане (всего 23 человека примерно в одинаковых пропорциях), разных возрастов (от 20 лет и выше). Испытуемым предъявлялись восемь слов (*телятница, бычница, коровница, свинятница, цыплятница, курятница, кролятница, конница*) с целью определить, имеют ли данные слова одно из значений «работница», «помещение», «кушанье», «посуда» (при этом оговаривалось, что слово может иметь несколько значений, не иметь ни одного, иметь какое-либо другое).

Полученные результаты представлены в таблице 16 (цифра указывает абсолютное количество ответов с данным значением).

Таблица 16

Экспериментальные данные о значении выделенных слов

	Работница	Помещение	Кушанье	Посуда	Прочее
<i>Телятница</i>	21	1	1	1	–
<i>Бычница</i>	7	6	1	-	5
<i>Коровница</i>	11	13	–	-	1
<i>Свинятница</i>	9	10	1	-	2
<i>Цыплятница</i>	16	5	–	7	–
<i>Курятница</i>	9	6	1	7	2
<i>Кролятница</i>	8	9	1	3	–
<i>Конница</i>	1	3	–	–	19

Следует отметить, что все слова в языке имеют значение «работница»: *телятница, цыплятница, курятница* – в литературном языке, *бычница, коровница, свинятница, кролятница* – в диалектной речи; только в диалектной речи употребляются слова со значением «помещение» (*гусевница, коровница*) и «посуда» (*курятница*). Полученная в эксперименте классификация свидетельствует о том, что носители русского языка со словами, образованными по модели «основа существительного со значением животного +ница», связывают прежде всего значения «работница по объекту ухода» (абсолютное преобладание в словах *телятница, бычница, цыплятница,*

курятница), «помещение для содержания домашних животных» (абсолютное преобладание в словах *коровница*, *свинятница*, *кролятница*) и «посуда для приготовления кушанья из мяса домашней птицы» (*цыплятница*, *курятница*). Эти значения в эксперименте представлены в производных словах шире, чем в словаре.

Экспериментальные данные свидетельствуют также о том, что отдельные слова являются наилучшими представителями данной семасиологической категории (своеобразными «прототипами» в терминах прототипной семантики). Например, среди слов, представляющих значение «работница, ухаживающая за домашними животными», по количественному показателю таким «прототипным» словом (словом-моделью) является слово *телятница*, а в категории «работница, ухаживающая за домашней птицей» – слово *цыплятница*.

Прототипные (наиболее вероятные, предпочтительные) значения у отдельных слов могут не совпадать со значением образца. Например, у слова *гусятница* по данным эксперимента таким является значение «посуда» (несмотря на то, что в словаре в качестве первого зарегистрировано значение «работница птичника, ухаживающая за гусями»). Это значение дается в качестве первого в рецептивном эксперименте: 1а) "кухонная принадлежность для приготовления блюд из мяса гусей" б) "женщина, которая кормит гусей"; 2а) "посудная кухонная утварь", б) "загон для гусей"; 3а) "посуда для приготовления гусей", б) "загон для гусей", в) "женщина, ухаживающая за гусями"

Третья экспериментальная часть содержала следующую установку: «Придумайте ситуацию (предложение), участниками которой являются следующие «предметы»: 1) курица, гусенок, гусятница; 2) корзина, яйцо, гусятница». В первом случае из 8 ответов в 5, а во втором из 5 в 3 слово *гусятница* употреблялось в значении посуда. Примеры вариантов ответов: *Мама готовит к ужину в гусятнице курицу и гусенка; Курица клюнула гусенка, за что и попала в гусятницу; Мама собрала в корзину яйца, которые*

понадобятся для блюда, готовящегося в гусятнице; Умный не складывает все яйца в корзину. В гусятнице плов получается вкуснее и ароматнее; Курица клюет зерно. Гусенок лезет в корыто. Мы приготовили гуся в гусятнице (в эксперименте участвовали дети среднего школьного возраста).

Итак, семантическое пространство словообразовательной модели, представленное одним из образцов, содержится в лексиконе в виде ассоциативного поля, элементами которого являются слова и связанные с ними ментальные структуры (значения). Среди этих значений есть более вероятные, они связаны с большим количеством слов, входящих в данную категорию (поле) и менее вероятные вплоть до единичных (эти значения отмечены у отдельных слов или у некоторых групп слов, уступающих ядерным в количественном отношении).

Выводы

Анализ парадигматических отношений однокорневых слов показал, что внутрисловные и межсловные отношения связаны генетически и функционально. Базовыми, определяющими все остальные виды оппозитивных отношений, являются отношения полисемии/омонимии. Следствием этой первичности является разбиение деривационного гнезда на ряд ДС, формирующихся вокруг отдельных ЛСВ многозначного слова. При формировании ДС обнаруживаются две противоположные тенденции. Одна из них направлена на образование спецификаций, другая – на формально-семантическое преобразование слова в границах одного тождества (спецификации).

Благодаря отмеченным противодействующим тенденциям в деривационном гнезде складывается определенный баланс «сил», обуславливающих формирование дивергентных и конвергентных эпидигматических рядов, члены которых вступают между собой в различные системные отношения – от вариативных до омонимичных.

Данные отношения возникают между эпидигматами, образованными в результате семантической и словообразовательной деривации исходных единиц и могут носить отраженный характер. Так как оппозиции лексико-

семантических вариантов и синонимов, с одной стороны, паронимов и омонимов, с другой, являются следствием «продления» спецификации на морфодеривационном уровне, между ними обнаруживается определенный параллелизм отношений (по горизонтали). В этом проявляется системная соотносительность внутрилексемных и межлексемных структур.

Словообразовательная структура слова в данном случае является средством дивергенции лексических спецификаций. Дивергентные отношения проявляются в более или менее строгой закреплённости смысловых модификаций того или иного словообразовательного значения за конкретными типами производных, маркированных определенным аффиксом.

С другой стороны, лексемы благодаря парадигматическим отношениям получают новые импульсы для деривационного развития. И в этом случае появление инновационного содержания в их семантике приобретает «значимостный» аспект. С учетом фактора значимости отмеченный выше параллелизм структур, отражающий связи, существующие между различными тождествами, как правило, не имеет абсолютного характера, и образование синонимов, паронимов и омонимов происходит со смещениями, носящими характер функциональной и семантической дифференциации.

В отношениях синонимов и смежных с ними оппозиций слов по линии семантического тождества/различия преобладают дивергентные тенденции. Накопление потенциала различия единицы осуществляется по нескольким каналам. Важнейшими из них являются функциональные факторы: фактор частотности, фактор стилистической и временной ограниченности при функционировании, фактор сочетаемости.

Постепенное накапливание «энергии отталкивания» при функционировании приводит к закреплению данных отношений на уровне языковой семантики. Изменения в семантике стремятся к симметрии на уровне формы. Семантико-функциональное развитие в данных структурах проявляется как реализация внутреннего потенциала развития, присущего данной системе.

Вместе с тем в данной системе существуют факторы, сдерживающие процессы дифференциации в парадигматических отношениях. Одним из них являются словообразовательные отношения и прежде всего семантика словообразовательного типа, интегративный потенциал которой оказывают влияние на структуру многозначного производного слова в рамках СТ и стремится к сохранению лексического тождества омонимичных форм в границах деривационного слова.

Глава IV **ПОЛЯРИЗАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ** **И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕРИВАЦИИ** **И ВЗАИМООБМЕН КАЧЕСТВАМИ**

В четвертой главе с опорой на понятия спецификации и деривационного слова описывается оппозиция двух сфер деривации слова – семантической и формально-семантической (словообразовательной), обосновываются их системные различия и функциональная разнонаправленность, а также взаимообмен качествами, приводящий к формированию синтетических форм деривации и полевых структур организации лексико-деривационного уровня. Исследование выполнено на материале имен существительных различных семиологических классов. Выбор материала обусловлен тем, что особенности семиологической структуры знака в наиболее полной мере позволяют продемонстрировать оппозитивный статус данных отношений.

К постановке проблемы. Области деривационного развития лексики, выделенные по способу выражения деривационного содержания, находятся между собой в определенных семантико-функциональных отношениях. До сих пор в их описании преобладал интегративный подход, при котором обращалось внимание на близость семантической и словообразовательной деривации [Шмелев, 1973; 1982; Апресян 1974; Марков, 1981; Марков, Николаев, 1976; Сергеева, 1984]. Но не менее актуален аспект рассмотрения их функционально-семантической дифференциации. В конечном счете он связан с проблемой соотношения формального и семантического развития лексических единиц.

Выявление закономерностей семантической и формальной деривации может привести к ответу на вопросы: для чего язык имеет в своем распоряжении разные способы деривационного развития лексики и является ли для носителя языка употребление номинации, образованной тем или иным способом, предметом выбора в определенной коммуникативной ситуации?¹

Познание качественной определенности объекта обычно связывается с обсуждением признаков глубинного слоя оппозиций. Семантическая и словообразовательная деривация противопоставлены друг другу по ряду глубинных признаков: 1) употребление старого слова в новой функции и создание нового слова (формально-семантического деривата); 2) уникальность семантических новаций и типичность, регулярная воспроизводимость словообразовательных новаций (поэтому они и фиксируются специальной формой); 3) двуплановость (образность) содержания при семантической деривации и двухкомпонентность, расчлененность при словообразовательной деривации. На вершину иерархии в комплексе признаков, составляющих качество семантической деривации Н.Д.Голев ставит признак спецификации, проявляющейся в выдвигании на передний план периферийных сем и сохранении их конкретной вещественности. Основу словообразовательной деривации, по мнению данного автора, составляет формально-семантическое распространение семантической спецификации [Голев, 1989. С. 174 и др.].

Вопрос о качественной определенности комплекса признаков (их статусе, приоритетах и особенностях взаимодействия), характеризующих каждую из сфер деривационного развития лексики и противопоставляющих их, остается до конца нерешенным.

Члены названной оппозиции противопоставлены друг другу по комплексу признаков, важнейшими из которых являются следующие: 1) степень глубины семантических преобразований значения мотиватора в значении мотивата; 2) возможность типологизации семантического преобразования (инновационного содержания) при мотивации/деривации; 3) соотнесенность различных видов деривационных отношений с теми или иными видами логических оппозитивных отношений; 4) ориентация сферы деривации

на ту или иную ось общей системности языка: парадигматическую или синтагматическую; 5) распределение глобальных семантических отношений – сферы метонимии и сферы метафоры – по зонам деривационного поля слова; 6) степень регулярности деривационного отношения. Некоторые из названных параметров носят градуальный характер.

Полагаем, что исследование данных вопросов позволит приблизиться к пониманию сущности системных и функциональных различий формально-семантической и семантической форм деривации.

4.1. Механизмы семантической и словообразовательной деривации

Данный параграф посвящен сопоставительному изучению механизмов различных форм деривации, направленному на выявление закономерностей семантических преобразований значения М1 в значении М2 и определение характера инновационного содержания в дериватах, образованных семантическим и формально-семантическим способом.

Как связаны между собой эпидигматы в рамках того или иного способа деривации и каковы механизмы самой деривации – это одна и та же проблема в статическом и динамическом аспектах. Основными типами содержательных связей между любыми видами дериватов являются связи двух типов – импликационные и классификационные, представляющие собой два важнейших универсальных способа организации концептуальных структур сознания [Никитин, 1988. С. 67]. Импликационные связи – это когнитивный аналог реальных связей сущностей объективного мира, их взаимодействий и взаимозависимостей. Это отражение связей между вещами, между частью и целым, между вещью и признаком. Наиболее явными примерами импликационных связей являются связи пространственные, временные, отношения частей и целого (партонимические отношения), причинно-следственные, условно-следственные. Импликация является отражением самых разнообразных видов реальных связей: единовременных и

разновременных, статических и динамических, жестких и вероятностных, взаимонаправленных и однонаправленных.

Объективной основой классификационных связей понятий и значений являются общности сущностей объективного мира по обнаруживаемым ими признакам. В этом случае они не объединены какими-либо реальными отношениями, связями, зависимостями, в отличие от импликационных связей (их наличие или отсутствие несущественно для них самих), но они могут обнаруживать известную общность признаков. Классификационные связи – это мыслительный аналог распределения признаков в вещах и явлениях; они отражают не какую-то реальную связь явлений, а общность присущих им признаков².

Механизмы семантической деривации. В рамках семантической деривации выделяются значения, опирающиеся как на импликационные связи (метонимия), так и на классификационные связи (гипергипонимия и метафора). Метонимические (включая синекдоху), гипер-гипонимические и метафорические соотношения исходного и производного значений являются основными видами семантических соотношений, выявляемых в сфере лексической эпидигматики. Описанию механизма образования названных видов отношений большое внимание уделялось в работах Д.Н.Шмелева [1973; 1977; 1982] и М.В.Никитина [1979; 1983; 1988]. Коротко охарактеризуем механизм каждого из них.

Метонимический перенос при семантической деривации состоит в следующем: первичное значение слова индуцирует категориально-лексическую сему (архисему, гиперсему) вторичного производного значения (на основе ассоциации сущностей объективного мира по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию), а само составляет его видовую, дифференциальную сему (гипосему). Например:

1) *вечер* – «часть суток от окончания дня до наступления ночи» (*Наступил вечер. Поздний вечер. День клонится к вечеру. Семь часов вечера.*)

⇒

2) *вечер* – «вечернее общественное собрание, посвященное чему-либо; вечернее представление» (*Литературный вечер. Творческий вечер. Школьный выпускной вечер. Новогодний вечер. Вечер балета*);

3) *вечер* – *званный вечер* (*Устроить семейный вечер. Дает балы и вечера*);

4) *вечер* – «встреча друзей, знакомых, близких в вечернее время для общения развлечения празднования чего-либо» (*Подари мне этот вечер. Как мне дороги подмосковные вечера*) – «вечернее времяпрепровождения»;

5) *вечер* – «погода вечером» (*Холодный вечер. Теплый вечер*).

Фактически архисема оказывается переменной, зависящей от возможных импликационных связей данной сущности с окружающим миром. Это обеспечивает множественное варьирование слова в импликационном (метанимическом) поле. Некоторые из этих значений закрепляются в узусе и регистрируются словарями.

Эта возможность реализуется в первую очередь у производных значений, основанных на сильной импликации и отвечающих коммуникативной потребности [Никитин, 1988. С. 69]. Метонимические связи значений широко представлены в семантических структурах многозначных слов. Однако степень регулярности того или иного конкретного типа метонимических отношений будет различной (от регулярных до единичных, лексикализованных, узуальных или окказиональных).

При гипонимической связи общая часть интенционалов (сигнификтов) двух деривационно связанных значений равна одному из них (интенционалу мотивирующего значения). Он включается в сигнификат производного на правах архисемы, а различающая часть составляет дифференциальную сему (гипосему) этого значения. Например, многие наименования животных могут обозначать «вид животного» и «самца животного» (*бобр, буйвол, барсук, ишак, еж, лось, волк, барс, верблюд, заяц, кабан, кролик, олень, осел, лев, медведь* и

др.); «вид животного» и «самку животного» (*лиса, змея, коза, лошадь, собака, свинья, овца* и др.).

Метонимические и гипергипонимические связи значений в пределах внутрисловной деривационной парадигмы противопоставлены по типу отражаемых межпредметных связей (импликационных, с одной стороны, и классификационных – с другой), но объединяются общностью деривационно активной сферы лексического значения (в обоих случаях это сфера интенционала – сигнификата). По этому признаку они противопоставляются метафорической семантической деривации.

При метафорической связи значений общей их частью обычно являются семы импликационала, т.е. периферийного компонента значения и реже интенционала исходного значения, которые в производном значении играют роль дифференциального признака. Что касается архисемы производного значения, то ею служит понятие о классе, в котором выделяется подкласс, конституируемый дифференциальным признаком (гипосемой). Например, импликационал слова *медведь* (животное) может включать в себя следующие признаки: мохнатый, лохматый, неуклюжий, увалень, большой, громоздкий, медленно соображающий, тугодум, покладистый, добродушный, лакомка, косилапый, сильный, малообщительный, бирюк, опасный в гневе, лежебока и многое другое. Любой из этих признаков порознь или в той или иной связке может участвовать в образовании производных значений на метафорической основе. Одни из них стали узуальными, другие остаются окказиональными или потенциальными. Слово в переносных смыслах реализует разнообразнейший импликационал из своего первичного значения, причем не всегда ясен состав мотивировочных признаков, размыта и сама вторичная семантика. Она в значительной мере зависит от контекста и уточняет свой смысл, вписываясь в логику его связей. Это находит отражение в словарных дефинициях метафорических значений, которые очень часто не совпадают по набору признаков:

1. *Ну и навалился, вот уж медведь, так медведь. На ногу ведь мне наступил, медведь этакий* – «о крупном, сильном, но грузном и неуклюжем человеке» [БТС. С. 528].

2. *Этот грубиян просто неотесанный медведь* – «неуклюжий, неловкий и невоспитанный человек» [РСС, 2000. С. 105];

3. «О неуклюжем, неповоротливом человеке» [Ожегов, Шведова, 1999. С. 347];

4. «Крупный, сильный, но грузный и неуклюжий человек, внешним видом и своими действиями напоминающий такое животное. // Малокультурный, невоспитанный грубый человек» [ТСС, Т. 1. С. 846];

5. **Увалень**, медведь, тюлень; пентюх, телепень; ∇ бык в посудной лавке [СсРЯ. С.549]; **Неуклюжий**, нескладный, угловатый, мешковатый, неловкий; несуразный, дубоватый, медвежеватый – *о походке, движениях*: медвежий – *о человеке*: неповоротливый; косолапый, косорукий [Там же. С. 283].

6. «Грубый, неотесанный человек; er ist gesund wie ein Bar ≡ он здоров (силен) как медведь ≡ он здоров как бык; er ist ein rechter ≈, er ist plump wie ein ≈ он настоящий медведь, он неуклюж как медведь; er schlaft wie ein ≈ ≡ он спит как сурок; wie ein ≈ schnarchen храпеть во все носовые заворотки; храпеть богатырским храпом; wie ein ≈ schwitzen сильно потеть, взмокнуть; ≡ быть мокрым как мышь; взопреть [БНРС, 1980. С. 202].

Переменной является не только дифференциальный компонент (гипосема) переносного значения (ее варьирование обнаруживается в словарных определениях), но и архисема (гиперсема), так как слово *медведь* может быть отнесено не только к человеку, но и конситуативно к любому живому существу. Поэтому сравнительно с другими видами вторичных значений слова метафора имеет большую свободу варьирования за счет того, что переменной являются не только дифференциальные семы, но и категориально-лексическая (архисема) производного значения. Вместе с тем, сколько бы широким ни было поле варьирования семантики, оно не беспредельно, так как само имеет вероятностную структуру, определяемую

вероятностной мерой потенциальных (импликациональных) признаков и степенью номинативной (и коммуникативной) потребности во вторичном наименовании.

Таким образом, базу для семантической деривации слова образует весь объем лексического значения. Интенциональная сфера значения (понятийная константа, сигнификат) является базой для развития значений по линии гипергипонимических (родо-видовых) и метонимических связей, импликациональная (периферийно-потенциальная, денотативная) принципиально открытая сфера семантики слова позволяет ему реализовать свои потенции по линии подобия (метафора).

Но соотношения, существующие в семантической структуре отдельных слов, многообразнее и сложнее, чем можно представить их, разграничивая только метонимические, метафорические и родо-видовые связи. Далеко не всегда существует прямая производность одного ЛСВ от другого. По замечанию Д.Н.Шмелева, определение первичных и вторичных значений слова не вызывает особых затруднений только в тех случаях, когда внутренняя связь между этими значениями опирается на одну из общих формул перенесения названия с одного явления на другое [Шмелев, 1977. С. 122–123]. В других случаях вследствие диффузности значений однонаправленность движения от каких-либо значений к другим уже не кажется бесспорной³. Общая картина метафорических соотношений осложняется тем, что в различных типах метафор по-разному осуществляется связь значений: с одной стороны, переносные значения непосредственно развивают именно существенный (интенциональный) элемент исходного значения; с другой стороны, связь между значениями может быть основана на ассоциативных признаках (признаках импликационала), которые могут не содержаться в толкованиях обоих значений.

Механизм формально-семантической (словообразовательной) деривации **зависит от того, в рамках какого разряда словообразовательных типов она осуществляется. Принципиально важным с этой точки зрения является деление**

типов на мутационные и немутационные. Мутационные типы предполагают, что «их реализация создает качественно новое лексическое понятие как вещественное ядро значения по сравнению с лексическим понятием, выражаемым М1. Последнее входит в первое в качестве частного видового признака. Немутационные типы по своей сущности не меняют качественной определенности лексического понятия М1» [Голев, 1984. С. 19].

Немутационные типы имеют две разновидности: модификационную и транспозиционную. В своей модификационной разновидности они обозначают «лишь какое-то видоизменение (модификацию) значения производящего слова» [Земская, 1999. С. 353]. Модификация может быть связана с изменением внешних и внутренних параметров М1, а именно: 1) с изменением характера и сферы употребления М1 (*картофель – картошка; Иван – Ваня, Ванька; молодец – молодчина, молотчага*); 2) с дополнительным выражением субъективного отношения говорящего к обозначаемому (например, типы существительных, прилагательных и наречий с суффиксами субъективной оценки: *черный – черненький, быстро – быстренько; чай – чаек; страсти – страстишки*); 3) с выражением объективной меры этого означаемого (например, типы существительных с уменьшительным или увеличительным значением (*шум – шумок; неделя – неделька; дом – домик, домище; красавец – раскрасавец*); типы глаголов, выражающих количественно-временные модификации действия (*молчать – помолчать; греметь – отгреметь; говорить – заговорить*); 4) с установлением отношения означаемого М1, внешнего по отношению к нему и не затрагивающего его сути: значение невзрослости живого существа (*утка – утенок; медведь – медвежонок; пострел – постреленок*); значение женскости (*пассажир – пассажирка; перепел – перепелка; библиотекарь – библиотекарша*).

Между производящей базой и производным словом в данном случае устанавливаются или отношения эквивалентности, или отношения модификации. Отношения эквивалентности характерны для таких способов

словообразования, как аббревиация и усечение. Семантические эквиваленты отличаются от производящих слов стилистической окраской разговорности (усечения) или книжности (аббревиатуры). Механизм деривации связан с изменением стилистической семы значения.

При модификации значение производного также целиком базируется на значении производящего, оно лишь осложнено некоторой семантической добавкой – модификационным оттенком значения – выполняющей функцию дифференциального признака (*львенок* – лев, только невзрослый; *столик* – стол, только маленький).

Под транспозиционным словообразованием понимается перевод слова из одной части речи в другую [Земская, 1999. С. 352], при котором «происходит своеобразное «переливание» лексических понятий из одной части речи в другую» [Голев, 1984. С. 19]. Лексическое значение слов при этом тождественно. К области транспозиционного словообразования относятся такие словообразовательные типы, как отглагольные существительные со значением отвлеченного действия; отадективные существительные со значением отвлеченного признака; отсубстантивные прилагательные, обозначающие общее, неконкретизированное в производном отношении к тому, что названо производящей основой. Перечисленные производные тождественны по лексической семантике с производящими. Они выражают то же значение, что и производящие, только средствами иной части речи. При этом у них различны категориально-грамматические значения, определяемые их принадлежностью к разным частям речи. Механизм деривации в данном случае состоит в частеречной перекатегоризации М1.

Мутационное словообразование, с одной стороны, есть «результат перестройки семантической структуры рассматриваемого слова, происходящей вследствие сопоставления его лексического значения с лексическим значением другого слова, основная сема которого актуализирует соответствующую сему первого слова и через него организует все его остальные компоненты» [Янценецкая, 1984. С. 10]. Например: слово *прачка* как номинативная единица имеет следующую семную структуру (порядок перечисления компонентов

отражает снижение их актуальности для лексического значения слова в рассматриваемом аспекте): лицо по профессии, субъект действия, процесс (специфические движения с объектом в воде); моющие средства; загрязненность белья; ожидаемый результат; качество действия (плохо или хорошо); воздействие на субъект (возникновение усталости; воздействие на руки при ручной стирке), характер работы (грязная) и т.п.

В ином порядке располагаются компоненты значения глагола *стирать*: специфические движения в воде, объект действия, ожидаемый результат действия, моющие средства, источник (субъект) действия, воздействие на субъект, качество действия и т.п.

При мотивационной ориентации на *nomina agentis* все семантические компоненты существительного *прачка*, кроме классифицирующей семы лица женского пола, представлены в синтезированном виде через семантическую структуру глагола в целом. При морфемно выраженной мотивации данный тип перестройки семантической структуры М1 представлен в парах слов: *водить–водитель*; *читать–читатель*, *писать–писатель*; *летать–летчик*; *косить–косарь*; *жать–жнец* и под.

В случае противоположно направленной мотивационной ориентации (от имени деятеля к действию) все семантические компоненты глагола *стирать*, кроме классифицирующей семы действия, обозначены компактно через семантическую структуру имени (М1). При морфемно выраженной мотивации данный тип отношений представлен в парах слов: *сапожник–сапожничать*; *шофер–шоферить*; *столяр–столярничать*; *плут–плутовать*; *тиран–тиранствовать*; *невеста–невеститься*; *прачка–прачечничать** и под.

Другой особенностью мутационного словообразования, кроме семантической перестройки структуры М1, является его предрасположенность к идиоматичности (фразеологичности) лексической семантики, которая может носить как типизированный, так и нетипизированный характер. По образному выражению Е.А.Земской, данный тип семантических отношений между М1 и М2 является самым «лексически капризным» [Земская, 1999. С. 363],

поскольку значение производного может быть связано со значением производящего по-разному.

Таким образом, механизм деривации состоит в перестройке семантической структуры M1 вследствие его аспектуализации (актуализации мотивационно значимого аспекта семантики).

Сопоставительный аспект механизмов семантической и словообразовательной деривации. При сопоставлении механизмов семантической и словообразовательной деривации обнаруживаются черты сходства и различия. Они касаются как мотивационного, так и деривационного аспектов. Единство мотивационного механизма обеих сфер деривации состоит в том, что обе они опираются на исходные суппозиции (как и любой другой аспект деривации).

Вместе с тем при семантической мотивации глубина семантического преобразования значения M1 более значительная, чем при словообразовательной, так как она связана с актуализацией, поддержанием и усилением каких-либо исходных сем \Leftrightarrow нейтрализацией, погашением, модификацией сем M1. При словообразовательной мотивации изменения M1 могут быть связаны с мутационностью и заключаются в аспектуализации семантики M1 и в акцентированном выделении мотивационно значимого аспекта при одновременной перегруппировке остальных сем.

Единство деривационного аспекта двух деривационных сфер заключается в наличии инновационного элемента (прироста сложности) в содержании M2 по сравнению с M1. Однако сферы деривации различаются по характеру инновационного содержания. При семантической деривации инновационное содержание носит лексический характер. Оно приводит к появлению качественно нового лексического понятия в вещественном ядре значения слова. Маркирование такого качества осуществляется средствами лексикализованной сочетаемости, отражающей индивидуальный характер значения.

Деривационное содержание при словообразовательной деривации, хотя и различается в системах с мутационной, модификационной и синтаксической

ориентацией, в целом противопоставлено семантической деривации отсутствием нового лексического качества, затрагивающего вещественное ядро значения исходной единицы. Деривация осуществляется в рамках одного ДС.

Рассмотрение механизмов семантической и формально-семантической деривации в двух аспектах позволяет выстроить следующую градацию форм деривации по степени глубины семантического преобразования значения мотиватора в значении мотивата (от меньшей к большей) и характеру инновационного содержания в деривате по сравнению с производящей единицей (убывание признаков грамматичности и возрастание лексичности):

–*транспозиционное словообразование* (изменение категориально-грамматической семы);

–*усечение и аббревиация* (изменение стилистической семы);

–*модификационное словообразование* (изменение дифференциальной лексической семы при сохранении категориально-лексической семы);

–*мутационное словообразование* (изменение категориально-лексической семы; во всех формах словообразовательной деривации значение М1 переходит в значение М2 в полном объеме; в мутационном словообразовании – в аспектуализированной форме);

–*метонимическая семантическая деривация* (изменение категориально-лексической семы; уровень категоризации ниже, чем при мутационном словообразовании);

–*гипергипонимическая семантическая деривация* (переход категориально-лексической семы в дифференциальную и наоборот);

–*метафорическое словообразование* (изменение категориально-лексической семы (в М2 выражается с помощью форманта); связь с М1 по ассоциации);

–*метафорическая семантическая деривация* (изменение категориально-лексической и дифференциальных сем значения, связь с М1 по ассоциации).

Общие принципы семантической и словообразовательной деривации конкретизируются в различных областях лексической системы. Рассмотрим

особенности их проявления на материале существительных, относящихся к различным ономаσιологическим классам.

4.2. Семантическая деривация имен существительных различных семиологических классов

По характеру логико-предметного содержания, формирующего их собственно знаковое значение, выделяется несколько семиологических классов имен существительных, занимающих определенные места на шкале денотативности/сигнификативности [Уфимцева, 1974; 1986]. С учетом признаков исчислимости (дискретности) /неисчислимости (совокупности) в рамках семиологических классов выделяются подклассы слов, каждый из которых характеризуется своей конфигурацией категориальных семантических признаков. Расположение семиологических классов на шкале денотативности – сигнификативности можно представить следующим образом (рис. 14).

Рис. 14. Расположение семиологических классов имен существительных на шкале денотативности–сигнификативности

Каждый из выделенных семиологических классов характеризуется своим «рисунком» семантической деривации. Рассмотрим данные классы.

Абстрактные имена существительные. Абстрактное имя представляет собой высшую форму ментальной деятельности человека, поскольку оно обобщает такие стороны материальной действительности, которые, хотя и присущи ей, в самой действительности ничем, кроме мысли, не объединены. Крайним, наиболее абстрактным пластом лексики любого языка в семиологическом подклассе предметных имен являются научные термины,

единицы различных метаязыковых систем, выражающие сугубо теоретические понятия различных сфер интеллектуальной деятельности человека.

Если подходить к абстрактным именам традиционно, то можно отметить, что все они не обозначают предметы в буквальном смысле слова: отвлеченные слова обозначают различные понятия времени, меры, массы, веса, расстояния, понятия категорий предметного мира, географические реалии, астрономические и природные явления. Значительное число отвлеченных имен в противоположность конкретным обозначают понятия, относящиеся к миру человека, к умственным, нравственным, психическим, социально-нормативным сферам его деятельности.

Возвращаясь к семиологической характеристике лексики, необходимо констатировать, что невозможно провести резкую грань между предметной лексикой с денотативно-сигнификативным типом значения и отвлеченной лексикой с сигнификативно-денотативным и сугубо сигнификативным типом ее знакового значения. Семантика имен как с предметным, так и с абстрактным значением двучастна, т.е. в ней содержатся в разной мере как денотативные, так и сигнификативные компоненты, позволяющие словесным знакам свободно функционировать, приспособившись к выполнению коммуникативных задач, реализуя каждый раз в речи то денотативные, то сигнификативные семы.

В абстрактных по своей семиологической природе словах вряд ли можно выделить переносное значение, если под ним подразумевать значение, которое характеризуется образностью, одновременным видением двух явлений. Например, в слове *диапазон* семема 2 (С-2) – «пределы распространения чего-либо; объем познаний, представлений кого-либо, возможностей кого-чего-либо» относится к семеме 1 (С-1) муз. «объем звучания певческого голоса или музыкального инструмента, определяемый интервалом между доступными им самым низким и самым высоким звуками» как более общее к более специальному. Второе значение возникло в результате погашения комплекса дифференциальных сем (подчеркнуто в определении) в исходном значении, что привело к его генерализации⁴. Оба значения передают гомогенные

(совместимые) и соподчиненные смыслы, образуя оппозицию привативного типа. В современном языке значение слова *диапазон* расширяется до семы «пределы»: *узкий диапазон температуры; весь диапазон высот и скоростей полета; диапазон возможностей психотерапевта; образный диапазон; диапазон варьирования обозначения*. Теряя свою дифференциальную сему «звук», слово становится количественным показателем при словах, обозначающих нематериальные, мыслительные сущности. Аналогично: **день**: С-1 – «часть суток» (*День и ночь – сутки прочь*); С-2 – «сутки» (*Не сплю уже три дня*); С-5 – «время, пора, период» (*Дни юности. Дни печали*); С-6 – «жизнь» (*До конца своих дней*); **дуэль**: С-1 – «поединок между двумя противниками с применением оружия на заранее определенных условиях» (*Драться на дуэли. Дуэль на пистолетах, шпагах. Смертельная дуэль*); С-1' – «о перестрелке между противниками» (*Артиллерийская подготовка перешла в огневую дуэль*); С-2 – «состязание, борьба двух человек или сторон» (*Словесная, шахматная дуэль. Дуэль двух признанных актерских талантов. Заочная дуэль (заочное соревнование спортсменов)*); **дефицит**: С-1 – финанс. «превышение расходов над доходами» (*увеличение бюджетного дефицита*); С-2 – «недостаток чего-либо, нехватка в чем-либо» (*Дефицит фруктов, дефицит времени*).

У слова *диапазон* дифференциальная сема исходной семемы не зачеркивается в С-3, а только модифицируется – «участок частот, на котором ведется радиопередача» (*переключатель диапазонов*). При этом дифференциальные семы «звучание» в исходном значении и «частота» во вторичном значении гомогенны и соподчинены. Данные семемы находятся в эквиполентной оппозиции. Аналогично: **длина**: С-1 – «протяжение чего-либо, расстояние между кем-, чем-либо» (*Длина отрезка прямой.*); С-2 – «продолжительность, длительность (о времени)» (*Длина рабочего дня*); **доза**: С-1 – «точно измеренное количество лекарства для приема или введения в организм» (*Суточная доза лекарства. Ввести дозу новокаина*); С 1' – «точная мера какого-либо вещества» (*Надо уметь подсчитать мельчайшие дозы вещества. Доза ртути в составе смеси*). С-1'' – «определенное количество

энергии, воздействующей на протяжении известного промежутка времени» (Для созревания плода нужна определенная доза солнечного тепла. Доза радиоактивного излучения); С-2 – «некоторое количество» (полное устранение дифференциальной семы) (Читать это можно только небольшими дозами. В его словах чувствуется известная доза апатии).

У абстрактного имени существительного при семантической деривации может происходить специализация прямого значения⁵. Например, С-2 в слове *догма* – «основные положения какого-либо учения» (обычно во множественном числе) появилось в результате замены одной дифференциальной семы прямого значения (С-1) «положение, принимаемое за непреложную истину, неизменную при всех обстоятельствах) на другую (обе подчеркнуты в дефинициях), а также в результате актуализации дополнительной дифференциальной семы «учение». Аналогично: *декада*: С-1 – «промежуток времени в десять дней, третья часть месяца» (*Третья декада января будет теплой*); С-2 – «десятидневный промежуток времени, посвященный чему-либо» (*Декада польского искусства*).

Особый случай представляют собой словосочетания, когда абстрактное слово во вторичном значении актуализирует дифференциальную сему, отражающую материальную субстанцию. Примером является слово *деталь*: С-1 – «мелкая подробность, частность» (*разработать детали операции. Описать что-либо со всеми деталями. Входить во все детали. Это важная деталь анализа*); С-2 – «часть изделия обычно механизма, машины, прибора» (*Велосипедная деталь. Деталь одежды*). При семантической деривации слова *деталь* реализуется процесс восхождения от абстрактного понятия к конкретному образу⁶.

Образность словосочетаний, которые включают в свой состав абстрактное слово во вторичном значении, определяется уподоблением явления, выраженного грамматически зависимым словом, явлению, выраженному в дифференциальном компоненте исходного (прямого) значения. Сравним словосочетания *ее депрессия* и *депрессия экономики*. Толковый словарь определяет значение С-1 как «угнетенное, подавленное психическое

состояние», а С-2 – как «упадок, застой в хозяйственной или культурной жизни общества» [БТС, 1998. С. 251]. Словосочетание *депрессия экономики* можно развернуть в сравнительный оборот «экономическое состояние общества подобно психическому состоянию человека», где средство сравнения тождественно на словесном уровне дифференциальной семе прямого значения (С-1) грамматически главного слова словосочетания («угнетенное, подавленное состояние»), а объект сравнения равен грамматически зависимому слову словосочетания («экономика»). В словосочетании с абстрактными словами средство сравнения представлено имплицитно (психическое состояние человека) в отличие от словосочетания конкретных слов (например, *копна волос*), где средство («копна») и объект сравнения («волосы») эксплицированы.

Исследование показало, что переносное значение у абстрактного имени может возникнуть только благодаря наличию в его семном составе имплицитного (периферийного) денотативного компонента, в котором отражается сенсорный опыт, осмысление которого представлено в сигнификативном (понятийном) компоненте значения абстрактного имени. Поскольку содержание абстрактного имени не обладает собственной наглядностью (основу значения составляет сигнификативный компонент), в метафорической номинации абстрактное имя чаще бывает метафоризируемым, чем метафоризатором⁷.

Анализ семантической деривации лексических значений абстрактных имен приводит к следующему выводу: у этих существительных при переносе имени происходит либо генерализация, либо специализация исходного значения – процессы, связанные с погашением или актуализацией, а также с модификацией дифференциальных сем интенционала значения (ядерного компонента). Образность, создаваемая абстрактным именем в некоторых случаях переноса, обусловлена достаточно четкой очерченностью денотата, признаки, которого отражаются в семантике абстрактного имени (например, *депрессия* – свойство человеческой психики). В переносном значении (*депрессия экономики*) информация о прямом субъекте состояния представлена, но представлена имплицитно (на уровне импликационала в

составе его денотативной составляющей). Это делает образность переносного значения ослабленной, хотя и приводит к определенному олицетворению понятия «экономика».

Существительные со значением лица занимают место внутри объединения собственно названий живых организмов, выделяясь из их состава на основе семантического инварианта «лицо». Отражая в своем значении разные стороны человеческого бытия, имена лиц делятся на собственные, реляционные функциональные и качественные [Арутюнова, 1998. С. 61–65].

Имена функциональные характеризуют лицо со стороны совершаемых действий, поступков, поведения, функций, занятий; *имена качественные* – со стороны физических и физиологических свойств, эмоциональных состояний, образа мыслей, склонностей вкусов, черт характера, привычек, знаний, умений; по социально-экономическому семейному положению, по социальным нормам, установлениям и обязанностям; по состоянию, обусловленному отношениями господства; *релятивные имена лиц* представляют названия лиц по связям и отношениям (например, по родству и породнению, по отнесенности к этническим, культурно-историческим и социальным общностям, по отнесенности к территории, местонахождению, месту жительства. В наиболее полном виде состав дифференциальных признаков, связанных с каждым ономазиологическим подклассом, содержится в лексико-семантических классификациях имен лиц, построенных на принципах ступенчатой инклюзии [Белоусова, 1989. С. 131–206; РСС. 2000. Т. 1].

Функция именованя лица по одному из дифференциальных признаков обуславливает такую характеристику их семантики, как стремление к моносемности, моноаспектность. Например, имя лица *дантист*₁ отражает один функциональный аспект (по роду деятельности), имя *демократ*₁ отражает социально-характеризующий аспект (принадлежность к определенному течению в общественной жизни). Большинство именованя лиц по своей основной семантической функции являются предикатными словами [Арутюнова, 1998. С. 62].

При достаточной четкости значения в интенционале имена лиц обладают неопределенностью и широтой объема понятия (экстенционала). С этим связано и то, что в основе их семантики находится «концепт с одним аспектом в основе, который не отрицает, однако, возможности существования и других знаний об объекте». (...) «Полного отрыва функциональной характеристики от предмета – ее носителя не происходит, что на языковом уровне поддерживается грамматической формой конкретного существительного, обладающего полной парадигмой склонения». <...> «связь основного аспекта с другими не является жестко закрепленной. Остальные знания об объекте являются фоновыми, они обуславливают существование обобщенного предметного значения и представляют это обобщенное значение в одном из возможных его вариантов» [Янценецкая, 1991. С. 45]. На базе указанного концепта формируется особая структура лексического значения. Так, формулируя значение классических предикатов как моносемных и гомогенных, Н.Д. Арутюнова обращает внимание на целую серию семантических довесков, относящихся к ситуации, физическим и иным признакам субъекта, способу, мотиву, цели, интенсивности действия или градации признака, кванторным характеристикам предметов, оценке. Иными словами, предикатное имя характеризуется тесной связью заключенного в нем понятия (дедуктивно-логического) с представлением (индуктивно-эмпирическое понятие, по терминологии А.А.Уфимцевой), на базе которого оно сформировалось. Одноаспектно представленное значение имени лица, как одна из разновидностей предикатной лексики, также соотносится со всем богатством упомянутых денотативных характеристик, содержащихся в семантике данного знака в компрессированном виде.

Мы полагаем, что по структурным особенностям лексического значения имена лиц относятся к категории скрытых стохастизмов (термин М.В.Никитина), интенционал которых представляет собой закрытую жесткую структуру конечного множества признаков, а вокруг этого ядра формируется периферия (импликационал), представляющая собой открытую вероятностную структуру неконечного множества признаков. Эта структура является

динамичной, содержание признаков подвижным и изменчивым. Стохастическая структура импликационала имени лица строится из знаний, откладывающихся в сознании человека как из его собственного опыта, так и из освоенного им опыта других людей. В данном случае наше понимание значения коррелирует с определением критериальных свойств значения, выделенных Е.С.Кубряковой в рамках когнитивно-дискурсивной модели языка. «Поверхностные формы языка – это только верхушка айсберга, позволяющая ориентироваться в его подлинном объеме. С семиотической точки зрения предлагаемая теория строится на положении о том, что у каждого значения есть своя сеть интерпретант и что сам знак представляет собой средство сжатия и компрессии обобщенной информации, способное активизировать по необходимости в голове говорящего гораздо больший объем информации как на основе знания языка, так и на основе опыта взаимодействия человека с окружающей его действительностью» [Кубрякова, 1998а. С. 39].

Приведем конкретный пример: в интенционале слова *дантист*₁ содержится понятие «зубной врач» («специалист с высшим медицинским образованием, который занимается профилактикой и лечением болезней зубов»). В импликационале имени могут содержаться такие компоненты, как «пользоваться бормашиной», «обтачивать, сверлить зубы бором», «стальное сверло бормашины», «лечение и удаление зубов болезненно и связано с неприятными психофизическими ощущениями» и т.п.

Ядерной формой семантической трансформации в анализируемой сфере является метафора, семасиологический механизм которой был описан нами в параграфе «Механизмы семантической и словообразовательной деривации». Появление новой самостоятельной семантической единицы (производного ЛСВ) связано с выдвиганием на передний план (в интенционал) какой-либо семы, которая если и наличествует в исходном значении слова, то явно на периферии его информационного потенциала. Так, появление переносного значения у слова *дантист* («о человеке, применяющем кулачную расправу с

подчиненными, бьющем по зубам»), вероятно, связано с актуализацией таких периферийных сем, как «удаление зубов», «болезненные ощущения».

Приведем еще один пример: в слове *данайцы*₁ интенционал составляют компоненты «представители одного из древнейших греческих племен», импликационал – «воинствующее племя», «враждующие», «несущие гибель», «причиняющие зло», «хитрые», «коварные», но вместе с тем «отважные», «смелые», «дерзкие» и т.п. Любой из этих признаков порознь или в связке может участвовать в образовании переносных значений на метафорической основе. Одни из этих значений стали узуальными («хитрые коварные враги»), другие остаются потенциальными или реализуются как окказиональные («воинствующие люди», «смелые, дерзкие люди» и т.п.). Если отвлечься от узуальных вторичных значений, то на уровне вторичной номинации у слова, строго говоря, нет определенных значений. Значения слова на этом уровне – лишь вероятностные функции его концептуальных связей. Возможность вторичных значений с известной содержательной неопределенностью превращает язык в «мягкую» знаковую систему, в которой связь знака и значения достаточно свободна. Однако наличие узуальных значений необходимо как раз для того, чтобы говорящий мог практически усвоить правила содержательного варьирования слова, понимать и порождать вторичные значения.

При характеристике механизма семантической деривации на базе имен лица нам бы хотелось обратить внимание еще на одну его особенность, связанную с модальной семантикой слова.

В некоторых случаях ядерные компоненты значения (интенционал) могут быть неоценочными, содержать в коннотативном макрокомпоненте «нулевую» оценку, но интуитивно слово воспринимается носителями языка как содержащее некоторую оценку. Эта потенциальная оценочность, обусловленная периферией слова, может оказаться достаточно яркой и деривационно значимой. Приведем в качестве примера анализ статьи со словом-стимулом *девочка* из «Русского ассоциативного словаря» [1994]. Отметим, что в «Толковом словаре» [Ожегов, Шведова, 1999. С. 156] данное

слово имеет значение «ребенок женского пола», которое не является оценочным. Периферийные семы делятся на три группы: неоценочные, положительно-оценочные (мелиоративные) и неодобительно-оценочные (пейоративные). Отношение мелиоративных и пейоративных сем к общему числу сем позволяет вычислить *индекс периферийной оценочности слова* [Стернин, 1989. С. 178]. Так, анализ словарной статьи из РАС (опрошено 509 информантов) при учете только неединственных ассоциатов (с частотой 2 и более) показывает следующее соотношение неоценочных, мелиоративных и пейоративных сем. Неоценочными являются ассоциаты (цифра указывает на количество информантов, давших этот ассоциат): маленькая – 70, мальчик – 60, бантик – 14, женщина – 12, косички – 8, девушка, ребенок – 7, плачет – 6, бант – 4, маленький – 4, на шаре – 4, платье – 4, подруга – 4, школьница – 4, бантики – 3, большая – 3, дочка – 3, дочь – 3, играет – 3, интердевочка – 3, Маша – 3, подросток – 3, с косичками – 3, с мячом – 3, веревочка – 2, детство – 2, и мальчик – 2, Катя – 2, косичка – 2, косы – 2, Надя – 2, Настя – 2, она – 2, племянница – 2, прыгает – 2, с бантиком – 2, с косой – 2, скакалка – 2, смеется – 2, соседка – 2, шар – 2, шарик – 2, юная – 2. Мелиоративными являются следующие ассоциаты: красивая – 20, припевочка – 19, моя – 14, милая – 6, синеглазая – 6, умная – 6, хорошая – 6, веселая – 5, голубоглазая – 4, симпатичная – 4, хорошенькая – 4, моя синеглазая, невинность – 3, скромная – 3, добрая – 2, конфеточка – 2, красавица – 2, ничего – 2, одуванчик – 2, ромашечка – 2, ромашка – 2, фифочка – 2, худенькая – 2, цветочек – 2. Пейоративными ассоциатами являются: глупая – 3, дурочка – 2.

Общая сумма неединственных ассоциатов 352, из них неоценочных 269, мелиоративных – 78, пейоративных – 5. Индекс мелиоративности составил $78/352$, т.е. 0,22; индекс пейоративности – 0,01.

Мы полагаем, что именно периферия, обуславливающая достаточно высокую мелиоративную оценочность в слове *девочка*, является тем деривационным аспектом, благодаря которому появляются семантические дериваты *девочка*₂ – «девушка, молодая женщина (обычно в речи близких, часто ласково)» (разг.) (*Невеста совсем еще девочка. Сын ухаживает за*

девочками), и *девочка*₃ – «ласковое обращение к возлюбленной, любимой; вообще упоминание о таком лице» [Русский семантический словарь, 2000. Т. 2]. Здесь приведены также и другие слова, обозначающие лиц, употребление которых в функции обращения, вероятно, также связано с наличием в семантике слова той или иной периферийной оценочности: *батя*₂ – почтительное обращение младшего к пожилому, старшему по возрасту (прост); *брат*₂ – дружеское или фамильярное обращение к мужчине (обычно к ровеснику или младшему по возрасту) (*Спасибо за подмогу, брат. Что же ты, брат мой, не здороваешься?*); *друг*₃ – дружеское обращение к близкому человеку, а также (прост.) доброжелательное и фамильярное обращение к мужчине (*Друг мой сердечный! Эй, друг, как пройти к вокзалу*); *мадам* – шутливое или ироническое обращение к женщине (*Целую ручки, мадам* (шутливое приветствие)); а также: *мамашиа, матушка, мать, отец, папаша, приятель, сестренка, старик, старина, сударыня, сударь, сынок, хозяин* [Там же. С. 347-348].

Таким образом, семантическая деривация имен существительных, обозначающих лица, характеризуется следующими особенностями:

1) зона общей референции имени во вторичном значении по сравнению с исходным значением не меняется; категориально-лексическая сема «лицо» при семантической трансформации сохраняется;

2) семантическая деривация осуществляется главным образом на базе метафоры, при этом актуализируются денотативные и коннотативные (оценочные) признаки периферийного компонента мотивирующего значения. Признаки такого рода обладают вещественной конкретностью значения, ограниченно поддаются типизации и соответственно формализации, они имеют характер спецификаций.

Существительные с конкретной семантикой. В данном разделе мы выделяем существительные, именующие все живое (биофакты), кроме лиц, и имена существительные, обозначающие все, созданное руками и умом человека (артефакты). Лексические значения слов, относящихся к данным ономазиологическим классам, с деривационной точки зрения сходны в том

отношении, что они опираются на многоаспектную организацию концептов, составляющих их логическую основу. Понятийные аспекты, приобретая семный статус, занимают различные ступени в иерархической лестнице номинативной структуры слова. Они могут выполнять интегрирующую (категориальную) или дифференцирующую функцию или входить в периферийную зону лексического значения. Некоторые аспекты нашего знания о конкретном предмете по отношению к лексическому значению могут быть охарактеризованы как потенциальные компоненты, или ассоциации. При семантической деривации, как правило, высвечивается, выдвигается на передний (мотивационный) план один из семантических компонентов.

Вместе с тем выделенные классы имен имеют существенное семантическое различие, которое заключается в том, что в наборе аспектов общего понятийного концепта у них выделяются различные по содержанию ведущие аспекты, которые в известной мере определяют набор и содержание остальных его аспектов. Для существительных, обозначающих класс естественных предметов, такими ведущими являются аспекты онтологического типа, отражающие естественные признаки объектов. «Реализуемые опосредствованно, признаки одного или нескольких онтологических аспектов становятся основой функциональных свойств явления, объединяемых в аспекты «второго порядка» [Янценецкая, 1991. С. 42]. В семантике существительных, обозначающих артефакты, ведущим является аспект функционального предназначения отражаемого объекта, который обуславливает содержание его субстанциональной (денотативной) характеристики, отражаемой в аспектах онтологического типа.

При выполнении словом деривационной функции ведущую роль в его значении начинают играть выделенные в концепте аспекты: в именах естественных классов – аспекты онтологического типа; в классах артефактов – функциональный аспект.

Основным типом семантических трансформаций существительных с артефактным значением является функциональный перенос наименования. При этом, как правило, сохраняется принадлежность производного ЛСВ к классу

артефактов и некоторые общие онтологические характеристики; изменяется содержание функциональной семы (в примерах подчеркнута). Например: *дворец₁* – «здание, являющееся жильем, постоянным местопребыванием царствующей особы, главы государства, членов царствующей семьи» и *дворец₂* – «здание, занятое общественными организациями»; *депо₁* – «помещение для стоянки и ремонта железнодорожного подвижного состава», *депо₂* – «помещение для пожарных машин» и *депо₃* (устар.) – «помещение для хранения веществ»; *дом₁* – «здание для размещения различных учреждений», *дом₂* – «помещение (квартира) для проживания семьи», *дом₃* – «место (местность), где проживают люди, объединенные общими интересами и условиями существования»; *доска₁* – «плоский кусок дерева, выпиленный или вытесанный из дерева», *доска₃* – «в аудитории, классе висячая или стоячая пластина для письма мелом», *доска₄* – «щит для объявлений, каких-либо показателей»; *драга₁* – «плавучее сооружение для добывания полезных ископаемых», *драга₂* – «плавучее средство для добывания растений и животных»; *долото₁* – «инструмент для долбления отверстий, углублений», *долото₂* – «инструмент для бурения горных пород».

Значительно реже перенос наименования осуществляется на основе онтологического аспекта значения слова. Например: *дуга₁* – «часть окружности или какой-либо другой кривой линии в виде полукруга» – *дуга₂* – «часть конской упряжи из тонкого согнутого ствола дерева» (в форме изогнутой линии, полукруга); *дорога₁* – «полоса земли, служащая для ходьбы езды» и *дорога₁** – «полоса лунного или солнечного света на водной поверхности»; *дорога₂* – «доступ куда-либо, возможность проникнуть куда-либо»; *дубина₁* – «толстая тяжелая палка» и *дубина₂* – «высокий долговязый человек»; *душ₁* – «частые тонкие струйки воды, льющиеся из специального приспособления», и *душ₁** – «сильные струи дождевой воды».

Для существительных, обозначающих естественные предметы, напротив, такой тип переноса является ведущим. Как правило, метафорический перенос (его механизм) в данной области имеет две разновидности: 1) метафорический перенос связан с модификацией дифференциальных признаков значения

мотивирующего ЛСВ; 2) метафорический перенос связан с погашением всех сем ядерного компонента значения (категориально-лексических и дифференциальных) и актуализацией сем периферийного компонента.

Приведем примеры на оба случая: 1) *дебри*₁ – «место, заросшее непроходимым, густым лесом», и *дебри* – «труднодоступные места, глухой отдаленный край» (модификация: «густой, непроходимый» → «труднодоступный»); *дебри*₂ – «сложная, малоисследованная сторона чего-либо» (модификация «непроходимый», «труднодоступный» → «сложный, трудный»); *дождь*₁ – «атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде капель воды», и *дождь*₂ – «множество, большое количество чего-либо сыплющегося, падающего» (*Сверху сыплется дождь конфетти. Свинцовый дождь*) (модификация «капли воды» → «мелкие предметы»), *дождь*₃ – «блестящие длинные нити из металла или бумаги для украшения елки» (модификация «струи воды» → «нити из бумаги и металла»); *дерево*₁ – «растение с твердым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону», и *дерево*₄ – «родословная таблица в виде такого растения» (модификация: «ствол с отходящими ветвями» → «чертеж, повторяющий такую форму»);

2) *дождь*₁ (атмосферные осадки) и *дождь*₃ – «непрерывный поток, обилие (слов, упреков, слез); *дно*₁ – «почва, грунт под водой как основание водоема» и *дно*₃ – «среда деклассированных опустившихся людей, их быт»; *дуб*₁ – «крупное лиственное дерево с твердой древесиной» и *дуб*₅ – «тупой, несообразительный человек».

Семантическая деривация существительных обоих тематических классов (биофактов и артефактов) может осуществляться на базе метонимического переноса. Семасиологический механизм данного типа деривации описан в параграфе «Механизм семантической и словообразовательной деривации». При этом метонимический перенос существительных, обозначающих естественные предметы, осуществляется главным образом по моделям 1) «растение – часть растения» и 2) «сделанный из». Приведем примеры: модель «растение – часть растения»: 1) *дуб*₁ – «дерево» и *дуб*₂ – «древесина такого

дерева»; *дуля*₁ – «грушевое дерево» и *дуля*₂ – «плод дерева»; *дыня*₁ – «растение» и *дыня*₂ – «плод»; *дюшес*₁ – «дерево», «сорт груши» и *дюшес*₂ – «плод»;

2) модель «сделанный из» представлена в словах: *дерево*₁ – «растение», *дерево*₂ – «бревно», «брус», *дерево*₃ – «древесный материал»; *дерево*₃* – «изделия из дерева»; *джут*₁ – «растение» и *джут*₂ – «ткань из волокна такого растения»; *дрожжи*₁ – «микроскопические грибки, вызывающие брожение», и *дрожжи*₂ – «пищевой продукт из таких грибков»; *дуб* – «растение», *дуб*₃ – «большая лодка, челн, сделанный из дубовых досок или выдолбленный из цельного ствола дуба»; *дуб*₄ – «тертая кора, используемая для обработки кож и окраски чего-либо».

Метонимические переносы, встречающиеся при семантической деривации имен артефактов, как правило, реализуют различные частные варианты модели наименования предмета «по пространственной смежности». Например: *дача*₁ – «загородный дом для летнего отдыха» и *дача*₂ – «загородная местность с такими домами»; *двор*₁ – «участок земли при доме, огороженный забором или стенами зданий» и *двор*₂ – «отдельное крестьянское хозяйство» (дом со всеми хозяйственными постройками), *двор*₃ – «помещение для скота или хозяйственного инвентаря»; *дом*₂ – «свое жилье», а также «семья, люди, живущие вместе, их хозяйство»; *дверь*₁ – «проем в стене» и *дверь*₂ – «укрепляемая на петлях плита, закрывающая этот проем»; *дорога*₁ «полоса земли, служащая для езды» и *дорога*₁* – «местность возле полосы земли, служащей для езды»; *душ*₁ – «приспособление для обливания» и *душ*₁* – «струйки воды, льющиеся из отверстий такого приспособления».

Если имя артефакта обозначает «ткань», то на базе этого значения образуется метонимический перенос «изделие из ткани». Например: *дерюга*₁ – «грубая ткань из толстой льняной пряжи» и *дерюга*₂ – «одежда из такой ткани»; *джерси*₁ – «шерстяная или шелковая ткань» и *джерси*₂ – «одежда из такой ткани».

Подытоживая сказанное, отметим, что основными разновидностями семантической деривации на базе существительных с конкретной семантикой

являются метафорические и метонимические переносы. Причем данные сферы лексики различаются по содержательным характеристикам переноса. Если для наименований биофактов с ведущими онтологическими аспектами семантики свойственен метафорический перенос на базе онтологических аспектов, то для наименований артефактов с ведущим функциональным аспектом семантики характерна метафора, связанная с изменением функциональной характеристики предмета. Метонимическая семантическая деривация имен биофактов и артефактов представляет собой пересекающиеся области. Вместе с тем и здесь они функционально дифференцируются: имена биофактов образуют метонимы, главным образом, по моделям «растение – часть растения» и «изготовленный из»; имена артефактов образуют метонимический перенос, как правило, на основе пространственного соположения (смежности) предметов.

Возвращаясь к схеме расположения семиологических классов имен существительных на шкале денотативности – сигнификативности, следует отметить, что каждому классу присущи свои особенности семантической деривации: у сигнификативной лексики (абстрактные имена) она осуществляется в формах генерализации или специализации значения; у сигнификативно-денотативного класса лиц – в форме метафоры с сохранением принадлежности к исходному ономазиологическому классу лиц; у денотативно-сигнификативного класса артефактов – в форме функционального переноса с сохранением принадлежности к классу артефактов; у денотативно-сигнификативного класса биофактов – в форме метафоры с изменением категориально-лексической принадлежности М1. Мотивационная связь осуществляется на основе ассоциативного компонента лексического значения. Достаточно глубокие различия, свойственные семантической деривации слов различных семиологических классов, которые выделяются по характеру семантики, наличию и форме взаимоотношения в словесном знаке его абсолютного (системного) значения и относительных значимостей, а также по функциональной сфере, свидетельствуют о том, что данная форма

деривации так или иначе затрагивает все выделенные аспекты лексического значения.

4.3. Словообразовательная деривация имен существительных

В данном параграфе рассматривается реализация механизма словообразовательной деривации на примере конкретных слов, образующихся от существительных, относящихся к различным ономаσιологическим классам. Как известно, производное слово отличается от непроизводного по характеру выражения значения. «Непроизводное слово – это ничем не мотивированные, условные обозначения действительности, тогда как значение производного слова всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующего производящего» [Земская, 1999. С. 289]. Наименования в языке не всегда основываются на самых типических признаках предметов, а весьма часто они базируются на признаках случайных, второстепенных. Производные слова также не всегда создаются на основе наиболее типических связей между производным и производящим. Эти связи могут быть индивидуальными. Поэтому между производящим и производным словами наблюдаются очень разные виды отношений. И в словарях значение производного слова – при ясном ощущении его состава и внутренней формы – зачастую может толковаться без указания на связь с соответствующей производящей основой. В таких случаях при установлении отношений производности можно использовать критерий Г.О. Винокура, который полагал, что собственно лингвистическую задачу в изучении значения слов составляет не «прямое описание соответствующего предмета действительности», а разъяснение значения производного слова посредством ссылки на значение соответствующего производящего [Винокур, 1959. С. 421].

Правило производности с опорой на критерий Г.О.Винокура было сформулировано Е.А.Земской: «Необходим и достаточен хотя бы один общий неграмматический компонент в семантике двух имеющих формальную общность слов (производного и производящего), чтобы можно было считать,

что они находятся в отношениях производности» [Земская, 1999. С. 291]. Данное правило применимо как по отношению к семантико-функциональной модели деривации, так и по отношению к генетической модели (в последнем случае, однако, с учетом других необходимых признаков, связывающих производящее и производное).

Анализ семантики производных слов осуществляется по схеме: 1) выделение отдельных спецификаций в рамках непродных слов; 2) разбиение словообразовательного гнезда на ряд микрогнезд, группирующихся вокруг выделенных спецификаций (деривационных слов); 3) выделение в рамках словообразовательного гнезда изолированных групп производных, имеющих характер самостоятельных спецификаций; 4) формулирование словообразовательных значений на основе лексических дефиниций производных слов; 5) выявление семантических преобразований в М1 в акте деривации.

Словообразовательное значение производных слов целесообразно описывать на уровне индивидуального лексико-словообразовательного значения [Азарх, 1984. С. 202; Араева, 1994. С. 40]. Другим термином для обозначения указанного вида значения (с акцентом на лексикологичность его содержания) является «мотивационное значение» [Блинова, 1984. С. 3–8]. Данное значение, с одной стороны, индивидуально, т.е. характерно для одного конкретного производного слова, а с другой – оно является словообразовательным, при определении этого вида значения учитывается специфика мотивационного отношения между мотивирующими и мотивированными словами. «Индивидуальное лексико-словообразовательное значение является предельно конкретной реализацией одной из пропозициональных структур, что определяет типизированный характер мотивационных связей в ИЛСЗ и является основанием для объединения ряда однотипных ИЛСЗ в ЛСЗ» [Араева, 1994. С. 41].

Максимально приближенными к такому идеалу являются толкования значений слов, представленные в «Толково-словообразовательном словаре русского языка» [Ефремова, 2000], автор которого предпринял попытку

наложения информации о семантике единиц двух языковых уровней: слов и морфем, производящих эти слова. Такой своего рода симбиоз разноуровневых единиц русского языка позволил формализовать толкования однотипных с семантической точки зрения единиц, вскрыв и углубив связь лексического значения со словообразовательным. Данный словарь взят нами за основу при выявлении дефиниций производных слов.

В качестве примера приведем анализ слов *доля*, *доктор*, *дуб*, *дорога*, относящихся к различным ономаσιологическим классам существительных. При этом мы не будем указывать дефиниции, в которых толкование лексического значения слова максимально приближено к словообразовательному.

ДОКТОР

*Доктор*₁ – «специалист с высшим медицинским образованием, имеющий право заниматься лечебно-профилактической деятельностью, врач»:

немутационные дериваты: *докторша*₁, *докторица*₁; *докторский*¹;
докторствовать; *докторство*¹;

мутационные дериваты:

докторша – «жена доктора».

*Доктор*₂ – «высшая ученая степень, присуждаемая обычно на основании защиты диссертации // лицо, имеющее ученую степень доктора»:

немутационные дериваты: *докторский*²;

мутационные дериваты:

*докторство*² – «степень или звание доктора»;

докторант – «ученый, прикрепленный к научному учреждению для подготовки докторской диссертации»; *докторантура*¹ – «докторанты»;

*докторантура*² – «подготовка научных работников к защите докторской диссертации».

*Доктор*₃ – «о том, кто подражает доктору (преподавателю) в манере говорить».

мутационные дериваты: *докторальный* – «наставительный, поучающий, не терпящий возражений».

ДОРОГА

*Дорога*₁ – «полоса земли, предназначенная для перемещения; путь сообщения»

немутационные дериваты: *дороженька*; *дорожка*; *дорожный*¹;

мутационные дериваты:

дорожник (*дорожница*) – «тот, кто связан со строительством и эксплуатацией дорог»;

бездорожный – «не имеющий проезжих дорог»;

бездорожье (*бездорожица*) 1) – «отсутствие или недостаточное количество благоустроенных дорог»; «труднопроходимые места, лишённые дорог»; 2) «плохое состояние дорог из-за дождей, снежных заносов»;

бездорожьём – «по плохой дороге, по бездорожью»;

бездорожно – «не по дороге, не выбирая пути»;

придорожный – «находящийся, расположенный возле дороги»;

подорожный – «находящийся, обитающий при дороге, у дороги»;

*подорожник*₁ (*придорожник*) – «многолетняя дикорастущая луговая трава с широкими листьями и мелкими цветочками, собранными в колос» (растущая преимущественно около дорог);

*подорожник*₂ – «небольшая птичка отряда воробьиных, разновидность овсянки» (находящаяся, обитающая у дороги).

*Дорога*₂ – «передвижение, путешествие, поездка»; «время такой поездки»; «отрезок пути следования кого-либо в такой поездке, таком путешествии»:

немутационные дериваты: *дорогой* «во время поездки, путешествия, в пути»;

по-дорожному – «как принято в дороге, как подобает, как удобно в дороге»;

мутационные дериваты:

*дорожный*² – «предназначенный для дороги; используемый в дороге»;

*подорожник*³ – «пирожок, лепешка, взятые в дорогу».

*Дорога*₃ – «путь следования»; «след в виде полосы, оставляемый чем-либо при движении»:

немутационные дериваты: *дорожка* (то же, что дорога).

ДУБ

*Дуб*₁ – «крупное лиственное дерево семейства буковых с плотной древесиной, приносящее плоды – желуди»:

немутационные дериваты: *дубище*; *дубок*; *дубовый*_{1,2};

мутационные дериваты:

*дубовый*₃ – «состоящий из дубов»;

дубняк – «дубовый лес, поросль»;

дубовик (поддубовик, поддубень) – «гриб, растущий в лиственных, преимущественно дубовых лесах».

*Дуб*₂ – «древесина такого дерева»

немутационные дериваты: *дубовый*⁴ – «сделанный из дуба, отделанный дубом»

мутационные дериваты:

дубье – «строительный материал из дуба».

*Дуб*₃ – «тупой, несообразительный человек»:

немутационные дериваты: *дубовый*⁵ – «плохо соображающий тупой»; *дубоватый*₁ – «глуповатый, туповатый»;

мутационные дериваты:

дубье – «бестолковые, тупые или упрямые люди».

*Дуб*₄ –

*дубовый*⁶ – «лишенный тонкости, грубый, тяжеловесный»;

*дубоватый*₂ – «грубоватый, неуклюжий».

ДОЛЯ:

*Доля*₁ – «часть чего-либо»; «часть, составляющая вместе с другими похожими или такими же частями что-либо целое»:

немутационные дериваты: *долечка*;

мутационные дериваты:

долька – «часть плода citrusовых растений, имеющая форму сегмента (доли)»;

дольчатый – «разделенный на дольки, состоящий из долек».

Доля₂ – «то, что приходится на каждого участника при делении чего-либо на части, или то, что вносится каждым участником в общее дело»:

немутационные дериваты: *долевой*;

мутационные дериваты:

дольщик (дольщица) – «тот, кто имеет свою долю в каком-либо деле, предприятии, пайщик».

Обездолить₁ – «лишать кого-либо его части, доли»

Доля₃ – «участь, судьба, жизненный путь»:

немутационные дериваты: *долюшка*;

мутационные дериваты:

недоля – «тяжелая, несчастливая участь, судьба»;

бездольный – «лишенный счастливой доли, несчастный»;

бездолье – «несчастье»;

обездолить₂ – «делать несчастным, отняв самое необходимое, лишить всего».

Доля₄ – «единица метра (в поэзии); ритма (в музыке):

мутационные дериваты:

дольник – «вид тонического стиха, ритмические строки которого соизмеряются по числу ударных слогов (долей) при соответствующем количестве и местоположении безударных слогов».

*Доля₅ ** – «часть урожая»:

мутационные дериваты:

издольщина – «земельная аренда, при которой плата за землю взимается не деньгами, а определенной долей урожая»;

издольщик – «тот, кто пользуется землей на правах издольщины».

При сравнении немутационных и мутационных словообразовательных дериватов с точки зрения изменений, происходящих в семантике M1, у данных типов обнаруживаются черты сходства и различия. Сходство состоит в том, что

в обоих случаях происходит включение и сохранение семантики М1 в семантику М2. Существенное различие заключается в самом характере включения семантики. Если в немутационных дериватах происходит присоединение некоторого дополнительного компонента значения к значению, присутствующему в мотивирующем [РГ-80. С. 265] или «наделение мотивированного слова грамматическим значением части речи, отличным от грамматического значения части речи, присущего мотивирующему слову» [Там же. С. 267], то в мутационных дериватах происходит аспектуализация значения М1 (выбор того аспекта значения, в котором слово будет функционировать в качестве порождающей единицы).

Немутационные дериваты, включающиеся в механизмы реализации прагматической функции языка, могут обнаруживать некоторые особенности лексической семантики (в прагматическом компоненте) по сравнению с деривационной.

В рамках общей прагматической функции выделяются частные подфункции: экспрессивная – «выражение субъективного отношения говорящего, его оценки по отношению к тому, что именуется, или к адресату речи, его микромиру» [Земская, 1992. С. 9] и референциальная – «маркирование статуса конкретной/общей референтной отнесенности элемента; коммуникативной организации высказывания; маркирование стилевой принадлежности создаваемого текста» [Резанова, 1994. С. 120–121].

Из числа частнопрагматических функций наиболее полно описана экспрессивная функция, связанная в первую очередь с эмоциональным отношением говорящего к предмету сообщения. Эта функция является основной в системе русского именно модификационного словообразования. Например, как пишет В.И.Даль, слово *мать* «в ласковом виде переименовано в разных местностях на разные лады: *матушка, матушь, мотушь, матуша, матуха, матуха, матухна, матуня, матуничка, матуненька, матуся, матусенька, матуля, матуличка, матя, матика, матенька, матонька, матынька, матка, маточка, мачка, мамочка, мама, мамуша, маменька, мамуля, мамуся, мамушка, мамка, мамаша, мамашечка, маманька*» [Даль,

1989. Т. II. С. 307]. Вместе с тем модификационные суффиксы с оценочным значением используются для выполнения такой частнопрагматической функции, как маркирование типа референтной отнесенности слова. Например: «*матушкою* чествуют попадью, даже и заглазно, в глаза же и почетно, и всякую женщину в летах» [Там же. С. 307]; *мать* – «в обращении мужа к жене». – *Приехал муж, ну и говорит: «Ну, мать, дали траву или нет?»*; Он [муж] *меня «мать» звал, а я его «отец»*... [Вершининский словарь, 2000. Т. 3. С. 283]; *мама* = Мать₁ (преимущественно в обращении к матери или в разговоре о ней) – *Мама была така региозна; Пойду [в баню], Мишенька мне наказывает: «Мама, не мойся жарко, не поддавай»*; *Платья у мамы были кашемировы; Юрка как-то говорит отцу: «Папа, ты маму не обижай»*; *Вчера с мамой в снежнице белье полоскали* [Там же. С. 271]; *мамаша* – **1.** Высок. = Мама. – *И она-то говорила, писала, что... не видала мамашу давно; Как мамаша: до горки дойдет и плачет, не знает, куда идти.* **2.** «Мать мужа или жены» (при обращении к ней). – *Сноха-то писала: «Соскучилась, мамаша, давно не видала».* **3.** Употребляется как обращение к пожилой женщине. – *Забегает молоденький и сразу к маме: «Ну как, мамаша, живете?»* [Там же. С. 271]; *мамонька* – **2.** Устар. Ласковое обращение к свекрови. – *Раньше мамонька, тятенька звали свекровь; Сноха если выйдет, то мамонька и тятенька; своих мама, тятя звали* [Там же. С. 272].

Данная функция у выделенных слов не имеет специализированных средств выражения и реализуется в определенных условиях текстового окружения. Необходимость использования дополнительных средств для ее актуализации в тексте свидетельствует о том, что слова имеют статус прагматических спецификаций. Прагматическая семантика носит лексический характер. Вместе с тем неизученность прагматического компонента значения и практическое его отсутствие в словарных дефинициях затрудняют возможность описания данного явления с системных лексических и дериватологических позиций.

Возвращаясь к характеристике аспектуализации значения М1 при мутационной деривации, отметим, что этот процесс может иметь несколько основных разновидностей:

1) при образовании дериватов с общим словообразовательным значением «конкретный предмет (одушевленный или неодушевленный) – носитель предметного признака» происходит актуализация актантной (предметной) функции имени предмета, обозначенного мотивирующим словом: *дорожник* (тот, кто связан со строительством или эксплуатацией **дорог**); *дольщик* (тот, кто имеет **долю**); *издольщик* (тот, кто пользуется **долей**); *дольник* (содержит в себе **доли**); докторант (тот, кто подготавливает **докторскую диссертацию**);

2) при образовании дериватов с дополнительной префиксальной конкретизацией предметно-характеризующего значения выражаются значения, уточняющие, конкретизирующие отношение предмета к предмету. При этом может быть выражено а) пространственное значение, уточняющее расположение предмета, названного М2, относительно предмета, названного М1. В значении М1 актуализируется обстоятельственный аспект значения: *подорожник₁* (растение, растущее **около дороги**); *подорожник₂* (птица, обитающая **у дороги**); *подорожник³* (пирожок **в дороге**); *поддубовик* (*поддубень*) (гриб, растущий **под дубом**); *подорожный* (находящийся, обитающий **у дороги**);

б) обозначает отсутствие того, что названо М1, или отсутствие каких-либо признаков, названных в М1: *бездорожный* (**без** проезжей **дороги**); *бездорожье* (бездорожица) (**без** хорошей **дороги**); *бездольный* (**без** счастливой **доли**); *бездолье, недоля* (**не** счастливая **доля**);

3) при образовании глаголов, выражающих отношение к предмету; актуализируется деятельностный аспект имени «совершать действие, свойственное тому, кто назван мотивирующим словом»: *докторствовать* (заниматься **деятельностью доктора**); «лишать того или признаков того, что названо мотивирующим словом»: *обездоливать₁* (лишать **доли**); *обездоливать₂* (лишать счастливой **доли**).

Таким образом, при мутационном словообразовании семантика М1 включается в значение М2 целиком, но через актуализацию определенного аспекта семантики, который в данном случае является ведущим. Все остальные аспекты семантики мотивирующего слова содержатся в значении мотивированного слова в компрессированном виде.

С точки зрения преобразований в семантике М1 мутационное словообразование отличается от семантической деривации тем, что при мутационном словообразовании происходит сохранение объема семантики М1 при определенной его аспектуализации; при семантической деривации происходит актуализация только одного компонента М1, при этом все остальные его компоненты погашаются или нейтрализуются.

Изучение словообразовательной деривации существительных, относящихся к различным семиологическим классам, в сопоставительном аспекте не привело к обнаружению каких-то специфических особенностей по классам (в отличие от семантической деривации), что, на наш взгляд, свидетельствует о том, что словообразовательная деривация не затрагивает те аспекты значения, по которым выделяются данные лексические группировки слов, и в значительной степени имеет надлексичный характер.

4.4. Логический аспект взаимодействия и дифференциации деривационных отношений

Поиск решения для того проблемного узла, который возникает в связи с раскрытием сущности типов семантических отношений между мотивационно связанными словами, видится нам также в исследовании их логических оснований.

В логике хорошо известны отношения *тождества*, или *равнозначности*, *пересечения*, *подчинения*, или *включения*, *координации*, *противоположности* и *противоречия* [Гетманова, 1995; Ивлев, 1992]. В последнее время в этот реестр включены *партонимические отношения (части и целого)*.

Все известные на сегодняшний день семантические отношения, в наиболее полном виде представленные в [Филлмор, 1983], построены на

ограниченном наборе логических отношений. Но различная комбинаторика этих логических связей и модификация одного и того же основания обуславливает разнообразие типов семантических отношений в лексической системе языка. В наиболее простом случае тип семантической связи базируется только на одном логическом основании. Это имеет место, например, в цепочке – множестве слов, «соединенных каким-либо ранговым отношением» [Филлмор, 1983. С. 48]. И таким логическим основанием здесь является подчинение, как показано в [Харитончик, Щавель, 1998. С. 5]. Другие типы семантических отношений оказываются связанными с несколькими логическими основаниями, что порождает сложность их однозначного определения, с одной стороны, и разные типы – с другой. Такая картина наблюдается в синонимии, базирующейся на отношениях тождества или пересечения; антонимии, трактовка которой осложняется различными ее видами: противоречием, или контрадикторностью (*черный – нечерный; живой – неживой*), противоположностью, или контрарностью (*горячий – холодный, глубокий – мелкий*), разновекторностью (*верх – низ; прийти – уйти*). Гипергипонические и партонимические отношения также оказываются логически сложными построениями, в основании которых лежат подчинение и координация. Как род не может включать один вид, так и целое не может состоять только из одной части: они предполагают наличие нескольких видов или частей (как минимум двух), составляющих целое. Эквонимы (со-гипонимы и со-партонимы), находящиеся в отношениях координации, включаются в единицы более высокого уровня, порождая в итоге появление более сложного логического основания – соподчинения.

На основании противоположности и координации, но дополненной подчинением строятся структуры, называемые Ч.Филлмором парадигмами. По существу парадигмы строятся по принципу привативных и эквиполентных оппозиций в фонологии (*актеры* (мужчины и женщины): *актер* (мужчина), *актриса* (женщина)).

Наиболее сложными, базирующимися на комбинации всех известных типов логических связей, являются отношения, свойственные структуре,

описанной Ч.Филлмором как фрейм. Фреймом, согласно автору, можно считать набор слов, обозначающих определенную часть некоторого концептуального и акционального целого. По мнению ученого, «внутри множества слов, относящихся к одному фрейму, можно выделить подмножества, образующие парадигмы, таксономии и другие типы структур» [Филлмор, 1983. С. 48]. В качестве примера можно привести ситуацию, связанную со всеми сторонами процесса торговли: *продавец – покупатель; продавать – покупать* образуют конверсивные структуры и, следовательно, построены на логическом основании противоположности; *платить* (деньги), *тратить* (деньги); *плата, цена, стоимость*, представляющие собой синонимы, основаны на логическом отношении тождества или пересечения; *деньги, десятки, пятерки, трехки* и т.п. являют собой гипергипонимическую структуру, основанную на подчинении и координации. Безусловно, перечисленными отношениями семантика фрейма не исчерпывается. Фрейм, действительно, представляет собой сложнейшую структуру, основанную на комбинации всех известных типов логических связей. Некоторые типы отношений еще не определены, как, например, отношения между словами типа *магазин – товар; магазин – цена, магазин – продавец* и т.п.

Как правило, в работах по лексической семантике рассматриваются логические основания парадигматически связанных слов, т.е. структур ономаσιологического типа.

Соотношение между типами оппозиций лексических единиц (их содержанием, интенсионалом), с одной стороны, и характером их дистрибуции и объемами соотносительных понятий (экстенционалами) было предметом специального изучения в [Новиков, 1982. С. 136–148]. Отличительной особенностью предложенного здесь подхода является попытка рассмотреть в одном аспекте явления, которые по преимуществу являются семасиологическими (ассоциативно-семантическая связь: полисемия; омонимия) и явления преимущественно ономаσιологические («понятийная» содержательно-семантическая связь: синонимия, гипонимия, антонимия, конверсия и т.п.). Л.А.Новиков отмечает, что в основе всех отношений и

категорий лексико-семантической системы языка находятся оппозиции четырех типов: нулевая, привативная, эквиполентная и дизъюнктивная. Семантические отношения лексических единиц (ЛСВ и, соответственно, понятий) на базе нулевой, привативной и эквиполентной оппозиций основываются на логически сравниваемых (гомогенных) понятиях, а лингвистически – на содержательном компонентном сходстве языковых единиц в ономаσιологическом аспекте. Данные семантические отношения относятся к категории полной или частичной синонимии, комплементарной, контрарной или квазиантонимии, гипонимии и эквонимии (отношения со-гипонимов и со-партонимов), частично полисемии. Компонентно близкие виды полисемии автор рассматривает как эквиполентные отношения логически равноправных, равнозначных единиц, наряду с отношениями синонимов и антонимов (например, *земля₃* – «почва, грунт: рыхлое темно-бурое вещество, входящее в состав коры нашей планеты»; *земля₅* – «обрабатываемая, используемая в сельскохозяйственных целях почва»; общим содержанием у этих единиц является «почва»).

Семантические отношения лексических единиц на базе дизъюнктивной оппозиции основаны на логически не сравниваемых (гетерогенных) понятиях, а лингвистически – на ассоциативной связи (общности внутренних форм, мотивированности) языковых единиц, взятых в семасиологическом аспекте. Этот тип отношений в лексике представлен не только семантически отдаленными единицами, но и единицами, входящими в структуру ассоциативной полисемии (ассоциативно связанными значениями, но различными по компонентному составу).

Насколько нам известно, лексические оппозиции деривационно связанных слов еще не были предметом специального исследования в логическом аспекте. Думается, что линия описания логических отношений мотивационно связанных слов в ономаσιологическом аспекте может быть продолжена только до известных пределов, так как эти отношения могут строиться на базе соотносительности понятий, что на уровне лексической системы выражается в парадигматической связанности слов. Среди

полученных результатов выделяются эквиполентные, привативные и градуальные оппозиции⁸.

I. Эквиполенция (противопоставление равнозначных членов) смежных категорий типа «субстанция» – «действие», «субстанция» – «атрибут» («атрибут» – «субстанция», «действие» – «субстанция», «атрибут предмета» – «атрибут действия») выражается группой транспозиционных словообразовательных типов;

– эквиполенция типа «лицо мужского пола» – «лицо женского пола»; «взрослое живое существо» – «невзрослое живое существо» представлена группой модификационных дериватов.

II. Привативные отношения могут быть выражены модификационными типами, один член которого характеризуется наличием, а другой отсутствием признака (*доля – недоля, звонкий – незвонкий, друг – недруг; правда – неправда; порядок – беспорядок; монтаж – демонтаж; гармония – дисгармония; разведка – контрразведка; фашист – антифашист*);

– привативные отношения типа «лицо» – «лицо женского пола»; «животное» – «невзрослое животное»; «вид животного» – «самец (или самка) животного»; «предмет» – «предмет малой величины» (*дом – домик*); «предмет» – «предмет большой величины» (*дом – долище*); «лицо по должности» – «второй по должности, чину» (*президент – вице-президент; ректор – проректор*); «лицо» – «лицо, старшее по чину, должности» (*епископ – архиепископ, диакон – протодиакон, мастер – обер-мастер*) также представлены модификационными дериватами.

III. Градуальные отношения возникают между модификационными дериватами (у существительных на базе увеличительного или уменьшительного значения суффикса): *сторона – сторонка – сторонушка; сын – сынок – сыночек; холод – холодище; плут – плутище – архиплут – обер-плут; прибыль – сверхприбыль – суперприбыль; мода – супермода – ультрамода; домик – долище.*

Поскольку одни и те же оппозиции были выявлены между мотивационно связанными словами в обеих сферах деривации, появляется возможность их сопоставительного анализа. Смысловые парадигмы с отношениями мотивации, построенные на единых логических основаниях, мы рассматриваем как коррелятивные.

Корреляции парадигм такого рода представлены в таблице 17.

Таблица 17

Логическая соотносительность семантических
и словообразовательных дериватов

Оппозиция	Принадлежность к категориям парадигм:	
	с отношениями семантической деривации	с отношением формально-семантической деривации
Эквивалентная	–	Дублиеты, аббревиация, усечения.
Привативная	1) Генерализация значения на основе логической операции обобщения понятия (<i>диапазон голоса – диапазон 2</i> «пределы чего-либо»); 2) специализация значения на основе логической операции ограничения понятия (<i>декада 1</i> «третья часть месяца, года» – <i>декада 2</i> – «третья часть месяца года, посвященная чему-либо»	Привативные отношения, выраженные модификационными типами: 1) «наличие признака – отсутствие признака» (друг – недруг); 2) «лицо – лицо женского пола»; 3) «животное – незрелое животное»; 4) «предмет – предмет малой величины»; 5) «предмет – предмет большой величины»; 6) «лицо по должности – лицо второе по должности»; 7) «лицо по должности – лицо старшее по должности» и под.
Эквиполентная	Отношения между ЛСВ, связанными воедино по компонентному (семному) составу	Эквиполентные отношения, выраженные транспозиционными типами: 1) «субстанция – действие» 2) «субстанция – атрибут» и т.д. Эквиполентные отношения, выраженные модификационными типами: 1) «лицо мужского пола – лицо женского пола»; 2) «взрослое животное – незрелое животное»
Дизъюнктивная	Отношения между ЛСВ,	Отношения демотивированных

	связанными ассоциативно, но разобщенными по компонентному составу	образований
--	---	-------------

Из сопоставительного анализа оппозитивных отношений в двух сферах деривации следует, что 1) оппозитивные отношения обнаруживаются между дериватами, связанными друг с другом парадигматическими отношениями; исключение, составляемое транспозитами, объясняется тем, что их интеграция осуществляется на лексическом уровне, а дифференциация – на грамматическом; если же оставаться в пределах только лексического компонента семантики, то транспозиты образуют нулевую (или эквивалентную) оппозицию; 2) сферы семантической и словообразовательной деривации коррелируют только на уровне общего логического основания, при этом конкретная семантическая наполненность оппозиций каждого типа в различных сферах деривации различается; 3) в оппозитивные отношения вступают словообразовательные дериваты, образованные в рамках модификационных и транспозиционных словообразовательных типов; 4) большая совокупность дериватов, образующих сферу мутационного словообразования, находится между собой в отношениях, которые с логической точки зрения никак не определены; 5) наиболее частотными оппозициями в сфере модификационной (словообразовательной) деривации являются привативные, а в сфере транспозиционной деривации – эквиполентные; 5) степень представленности оппозитивных отношений конкретного типа в области семантической деривации также не является одинаковой: они располагаются по степени количественного увеличения в следующем порядке: привативные → эквиполентные → дизъюнктивные (ассоциативные).

Преобладание отношений привативного и эквиполентного типа между словообразовательно связанными дериватами свидетельствует о большой семантической близости деривационно соотносящихся слов. Их различие выражается в одном дифференциальном признаке, формой выражения которого является словообразовательная морфема.

Преобладание отношений эквиполентного или дизъюнктивного типа между семантическими дериватами, напротив, свидетельствует об их стремлении к семантическому размежеванию и внеположенности (в предельных

случаях). Вместе с тем трудности, возникшие при определении типа логического отношения между деривационно связанными словами, относящимися к сфере мутационного словообразования, свидетельствуют об отсутствии парадигматической соотносительности между ними и об их отнесенности к сфере единиц, между которыми семантические отношения устанавливаются на иных основаниях. Они и носят синтагматически ориентированный характер и опираются на пропозициональную (или фреймовую) структуру семантической соотносительности слов.

Мы полагаем, что к рассматриваемому нами материалу может быть применима модель организации логических отношений мотивационно связанных слов, ориентированная не на номинативный, а на мотивационный аспект (участие мотивирующей семантики в значении деривата). С этой точки зрения выделяются и противопоставляются два типа моделей: мотивация, базирующаяся на отношениях пересечения, и мотивация, реализующая отношения включения. При этом все деривационные пары слов являются охарактеризованными в том или ином отношении.

При отношениях пересечения содержание M1, представляющее собой семантическое единство лексического значения, распадается на ряд семантических множеств, образуемых отдельными семантическими компонентами (семами). Каждое из множеств или некоторая их совокупность обретает способность самостоятельно мотивировать появление вторичной номинации. При этом семантика M1 входит в семантическую структуру M2 лишь какой-то своей частью в объеме мотивационно значимого компонента значения.

Ядро данной деривационной сферы образуется типовыми формами семантической деривации (основывающимися на компонентной и

ассоциативной общности значений); периферию составляет область метафорического словообразования. Инвариантная модель мотивации пересекающегося типа может быть представлена схемой (рис. 15):

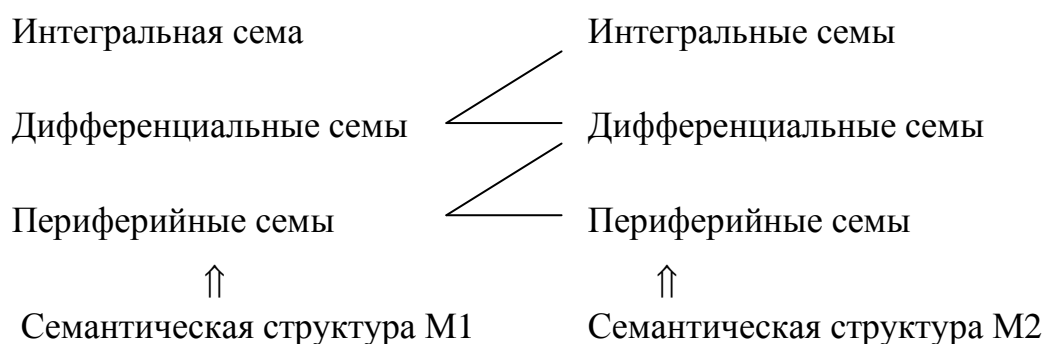

Рис. 15. Соотношение семантических структур М1 и М2 пересекающегося типа

Как видно из схемы, семантические структуры М1 и М2 могут пересекаться на уровне дифференциальных и периферийных сем с сохранением или повышением их ранговой принадлежности при мотивации.

Под отношением включения нами понимается вхождение мотиватора в объеме целостного множества признаков в семантику мотивата. Деривационные отношения, основанные на включении мотиватора в мотиват, опираются прежде всего на различные сферы словообразовательной деривации. Сам характер включения зависит от конкретной деривационной сферы. При транспозиционном словообразовании происходит включение вещественного значения мотиватора в иную категориальную структуру. Область модификационных дериватов, образующих привативные оппозиции, подчиняется закону обратного отношения между объемами и содержанием понятий. Закон формулируется следующим образом: чем шире объем понятия, тем уже его содержание [Гетманова, 1995. С. 30]. Значение слов модификатов (видовых понятий) богаче признаками, чем значения мотивирующих слов (родовых понятий), поэтому семантическое содержание первых включает в себя содержание вторых. При мутационном словообразовании включение значения М1 в значение М2 сопровождается его аспектуализацией (перестройкой семантической структуры при сохранении объема значения).

Перечисленные деривационные сферы образуют ядро деривации с отношениями включения семантики M1 в M2. Ее периферия формируется семантическими дериватами, связанными с мотиваторами гипергипонимической и метонимической связью.

Инвариантная модель соотношения M1 и M2 при отношениях включения может быть представлена схемой (рис. 16).

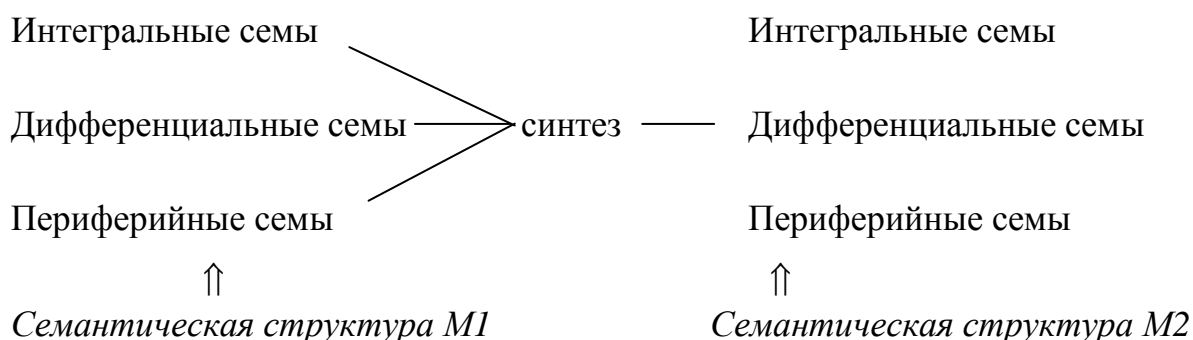

Рис. 16. Соотношение семантических структур M1 и M2 при отношениях включения

Наиболее приближенной к инварианту является модель реализации M1 при мутационном словообразовании и метонимической полисемии. Разнообразие вариантов этой модели может зависеть от актуализации определенного аспекта мотивирующей семантики, обусловленной типом мотивированного слова.

Реализация модели при синтаксической (транспозиционной) и модификационной деривации, а также при гипергипонимической полисемии предстает в более упрощенном варианте, так как включение M1 происходит без каких-либо существенных преобразований в его структуре. При включении M1 в деривационные структуры транспозитивного типа он начинает занимать в M2 позицию определяющего компонента, в дериватах модификационного типа выполняет роль определяемого компонента.

4.5. Характеристика семантической и словообразовательной деривации через связь с парадигматическими и синтагматическими отношениями

Одним из глубинных признаков противопоставленности членов мотивационно-деривационной оппозиции является, на наш взгляд, ориентация семантической и формально-семантической деривации на ту или иную ось общей системности языка: парадигматическую или синтагматическую. Мы исходим из того, что парадигматические и синтагматические отношения являются базовыми для всех видов отношений, существующих в языке. С этой точки зрения деривационные связи между словами производны по отношению к парадигматике и синтагматике и являются следствием использования синтагматических и парадигматических отношений в функции мотивации. Поэтому основными типами содержательных связей между любыми видами дериватов остаются синтагматические и парадигматические (классификационные) отношения.

Области синтагматики и парадигматики, как известно, строятся на различных ассоциативных основаниях. Изучение вербальных ассоциаций, лежащих в основе деривационно связанных слов, имеет давнюю историю. Первым классификатором ассоциаций (или типов семантических связей), обнаружившим универсальные принципы установления связей между словами, образами, объектами – по сходству (внешнему и внутреннему), по противопоставлению, пространственной или временной смежности, причинно-следственной зависимости, – был Аристотель. Его классификация является базовой для всех последующих определений и типологий ассоциативных структур.

В лингвистике интерес к вербальным ассоциациям обусловлен самой природой языкового значения. Ассоциативной (условной и зачастую немотивированной) является сама связь слова как знака объекта со своим означаемым. Ассоциации «внутри знака», связанные с нетождественностью содержания одного и того же знака у разных носителей языка, обусловленной психической природой последнего, приобретают принципиальное значение в

языковой концепции В.Гумбольдта. Ассоциации объекта с некоторыми другими объектами по какому-либо признаку находят отражение в понятии «внутренней формы», предложенном в работах А.А.Потебни.

Нас интересует прежде всего вопрос о том, в каких направлениях разворачиваются отношения тождества и различия между знаками в языковой системе. С этой точки зрения словесные ассоциации первым исследовал Н.В.Крушевский [1998]. Им были сформулированы два закона ассоциирования слов в языке – ассоциирование по смежности (по порядку последовательности) и ассоциирование по сходству (по порядку существования). Данные положения выступают в качестве объяснительного принципа структуры языка. На основе изучения ассоциаций слов по сходству и смежности выявляется парадигматическая и синтагматическая организация лексики. Парадигматическая организация лексического уровня языка предполагает отношение выбора, а синтагматическая – организацию последовательного развертывания фразы и возможность двух слов оказаться соседями в контексте. Учение Н.В.Крушевского о двух способах группировки слов перекликается с концепцией Ф. де Соссюра о синтагматических и ассоциативных отношениях в языке. «Отношения и различия между языковыми членами разворачиваются в двух различных сферах, каждая из которых порождает свой ряд ценностей: противопоставление этих двух рядов позволяет лучше уяснить природу каждого из них. Они соответствуют двум формам нашей умственной деятельности, равно необходимым для жизни языка» [Соссюр, 1998. С. 120]. Ассоциативные отношения, по Ф.Соссюру, соответствуют ассоциациям по сходству, а синтагматические отношения – ассоциациям по смежности у Н.В.Крушевского.

Особый интерес для нас представляет предложенная Н.В.Крушевским классификация ассоциаций, в которой выделяются различные направления ассоциирования: на мир знаков и на мир реальных объектов. Автор предлагает разделять «внутрисловные» и «межсловные» ассоциации, а последние подразделяет на «непосредственные» (собственно лингвистические ассоциации

слов) и «опосредованные» (внеязыковые ассоциации между предметами или явлениями, обозначенными словами).

С этой точки зрения собственно лингвистические ассоциации являются отражением связей между сущностями внеязыковой действительности. Объективной основой парадигматических связей значений является общность сущностей объективного мира по обнаруживаемым у них признакам. Эта общность признаков лежит в основе ассоциирования по сходству между значениями внутри слова в семасиологической парадигме и между значениями слов в рамках ономасиологической парадигмы. Синтагматические связи – это когнитивный аналог причинно-следственных, пространственно-временных и иных естественных связей объектов и явлений (событий).

Характеристика семантических и словообразовательных дериватов через соотнесенность с парадигматическими и синтагматическими отношениями, позволяет найти объективные основания для внутренней дифференциации данных областей деривационного функционирования слова.

Ориентация семантической деривации на выражение парадигматических отношений. Сфера семантической деривации слова в основных своих проявлениях ориентирована на выражение парадигматических отношений. Это положение подтверждается результатами исследования семантического развития субстантивной лексики, относящейся к различным ономасиологическим классам (по основному значению). Приведем данные анализа двух групп существительных: с абстрактной семантикой и со значением лица.

Наиболее вероятной сферой семантического переноса существительных, обозначающих **наименования лиц** (по прямому номинативному значению), является сфера оценочно-квалифицирующей характеристики лица. В эту сферу своими вторичными (переносными) значениями включаются имена лиц по 1) национальности (*данайцы*); 2) возрасту (*дети* 1 – «малолетние ребята» и *дети* (перен.) – «ребячески наивные, неопытные люди»; *дядя* 2 – «мужчина» и *дядя* (перен.) – «о сильном, рослом мужчине»); 3) физиологическому состоянию (*дебил* 1 – «человек, страдающий олигофренией» и *дебил* (перен.) –

«о тупом, несообразительном человеке»); 4) роду деятельности (*дантист* 1 – «зубной врач» и *дантист* (перен.) – «о человеке, применяющем кулачную расправу с подчиненными, бьющем их по зубам»); 5) отнесенности к определенному классу, сословию (*джентльмен* 1 – «в Англии: человек, принадлежащий к высшим слоям общества, строго соблюдающий установленные в них правила и нормы поведения», и *джентльмен* (перен.) «о корректном, благовоспитанном человеке; о человеке, отличающемся строгим изяществом манер и костюма»; *дама* 1 – «женщина состоятельного или интеллигентного круга» и *дама* (перен.) – «о том, кто подражает таким женщинам в манере одеваться или держать себя»); б) по светским титулованиям, связанным с положением господства (*деспот* 1 – «в рабовладельческих монархиях Древнего Востока: верховный правитель, пользующийся неограниченной властью», и *деспот* (перен.) – «самовластный человек, попирающий чужие желания и волю, тиран»).

Наши данные совпадают с выводами о наполняемости лексико-семантических парадигм имен лица, полученными А.С.Белюсовой [1989. С. 131–206]. Класс оценочно-характеризующих наименований лиц определяется как открытый ряд, регулярно принимающий пополнение за счет метафорических употреблений и характеризующийся наличием многочисленных межрядных связей, со стилистической окрашенностью единиц. Нами обнаружены следующие сферы ассоциирования (парадигматики) в области наименований лиц:

1) лицо по национальности \Rightarrow по негативно оцениваемой деятельности, занятиям;

2) по возрасту \Rightarrow по негативно оцениваемым свойствам, проявлениям в труде (*Вы еще **дети** в авиации*) или в поведении, поступках (*Не будьте **детьми!***);

3) по состоянию здоровья \Rightarrow по негативно оцениваемым интеллектуальным свойствам, качествам;

4) по роду деятельности \Rightarrow по негативно оцениваемой деятельности (*А фельдъегерь уж там, понимаешь, за дверью и стоит: трехаршинный*

мужчина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиков – словом, **дантист** этакий. Гоголь «Мертвые души»);

5) по отношению к определенному классу, сословию \Rightarrow по позитивно (или негативно) оцениваемым свойствам, проявляемым в поведении, поступках, общении (*Вы настоящий джентльмен! Интересная, привлекательная, солидная, пожилая дама. Корчит из себя даму! Тоже мне, дама выискалась!*);

б) по светским титулованиям \Rightarrow по негативным внутренним свойствам лица или его поведению (*деспот*).

Наименования лиц по прямому родству (*дед 1, дочь 1*) и непрямому родству (*дядя 1*) обнаруживают семантическую трансформацию в лексико-семантическую парадигму наименований лица по половозрастному или возрастному состоянию: *дед* – «отец отца или матери» – *дед* (перен.) «старый человек, старик»; *дочь* – «лицо женского пола по отношению к своим родителям – *дочь* – «ласковое обращение пожилого человека к девочке или молодой женщине»; *дядя* – «брат отца или матери» и *дядя* (перен.) – «взрослый мужчина по отношению к ребенку». Данные переносы связаны с актуализацией такого импликационального признака, как «возраст человека по отношению к тому лицу, с которым он находится в родственных связях». Причем импликация данного признака является высоковероятностной, сильной, отражающей устойчивые, стереотипные ассоциации. Признаки сильного импликационала близки к интенциональному ядру, составляя почти неизменную часть ЛЗ. Тем не менее они остаются за чертой интенционала по той причине, что теоретически возможное отсутствие такого признака в денотате еще не исключает денотат из того класса, к которому он отнесен данным именем. Например, брат отца или матери (*дядя*) не обязательно взрослый мужчина, отец матери или отца (*дед*) не обязательно старый человек.

Основным типом содержательной связи между прямыми номинативными и производными значениями **абстрактных имен** являются классификационные связи, дополнительным типом – импликационные связи (по терминологии М.В.Никитина). В пределах внутрисловной парадигмы

абстрактных существительных они представлены в разных пропорциях. Периферию составляют значения, опирающиеся на метонимические (импликационные) связи. Они представлены следующими вариантами (первым обозначается прямое значение, вторым – производное значение): 1) музыкальное произведение \Rightarrow ансамбль исполнителей (*оперный дуэт – дуэт скрипки и виолончели*);

2) вид музыкального искусства – музыкальное произведение, относящееся к этому искусству – оркестр или ансамбль, исполняющий такую музыку (*любить джаз; исполнять джаз; в парке играет джаз*);

3) наука – предмет науки (*законы демографии – демография города; законы диалектики – диалектика истории*);

4) действие – исполнитель действия (*стоять в дозоре, потерять дозор*);

5) действие – средство (*депеша из ставки – получить депешу*).

Значения, выражающие классификационные связи, составляют ядерную часть. Появление деривационных связей парадигматического типа во внутрисловной парадигме абстрактного имени связано в первую очередь с изменением сферы денотативной соотнесенности имени с прямым номинативным и производным значениями и преобразованием сигнификата имени. Говоря о денотации предикатных имен, которыми в большинстве своем и являются абстрактные имена, И.Б.Шатуновский [1996] пишет, что «они имеют экстенционал – класс объектов (действительности), обладающих признаком, отраженным в значении предиката». То, что вовне языка соответствует денотату (отраженному в сознании классу явлений), может быть обозначено уже известным в науке термином «зона референции имени». Так, имя *депрессия*₁ – «угнетенное, подавленное психическое состояние, сопровождаемое физическим и духовным бессилием» (очередная невротическая депрессия) – денотативно тождественно имени *человек*. Сигнификаты у этих имен разные: в одном случае – сложное психическое состояние, в другом – класс объектов. Имя *депрессия*₂ имеет уже не столь четкий денотат, в том смысле, что размыты границы явлений, которые могут быть им охарактеризованы. Этому абстрактному имени соответствует

«определенное положение дел в хозяйственной или культурной жизни страны», сигнификатом имени является характеристика такого положения, как «упадок, застой». Как видно, изменение зоны референции имени связано с модификациями мотивационно значимого компонента сигнификата первичного значения имени «угнетенное, подавленное состояние» ⇒ «упадок, застой».

Парадигматический принцип связи дериватов в пределах абстрактного многозначного имени проявляет себя в следующих вариантах:

1) класс объектов – класс объектов (*доза лекарства – доза радиации*); 2) класс объектов – деятельность (*деформация полимеров – деформация хозяйственных связей*); 3) деятельность – класс объектов (*снимать третий дубль – сделать дубль ключа; играть не в основном составе команды, а в дубле*); 4) направление движения – движение (*дрейф судна – дрейф материков*); 5) класс объектов – нечеткий класс объектов (*дефицит денег в бюджете – дефицит чего-либо; доза лекарство – доза чего-либо; имущественный достаток – достаток чего-либо*); нечеткий класс объектов – класс объектов (*вникать во все детали – деталь велосипеда*); 6) время – событие (*последняя декада месяца – декада польского киноискусства*); 7) действие – действие (*дуэль на шпагах – словесная, шахматная дуэль*); 8) пространство – время (*длина пути – длина ночи*).

Проведенный анализ позволяет заключить, что ядерными отношениями между первичными и вторичными (производными) вариантами слова, образующимися на основе семантической деривации, являются разновидности парадигматических отношений, опирающиеся на классификационные связи между деривационно связанными словами. Как правило, сфера парадигматических отношений в языке строится на содержательном компонентом сходстве языковых единиц в ономаσιологическом аспекте. Внутрисловные парадигмы, строящиеся на общности внутренних форм (мотивированности), имеют семасиологическую природу. Это откладывает на них особый отпечаток, который мы видим в следующем. Степень глубины семантических преобразований связана с погашением или модификацией

дифференциальных признаков в интенционале или с актуализацией компонентного состава импликационала (периферии информационного потенциала) первичного значения имени. Изменения подобного рода обусловлены изменением зоны референции имени во вторичных значениях по сравнению с исходным.

Парадигматически обусловленные изменения значения базируются на двоякого рода связях, существующих, с одной стороны, между членами одной и той же лексико-семантической парадигмы, и, с другой стороны, между членами разных парадигм. В последнем случае члены двух разных лексико-семантических парадигм обладают общим семантическим элементом (дифференциальной или коннотативной семой) или связаны по ассоциации.

Вторичные наименования имеют вероятностную структуру как в импликационале, так в интенционале (понятийном ядре). Понятие при этом строится не по законам дедуктивной логики, а по законам житейской вероятности, на основе приблизительных, но достаточно единообразных вероятностных оценок явлений. Этим в известной мере обуславливается текучесть их содержания, неопределенность объема понятия.

С описанными отличительными признаками семантических дериватов, появление которых обусловлено с актуализацией каких-либо конкретно-вещественных сем или ассоциативных признаков исходного значения (при этом структура исходного значения и сам выбор актуализируемых сем носит вероятностный характер), связаны языковые средства фиксации нового в слове. Это, прежде всего, внешний контекст слова (помимо изменения его грамматических форм), который фиксирует и стабилизирует его содержание. Первичное значение переосмысляемого слова очерчивает границы семантического поиска, направления поиска вторичного значения слова зависят от контекста его функционирования. В контексте проявляются предметно-логические связи вещей и понятий гипостазируемой предметной области. Он помогает отбирать те признаки, которые логически вписываются в общую картину поиска.

Ориентация мутационной и транспозиционной словообразовательной деривации на выражение синтагматических отношений. Если в сфере семантической деривации контекст (лексическая и синтаксическая сочетаемость слов) главным образом является той средой, в которой, с одной стороны, спецификация создается (в семантике многозначного слова как единицы языка), с другой стороны, в конкретно-речевых условиях дискретизируется и многозначность слова снимается, то в сфере лексической деривации, ориентированной на синтагматические связи слов в словосочетаниях и во фразах, последние являются базой, исходным «строительным» материалом для создания цельнооформленных словесных единиц. Речь идет о генетико-детерминационных связях между деривацией слова и деривацией вышестоящих единиц. Вопросу о предшествовании неоднословных единиц собственно словам в диахронических и синхронических процессах их образования посвящена уже обширная литература. В этих процессах деривационная структура слова разворачивается следующим образом: от синтаксической единицы к словарной лексической единице и морфеме. В зависимости от уровня непосредственно мотивирующих единиц, являющихся с точки зрения мотиватов (дериватов) носителями их мотивирующих баз, эта инвариантная структура может иметь различные варианты, среди которых важно упомянуть следующие: 1) синтаксическая единица является непосредственно мотивирующей в композиционном словообразовании; 2) непосредственно мотивирующая единица лексического типа функционирует в составе синтаксической единицы – мотивирующей синтагмы⁹.

В композиционном словообразовании лексические дериваты создаются, во-первых, путем соединения в целое некой синтагматической последовательности слов с сохранением отчетливо просматривающихся синтаксических связей ее компонентов и, во-вторых, путем сложения – объединения в целое слов (или основ), с преобразованием синтаксического типа связей во внутрисловные морфемные связи. Первый путь, получивший общее название «слияние» (А.Ф.Журавлев), распадается, как известно, на два

способа: сращение и аббревиацию. Сращение в чистом виде представляет собой лексикализацию словосочетания. Слова, образованные таким образом, «во всех своих формах по морфемному составу полностью тождественны синонимическому словосочетанию, и, таким образом, синтаксическая связь этого словосочетания сохраняется как живая связь в структуре мотивированного им слова» [Грамматика, 1970. С. 42]. Сращение характерно для образования главным образом прилагательных, примеры которых обычно и приводятся в различных пособиях (*вечнозеленый, долгоиграющий, сумасшедший* и под.). При образовании прилагательных, а также слов других частей речи, сращение могут выступать в сочетании с суффиксацией (*христарадничать, сюминутный, отсебятина, ничегонеделание*).

В отличие от слов-слияний синтаксическая связь компонентов в словах, возникающих при помощи сложения, в морфемном составе слова не выражается: морфологические показатели синтаксической связи компонентов выводятся за пределы морфемного состава вновь образуемых единиц. С точки зрения эксплицитного или имплицитного выражения характера синтаксической связи среди сложений выделяются словосложения и основосложения. Словосложения характеризуются сохранением флексии у первого компонента. К их числу относятся аппозитивные словосложения (аппозиты), у которых второй компонент является уточняющим атрибутом к препозитивному родовому имени (*человек-невидимка, сестра-хозяйка, режиссер-постановщик, дом-музей*).

Вопрос о словах-аппозитах тесно связан с понятием приложения в синтаксисе, которое в «Грамматиках современных славянских языков» понимается как «определение, выраженное именем существительным» [Кручинина, 1990. С. 398]. Термин «приложение» указывает также на особый характер связи между определяемым и определяющим – их согласование на началах падежного параллелизма. Грамматический аспект согласования выявляется в словоизменении, когда оба существительных принимают однотипные падежные значения. Связь между определяемым и определяющим при приложении может быть более или менее слитной. В случае наибольшей

слитности приложения теряют способность к падежному изменению и ведут себя как часть (обычно препозитивная) сложного слова. Среди сложных слов, по форме напоминающих приложение, принято рассматривать а) сложные слова, представляющие собой термины (*диван-кровать, кран-балка, роман-газета, изба-читальня, музей-квартира ясли-сад*), б) сложные слова, частью которых являются оценочные слова (*жар-птица, паинька-мальчик, бой-баба, чудо-рыба, горе-руководитель*) [Валгина, 1978. С. 130; Суханова, 1979. С. 232–233]. Промежуточное положение между приложениями и сложными словами (периферийное для тех и других) занимают устойчивые сочетания слов-синонимов (*стежки-дорожки, травушка-муравушка, род-племя, свадьба-женитьба, шик-блеск*); слова-антонимы (*купля-продажа; экспорт-импорт, прием-выдача; приход-расход*), сочетания ассоциативного характера (*деды-прадеды; имя-отчество; калина-малина; хлеб-соль; грибы-ягоды, песни-пляски*); рифмованные сложения слов, второе из которых может быть асемантичным (гендиадис)¹⁰ (*винтик-шпунтик, шайка-лейка, страсти-мордасти, штучки-дрючки, танцы-шманцы*); тавтологические сочетания слов (редупликации прилагательных и наречий) (*маленький-маленький; строго-настрого; большой-пребольшой; рано-прерано*).

Основосложение как один из способов сложения, наряду с другими его разновидностями, характеризуется тем, что лексические единицы, полученные таким путем, обладают хорошей членимостью, их компонентам свойственна четкая опознаваемость и однозначная выделимость. В таких сложениях мотивирующее словосочетание имплицитно сохраняет многие свои синтаксические свойства и прежде всего такое, как характер синтаксической связи. «Мы ясно осознаем в большинстве сложений, как связаны их компоненты: по типу сочинительных (*желто-красный, кафе-столовая*) или подчинительных отношений; среди последних нетрудно выделить случаи исходного согласования компонентов (*легкоатлетический, НЗ*), управления (*ледокол, книгоноша*), примыкания (*вечнозеленый, впередсмотрящий, общежитие*) [Голев, 1981. С. 47]. Вместе с тем в отличие от слияний и словосложений в основосложениях наблюдается тенденция к импликации

формальных показателей синтаксической связи, и «с точки зрения формы сложения унифицируют все типы словосочетаний» [Там же, с. 48].

Промежуточное положение между аффиксальной деривацией и композитивным словообразованием занимают основосложения в сочетании с суффиксацией (*лесопилка, второкурсник, длинноногий*), в которых имплицированию подвергаются не только форма связи мотивирующего словосочетания, но и та часть мотивирующей синтагмы (предложения), которая соответствует классификационному и релятивному компонентам (термины М.Н.Янценецкой) в структуре словообразовательного значения производного слова.

Еще более высокоидиоматичными в этом ряду являются однословные дериваты, мотивированные устойчивыми синтаксическими единицами, типа *вольник, фигурист, русист, ленинка, научка, трешка* и под.

Большая часть дериватов, включающая конверсивы (флективное, или безаффиксное словообразование) и аффиксальные образования, образуется путем операции над одним словом, которое и является мотивирующей единицей – непосредственным носителем мотивирующей базы (со стороны мотивированного слова). Мотивирующей синтагмой в данном случае является предложение или свободное словосочетание.

Таким образом, со стороны формы производные слова представляют собой «кусочки» синтагм (морфемы), объединенные в модели, являющиеся аналогом связи единиц синтаксического уровня. Каждый из обозначенных здесь способов формально выраженной в слове деривации в семантико-функциональном аспекте направлен на выражение того или иного вида пропозиционального отношения. Остановимся подробнее на характеристике этой зависимости.

Важнейшей проблемой словообразования, имеющего семантико-функциональную и когнитивную ориентацию, в недавнем прошлом была проблема, связанная с попыткой установить, «какие сущности, объекты, понятия и т.п. нарекаются при использовании словообразовательных средств и подлежат не столько дескрипции, сколько обозначению» [Кубрякова, 1987. С.

41]. Как было отмечено многими лингвистами, определяющей для словообразовательного значения является глубокая корреляция, которую обнаруживает СЗ в системе частей речи с универсальными семантическими категориями и типами отношений в пределах пропозиции. При создании пропозиции актом предцирования предмету мысли (и сообщения) приписывается некий признак (то, что о нем мыслится или сообщается), поэтому пропозиция есть конструкция, устанавливающая определенный тип отношения. Язык, обеспечивая возможно более полное отражение замеченных человеком систем отношений, стремится выработать новые приемы для объективации языковыми средствами их структур. Осуществлению этой цели по-своему служат все главные компоненты языка – морфология, синтаксис, словообразование. С этой точки зрения, производное слово является мотивированным знаком, фиксирующим определенный тип отношения между двумя категориями, одна из которых репрезентируется основой мотивирующего знака (знаков), а другая – следом от применения в акте словообразования формальной операции. Оставаясь подобными простым словам языка в именовании предметов, признаков и процессов, производные слова отличаются от них по своим структурным и семантическим характеристикам тем, что указывают на связи и отношения, типичные для обозначаемых объектов. И в этом смысле они изоморфны развернутым синтаксическим структурам, которые описывают те же связи и отношения. «Модели производных слов с их словообразовательными значениями обрабатывались в процессах топикализации и семантической компрессии исходных мотивирующих суждений <...>, что сопровождалось созданием специальных средств универбации, стягивания синтаксических конструкций в единое номинативное образование» [Кубрякова, 1987. С. 45]. Особый статус производных слов позволяет им одновременно обслуживать сферу номинации (лексикона) и синтаксиса: сферу номинации, поскольку производное слово как предельно свернутый знак способно служить обозначению целой ситуации; сферу синтаксиса, поскольку эти единицы являются аналогами расчлененного описания ситуации и выделения в этой ситуации одного из типов связи.

Лексическое значение деривата системно маркировано как являющееся агенсом или пациенсом действия, местом или временем его совершения. Пропозициональное отношение является содержанием производного знака любой части речи.

Основные сферы словообразовательной деривации направлены на выражение базовых понятий плана содержания (означаемого) синтаксических единиц. Прокомментируем данный тезис.

Структура означаемого предложения может быть представлена двумя способами: как субъектно-предикатное построение и как система с отношениями (система предметов, связанных некоторым отношением) (подробный обзор обоих способов см.: [Ломтев, 1979]). Мы придерживаемся второго подхода, представляющего семантику предложения в более расчлененном виде и, таким образом, в большей степени отвечающего потребностям нашего исследования. В этой концепции («система с отношениями»), предложенной А.Тарским, информативная сторона предложения представлена как система предметов, связанных некоторым отношением или, в другом варианте, как система, состоящая из одного предмета и его предикативного свойства. Основным знаком предикативного свойства или отношения является предикат. Приписывая те или иные свойства непредикатным знакам (знакам вещей) или устанавливая отношения между ними, предикатный знак выполняет тем самым организующую функцию в предикатном выражении, в существенной степени определяя его структуру. Именно поэтому имеются все основания считать его подлинным центром предикатного высказывания и при описании семантики производного слова, образованного на его основе, придерживаться предикатоцентристского принципа.

Для описания семантики производных единиц в данном аспекте важным является семантическое противопоставление событийных и логических пропозиций (С-пропозиций и Л-пропозиций) (см. об этом: [Шмелева, 1988]). «С-пропозиции «портретируют» действительность – происходящие в ней события с их участниками. Л-пропозиции представляют результаты

умственных операций и сообщают о некоторых установленных признаках, свойствах, отношениях» [Там же. С. 10].

Начнем анализ с описания тех деривационных отношений, в основе которых находятся Л-пропозиции. Мы опираемся на три их группы, обычно выделяемых в научной и учебной литературе: пропозиции характеристики, пропозиции отождествления, или идентификации, и релятивные пропозиции.

Пропозиция характеристики сводится к приписыванию предмету или факту некоторого признака. Данная пропозиция одноактантна: в ней есть объект характеристики и приписываемый ему признак. Только одно из имен – имя объекта – употребляется референтно, идентифицирующе, а второе – предикатно [Арутюнова, 1976. С. 284]. По типу приписываемых признаков выделяются три вида пропозиций характеристики: «анкетная», таксономическая и качественная. В сфере словообразовательной деривации находит отражение главным образом последняя разновидность. Качественная характеристика выделяет некоторые особые признаки объекта, осмысляемые как его качество. Пропозиции качественной характеристики используют адъективные предикаты для квалификации предметов и человека, и наречные – для квалификации событий. Компоненты пропозиции характеристики соотносятся с компонентами словообразовательной структуры слова двояким образом: 1) если признаковый компонент достаточно стандартен, он выражается в слове аффиксом (существительные со значением «женскости», «невзрослости», глаголы со значением однократности и многократности); 2) если стандартным является значение объекта характеристики, а характеризующий признак является переменной величиной, то он выражается мотивирующей основой, а объект характеристики – аффиксальной частью (существительные со значением «предмет (в широком смысле) – носитель непроцессуального признака»; «предмет – носитель количественного признака», «предмет, производящий действие или предназначенный для его выполнения».

Категория качества обладает параметром градуальности, на основе чего возможно сравнение предметов относительно одного качества

(вспомним о существовании в языке лексико-грамматического класса качественных прилагательных, в грамматических свойствах которого отражено свойство градуальности качества). В структуре производного слова степень качества может быть выражена также двояким способом: аффиксальным (существительные с уменьшительным, уменьшительно-ласкательным, уменьшительно-уничижительным, увеличительным значением; прилагательные со значением слабой степени проявления признака (*беловатый*); умеренной степени проявления признака (*небезызвестный, моложавый, худощавый*); высокой, высшей или чрезмерной степени проявления признака (*сильнейший, крепчайший, наилучший, премилый, сверхпрочный*); глаголы со значением степени интенсивности действия: интенсивности или тщательности (*взвизгнуть, выбелить, иссушить, нагладить, открахмалить, перепугать, преисполнить, проварить, растолстеть, вытанцовывать, обыскаться*) и другие разновидности (см.: [РГ-80. С. 395–396]); наречия со значением слабой степени признака (*рановато*); усиления признака (*трудненько, настрого*);

Степень качества может быть выражена всей основой мотивированного слова, например, в существительных со значением «лицо или животное, характеризующееся интенсивным телесным признаком» (*ушан, кожан, лобан, горлан, пузан, голован*), или «лицо, склонное к тому, что названо мотивирующим словом» (*политикан, критикан, ингриган*).

Пропозиция характеристики создает наиболее ощутимую основу для субъективности и тяготеет к модусу, который может выражаться в чистом виде или сочетаться с определенной диктумной квалификацией: экспрессивное значение ласкательности в наречиях (*украдочкой, втихомолочку*); или в сочетании со значением усиления (*ранехонько*); значение «характер совершения действия во времени», «степени интенсивности действия» в сочетании с экспрессивностью у глаголов (см: [Там же]); ласкательное экспрессивное значение у прилагательного в сочетании с усилительностью (*полнехонький; малюсенький, большущий*); у существительных – уменьшительное значение, как правило, сопровождающееся экспрессией

ласкательности (*головка, шубка*) или уничижительности (*школка*); увеличительное значение в сочетании с оценочностью (*дурачина, скучища, красавец, сверхчеловек*); ласкательное значение, не сопровождающееся уменьшительностью (*сторонушка, подруженька, мамочка, дедуся*).

Наиболее сложными по структуре являются пропозиции, описывающие отношения между двумя и более объектами, – релятивные. С опорой на характер самого отношения выделяются пропозиции соединения (в логике – конъюнкция), сопоставления, подобия, противительности, разделительности (в логике – дизъюнкция).

В словообразовательных дериватах отношение конъюнкции может выражаться аффиксальным или композиционным способом (*соавтор; сомножитель; лесостепь; сине-зеленый; сосуществовать*); дизъюнктивные отношения выражаются аффиксальным способом (у существительных значение «отсутствия того или противоположности тому, что названо мотивирующим словом (*неправда, беспорядок, демонтаж, дисгармония, реэвакуация*); у прилагательных – значение отрицания или противоположности признака, названного мотивирующим словом (*нечестный, беззащитный, бесчеловечный, антигуманный, ирреальный, противоестественный*); у глаголов – значение аннулирования результата предшествующего действия, отказ от него (*разбронировать, отдумать*); действие, противоположное действию мотивирующего глагола (*демобилизировать, дисгармонизировать*); у наречий – значение отрицания или отсутствия признака, названного мотивирующим словом (*ненадолго, без умолку, невпророт, невтерпех, неумоготу*).

Кроме перечисленных Л-пропозиций, выражающих отношения между различными объектами (предметами, признаками, событиями), в сфере словообразовательной деривации находят отражение такие Л-пропозиции, которые в качестве объектов допускают только события, они фиксируют межпропозициональные отношения. Важнейшими из пропозиций этого класса являются каузальная пропозиция, фиксирующая зависимость осуществления одного события от другого, и таксисная пропозиция, выражающая временную

соотнесенность событий. Межпропозициональные отношения выражаются, главным образом, в сфере префиксальных глаголов (действие, совершенное заранее, предварительно (*заготовить, предвозвестить*); дополнительное (*доплатить, подварить, прикупить, довести*), совершенное сразу по окончании другого действия (*запить что-нибудь чем-нибудь*); совершаемое во время или сразу по окончании другого действия (*подпеть, прищелкнуть*); попутное действие (*заехать*); ответное действие (*отдарить*); причинение ущерба (*обсчитать*); упущение (*проглядеть, проспать*); довести до какого-либо состояния (*долечить, отлежать, выстояться, доработаться, забегаться*) (подробный анализ межпропозициональных отношений в рамках глагольной лексики см: [Лебедева, 2000]).

Структуру Л-пропозиции составляют актанты – предметы, лица, события/явления. Все они выступают в одной роли – объектов логических операций. Кроме актантов, в структуру Л-пропозиции входят невещественные элементы: имя, знание, признак, количество. Структуру С-пропозиции определяют актанты и сирконстанты. Актантами выступают персонажи и предметы. Персонажи в роли агенса, коагенса, пациенса, бенефициенса. Предметы – в ролях объектива, результатива, инструмента. Сирконстанты – локатив и темпоратив – обладают различной структурообразующей силой в разных ситуациях (ср. действие и движение) [Шмелева, 1988. С. 11]. Количество и качество актантов зависят от предикатного типа Л- и С-пропозиции. Первоначальная типология актантов, созданная в теории членов предложения (субъект, объект, косвенный объект, адресат), была существенно уточнена в исследованиях семантики падежа, в частности, в работах Ч.Филлмора [1981; 1981a], в лексической семантике [Апресян, 1974], в семантическом синтаксисе [Гак, 1973; Богданов, 1977], где актанты, или падежи, выступают как категории определенной универсальной системы координат, в которой исчислены семантические роли одних величин (именных групп) относительно других (глаголов или прилагательных, являющихся атомарными предикатами).

В рамках словообразования падежными комплексами принято считать «ту часть производных и сложных слов языка, которая выражает одно из известных падежных значений, ср. выделенные в падежной грамматике падежи агенса действия и его пациенса или бенефицианта, локатива или другого ориентира действия, орудия или инструмента действия, его результата и т.п.» [Кубрякова, 1987. С. 44]. Таким образом, отличительным свойством дериватов является то, что в качестве мотива обозначения отдельных объектов действительности они содержат указание на вид связи, ингерентный для обозначаемого объекта. Например, анализируя СЗ адъективных слов английского языка, З.А.Харитончик отмечает, что «субъектно-объектные, пространственно-временные и другие отношения, предстающие в адъективном слове в свернутом виде и новых синтаксических ролях, связывают производные адъективные слова с лежащими в их истоках пропозициями и выступают как рефлексия в дериватах той роли и места, которые занимают в пропозициях их производящие базы» [Харитончик, 1986. С. 53].

По мнению М.Н.Янценецкой, словообразовательная структура лексической семантики слова конкретизирует функциональный (грамматический) тип организации словесного значения. «Что бы ни послужило мотивирующей базой – смысловая структура одного или нескольких эпизодов, в любом случае непосредственно мотивирующее слово настраивает свое значение на грамматическую семантику той формы, которую оно должно было бы принять, участвуя в выражении целостной ситуации. Грамматическая семантика определяет место мотивирующего слова в языковой ситуации и тем самым выявляет тот аспект, в котором это слово функционирует как порождающая единица» [Янценецкая, 1991. С. 33]. Словообразовательные значения слов, относящихся к различным частям речи, в пропозициональном аспекте исчерпывающим образом описаны учеными Томской лингвистической школы (обзор данных работ представлен в [Янценецкая, 1992]).

Таким образом, синтаксичность словообразовательной деривации в семантико-функциональном плане проявляется в том, что в семантике

производного слова в компрессированном виде выражаются пропозициональные (релятивные и актантные) и межпропозициональные отношения. В обоих случаях семантика производного слова служит инструментом выражения качественного аспекта диктума предложения. Вместе с тем сфера словообразовательной деривации «обслуживает» также и его количественный аспект. Главный вопрос изучения этой стороны семантики предложения – «о возможностях языка формировать полипропозитивные диктумы, облакая их в различные формальные «упаковки» и при этом устанавливая иерархию пропозиций» [Шмелева, 1988. С. 21]. Средством такой иерархизации служит репертуар формальных воплощений пропозиции, или ее репрезентаций. Основную роль в различении репрезентаций играет морфология, противопоставленность финитных форм глагола всем другим формам обозначения пропозиции (с одной стороны, *прочитали*, а с другой – *прочитав*, *прочитавшие*, *прочитать*). Вершину в иерархии репрезентаций занимает спрягаемо-финитная форма глагола, так как ею выражается главная, с точки зрения говорящего, пропозиция в полипропозитивном диктуме. Все остальные пропозиции являются неглавными, их зависимое положение в структуре предложения определяется свойством относительной актуализации. В пределах морфологии глагола находятся такие разновидности вторичных репрезентаций, как партиципальные репрезентации (причастные обороты и одиночные причастия в полупредикативной функции), репрезентация с помощью деепричастия, инфинитивизация (репрезентация с помощью инфинитива: синтетическая (*он встретился с другом* ⇒ *встретиться с другом*) или аналитическая (*зима* ⇒ *быть зиме*; *наступить зиме*)).

За пределами морфологии глагола находится представление пропозиции именем, обозначаемое обычно термином «номинализация» (*отъезд*, *дебош*, *дуэль*, *соревнование*, *поступление*) (см.: [Арутюнова, 1976. С. 63–68; 70–73; Гак, 1976; Падучева, 1977]). Выражение номинализаций производной лексикой понимается как замена глагола производным именем (девербативом) в результате стяжения, трансформации глагольной пропозиции.

Функцию номинализованных пропозиций могут выполнять деадъективы. Синтаксические свойства деадъективов сложнее, чем синтаксические свойства девербативов, и определяются их семантикой. Деадъективы с основным значением признака, качества отличаются активным синтаксическим поведением; их семантико-синтаксические потенции проявляются в соотнесении их с именами предметов, а также для количественной характеристики признака и его оценки, для сообщения об их каузативной роли, для сообщения о причинно-следственной соотнесенности разных признаков между собой. «Значение признака, отнесенного тем или иным способом к предмету, предопределяет большую структурно-смысловую емкость деадъективов по сравнению с существительными предметного значения и способно создавать связи полупредикативного характера» [Золотова, 1976. С. 160].

Репрезентативная функция пропозиции обслуживается сферой словообразовательной транспозиции [РГ-80, 1980], а именно: существительными, называющими процессуальный (*рисование, расклейка, производство, дремота, массаж, инспектура, выход, замена, дрожь, нехватка, неимение*) и непроцессуальный (*смелость, изящество, радушие, здоровье, несурязица, глухота, синева, нейтралитет, горечь*) признаки; транспозитивными прилагательными, мотивированными наречиями (*ближний, внутренний, вчерашний*); транспозитивными наречиями, мотивированными существительными с транспозитивным значением (*шепотом, бегом, в обхват*). Выбор способа выражения пропозиций зависит от внутренних отношений пропозиций в составе предложения.

Синтаксическая природа отношений мотивационно связанных слов обнаруживается в свойствах их деривационного функционирования в тексте в пределах общего непрерывного деривационно-мотивационного процесса. Поскольку в НДМП эпидигматически связанные лексические единицы функционирует то как порождающие, то как порождаемые, – аспекты функционирования и порождения предстают здесь как диалектически взаимосвязанные и базирующиеся на принципе параллелизма (Н.Д.Голев). При

исследовании деривационного функционирования лексических единиц в текстах в рамках деривационной лексикологии было обнаружено, что важнейшими направлениями деривационно-мотивационных процессов в тексте являются, с одной стороны, перспективное (деривация) и прогрессивное (связанное с актуализацией морфемно-мотивационного плана слова) и, с другой стороны, ретроспективное (аналитическое) и регрессивное (связанное с ослаблением морфодеривационного плана) [Голев, 1989; Трубникова, 1997; Доронина, 2000]. Очевидное несовпадение направленности детерминационных отношений в тексте и словообразовательной деривации в системе языка объясняется тем, что первые обусловлены процессами текстовой детерминации, где процессы лексической деривации в каждом конкретном случае реализуется в одном из перечисленных направлений. Однако и для системной, и для текстовой деривации важным является то, что семантика производного слова фиксирует обобщенный в данной модели тип отношения между двумя функциональными категориями, который, как правило, носит метонимический характер (см. об этом подробнее параграф «Синтагмо-метонимические отношения в области лексической деривации» в данном исследовании).

Семантика деривационного слова в системе языка представлена набором межкатегориальных отношений, состав которого зависит от различий семантических структур мотивирующих слов, обусловленных областью и характером их референции.

Далее представлены результаты анализа деривационных слов, образованных от существительных со значением лица и абстрактных существительных. Семантические дериваты, образованные от данных существительных, рассматривались нами в параграфе «Ориентация семантической деривации на выражение парадигматических отношений».

Как уже было отмечено, в интенционал лексического значения имен лиц включаются категориальные семы «предметности», «конкретности», «лица» и дифференциальные семы, обозначающие действия, поведение, свойства, качества и отношения, присущие их носителям. В рамках деривационных слов

(гнезд), образованных от наименований лиц, представлены следующие наборы межкатегориальных отношений, носящих метонимический характер:

1) лицо – совершение действия, свойственного лицу (*диспетчеровать, диспетчеризовать, дезертировать₁, донкихотствовать, донжуанствовать, джигитовать, директорствовать, диктаторствовать₁* (быть диктатором₁), *диктаторствовать₂* (вести себя как диктатор₂), *дьяконствовать, дьяконить, дьячить*);

2) лицо – проявление свойства лица (*дурачиться, дурить, двурушничать, дезертировать₂, джентльменничать₂, дворяниться₂*);

3) лицо – наделение кого-либо свойством лица (*дурачить*);

4) лицо – приобретение свойства лица (*дуреть*);

5) лицо – опредмеченное свойство или занятие лица (*деспотизм₂, дилетантство, дилетантизм₁, дилетантизм₂, двурушничество, дендизм, дезертирство₂, донкихотство, донжуанство, дурость, дурь, диктаторство₂, докторство₂* (ученая степень), *девичество, донкихотство, донжуанство, долихоцифалия, дебилизм₁, дебилизм₂, дебильство, детскость*);

6) лицо – опредмеченное действие или деятельность лица (*доцентура₁* (деятельность доцента), *депутатство, дезертирство₁, директорство, диктаторство₁, докторство₁* (деятельность доктора₁), *донорство, деканство₁* (исполнение обязанностей), *деканство₂* (должность), *дьяконство*);

7) лицо – общественная система, должность или учреждение, связанные с лицом (*деканат, докторат, дирекция*);

8) лицо – соотносящийся, связанный с лицом (*диспетчерский, диссидентский, доцентский, дивизионный, драгунский, депутатский, династический, дожеский, деспотический₁* (основанный на деспотии), *даргинский, данайский, далматинский, дилетантский₁ дезертирский₁, дезертирский₂, джигитский, диктаторский₁, докторский₁, докторский₂, докторантский, донорский, дантистский, деканский, дьяческий, драгоманский, деницкий, детективный, дьяконский, друидический, дервишский, джентльменский₁, дехканский, дворянский, дамский₁, долихоцефальный, детский*);

9) лицо – свойственный, характерный для лица (*диспетчерский, диссидентский, доцентский, дивизионный, депутатский, династический, даргинский, деспотический₂, деспотичный, дилетантский₁, дилетантский₂, двурушнический, дезертирский₁, дезертирский₂, донкихотский, донжуанский, дундуковатый, джигитский, дурий, дурацкий, дурковатый, дурашливый, дурашный, докторский₁, докторский₂, дикторский, директорский, диктаторский₂, докторальный, докторантский, дантистский, деницицкий, дервишский, джентльменский₁, джентльменский₂, дворянский, детский*);

10) лицо – принадлежащий лицу (*диспетчерский, диссидентский, доцентский, дивизионный, депутатский, даргинский, джигитский, дикторский, дураков, докторский₁, докторский₂, докторантский, дантистский, дьячий, дьяков, деницицкий, деничиков, девочек, девичий, девчачий, девический, дьячков, дервишский, джентльменский₁, дворянский, дочернин, дочерин, дочерний, деверев, дедов, дедкин, дедушкин, дедов, детский*);

11) лицо – состоящий из лиц (*депутатский*);

12) лицо – относящийся к лицу (прилагательное) ⇒ соотносительный по значению с лицом (или прилагательным) (*депотически, по-даргински, дилетантски₁ и ₂, по-дилетантски₁ и ₂, двурушнически, по-донжуански, дурачки, по-дурачки, дурашливо, диктаторски, докторально, по-девчоночьи, по-девчачьи, по-девичьи, по-девическому, девически, по-дьячковски, джентельменски, по-джентельменски, по-дворянски, по-дамски, по-детски, по-дедовски*);

13) лицо – артефакт-место по функционально значимому субъекту («помещение, предназначенное для определенной категории лиц») (*девичья, детская, деканат, дирекция*);

14) лицо – артефакт-объект по функционально значимому субъекту (*драгунка – «драгунский карабин»; дивизионка – «многотиражная дивизионная газета»*);

15) лицо – жена лица, названного мотивирующим словом (*докторша₂, директорша, дьяконица, дьячиха*);

16) лицо – совокупность лиц (*доцентура, депутация, дурачье, директорат, докторантура₂, дьяконство, дехканство, дворянство, детвора*).

Мотивация, базирующаяся на парадигматических отношениях, имеет иную семантическую природу. Здесь мотивированное слово обозначает явление, сопоставляемое или противопоставляемое по какому-либо признаку, явлению, обозначенному мотивирующим словом. Основой составления являются родовые признаки, общие для обоих слов, имплицитно видоые признаки. В рамках анализируемых деривационных слов к их числу относятся следующие:

1) лицо – лицо женского пола (*диссидентка, депутатка, догаресса, деспотка, даргинка, далматинка, дилетантка, двурушница, дурка, дикторша, директриса, докторша₁, докторица, дантистка, друидесса, дехканка, дворянка, дебилка_{1 и 2}*);

2) оценочно-стилистические модификации;

3) лицо – «противоположность тому, кто назван мотивирующим словом» (*друг – недруг*);

4) лицо – «ребенок – представитель национальности, социальной прослойки или профессии, названной мотивирующим словом».

Формальные «распространители» семантических спецификаций, представленных существительными с абстрактным значением, имеют следующее содержание:

1) дериваты, выраженные прилагательными, имеют значение «соотнесенности», «свойственности», «характерности», «обладания» (*диморфный*);

2) дериваты, выраженные существительными, обозначают лицо: «специалист в области того, что названо существительным» (*дефектоскопист, диагност, диагностик диалектолог, дефектолог, детерминист, дендролог, дагеротипист*); «спортсмен, занимающийся определенным видом спорта» (*дербист, дзюдоист*); «больной по виду заболевания» (*диабетик, дальтоник, дальтонист*); другие названия лиц (*декабрист, деист, дебошир*); артефакт: «аппарат, прибор» (*деклинатор, дефектоскоп*); «область знания, раздел науки»

(*диагностика; диалектология*); «опредмеченное действие» (*диагностика, диагностирование, дефектовка*);

3) дериваты, выраженные глаголами, имеют общее значение: «действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным», реализующееся в ряде частных вариантов, например: «действовать с помощью того, что названо мотивирующим существительным» (*декалькировать*); «наделять кого- или что-л. тем, что названо мотивирующим существительным» (*дебетовать, диагностировать*), «совершать то, что названо мотивирующим существительным» (*дебошничать, дебютировать*).

Таким образом, формальные дериваты, образованные на базе существительных с абстрактной семантикой, направлены на реализацию, с одной стороны, межкатегориальной метонимии, с другой – актантной метонимии, и внутри нее прежде всего значений агентивного и инструментативного типа.

Анализ показал, что мотивация парадигматического и синтагматического типа свойственна как сфере семантической деривации, так и сфере словообразовательной деривации. Вместе с тем с учетом этого фактора обнаруживается вполне очевидная дифференциация деривационных сфер, которая проявляется в следующем:

1) из трех основных сфер формально-семантической деривации – мутация, транспозиция и модификация – две первые связаны с выражением синтагматических отношений в деривационных парах. Это главным образом отношения транспозиционной (межкатегориальной) и актантной метонимии;

2) сфера семантической деривации главным образом ориентирована на выражение таких парадигматических по своей сути отношений, как родовые и метафорические;

3) сфера модификационного словообразования, в общем виде ориентированная на выражение парадигматических отношений, распадается на две части, по-разному соотносящиеся с областью семантической деривации. Область собственно модификационного словообразования ориентирована на логические отношения тождества между мотивационно связанными словами.

«Условием идентификации индивидов является принадлежность к одному роду» [Арутюнова, 1998. С. 300], поэтому тождество индивидов не выходит за пределы естественных родов и денотат модификата включается в тот же самый класс, которому принадлежит денотат мотивирующего слова: *домик* и *домище* относятся к одному классу домов; *россиянка* – к тому же классу, что и *россиянин*. Собственно модификации не предполагают образования нового понятия, следовательно, не происходит мутации мотивировочного значения. Дополнительные признаки, выраженные в отождествляемом имени, носят деривационный характер и выражаются аффиксами. В отождествляющем имени они получают имплицитное выражение. В этом смысле модификаты сближаются с членами грамматических оппозиций, отношения между которыми носят эквиполентный или привативный характер (число; падеж у существительного; степени сравнения у прилагательного; время, наклонение у глагола), отличия заключаются в степени обязательности и регулярности их проявления;

4) другая разновидность модификатов опирается на отношения подобия между мотивационно связанными словами. Объекты признаются подобными при наличии между ними сходных признаков. При этом сходство-подобие, в отличие от сходства-тождества, зависит от субъективного восприятия человека. «Апеллирующая к сходству метафора заложена не столько в природе мира, сколько в природе человека» [Арутюнова, 1998. С. 295]. В этом случае мотиваты обозначают качественно новое понятие, и виды, обозначенные мотиватором и мотиватом, стремятся к самостоятельности (*пыль* – *пыльца*; *котел* – *котловина*, *кожа* – *кожура*, *эллипс* – *эллипсоид*; *отец* – *отчим*; *груздь* – *нагруздь*, *брат* – *побратим*, *сумка-подсумок*, *лещ-подлещик*, *глина-суглинок*, *кровь* – *сукровица*, *семинар* – *просеминарий*, *песок-супесь*). При этом обнаруживается существенная разница в семном составе мотивированного и мотивирующего значений. Модификаты такого типа граничат с семантическими дериватами, и отличия между ними заключаются в соотношении общего и инновационного в их семантике. У семантических дериватов наблюдается большая глубина инноваций, по сравнению с

видообразующими модификатами. Кроме того, в некоторых случаях деривационные отношения видовых модификатах строятся на основе метонимии, например: *сукровица* – «жидкость с примесью крови, выделяющаяся из пораженных тканей и полостей тела»; *суглинок* и *супесь*» – осадочная горная порода, состоящая из смеси глины и песка, а также почва такого состава».

4.6. Синтагмо-метонимические отношения в области лексической дериватики

Целью данного параграфа является сопоставительное описание системных метонимических отношений, выраженных семантическими и словообразовательными дериватами. Большой интерес для понимания различной сущности словообразовательной и семантической деривации слова представляют явления конкуренции формально-семантических, или словообразовательных, и «чисто» семантических дериватов. Здесь возможны две ситуации: участие семантической деривации в выражении типовых словообразовательных значений и участие словообразовательной деривации в сфере типовых семантических переносов.

Рассмотрим первую ситуацию. Она связана с конкуренцией формально-семантических и семантических дериватов в сфере выражения ими метонимических отношений, где такая конкуренция имеет широкое распространение. Здесь для нас важны следующие вопросы: насколько широко «пересекаются» словообразовательные и семантические дериваты в этой сфере и на каких принципах коррелируют различные области деривации в сфере выражения однотипных метонимических отношений? Иными словами, можно ли рассматривать отношения между конкурирующими дериватами (типа *скрипач* и *скрипка* – «музыкант», *горожане* и *город* – «жители города», *бородач* и *борода* – фамильярное обращение к бородачу и т.п.) как семантически тождественные?

Исследование выполнено на материале русских имен существительных.

Статус и границы метонимических отношений в лексике. **Для решения поставленных вопросов важно определить, в каких границах рассматриваются нами отношения метонимии. В большинстве работ преобладает взгляд на метонимию как на тип семантического переноса наименования, создающего регулярную многозначность. Он восходит к идеям М.М.Покровского о закономерностях семантического варьирования слов [Покровский, 1959]. Мы рассматриваем метонимические отношения в языке как разновидность межуровневых отношений, в которых реализуется одна из важнейших когнитивных стратегий: город – горожанин (локальное отношение) – словообразовательный способ; город₁ – город₂ (вышел на улицы) – лексико-семантический способ; жители города, живущие в городе, – описательный способ. Подобный взгляд на метонимию представлен в [Голев, 1985; 1989].**

Область метонимических отношений исключительно широка и обусловлена реальными связями денотатов. При исследовании метонимических отношений, выраженных лексико-семантическим способом, возникает проблема статуса этих отношений, получившая первоначальное развитие в трудах Д.Н.Шмелева [1973; 1982]. Общеизвестно, что метонимические отношения тесно связаны с синтагматическими связями слов: они регулярно возникают в результате сокращения словосочетаний и предложений. Метонимия, сохраняющая ту или иную степень ограниченности употребления и не создающая нового контекстно-независимого значения, обладает статусом речевого употребления слова. По справедливому замечанию Д.Н.Шмелева, многие факты, которые трактуются как следствие «метонимических изменений значений», на самом деле таковыми не являются, например: *Весь дом отдыха заинтересовался этим; Зал заплодировал; Сердце у Раисы прошло; читал Пушкина*. Примеры показывают, что возможность употребления выделенных слов в данных контекстах объясняется не приобретением словом новых специальных значений, а подчинением их

общей метонимической модели [Шмелев, 1973. С. 221]. Иное дело, когда значение слова приобрело или приобретает статус самостоятельного и закрепляется в семантической структуре лексемы. Заметим, что в толковых словарях не всегда одинаково и последовательно фиксируются метонимические употребления слов в речи. В словарях, как правило, регистрируются те метонимические значения, которые получают индивидуальное закрепление за словом. Например, в БТС за словом *аудитория*₂ закреплено значение «слушатели лекций, доклада, речи; круг читателей, зрителей» (*Ответить на вопросы аудитории; Установить контакт с аудиторией; Работа в газете дала многочисленную аудиторию*) [БТС. С. 52], которое генетически связано с действием семантико-синтаксической модели – замены одного слова другим на основе связи значений «содержащее» – «содержимое», в данном случае «место» и «множество людей» (*В аудитории < в зале, в классе и т.п. > раздались аплодисменты – Аудитория <зал, класс > зааплодировала*).

В работах Н.Д.Арутюновой, посвященных описанию функциональных свойств лексики, принято разграничение собственно лексической метонимии, служащей номинативным целям и способствующей развитию лексических средств языка, и метонимии, служащей средством развития семантических возможностей употребления слова [Арутюнова, 1990. С. 300–301; 1998. С. 348–353]. Н.Д.Голев также выделяет две линии типологии метонимических отношений, одна из которых связана с реализацией отношений смежности в лексической системе языка и отлагается в представленных здесь типах мотивационных отношений, другая линия связана с приобретением ими функции образного средства в контексте употребления [Голев, 1985].

Речевая метонимия может быть конструктивно (синтаксически и семантически) связанной и ситуативно обусловленной (Н.Д.Арутюнова).

Конструктивно связанная метонимия является результатом эллиптического сокращения текста. Она обычно сохраняет ту или иную степень ограниченности условиями употребления и *не создает нового контекстуально независимого значения имени*. Например, употребление

существительных, обозначающих сосуды, разные виды посуды, в сочетаниях *выпил два стакана, пролил все ведро, разгрузили два вагона* и т.п. можно объяснить не приобретением словом новых специальных значений, а подчинением их общей метонимической модели, представляющей собой речевое, текстовое явление эллипсиса именного дополнения при существительном-квантификаторе.

Контекстуально обусловленным является употребление имен авторов произведений вместо обозначения самих этих произведений. Можно сказать: *В музее есть два Рембрандта* (= два полотна Рембрандта), но нельзя сказать: *На одном Рембрандте изображена старая женщина*.

Каждое обозначение «населенного пункта» может быть использовано в значении «жители данного пункта» (обычно с местоимением *весь*); слова со значением «помещение», «средство транспорта», «учреждение», «место», обозначенное словом, где могут находиться люди, следуют той же метонимической формуле, что и названия населенных пунктов, однако в несколько расширенном варианте «место» – «люди, находящиеся в этом месте». Как отмечает О.П.Ермакова, обязательной для реализации данного метонимического значения является синтаксическая позиция (функция) подлежащего или дополнения [Ермакова, 1976. С. 106]. Такая же позиция характерна для метонимического обозначения носителя признака в группе отвлеченных существительных типа *старость, молодость* и т.п. (*Если бы молодость умела, если бы старость могла*).

Некоторые контекстно обусловленные метонимические значения существительных реализуются только в функции обстоятельств (в предложно-падежных формах с адвербиальным значением). Имеются в виду случаи употребления слов *мороз, ветер, солнце, холод* и под. в значении «место, где мороз, холод и т.п.» (*Весь день был на морозе (на солнце, на ветру, на холоде, на дожде)*). Такой же характер имеют употребления слов *тишина, теснота, грязь, шум* и под. (*Мы живем в такой тесноте; Долго оставаться в этой грязи (шуме, тесноте) невозможно. Она теперь в покое и довольствии*).

К числу многих других видов контекстно обусловленных метонимических замен, опирающихся на более или менее устойчивую семантическую модель, относятся следующие: 1) слова *губерния, уезд, волость* и под. употребляются в значении «административная единица», «центр», а также «административные учреждения данной административной единицы»;

2) слова *коллегия, ученый совет, кафедра* и под. употребляются в значении «организация» и «заседание, собрание членов данной организации»;

3) собственные существительные, обозначающие столицы стран и государств, устойчиво обозначают «правительства этих стран» (*Бонн, Москва, Вашингтон, Претория* и т.п.).

Особенно прочной является связь с контекстом метонимии, при которой полное обозначение некоторой ситуации, опирающееся на предикат, сводится к компоненту предметного значения. Например: *Сердце не позволяет ему много работать. Что с тобой? – Зубы! Горло прошло?* Метонимия такого типа также не создает контекстуально независимого значения слова, например, не может сочетаться с прилагательными, обозначающими характер боли, и с процессуальными глаголами, характеризующими течение заболевания, например: *острое сердце* или *сердце обострилось* (см: [Арутюнова, 1990. С. 300]).

В некоторых контекстах лексическая метонимия является средством номинализации. Существительные с предметным значением в определенных контекстах используются в количественно-временном или ином обстоятельственном значении (причинном, уступительном, целевом). Например, в предложении *Он не смог пойти в кино из-за брата* конкретное существительное *брат* обозначает процесс, являясь его косвенной номинализацией. Процесс представлен метонимически – через актанта. Такую номинализацию принято именовать свернутой¹¹: в этом случае слово *брат* репрезентирует всю синтагму (субъект + действие). И поскольку предикативный компонент исходной фразы не переводится в трансформ, только контекст или ситуация позволяют восстановить его подлинный смысл

(«из-за болезни брата», «так как брат не разрешил»; «так как брат был маленький, и его не с кем было оставить дома» и т.д.).

Вторым типом метонимии, связанной с конситуативными ограничениями, является ситуативно обусловленная метонимия. Ситуативная (или идентифицирующая) метонимия часто используется при номинации объектов по индивидуальной внешней детали и призвана идентифицировать «целое» (лицо, предмет) через указание на характерную для него деталь: *Шуба гуляет, как я; и она называется Федор Иванович Буслаев* (А.Белый). Преимущественное употребление ситуативной метонимии для идентификации предмета речи связывает ее с синтаксической позицией подлежащего, дополнения, обращения (пример Н.Д.Арутюновой).

Метонимия «часть» – «целое» допускает обратную направленность («целое» – «часть») и используется как прием ситуативного обозначения детали объекта через указание на сам объект. К такому типу относится, например, обозначение головы или лица через указание на части: нос, рот, лоб, затылок, щеки и т.п. (*Лежа на диване, приподняв затылок подушкой; опустить нос, поднять глаза; повернуть подбородок*).

Ситуативно-обусловленным является метонимическое отношение «растение» – «часть растения», которая реализуется, с одной стороны, в лексикологических¹² вариантах «растение» – «плод этого растения»; «растение» – «цветок растения»; «дерево» – «древесина этого дерева», с другой стороны, в вариантах, сохраняющих дискурсивный характер: *замочить морковь перед посадкой* (семена); *морковь взошла* (первые побеги), *обработать морковь препаратом «Завязь»* (ботву); *надергать моркови* (корнеплод вместе с ботвой); *приготовить запеканку из моркови* (плод); *морковь изросла в погребе* (плоды). То же самое: *У нас сегодня на обед курица* (целая тушка или какая-либо ее часть).

Все перечисленные примеры показывают, что в ряде случаев следует говорить не об индивидуальном развитии семантики отдельного слова, а о «явной закономерности в развитии семантики определенных рядов слов, обладающих общими семантическими элементами» [Шмелев, 1982. С. 16].

Такого рода метонимия – явление не словарное, а семантико-синтаксическое или стилистическое.

То же самое относится и к ряду других метонимических обозначений. Метонимические пары, образующиеся по модели «химический элемент или минеральное вещество» – «лекарственные средства, содержащие данное вещество» на базе семантических дериватов (*йод, железо, витамин*), примыкают к группе заимствований и производных слов, образующих большинство слов данного класса (*аскорбинка, вакцина, допинг, зеленка, инсулин, ихтиол, йодоформ, касторка, кровезаменитель, ксероформ, марганцовка, новокаин, пенициллин, кокаин, поливитамины, хинин* и под.).

Не приобретением словами новых специальных значений, а подчинением их общей метонимической модели нужно объяснить употребление существительных *бронза, железо, золото, магнит, серебро, фольга, чугун / эмалировка, позолота никелировка* – в значении «общие названия изделий из сплавов и металлов»; *баккара, глина, керамика, opak, стекло, терракота, фарфор, фаянс, хрусталь, шамот, гипс / стеклярус, стекловолокно* – в значении «общее название изделий из стекла, керамики»; *атлас, ацетат, бархат, батист, бобрин, болонья, бостон, букле, бумага, бязь, вельвет, велюр, вискоза, габардин, гобелен, джерси, драп, капрон, кашемир, креп, кримплен, лавсан, лен, нейлон, поплин, репс, сатин, синтетика, ситец, тюль, фланель, хлопок, шерсть, шелк, шифон, штапель* – «различные ткани и шитьевые материалы» – в значении «общие названия изделий из таких материалов»; *береза, бук, дуб, ель, орех, сосна, кедр* в значении «древесина как материал для изделий»; *брус, дерево, лес / лесоматериалы, древесина* – в значении «общие обозначения древесных материалов»; *арбуз, артишок, баклажан, брюква, горох, гриб, дыня, кабачок, капуста, картофель, картошка, лук, морковь, огурец, патиссон, перец, помидор, ревень, редис, редиска, редька, репа, салат, свекла, соя, спаржа, томат, тыква, фасоль, чеснок, чечевица, шпинат, щавель* – в значении «кушанье из таких плодов».

Метонимическим перенесением названия, не связанным с изменением собственного лексического значения слов, являются переносы по

семантической формуле «содержащее – содержимое», которая объединяет в себе целый ряд более или менее самостоятельных и подводимых под отдельные «формулы» подтипов. Общая формула прежде всего реализуется в двух инвариантных подтипах «место – то, что там находится» и «время – то, что происходит в это время». Категория «места» включает в себя такие подкатегории, как «населенный пункт», «столица», «водный бассейн», «сторона света», «часть тела», предмет» и др. Категория «находиться» реализуется в конкретных вариантах: «располагаться», «локализоваться», «содержаться», «находиться», «быть содержанием», «осуществлять деятельность», «быть связанным с местом».

Регулярными подтипами данного типа перенесения наименования являются: «населенный пункт – жители населенного пункта»; «учреждение – сотрудники данного учреждения» – *адвокатура, администрация, аппарат, бухгалтерия, дирекция, кабинет, коллегия, милиция, министерство, полиция, правительство, правление, префектура, прокуратура, редколлегия, секретариат, суд, аванпост, генштаб, жандармерия, пост, секрет* «военный наблюдательный сторожевой пост; а также сторожевой патруль, выставляемый на скрытых подступах к заставе», *штаб, президиум, комиссия* и под.); «комната – мебель для комнаты» – *будуар, гостиная, детская, кабинет, кухня, спальня, столовая, буфет* «длинный стол или стойка с закусками или напитками для продажи их в открытом месте» и «специальное помещение», *бар* – «маленький ресторан, где обычно пьют и едят у стойки, а также сама такая стойка»; «водный бассейн» – «то, что там находится»: *море, река, озеро*; «сторона света» – «то, что там расположено»: *восток, запад, север, юг*; «часть тела» – «часть одежды на этой части тела» – *грудь, пояс, талия, локоть, коленка, спина, бедро*; «часть тела» – «физиологические органы, там локализованные» – *голова, горло*; «носитель сообщения» – «сообщение» – *бумага, холст, лента, книга*; «место» – «деятельность там осуществляемая» – *сцена, театр, цирк*; «место» – «связанное с местом событие» – *Бородино, Аустерлиц*; 7) «артефакт» – «то, для чего он является местонахождением» – *ящик, гардероб*.

Метонимические переносы по модели «содержащее – содержимое» могут характеризоваться различной степенью регулярности или индивидуализации. Наряду с такими значениями, которые основываются на продуктивных «метонимических формулах», существуют и такие метонимические по своей природе значения, которые устойчиво индивидуализированы, например: *бандероль* – «бумажная обертка» и «почтовое отправление в такой обертке»; *библиотека* – «учреждение, собирающее и хранящее книги» и «собрание книг»; *вьюк* – «упакованная поклажа» и «сумка для такой поклажи»; *жила* – «трещина в земной коре» и «горная порода в такой трещине»; аптечка – «набор лекарств для оказания первой помощи» и «шкафчик, коробка с таким набором»; *блюдо* – «большая тарелка» и «кушанье».

Дискурсивным развитием общей формулы «содержащее – содержимое» является, на наш взгляд, подтип «сосуд – количество вещества, входящего в сосуд».

Противоположной по направленности отношений является модель «мера длины/веса – измерительный инструмент этой длины/веса», носящая уже индивидуализированный характер: (*верста* – «мера длины» и «дорожный столб, отмечающий меру»; *аршин* – «мера длины» и «линейка, планка такой длины», а также *сантиметр, метр*).

Общая метонимическая формула «время – то, что происходит в это время» представлена следующими подтипами: «время – те, кто живут в это время» (*век*); «отрезок времени – события, происходящие в это время» (*вечер, осень*)» и модель с противоположной направленностью «событие, действие – время действия» (*обед, ужин*).

Подтипы «место – деятельность, там осуществляемая» («состояние/деятельность – место, ассоциируемое с этим состоянием/деятельностью») и «время – события, происходящие за это время» («событие/действие – время события/действия») граничат с областью актантной метонимии (см. параграф «Актантная метонимия в лексической системе русского языка») и реализуются главным образом дериватами с

формально выраженными отношениями производности (*ночевка, зимовка, гонки, жатва, покос, сев, уборочная*).

Из многочисленных видов метонимических переносов, опирающихся на определенную более или менее устойчивую семантическую «модель», следует выделить группу определительных метонимических отношений, а именно: «часть – целое» и «целое – часть», отношения принадлежности в широком смысле, отношения обладания, другие отношения.

Общая формула «целое» – «часть», как и в предыдущем случае, объединяет в себе целый ряд подтипов, характеризующихся различной степенью регулярности: «растение – часть растения»: «растение – цветок растения» (*камелия, акация, багульник, вереск, дрок, липа, мирт, черемуха, азалия, гортензия, жасмин, жимолость, камелия, магнолия, мимоза, олеандр, рододендрон, роза (=розан – «цветок розы» (устар.), сирень, фуксия, шиповник)*); «растение – плод растения» (*абрикос, арбуз, ананас, арахис, алыча, барбарис, айва, банан, вишня, грейпфрут, ежевика, брусника, калина, крушина, бузина, горох, груша, виноград, гранат, дыня, боб, голубика, греча, инжир, земляника, калина, черемуха, шиповник, орех и т.п.*).

Метонимическое значение «один плод из многих» также регулярно выражается деривационным способом, например: *бобок, брусничка, брюквина, виноградина, горошина, ежевичина, земляничина, картофелина (картошка), клубничина, клюквина, мандаринка, миндалина, морковка, помидорина (помидорка), тыквина, фасолина, черничина, чесночина*). По сравнению с последним, семантический способ выражения является более контекстно обусловленным и способным в зависимости от контекста передать любую количественную и качественную характеристику данного явления (*веточка сирени, букет сирени, ведро голубики, несколько ягодок голубики, горсть голубики, любить голубику, варить варенье из голубики, сорвать голубику*).

Отношения принадлежности выражаются регулярной формулой «животное – шкура или мех животного» (*выросток, барашек – «молодой баран» и «шкурка молодого барана», выдра, заяц, бурундук, енот, белка, горноста́й, барсук, выхухоль, волк, лиса, лисица, песец, сиводушка – «цветная*

лисица, выведенная путем скрещивания серебристо-черной и красной лисиц, а также ее мех»; *барс, гепард, кошка, леопард, рысь, калан, колонок, ласка, норка, росомаха, скунс, соболь, хорек, хорь, енот, медведь, лама, бобр кролик, ондатра, сурок, суслик, шиншилла, ехидна* и под. К данному ядру примыкают словообразовательные дериваты: *овчина*.

Метонимическая модель «животное – мясо животного как пища» имеет два центра: «мясо млекопитающих» выражается, как правило, словообразовательным способом: *баранина, бычати́на, верблю́жина, зайча́тина, козля́тина, конина, крольча́тина, лосина, лося́тина, медвежа́тина, оленина, порося́тина, свинина, теля́тина, тюленина, коша́тина, псина, собача́тина, челове́чена* и под. Семантические дериваты составляют незначительную часть (по данным РСС): *заяц, кролик, поросенок*. Это объясняется, вероятно, тем, что семантические дериваты, в отличие от словообразовательных, имеют значение «мясная тушка животного в целостном виде». Можно сказать: *У нас к обеду кролик*, но не говорят: *У нас к обеду конь** (можно *конина*); можно сказать: *На второе подали фаршированного поросенка*, но не принято говорить: *На второе подали лося** (можно *лосятина*).

Это положение подтверждается и тем, что модель «птицы / рыбы / моллюски / рептилии / раки – мясо птицы / рыбы и т.п.», как правило, выражается средствами семантической деривации и периферийно-словообразовательной деривации. Ср.: *гусь, индейка, индюшка, каплун, курица, утка, цыпленок, вальдинеп, глухарь, куропатка, рябчик; анчоус, белорыбица, белуга, бычок, вобла, горбуша, ери, жерех, залом, зубатка, иваси, камбала, карась, карп, кета, кефаль, килька, корюшка, ледяная, лец, линь, лосось, макрель, минога, минтай, мойва, муксун, навага, налим, нельма, окунь, омуль, осетр, пескарь, пикша, плотва, подлещик, путассу, ряпушка, сазан, сайра, салака, сардина, северяга, сельдь, селедка, семга, сиг, скумбрия, снеток, сом, ставрида, стерлядь, судак, таймень, тарань, толстолобик, треска, тунец, тюлька, угорь, форель, хариус, хек, чавыча, щука, язь, кальмар, краб, креветка, криль, лангуст, омар, рак, устрица / гусятина, индюшати́на, куря́тина, утя́тина, лососина, осетрина, северя́жина, сомя́тина, стерля́жина*. Как

правило, в пищу обычно готовится мясо целой птицы или рыбы, или нескольких более мелких животных. Поэтому принято говорить: *приготовить гуся (леща, треску)*, но *крабов (раков, кальмаров, устриц)*.

Отношения принадлежности выражаются также формулами: «звание» – «человек, носящий это звание»: *академик, барон, доктор, дож, президент, зав. кафедрой, декан, адмирал, камергер, ассессор, виконт, камер-юнкер, герцог, есаул, император, граф, генерал, архиепископ, ефрейтор*, и т.п.; «орган тела» – «заболевание этого органа»; «автор» – «произведение или высказывание этого автора»; «артист» – «специфическое для него действие, его деятельность»; «искусство» – «произведение искусства» – *иллюстрация, кино, фотография, живопись, архитектура*; «наука» – «предмет научного исследования»: *ботаника, история, право, грамматика, диагностика, акушерство*; «явление» – «наука, изучающая это явление»: *артиллерия, акустика, гигиена, виноградарство*.

Отношения обладания в сфере семантической деривации реализуются следующими формулами: «тембр голоса» – «название певцов по тембру голоса» (*альт, баритон, бас, дискант, контральто, контр-тенор, меццо-сопрано, сопрано, тенор*); «способность» – «человек, обладающий такой способностью»: *талант, гений*; «часть тела» – «способность к состоянию, определяемому его функционированием»: *глаза, ухо, голова*; «часть тела» – «выражение этой части тела»: *глаза, лицо, уши*.

Другой тип определительного отношения выражается формулой: «танец» – «музыка к нему»: *венгерка, гопак, болеро, кадрили, галоп, гавот, барыня, вальс*.

Как видно, все перечисленные модели представлены кругом слов, количество которых колеблется от нескольких единиц до нескольких десятков и более. Ко всем перечисленным группам слов, объединенных той или иной формулой семантического переноса, применяется термин «регулярность». Регулярной является многозначность, при которой «вторичное значение слова, входящего в определенный лексико-семантический ряд, предопределено общей семантической характеристикой всего данного ряда, т.е. первичными

значениями соответствующих лексических единиц: не требуется определения каждого отдельного члена данного ряда, как не требуется и их перечисления, так как достаточно общей семантической характеристики, применяемой ко всей группе слов в целом и выделяемой на основе главного семантического компонента (семантической темы)» [Шмелев, 1982. С. 16–17].

Когда речь идет о лексической многозначности, понятие регулярности не имеет вполне однозначного применения. Наряду с тем представлением, что регулярность – это последовательный охват определенной группы слов общей формулой семантического переноса [Шмелев, 1964. С. 64; 1973, С. 220 и др.], термин «регулярность» применяется к таким группам слов, в которых обнаруживаются однотипные значения, безотносительно к тому, охватывает ли соответствующая формула полностью данную группу или лишь частично [Апресян, 1974. С. 193 и др.]. Нет оснований видеть здесь различное понимание регулярности и уместнее говорить о различном применении обозначения «регулярность». Понятие регулярности тесно связано с понятием продуктивности. Многие типы метонимических переносов характеризуются как непродуктивные [Апресян, 1974. С. 201–202]. Как показывают другие исследования [Улуханов, 1996; Араева, 1994; Антипов, 2001; Акимова, 2002], лакуны в кодифицированных словарных источниках компенсируются весьма часто в различных разновидностях разговорной речи, а также в диалектах.

Существование в языке «метонимических формул» делает необходимым решение вопроса о целесообразных словарных толкованиях, даваемых обширным группам слов в связи с выделением для них самостоятельных метонимических по своей сущности значений. Например, каждое обозначение «населенного пункта» или «помещения» может быть использовано в значении «жители данного пункта» или «присутствующие в помещении люди». Можно заметить, что в толковых словарях современного русского языка соответствующие слова трактуются не вполне одинаково и не вполне последовательно: для некоторых из них возможность такого употребления служит основанием выделить отдельное значение (так, например, в семнадцатитомном словаре освещена семантика слова *город*); для других

аналогичное употребление рассматривается как «оттенок значения» (в четырехтомном академическом словаре в статье, посвященной слову *город*, отмечен оттенок «о жителях подобного населенного пункта»); для третьих возможность такого употребления вообще не отмечается (в «Толковом словаре русского языка» С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой о «жителях города» вообще ничего не говорится). Ни в одном словаре не обозначается употребление, например, слова *дом* в значении «жители дома», но выделяется значение «семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством», которое в сравнении с метонимическим значением «жители дома» является более специфицированным. Об этом свидетельствуют лексикализованные контексты употребления данного значения: *Принять кого-либо в свой дом. Дома Левиных и Щербацких были старые дворянские московские дома и всегда были между собою в близких и дружеских отношениях* (Л.Толстой «Анна Каренина»). *После объяснения Олега с матерью ничто уже не противостояло его деятельности: весь дом был вовлечен в нее, родные были его помощниками* (А.Фадеев «Молодая гвардия»).

Особенности лексикографической фиксации приведенных и им подобных слов могут быть обусловлены несколькими факторами. Диффузность комплексных метонимических значений сама по себе является причиной возможных противоречий: слово *город* и подобные ему обозначают «населенный пункт», т.е. элемент «жители» потенциально присутствует в их семантике. В таких примерах, как *Весь город вышел на улицы*, именно он становится основой значения, что и обуславливает возможность выделения отдельного значения. Но в других контекстах его действительно нельзя считать значимым, ср.: *Археологи откопали древний город* [Шмелев, 1982. С. 18].

Если исходить из того, что словарь призван фиксировать только те значения, которые лексически закрепляются за словом, можно предположить, что лексикографическую фиксацию получили слова, которые по сравнению с другими словами того же класса (опирающиеся на определенную метонимическую формулу) обладают какой-либо спецификацией. Данная спецификация может носить функциональный характер и быть связана с

фактором частотности. Частотность является индивидуальной функциональной характеристикой слова, и словарная фиксация слова с учетом данного фактора становится действительно уже лексикологической проблемой.

Спецификация может иметь семантический характер. В этом случае слово, как правило, характеризуется идиоматичностью и особым лексикализованным контекстом (например, *дом₂*, *аудитория₂*), в отличие от типового контекста употребления слова по «метонимическому правилу».

Данное положение подтверждается и тем, что в словарях находят последовательное отражение все слова, метонимические значения которых носят индивидуальный характер (*бандероль*, *библиотека*, *вьюк*, *жила*, *блюдо* и под.).

4.7. Актантная метонимия в лексической системе русского языка

Основой метонимии могут служить пространственные, событийные, логические отношения между различными предметами, лицами, действиями, процессами, явлениями, социальными институтами и событиями, местом, временем и т.п. В качестве инструмента для изучения перечисленных видов отношений в лингвистике давно используется понятие «пропозиция». Структура пропозиции определяется предикатом, актантами и сирконстантами. Метонимические отношения, базирующиеся на внутривопозициональных связях между предикатом и его аргументами (актантами и сирконстантами), мы называем актантной метонимией. Актантные метонимические отношения обладают высокой регулярностью и типизируемостью. Они представлены в пределах словообразовательных моделей [РГ-80. С. 183–200; Моисеев, 1987. С. 153–161] и семантических типов многозначных слов [Апресян, 1974. С. 193–200].

Цель данного параграфа – сопоставительное описание системных метонимических отношений актантного типа, выраженных семантическими и словообразовательными дериватами.

Метонимические отношения устанавливаются между значениями различной степени абстракции. Поскольку базовой сферой актантной метонимии является область словообразовательной деривации, за основу классификации типов метонимических отношений мы берем уровни обобщения, принятые при выделении видов словообразовательного значения: грамматический (частеречный), собственно словообразовательный и лексический, последний представлен двумя подтипами: лексико-типологический и индивидуально-лексический (Е.С.Кубрякова, М.Н.Янценецкая).

В транспозиционных словообразовательных типах (СТ) уровень абстракции метонимических отношений достигает частеречных категориальных признаков, например: «действие» – «субстанция» (*белить* – *побелка*); «признак» – «субстанция» (*белый* – *белизна*); «признак» – «действие» (*белый* – *белить*; *белый* – *белеть*); «действие» – «признак» (*белить* – *белильный*).

В мутационных СТ метонимические отношения представлены тремя разновидностями: агентивными, обстоятельственно-агентивными и определительными отношениями [Голев, 1985. С. 33–34], например:

агентивные отношения: «субъект – действие» (*доктор* – *докторствовать*; *друг* – *дружить*); «объект – действие» (*доклад* – *докладывать*); «объект – субъект» (*бизнес* – *бизнесмен*; *пирог* – *пирожница* («тот, кто продает пироги»); *скрипка* – *скрипач*; *домра* – *домрист*) (каждое из отношений может иметь обратную направленность);

обстоятельственные отношения: «способ действия – действие» (*пружина* – *пружинить*); «способ действия – субъект» (*брас* – *брассист*); «место – субъект» (*дом* – *домовой*); «время – действие» (*вечер* – *вечереть* (*вечерять*); *зима* – *зимовать*); «цель – объект» (*визит* – *визитка*; *дорога* – *подорожник*);

определительные отношения: обладания (*нос* – *носач*); принадлежности (*свинья* – *свинина*); «часть – целое» (*лиственный* – *лиственница*); «целое – часть» (*лук* – *луковица*; *стол* – *столешница*); «материал – изделие из

материала» (*хлопок – хлопчатобумажный*); генетические отношения (*Дальтон – дальтоник; Дарвин – дарвинизм; Кюри – кюри*).

Для определения моделей метонимических отношений, представленных в структурах многозначных слов, и соотнесенности их с метонимическими моделями, выявленными в области словообразовательной деривации, было рассмотрено 1283 многозначных существительных, отобранных путем сплошной выборки из некоторой части словаря С.И. Ожегова [1987. С. 17–215]. Многозначные существительные с метонимическими отношениями между ЛСВ составили 361 единицу, т.е. 28% от общего количества отобранных слов.

Семантическая структура многозначного слова, отражающая метонимические отношения между ее ЛСВ, может формироваться в результате различных процессов. Мы выявили три типа полисемантов, образованных в результате: 1) семантической деривации (например, *золото₁* – «драгоценный металл» и *золото₂* – «монеты или изделия из этого металла»; 2) словообразовательной деривации (например, ЛСВ₁₋₂ многозначного слова *бомбардировщик₁* – «бомбардировочный самолет» и *бомбардировщик₂* – «летчик бомбардировочной авиации» – реализации одной и той же словообразовательной модели); 3) семантической и словообразовательной деривации (например, в паре *замена₁* («действие» (*замена старых кадров*)) и *замена₂* («лицо» (*подыскивать себе замену*)) ЛСВ₂ – семантический дериват от ЛСВ₁ и словообразовательный дериват от глагола *заменить*).

Далее мы представим фрагмент лексического поля метонимии, отражающий актантные отношения. Сопоставительный анализ показал, что по количеству слов центральную часть этого участка поля занимают словообразовательные дериваты. К ним по аналогии примыкают пары многозначных производных слов, полисемия которых является результатом словообразовательной и семантической деривации. Например: *ассигнование* (*денег на спорт – значительные ассигнования*) – метонимическая модель (МТМ) «действие» – «объект действия»; *воспитание* (*ребенка – культурное воспитание*) – МТМ «действие» – «результат действия»; *выкуп* (*невесты – за невесту*) – МТМ «действие» – «средство действия»; *банальность* (*слов –*

говорить банальности) – МТМ «свойство» – «субъект свойства»; *водопой (скота – место водопоя)* – МТМ «действие» – «место действия»; *вальцовка (железа – сломалась)* – МТМ «действие» – «инструмент действия»; *группировка (людей по возрасту – криминальная)* – МТМ «действие» – «субъект действия» и т.п. Поскольку выражение действия и свойства является первичной функцией глагольных и адъективных лексем, модели, в которых данные значения выражены существительными, являются вторичными.

Наименьшую по количеству группу составляют многозначные слова, семантическая структура которых является результатом семантической деривации. Многозначные слова, у которых значения свойства или действия первичные, включаются в поле актантной метонимии в зоне его периферии. Например: «объект действия» – «действие»: *жертва (принести в жертву – оказаться жертвой)*; «состояние» – «каузация состояния»: *гипноз (в состоянии гипноза – лечить гипнозом)*; *анестезия (находиться в состоянии анестезии – местная анестезия)*; «действие» – «средство действия»: *домино (играть в домино – рассыпать домино)* и т.п.

Отношения актантной метонимии устанавливаются также между ЛСВ многозначного производного слова, образованного в результате повторной реализации словообразовательной модели на базе одного производящего слова. Количество значений производного полисеманта определяется словообразовательной системой – семантическим потенциалом словообразовательного типа, который создается путем взаимодействия потенциала мотивирующей базы типа (проявляющейся в нем в виде типов и принципов номинации) и деривационного потенциала словообразовательной модели [Янценецкая, 1979; Араева, 1994].

По нашим наблюдениям, метонимические отношения устанавливаются не только между производящими и производными словами внутри словообразовательного типа, но и между производными словами одного словообразовательного ряда. Значение многозначного производного слова, представленное совокупностью пропозиций, образует особую структуру, аналогичную фрейму [Шкуропацкая, 2000]. Отличительной особенностью

фрейма является «сценарное» представление пропозиций как описание последовательности событий. Все пропозиции находятся в отношениях включения и координации по отношению к фрейму. Например, во фрейме «готовить блины» в словообразовательном типе «С + -ница» можно выделить такие пропозиции, как «разводить тесто», «наливать тесто на сковороду», «складывать готовые блины», «приготовлять из них какое-либо блюдо», «употреблять в пищу». Основой фрейма является пространственно-временная соотнесенность (метонимическая последовательность) действий, связанных с приготовлением и использованием одного и того же предмета. С учетом категориального компонента словообразовательной семантики, равного семантической теме, к которой принадлежит производное значение, тот же самый фрейм представлен в словообразовательном типе совокупностью актантных значений, а именно: «субъект», «объект», «средство», «место» и т.п. Например, одно из самых многозначных в словообразовательном типе «С + -ница» слово *блинница* объединяет следующие значения (по данным толковых, диалектных словарей и диалектологических записей), находящиеся в метонимических отношениях: «горшок для приготовления теста для блинов», «маленькая кадочка, в которой разводят тесто для блинов», «мелкая поварешка, которой наливают тесто в сковородку, когда пекут блины», «поднос для готовых блинов», «мастерица готовить определенный вид пищи», «пирог из ячменных блинов».

Подобного рода метонимические отношения реализуются в рядах слов: *грейдер* («машина» и «дорога») – МТМ «средство действия» – «результат действия»; *дегазатор* («аппарат для дегазации» и «лицо, производящее дегазацию») – МТМ «средство действия» – «субъект действия»; *зерносушилка* («помещение» и «оборудование») – МТМ «место действия» – «средство действия»; *дошкольник* («ребенок дошкольного возраста» и «педагог, занимающийся с детьми дошкольного возраста») – объектно-субъектное отношение; *гололед* («слой льда на поверхности земли» и «состояние погоды при образовании такого слоя льда») – МТМ «место действия» – «время действия»; *жнивье* («хлебное поле, готовое к жатве» и «солома, оставшаяся на

корню после жатвы») – МТМ «место действия» – «результат действия»; *застолье* («праздничный стол» и «люди, сидящие за праздничным столом») – МТМ «место – субъект действия».

На периферии поля метонимические отношения выражаются семантическими дериватами. Например: *артиллерия* («подразделение из нескольких орудий» и «позиция, которую занимает такое подразделение») – МТМ «объект» – «место»; *казна* («государственное имущество, денежные и иные средства» и «государство как владелец этих средств») – МТМ «объект» – «субъект обладания»; *калька* («прозрачная бумага или ткань для снятия копии с чертежей и рисунков» и «копия чертежа, рисунка на такой бумаге») – МТМ «материал» – «результат действия»; *аноним* («автор, скрывший свое имя» и «сочинение без указания имени автора») – МТМ «субъект» – «результат»; *грязи* («озерный или лиманный ил как лечебное средство» и «место, где им лечатся») – МТМ «средство» – «место действия».

О периферийности семантических дериватов свидетельствуют их малочисленность и синкретизм значения, проявляющийся в таких, например, моделях: «процесс» – «объект» («количество предмета, возникающего в результате действия»): *выигрыш, выработка, выручка, добыча* и т.п.; «процесс» – «результат» («объект»): *сооружение, создание, сочинение, наклейка, наклепка* и т.п.; «процесс» – «результат» («место»): *перелом (лечить перелом – повязка на переломе)*.

Если семантические и словообразовательные дериваты выражают тождественные метонимические значения, они вступают в квазисинонимические отношения. При этом семантические дериваты обозначают более конкретные явления по сравнению со словообразовательными дериватами. Например, существительные типа *гитара₂* («музыкант»), в отличие от дериватов с выраженной производностью типа *гитарист*, обозначают лишь профессионала, причем члена музыкально-инструментального коллектива, исполняющего те части музыкального произведения, которые предназначены для *гитары₁*, а *гитаристом* может быть назван и профессионал, и непрофессионал.

Итак, в лексической системе русского языка метонимические отношения устанавливаются между дериватами различных типов. По количественному критерию ядерное положение занимают словообразовательные дериваты. Актантные метонимические отношения является продуктом реализации регулярных и продуктивных моделей словообразования. По сравнению со словообразовательными дериватами полисеманты, выражающие те же типы актантных отношений между первичными и вторичными ЛСВ, малочисленны. Данные отношения часто выражаются структурами полисемантов, которые порождены в результате словообразовательных процессов. Об их периферийном положении свидетельствует также присущий им синкретизм значения.

Лексическое поле метонимии, выраженной словообразовательными и семантическими дериватами, имеет ономаσιологическую и семасиологическую характеристики. Первая демонстрируется организацией поля по принципу: метонимическая модель (ономаσιологическая схема) – средства ее выражения. В центре поля метонимии находятся дериваты, образованные по регулярным словообразовательным моделям. Они образуют область семантического тождества поля. Область варьирования (периферию) образуют семантические дериваты, не выражающие метонимического отношения в «чистом виде» (без примесей иных значений, идиоматичности), однако соотносящиеся с ядром в том или ином отношении.

Ономаσιологическая картина поля в известной мере статична. Динамические свойства структуры данного поля обнаруживаются при семасиологическом подходе. Он позволяет увидеть, в каком отношении дифференцируются дериваты, образованные различными способами, но имеющие аналогичное содержание. Например, при выражении однотипных метонимических отношений словообразовательные и семантические дериваты вступают в квазисинонимические отношения. При этом в отличие от словообразовательных дериватов семантические дериваты характеризуются семантической и/или функциональной специализацией.

Метонимические отношения, выраженные семантическими дериватами, связаны главным образом с определительными отношениями, которые раскрывают онтологические свойства явлений: принадлежность, обладание, содержание, целое и его часть. Отличительной особенностью моделирования данных метонимических отношений является то, что они реализуются в рамках конечного списка слов, относящихся к определенной лексико-семантической (тематической) категории. Уровень категоризации, по сравнению со словообразовательной метонимией, является здесь более конкретным. Крайнее положение в этом ряду занимают семантические дериваты, образующие уникальные метонимические пары. Вместе с тем системная роль этой метонимии заключается в том, что в сферу ее влияния вовлекается производные слова, обладающие данными семантическими характеристиками (с общей тематической семьей). При этом их словообразовательная структура становится неактуальной.

Семантические дериваты в отличие от морфологических дериватов сохраняют образность мотивационного значения, накладывающую отпечаток на выражение метонимических отношений. Это проявляется в почти не исчезающем выражении конкретной вещественности и связанной с ней экспрессии, особенно в семантике конкретных слов, которые изначально обладают большим образным потенциалом.

Благодаря сохранению конкретной вещественности, метонимические отношения, подпадающие под определенную общую модель, характеризуются большим качественным разнообразием подтипов, вплоть до единичных случаев (*абзац*₁₋₂ «отступ в начале строки» и «текст между двумя такими отступами» – «пространственное соположение предметов в тексте»; *альбом*₁₋₂ «тетрадь в переплете для стихов, рисунков» и «собрание рисунков, репродукций в виде книги»; *аноним*₁₋₂ «автор, скрывавший свое имя» и «сочинение без указания имени автора».

Сохранение вещественной конкретности у семантических дериватов способствует реализации или приобретению ими образной функции в тексте

(словарных дефинициях образность представляет собой скрытый компонент значения, который реализуется при употреблении слова в контексте).

Выводы

Основным итогом данной главы является подтверждение гипотезы о функциональном различии семантической и формально-семантической (словообразовательной) форм деривации, которое заключается в их ориентации на образование двух различных семантико-функциональных единиц – спецификаций и деривационных слов. Другой стороной этих отношений является взаимообмен качествами, приводящий к возникновению внутренней дифференциации данных деривационных областей лексики и к сосуществованию, наряду с поляризующимися в семантико-функциональном отношении ядерными деривационными формами, достаточно обширной периферийной области, единицы которой, соотносясь в том или ином отношении с дистанцирующимися ядерными участками деривационных полей, образуют своего рода «переходные мостики» между ними.

Рассмотрение механизмов семантической и словообразовательной деривации в мотивационном и деривационном аспектах позволило построить градационную шкалу, на которой полярные позиции по признаку глубины семантического преобразования значения мотиватора и по характеру инновационного содержания в деривате занимают транспозиционное словообразование и метафорическая семантическая деривация. Между полярными областями располагаются такие деривационные формы, как усечение и аббревиация, модификационное и мутационное словообразование, метонимическая и гипогиперонимическая семантическая деривация, метафорическое словообразование.

Анализ семантической деривации, выполненный на материале различных семиологических классов, выделяемых по характеру лексического значения, показал, что каждому классу присущи свои особенности семантической деривации. Это является свидетельством того, что семантическая деривация затрагивает глубинные слои лексической семантики

слова. Изучение словообразовательной деривации существительных тех же семиологических классов не привело к обнаружению каких-то специфических особенностей, что, на наш взгляд, свидетельствует о том, что эта форма деривации не затрагивает аспекты лексического значения, по которым выделяются данные группировки слов, и в известном смысле является надлексичной.

Анализ деривационных отношений в логическом аспекте также свидетельствует о том, что семантические и словообразовательные дериваты представляют собой пересекающиеся и вместе с тем поляризующиеся классы слов. И те и другие образуют оппозиции привативного и эквиполентного типа. Однако данные деривационные формы коррелируют только на уровне общего логического основания, при этом конкретная семантическая наполненность этих оппозиций является различной. Наличие логических отношений привативного и эквиполентного типа между словами, связанными отношениями словообразовательной деривации, свидетельствуют о большой семантической близости деривационных форм слова в границах одного деривационного слова. Их различие заключается в одном дифференциальном признаке, формой выражения которого является словообразовательная морфема. Наличие логических отношений эквиполентного и дизъюнктивного типа между семантическими дериватами, напротив, свидетельствует об их стремлении к семантическому размежеванию и внеположенности (в случае омонимии). Область мутационного словообразования трудно поддается анализу на логических основаниях, так как носит синтагматически ориентированный характер и опирается на соотносительность слов, образующих пропозициональное единство.

Выводы, полученные при логическом анализе, соотносятся с результатами анализа различных форм деривационно связанных слов по их соотнесенности с основными разновидностями системных отношений в лексике. Отношения парадигматического и синтагматического типа свойственны обеим формам лексической деривации, однако представлены здесь в разных пропорциях.

Семантическая деривация в основных своих качественных и количественных проявлениях ориентирована на выражение парадигматических отношений, базирующихся на двоякого рода связях: 1) между членами одной лексико-семантической парадигмы (гиперогипонимическая семантическая деривация) и 2) между членами разных парадигм (метафорическая деривация).

Формально-семантические дериваты ориентированы на выражение таких разновидностей синтагматических отношений между словами, как межкатегориальная метонимия (транспозиционное словообразование) и актантная метонимия (мутационное словообразование).

Область модификационного словообразования, ориентированная на выражение парадигматических отношений, внутренне дифференцируется. Часть модификатов сближается с членами грамматических оппозиций, носящими эквиполентный и привативный характер. Отличия между ними заключаются в меньшей степени категоризации модификационных форм, по сравнению с грамматическими. Другая часть модификатов, базирующаяся на отношениях подобия между деривационно связанными словами, граничит с семантическими дериватами и отличается от них большей семантической близостью с исходными значениями.

Специальное исследование метонимических отношений в лексической системе показало, что эти отношения также носят полевой характер. Актантная метонимия является продуктом реализации регулярных и продуктивных словообразовательных моделей, и словообразовательные дериваты занимают в структуре метонимического поля ядерную позицию. Периферия поля формируется за счет метонимических оппозиций, представленных семантическими дериватами, которые в отличие от словообразовательных дериватов сохраняют образность мотивационного значения, проявляющуюся в почти неисчезающем выражении конкретной вещественности и связанной с ней экспрессии, что способствует приобретению и реализации ими образной функции в тексте.

Заключение

В РАБОТЕ ПРЕДПРИНЯТА ПОПЫТКА ОПИСАНИЯ В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ ДЕРИВАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ СЛОВ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ). МЫ ИСХОДИЛИ ИЗ ТОГО ПРИНЦИПИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ, ЧТО ЯЗЫК ЯВЛЯЕТСЯ ПОДВИЖНЫМ, ДИНАМИЧНЫМ ОБЪЕКТОМ, А ЯЗЫКОВАЯ ДЕРИВАЦИЯ – ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ СУЩНОСТЬЮ. ОТНОШЕНИЯ ДВУХ СТОРОН ДЕРИВАЦИИ – ПРОЦЕССОВ И ОТНОШЕНИЙ – БАЗИРУЮТСЯ НА ОБЪЕКТИВНО СУЩЕСТВУЮЩЕЙ МЕЖДУ НИМИ СВЯЗИ. ДЕРИВАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ, БУДУЧИ СЛЕДСТВИЕМ ДЕРИВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ, СОХРАНЯЮТ СВОЮ ПРОЦЕССУАЛЬНУЮ ПРИРОДУ И ПРИ ВОСПРИЯТИИ ТЕКСТА КАК БЫ ЗАНОВО ПРОИЗВОДЯТСЯ НОСИТЕЛЯМИ ЯЗЫКА. ТАКИМ ОБРАЗОМ, СИСТЕМА ДЕРИВАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ ЯВЛЯЕТСЯ ДИНАМИЧЕСКОЙ СИСТЕМОЙ, Т.Е. СИСТЕМОЙ ОБРАЗУЕМЫХ ЕДИНИЦ.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД, ОБЛАДАЮЩИЙ ЗНАЧИТЕЛЬНЫМИ ОБОБЩАЮЩИМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ, ПОЗВОЛЯЕТ ИЗУЧАТЬ ДЕРИВАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВОКУПНОСТИ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ ОППОЗИЦИЙ, ПЕРВЫЕ ИЗ КОТОРЫХ ПОМОГАЮТ ОПРЕДЕЛИТЬ СТАТУС ДЕРИВАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ СРЕДИ ДРУГИХ «ИЗМЕРЕНИЙ» ЛЕКСИКИ, А ВТОРЫЕ – ВЫЯВИТЬ И ОПИСАТЬ ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ САМОЙ ОБЛАСТИ ДЕРИВАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ СФЕРЫ.

**В КАЧЕСТВЕ ВНЕШНЕЙ В РАБОТЕ РАССМАТРИВАЕТСЯ
ОППОЗИЦИЯ**

ДЕРИВАЦИОННЫХ/ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ/СИНТАГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЛЕКСИКЕ. МЫ ПОЛАГАЕМ, ЧТО ЭПИДИГМАТИКА НЕ ОБРАЗУЕТ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ «ОСИ» СИСТЕМНОСТИ В ЛЕКСИКЕ, КОТОРАЯ ВЫДЕЛЯЛАСЬ БЫ НА ЕДИНЫХ ОСНОВАНИЯХ НАРЯДУ С ПАРАДИГМАТИКОЙ И СИНТАГМАТИКОЙ. СПЕЦИФИКА СИСТЕМООБРАЗУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ЭПИДИГМАТИКИ ОБНАРУЖИВАЕТСЯ В ЕДИНСТВЕ С ДЕРИВАЦИОННОЙ ФУНКЦИЕЙ, ЗАКЛЮЧАЮЩЕЙСЯ В АКТИВНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ФОРМАЛЬНЫХ СУППОЗИЦИЙ В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ/ВЫБОРА ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ В ТЕКСТЕ. ДЕРИВАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ ЭПИДИГМАТОВ ОПРЕДЕЛЯЕТ ИХ СПЕЦИФИКУ СРЕДИ ДРУГИХ ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ОНИ ОБРАЗУЮТ СМЫСЛОВЫЕ ПАРАДИГМЫ МОТИВАЦИОННО СВЯЗАННЫХ СЛОВ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ ОПРЕДЕМЧЕННЫЕ ДЕРИВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ. ДАННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СВОЮ ОЧЕРЕДЬ ЯВЛЯЮТСЯ ОДНИМ ИЗ ГЛАВНЫХ ФАКТОРОВ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ РЕАЛИЗАЦИЮ ДЕРИВАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ СЛОВА В ТЕКСТЕ.

В ЧИСЛЕ ВНУТРЕННИХ ОППОЗИЦИЙ В РАБОТЕ РАССМАТРИВАЮТСЯ ОППОЗИЦИИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К СФЕРЕ ДЕРИВАЦИОННОЙ ПАРАДИГМАТИКИ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДЕРИВАТЫ/ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДЕРИВАТЫ; ДЕРИВАТЫ С ФОРМАЛЬНО ВЫРАЖЕННЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ МОТИВАЦИИ/СУППЛЕТИВНЫЕ ДЕРИВАТЫ; ДЕРИВАТЫ С СИММЕТРИЧНЫМИ ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИМИ ОТНОШЕНИЯМИ/ДЕРИВАТЫ С АСИММЕТРИЧНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ; ОППОЗИЦИИ МЕЖДУ ОДНОКОРНЕВЫМИ ДЕРИВАТАМИ, ВОЗНИКАЮЩИМИ В ГРАНИЦАХ ДЕРИВАЦИОННОГО СЛОВА И ДЕРИВАЦИОННОГО ГНЕЗДА: ОДНОКОРНЕВЫЕ ВАРИАНТЫ/СИНОНИМЫ/ПАРОНИМЫ/ОМОНИМЫ (В ДЕРИВАЦИОННОМ АСПЕКТЕ); ОППОЗИЦИИ ДИВЕРГЕНТНЫХ И КОНВЕРГЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РАМКАХ ДЕРИВАЦИОННОГО ГНЕЗДА; ОППОЗИЦИИ СИММЕТРИЧНЫХ, АСИММЕТРИЧНЫХ И СМЕШАННЫХ СМЫСЛОВЫХ СТРУКТУР ДЕРИВАЦИОННЫХ СЛОВ; ОППОЗИЦИИ ДЕРИВАТОВ, ОБРАЗУЕМЫХ НА ЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ (ЭКВИВАЛЕНТНЫЕ/ПРИВАТИВНЫЕ/ЭКВИПОЛЕНТНЫЕ/ДИЗЬЮНКТИВНЫЕ; С ОТНОШЕНИЯМИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ И ВКЛЮЧЕНИЯ).

БОЛЕЕ ПОДРОБНО И С РАЗНЫХ СТОРОН В РАБОТЕ ХАРАКТЕРИЗУЕТСЯ ОППОЗИЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ И ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ (СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ) ДЕРИВАЦИИ, КОТОРАЯ СРЕДИ ПРОЧИХ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ ОППОЗИЦИЙ ЯВЛЯЕТСЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЙ ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ.

КЛЮЧЕВЫМИ ПОНЯТИЯМИ ДЛЯ ВСЕЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ЕЕ ДЕРИВАЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ ЯВЛЯЮТСЯ ПОНЯТИЯ СПЕЦИФИКАЦИИ И ДЕРИВАЦИОННОГО СЛОВА, ОБРАЗУЮЩИЕ ОППОЗИЦИЮ ГЛУБИННОГО УРОВНЯ И ЯВЛЯЮЩИЕСЯ ТЕМИ СТЕРЖНЯМИ, НА КОТОРЫЕ НАНИЗЫВАЮТСЯ ВСЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ДАННОЙ ПОДСИСТЕМЫ. В АСПЕКТЕ ЕЕ РАЗВИТИЯ ПОНЯТИЕ «СПЕЦИФИКАЦИЯ» ФИКСИРУЕТ ПРИЗНАК НЕОБРАТИМЫХ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ СИСТЕМЫ. СПЕЦИФИКАЦИЯ ПРЕДПОЛАГАЕТ НЕ ПРОСТО САМОРАСКРЫТИЕ ОБЪЕКТА, АКТУАЛИЗАЦИЮ УЖЕ ЗАЛОЖЕННЫХ В НЕМ ПОТЕНЦИЙ, А ДОСТАТОЧНО СУЩЕСТВЕННОЕ ИЗМЕНЕНИЕ В СТРОЕНИИ ОБЪЕКТА И ФОРМАХ ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ. ЗДЕСЬ ОБЪЕКТ ОКАЗЫВАЕТСЯ ВЫНУЖДЕННЫМ ВЫЙТИ НА ИНОЙ УРОВЕНЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ, ПРЕЖДЕ НЕДОСТУПНЫЙ ИЛИ НЕВОЗМОЖНЫЙ ДЛЯ НЕГО, А УСЛОВИЕМ ТАКОГО ВЫХОДА ЯВЛЯЕТСЯ ИЗМЕНЕНИЕ ЕГО ОРГАНИЗАЦИИ. СПЕЦИФИКАЦИЯ В ОБЛАСТИ ЭПИДИГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ СВЯЗАНА С ПОЯВЛЕНИЕМ В РАСШИРЯЮЩЕМСЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЛОВА ДИСКРЕТНЫХ, ВОСПРОИЗВОДИМЫХ КАК ЦЕЛОСТНОСТЬ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ.

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ МОЖЕТ БЫТЬ ОПИСАНО КАК СМЕНА СОСТОЯНИЙ ОДНОГО И ТОГО ЖЕ РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ ОБЪЕКТА. С ЧИСТО ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЕСТЬ ДВИЖЕНИЕ В СОСТОЯНИЯХ ОДНОГО И ТОГО ЖЕ УРОВНЯ, СВЯЗАННОЕ ЛИШЬ С ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕМ ЭЛЕМЕНТОВ, ФУНКЦИЙ И СВЯЗЕЙ В ОБЪЕКТЕ. СПРАВЕДЛИВО ПОЭТОМУ ПОДЧЕРКНУТЬ, ЧТО РАЗВИТИЕМ ЯВЛЯЕТСЯ ТАКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ СОСТОЯНИЙ, КОТОРОЕ ПРОИСХОДИТ ПРИ УСЛОВИИ СОХРАНЕНИЯ ИХ ОСНОВЫ, Т.Е. НЕКОТОРОГО ИСХОДНОГО СОСТОЯНИЯ. ПОНЯТИЕ ТОЖДЕСТВА СЛОВА ПОКОИТСЯ НА ПОНИМАНИИ ЕГО СЕМАНТИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА В МНОГООБРАЗИИ МЫСЛИМЫХ ВИДОИЗМЕНЕНИЙ. В ЭТОМ ШИРОКОМ МНОГООБРАЗИИ ФОРМ СТРУКТУРА, ОБОЗНАЧАЕМАЯ НАМИ КАК ДЕРИВАЦИОННОЕ СЛОВО, ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО ДЕРИВАЦИОННЫХ ФОРМ, СПОСОБНЫХ К ДЕРИВАЦИОННОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ В ПРЕДЕЛАХ ОДНОГО СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА. В НЕМ СЛОВА ЯВЛЯЮТСЯ ЕСТЕСТВЕННЫМ ДЕРИВАЦИОННЫМ ИСТОЧНИКОМ ИЛИ ПРОДОЛЖЕНИЕМ ДРУГ ДРУГА. ТАКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ В ПРЕДЕЛАХ ТОЖДЕСТВЕННОЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКАЦИИ. ДС, ЯВЛЯЯСЬ ЕДИНИЦЕЙ, БЛИЗКОЙ ПО СТАТУСУ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ, ПРИНЦИПИАЛЬНО ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ОБЫЧНОГО СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА СЛОВ, ОЛИЦЕТВОРЯЮЩЕГО В ДАННОМ СЛУЧАЕ ДИАХРОННО-ГЕНЕТИЧЕСКУЮ МОДЕЛЬ ДЕРИВАЦИИ СЛОВА. И СПЕЦИФИКАЦИЯ, И ДЕРИВАЦИОННЫЕ СЛОВА ЗАКЛЮЧАЮТ В СЕБЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ МЕХАНИЗМ ИХ САМОДВИЖЕНИЯ И РАЗВИТИЯ. СПЕЦИФИКАЦИЯ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, ЯВЛЯЯСЬ ИНСТРУМЕНТОМ ВЫДЕЛЕНИЯ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЛОВА ДИСКРЕТНЫХ, ИНДИВИДУАЛЬНО-НЕПОВТОРИМЫХ КАЧЕСТВ, С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, НЕСЕТ В СЕБЕ ПОТЕНЦИИ СВОЕГО ДАЛЬНЕЙШЕГО ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ, ПРИВОДЯЩЕГО К ОБРАЗОВАНИЮ ДЕРИВАЦИОННОГО СЛОВА. ТАКИМ ОБРАЗОМ, ВСТУПАЯ В ПРОТИВОРЕЧИЕ С НЕПРЕРЫВНОСТЬЮ ОБЩЕГО ДЕРИВАЦИОННО-МОТИВАЦИОННОГО ПОТОКА, СПЕЦИФИКАЦИЯ В ДРУГОМ СВОЕМ ФУНКЦИОНАЛЬНОМ ПРОЯВЛЕНИИ ПОДДЕРЖИВАЕТ ЕГО. ДЕРИВАЦИОННОЕ СЛОВО, ОБЛАДАЯ СВОЙСТВОМ РЕГУЛЯРНОСТИ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, СДЕРЖИВАЕТ ДИВЕРГЕНТНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СЕМАНТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ СЛОВА, СВЯЗАННЫЕ С ПРОЯВЛЕНИЕМ МЕХАНИЗМА СПЕЦИФИКАЦИИ. С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, ОСТАВАЯСЬ РАВНЫМ САМОМУ СЕБЕ, ОНО НЕ МОЖЕТ НЕ ПЕРЕЙТИ В СТАДИЮ ДИСГАРМОНИИ И КОНФЛИКТА СО СВОЕЙ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬЮ – СПЕЦИФИКАЦИЕЙ (ЛЕКСИЧЕСКИМ

ЗНАЧЕНИЕМ), ПОСТОЯННО ИСПЫТЫВАЮЩЕЙ ВЛИЯНИЕ СО СТОРОНЫ ВНУТРИ- И ВНЕСИСТЕМНЫХ ФАКТОРОВ И НАХОДЯЩЕЙСЯ С ДАННОЙ СРЕДОЙ ВО ВЗАИМООБМЕНЕ ЭНЕРГИЕЙ, ИНФОРМАЦИЕЙ И ВЕЩЕСТВОМ. ЭТО В КОНЕЧНОМ ИТОГЕ ПРИВОДИТ К РАЗРЕШЕНИЮ ПРОТИВОРЕЧИЯ ПУТЕМ ПОЯВЛЕНИЯ НОВОГО СЕМАНТИЧЕСКОГО КАЧЕСТВАМИ, ОБЛЕКАЮЩЕГОСЯ В НОВЫЕ ДЕРИВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ. ПРОИЗВОДНОЕ СЛОВО, ОБЛАДАЯ ОДНОВРЕМЕННО СВОЙСТВАМИ МОТИВИРОВАННОСТИ И ИДИОМАТИЧНОСТИ, ЯВЛЯЕТСЯ СРЕДОТОЧИЕМ ДВУХ ПРОТИВОПОЛОЖНО НАПРАВЛЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ: К МОТИВИРОВАННОСТИ И К НЕМОТИВИРОВАННОСТИ. ПЕРВАЯ ОТРАЖАЕТ ПОТРЕБНОСТЬ В ПОСТОЯННОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ МОРФЕМНО-ДЕРИВАЦИОННОГО АНАЛИЗА И СИНТЕЗА В ХОДЕ НДМП И ОБЕСПЕЧИВАЕТСЯ СИСТЕМОЙ ДЕРИВАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ СЛОВ, БОЛЬШИНСТВО ИЗ КОТОРЫХ ТИПИЗИРОВАНО И «ТРАНСФОРМИРУЕТСЯ В ДИНАМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ АВТОМАТИЧЕСКОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА» (Н.Д. ГОЛЕВ). БЛАГОДАРЯ ДС ЛЕКСИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА ВСТРАИВАЕТСЯ В ДАННУЮ СИСТЕМУ И ПОЛУЧАЕТ ЕЕ ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДЕРИВАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ В ТЕКСТЕ. К СИСТЕМНЫМ МЕХАНИЗМАМ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИМ РЕАЛИЗАЦИЮ ВТОРОЙ ТЕНДЕНЦИИ (К НЕМОТИВИРОВАННОСТИ), ОТНОСЯТСЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ (В ОСНОВНЫХ СВОИХ ПРОЯВЛЕНИЯХ), ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ ВФС И ЗНАЧИМОСТНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ, ПРИВОДЯЩИЕ К ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЗНАЧЕНИЙ ДЕРИВАЦИОННЫХ ФОРМ. НАКОПЛЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛА РАЗЛИЧИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПО НЕСКОЛЬКИМ КАНАЛАМ, ВАЖНЕЙШИМИ ИЗ КОТОРЫХ ЯВЛЯЮТСЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ. К ЧИСЛУ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ ОТНОСЯТСЯ ИЗМЕНЕНИЕ ЧАСТОТНОСТИ СЛОВА, ЕГО СТИЛИСТИЧЕСКАЯ И ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ, ЛЕКСИКАЛИЗОВАННАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ. СРЕДИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ К ПОЯВЛЕНИЮ СПЕЦИФИКАЦИИ ПРИВОДЯТ ИЗМЕНЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА НА УРОВНЕ ЕГО ПРЕДМЕТНО-ПОНЯТИЙНОГО СОДЕРЖАНИЯ, ВЫЗВАННЫЕ ПРОЦЕССАМИ СУЖЕНИЯ И РАСШИРЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ, СЕМАНТИЧЕСКОГО СДВИГА И МЕТАФОРЫ, ОТЧАСТИ СИНТАГМАТИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННЫМИ ПРОЦЕССАМИ – МЕТОНИМИЕЙ И СЕМАНТИЧЕСКОЙ КОМПРЕССИЕЙ, А ТАКЖЕ УТРАТОЙ МОТИВИРОВАННОСТИ ПРИ ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ И РЕМОТИВАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ. ПОЯВЛЕНИЕ СПЕЦИФИКАЦИЙ В РЕЗУЛЬТАТЕ РЕМОТИВАЦИИ МОЖЕТ ПРОИЗОЙТИ НА ОСНОВЕ АКТУАЛИЗАЦИИ ИСХОДНОГО МОТИВА И НА ОСНОВЕ СЛУЧАЙНЫХ ФОРМАЛЬНЫХ СОВПАДЕНИЙ СЛОВ.

СОВОКУПНОСТЬ ДЕРИВАЦИОННЫХ СЛОВ, ОБЪЕДИНЕННЫХ ОДНОЙ ЛЕКСЕМОЙ (МНОГОЗНАЧНЫМ СЛОВОМ), ОБРАЗУЕТ ДЕРИВАЦИОННОЕ ГНЕЗДО, ДИНАМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА КОТОРОГО ФОРМИРУЕТСЯ БЛАГОДАРЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ ДВУХ ПРОТИВОПОЛОЖНО НАПРАВЛЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ, ИСХОДЯЩИХ ИЗ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМНОСТИ, А ИМЕННО ТЕНДЕНЦИЙ К ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ МИКРОГНЕЗД И К ИХ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ В СТРУКТУРЕ ЦЕЛОГО. ДАННЫЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ СОСТАВЛЯЮТ ПРОТИВОРЕЧИЕ.

СЛЕДСТВИЕМ ИХ «БОРЬБЫ» ЯВЛЯЕТСЯ СЛОЖНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДИВЕРГЕНТНЫХ И КОНВЕРГЕНТНЫХ ПРОЦЕССОВ, ПРОИСХОДЯЩИХ В РАМКАХ ДЕРИВАЦИОННЫХ СЛОВ И МЕЖДУ НИМИ. ДИВЕРГЕНТНЫЕ ПРОЦЕССЫ НАПРАВЛЕНЫ НА ТО, ЧТОБЫ ЗА РАЗНЫМИ ЗНАЧЕНИЯМИ СЛОВА (СПЕЦИФИКАЦИЯМИ) ЗАКРЕПЛЯЛИСЬ ФОРМАЛЬНО РАЗЛИЧНЫЕ ДЕРИВАТЫ. КОНВЕРГЕНТНЫЕ ПРОЦЕССЫ, НАПРОТИВ, НАПРАВЛЕНЫ НА СБЛИЖЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ НА МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ.

НА ОСНОВЕ КОНВЕРГЕНТНЫХ ПРОЦЕССОВ ФОРМИРУЮТСЯ СИММЕТРИЧНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ ИСХОДНЫХ И ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ. ДИВЕРГЕНТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИВОДЯТ К ФОРМИРОВАНИЮ АСИММЕТРИЧНЫХ СТРУКТУР. ОДНАКО В КОЛИЧЕСТВЕННОМ ОТНОШЕНИИ ПРЕОБЛАДАЮТ СТРУКТУРЫ СМЕШАННОГО ТИПА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕСЯ СОВМЕЩЕНИЕМ ДВУХ ПРИНЦИПОВ ОРГАНИЗАЦИИ – СИММЕТРИЧЕСКОГО И АСИММЕТРИЧЕСКОГО. ПРЕОБЛАДАНИЕ СТРУКТУР ИМЕННО СМЕШАННОГО ТИПА СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ О ТОМ, ЧТО В ИХ ОСНОВЕ СОДЕРЖИТСЯ СКРЫТАЯ ГАРМОНИЯ. ПРИ РАЗНОНАПРАВЛЕННОСТИ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ КАЖДАЯ ИЗ СТОРОН СОДЕЙСТВУЕТ БОЛЕЕ ПОЛНОМУ РАСКРЫТИЮ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДРУГОЙ СТОРОНЫ И СИСТЕМЫ В ЦЕЛОМ. ПРИ ГАРМОНИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЕДИНСТВО СИСТЕМЫ НЕПРЕРЫВНО УКРЕПЛЯЕТСЯ, НАРАЩИВАЮТСЯ ТЕМПЫ ПОЗИТИВНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ, УВЕЛИЧИВАЮТСЯ ДИНАМИЗМ, ЕЕ ПЛАСТИЧНОСТЬ В ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ДРУГИМИ СИСТЕМАМИ, УСТОЙЧИВОСТЬ И НАДЕЖНОСТЬ.

ПОДОБНАЯ ГАРМОНИЯ БЫЛА ОБНАРУЖЕНА НАМИ ТАКЖЕ ПРИ АНАЛИЗЕ В ДЕРИВАЦИОННОМ АСПЕКТЕ ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ОДНОКОРНЕВЫХ СЛОВ В ДЕРИВАЦИОННОМ ГНЕЗДЕ. ЕСЛИ В ОТНОШЕНИЯХ СИНОНИМОВ И СМЕЖНЫХ С НИМИ ОППОЗИЦИЙ СЛОВ ПО ЛИНИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ТОЖДЕСТВА/РАЗЛИЧИЯ ПРЕОБЛАДАЮТ ДИВЕРГЕНТНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ТО В ОТНОШЕНИЯХ ОМОНИМИЧНЫХ ФОРМ ПРЕОБЛАДАЮЩИМИ ЯВЛЯЮТСЯ ИНТЕГРАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА СОХРАНЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ТОЖДЕСТВА ДАННЫХ ФОРМ В ГРАНИЦАХ ДС. ПРОВЕДЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

ПОКАЗАЛО, ЧТО РАСХОЖДЕНИЕ ЗНАЧЕНИЙ ОДНОКОРНЕВЫХ СЛОВ В ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ ОБУСЛОВЛЕНО ФАКТОРАМИ ЛЕКСИЧЕСКОГО УРОВНЯ, ТОГДА КАК СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПРЕЖДЕ ВСЕГО СЕМАНТИКА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТИПА, СДЕРЖИВАЮТ ПРОЦЕССЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ, ОКАЗЫВАЯ ВЛИЯНИЕ НА СТРУКТУРУ МНОГОЗНАЧНОГО ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА И СОХРАНЯЯ ЕГО ТОЖДЕСТВО.

ОДНИМ ИЗ ГЛАВНЫХ ИТОГОВ РАБОТЫ ЯВИЛОСЬ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ГИПОТЕЗЫ О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ РАЗЛИЧИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕРИВАЦИИ, КОТОРЫЕ В ОСНОВНЫХ СВОИХ ПРОЯВЛЕНИЯХ ОРИЕНТИРУЮТСЯ НА ОБРАЗОВАНИЕ ДВУХ РАЗЛИЧНЫХ СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ – СПЕЦИФИКАЦИЙ И ДЕРИВАЦИОННЫХ СЛОВ. РАЗЛИЧНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ЗАЛОЖЕНА В САМИХ МЕХАНИЗМАХ ДАННЫХ ФОРМ ДЕРИВАЦИИ. АНАЛИЗ ДЕРИВАЦИОННЫХ ПОЛЕЙ СЛОВ, ОТНОСЯЩИХСЯ К РАЗНЫМ СЕМИОЛОГИЧЕСКИМ КЛАССАМ, ПОКАЗАЛ, ЧТО СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ ЗАТРАГИВАЕТ ГЛУБИННЫЕ СЛОИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ СЛОВА: ДЕНОТАТИВНЫЙ (ПРЕДМЕТНЫЙ), СИГНИФИКАТИВНЫЙ (ПОНЯТИЙНЫЙ), СЛОЙ ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ И СИНТАГМАТИЧЕСКИХ ЗНАЧИМОСТЕЙ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ОППОЗИЦИИ И КОМБИНАТОРИКУ СЛОВЕСНЫХ ЗНАКОВ – ОСНОВНЫЕ СЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИХ СУЩЕСТВОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ, ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ЗНАЧЕНИЯ И КОННОТАЦИИ ЛЕКСЕМЫ. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ В ИЗВЕСТНОМ СМЫСЛЕ НАДЛЕКСИЧНА, ДЛЯ ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВАЖНА НЕ СТОЛЬКО «ГЛУБИНА» ЗНАЧЕНИЯ, СКОЛЬКО КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА (МНОГОАСПЕКТНОСТЬ/ОДНОАСПЕКТНОСТЬ).

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ ГИПЕРГИПОНИМИЧЕСКОГО И МЕТАФОРИЧЕСКОГО ТИПА СТРОИТСЯ НА ПРИНЦИПЕ ПОДОБИЯ И ОРИЕНТИРОВАНА НА ВЫРАЖЕНИЕ ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ, ОПИРАЮЩИХСЯ НА ЛОГИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ ЭКВИПОЛЕНТНОЙ, ДИЗЪЮНКТИВНОЙ И ПРИВАТИВНОЙ РАЗНОВИДНОСТЕЙ. В ОСНОВЕ ЭТИХ ОТНОШЕНИЙ НАХОДЯТСЯ СВЯЗИ ЗНАЧЕНИЙ ПО ОБЩНОСТИ – РАЗЛИЧИЮ СОДЕРЖАЩИХСЯ В НИХ ПРИЗНАКОВ. ПРЕОБЛАДАНИЕ ДВУХ ПЕРВЫХ ЛОГИЧЕСКИХ ОППОЗИЦИЙ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ СЕМАНТИЧЕСКИМИ ДЕРИВАТАМИ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ О ИХ СТРЕМЛЕНИИ К СЕМАНТИЧЕСКОМУ РАЗМЕЖЕВАНИЮ И ДИСКРЕТИЗАЦИИ. В ОСНОВЕ ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ, ОРИЕНТИРОВАННОЙ НА ВЫРАЖЕНИЕ МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНОЙ МЕТОНИМИИ (ТРАНСПОЗИЦИОННОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ) И АКТАНТНОЙ МЕТОНИМИИ (МУТАЦИОННОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ)

НАХОДИТСЯ ИМПЛИКАЦИОННАЯ СВЯЗЬ ДВУХ КОНЦЕПТОВ, ОСНОВАННАЯ НА ОТРАЖЕНИИ РЕАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ. ОБЛАСТЬ МУТАЦИОННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ТРУДНО ПОДДАЕТСЯ АНАЛИЗУ НА ЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ, ТАК КАК НОСИТ СИНТАГМАТИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ХАРАКТЕР И ОПИРАЕТСЯ НА СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ СЛОВ В ПРОПОЗИЦИИ. ОБЛАСТЬ МОДИФИКАЦИОННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ВНУТРЕННЕ ДИФФЕРЕНЦИРОВАНА И В ОДНИХ СВОИХ ПРОЯВЛЕНИЯХ СБЛИЖАЕТСЯ С ГРАММАТИЧЕСКИМИ ОППОЗИЦИЯМИ ПРИВАТИВНОГО ТИПА, А В ДРУГИХ – ГРАНИЧИТ С ЛЕКСИЧЕСКИМИ ОППОЗИЦИЯМИ С ОТНОШЕНИЯМИ ПОДОБИЯ. НАРЯДУ С ТЕНДЕНЦИЕЙ К ПОЛЯРИЗАЦИИ В ОСНОВЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ОСНОВНЫМИ ФОРМАМИ ДЕРИВАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СОДЕРЖИТСЯ СТРЕМЛЕНИЕ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ И ВЗАИМООБМЕНУ КАЧЕСТВАМИ, ПРИВОДЯЩЕЕ К ФОРМИРОВАНИЮ СИНТЕТИЧЕСКИХ ФОРМ ДЕРИВАЦИИ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХСЯ РАЗЛИЧНЫМИ (ПЕРЕХОДНЫМИ) УРОВНЯМИ КАТЕГОРИЗАЦИИ И СТЕПЕНЬЮ РЕГУЛЯРНОСТИ. ОНИ СОЧЕТАЮТ В СЕБЕ ПРИЗНАКИ ПОЛЯРИЗУЮЩИХСЯ ФОРМ И ЯВЛЯЮТСЯ СВОЕГО РОДА «МОСТИКАМИ» МЕЖДУ НИМИ. ПО ВСЕМ ПАРАМЕТРАМ СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДЕРИВАТЫ ОБРАЗУЮТ ПЕРЕСЕКАЮЩИЕСЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ. ТАКОЙ ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ПРИ НАЛИЧИИ РАЗНОНАПРАВЛЕННОСТИ И ВЗАИМООТРИЦАНИЯ ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ СУЩНОСТЕЙ ПОЗВОЛЯЕТ ЕЙ СОХРАНИТЬ «ЕДИНЫЙ В СЕБЕ ИДЕАЛ И НЕ ПЕРЕЙТИ В СОСТОЯНИЕ РАЗЛАДА И АНТОГОНИЗМА» (Г. ГЕГЕЛЬ). ОТСУТСТВИЕ РЕЗКИХ ГРАНИЦ И ВЗАИМООБМЕН КАЧЕСТВАМИ МЕЖДУ ОТДЕЛЬНЫМИ ОБЛАСТЯМИ ДЕРИВАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ ОБЕСПЕЧИВАЕТ УСТОЙЧИВОСТЬ, ВЗАИМООБОГАЩЕНИЕ И ГАРМОНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЦЕЛОГО. ОБЛАСТЬ ЭПИДИГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЛЕКСИКЕ БЫЛА ПРЕДСТАВЛЕНА В РАБОТЕ ЕЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИЕЙ (СЕМАНТИЧЕСКАЯ И ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ). ДРУГИЕ, ПЕРЕЧИСЛЕННЫЕ ВЫШЕ, ВНУТРЕННИЕ ОППОЗИЦИИ ПРИВЛЕКАЛИСЬ В КАЧЕСТВЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ. ЗА РАМКАМИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСТАЛИСЬ СУППЛЕТИВНАЯ ДЕРИВАЦИЯ, СИНОНИМИЧЕСКИЕ И ИНЫЕ ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РАЗНОКОРНЕВЫХ СЛОВ, ИНТЕРЕСНЕЙШИЙ МАТЕРИАЛ СИНКРЕТИЧНЫХ (ПЕРИФЕРИЙНЫХ) ОБЛАСТЕЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕРИВАЦИИ (МЕТАФОРИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ). ВСЕ ЭТО НУЖДАЕТСЯ В ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ. КРОМЕ ТОГО, ДАННЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ

ПОДХОД МОЖЕТ БЫТЬ ПРИМЕНЕН КО ВСЕМУ СЛОВАРНОМУ СОСТАВУ ЯЗЫКА.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ОБЛАСТИ ДЕРИВАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРЕДПОЛАГАЕТ ДАЛЬНЕЙШУЮ РАЗРАБОТКУ И В ДРУГОМ НАПРАВЛЕНИИ. ИССЛЕДОВАНИЮ МОГУТ БЫТЬ ПОДВЕРЖЕНЫ ГЛУБИННЫЕ КОРРЕЛЯЦИИ УНИВЕРСАЛЬНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ И ТИПОВ ОТНОШЕНИЙ В РАЗЛИЧНОГО РОДА ПРОПОЗИЦИЯХ С ОТНОШЕНИЯМИ, ВЫРАЖАЕМЫМИ В СФЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ И ПЕРИФЕРИЙНЫХ СФЕР ДЕРИВАЦИИ, ТАКИЕ КАК ЗАЛОГОВОСТЬ (СУБЪЕКТНОСТЬ/ОБЪЕКТНОСТЬ; АКТИВНОСТЬ/ПАССИВНОСТЬ), МОДАЛЬНОСТЬ КВАНТИТАТИВНОСТЬ (ИНТЕНСИВНОСТЬ) И КВАЛИФИКАТИВНОСТЬ (ОЦЕНОЧНОСТЬ) И Т.П. В ДИССЕРТАЦИИ С ЭТИХ ПОЗИЦИЙ ПРЕДСТАВЛЕНО ОПИСАНИЕ ДВУХ КАТЕГОРИЙ – ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ И КАЧЕСТВЕННОСТИ. ВЕСЬМА ПЕРСПЕКТИВНЫМ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ТАКЖЕ ИЗУЧЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ДЕРИВАЦИИ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ РАЗНЫХ СПОСОБОВ ПОЗНАНИЯ МИРА ЧЕЛОВЕКОМ.

Примечания

ГЛАВА 1

1. Иной подход к заимствованной лексике в плане ее деривационного описания содержится в [Кудрявцева, 1993. С. 35-36].
2. Показатель лексикализации – отсутствие дериватора в толкованиях.
3. Оба термина взяты из [Блинова, 2000. С. 17].

ГЛАВА 2

1. Термин предложен Н.Д.Голевым.
2. При определении понятия «лексико-деривационного ряда» мы опираемся на работы Н.Д.Голева [1995; 1998] и Ю.В.Трубниковой [1997; 1998].
3. Слово и контекст взяты из Словаря сленга «Так говорит молодежь» [Никитина, 1998. С. 411-412].
4. Материал для анализа взят из «Нового словаря русского языка» [Ефремова, 2000. С. 648-649]. Слова расположены в алфавитном порядке.

5. Примеры для таблицы взяты из статьи И.Г.Мельчука [1968].
6. Здесь и далее в скобках дается производящее слово для второго члена мотивационной пары, зарегистрированное в «Словообразовательном словаре русского языка».
7. Здесь и далее по тексту в скобках обозначено слово определенной части речи, выполняющее в словообразовательной паре функцию производящего слова.
8. По замечанию Г.А.Золотовой, регулярные реализации структурных схем предложения обладают собственным семантическим потенциалом и «представляют собой семантическое видоизменение на заданную величину» [Золотова, 1973. С. 207].
9. Цифровые индексы, сопровождающие лексические мотиваторы заглавного слова, отражают их частотность по данным использованных источников МДС.
10. Подробное описание метонимических отношений между лексическими единицами – семантическими и словообразовательными дериватами – содержится в четвертой главе.
11. Цифра в скобках указывает на количество ЛСВ в составе лексемы (по данным БТС).
12. Все словарные дефиниции в данном параграфе взяты из БТС.
13. В исследовании использованы материалы акчимского говора, представленные А.А.Грузберг [1987. С. 121-125].
14. Процесс обретения словом мотивированности на основе установления им мотивационных связей.
15. Термины парадигматической и синтагматической ориентации при описании лексико-семантических трансформаций слова используются также в [Журавлев, 1982. С. 53-70].
16. Характеристика выделенных типов спецификаций содержится в параграфе «К проблеме типологии лексических спецификаций».
17. Термин «качественная идиоматичность» принадлежит Н.Д.Голеву.

18. Прямая, обратная, неполная дивергенция (термины О.М.Соколова [1972. С. 120, 124].

19. Свойство конвергенции как отличительная особенность синтаксической деривации отмечено Е.С.Кубряковой: «Если для лексической деривации типична опора на одно из значений источника, для синтаксической деривации более характерно простое сокращение числа зафиксированных значений, соответствующее невозможности реализации некоторых валентностей исходного слова» [Кубрякова, 1978. С. 28].

ГЛАВА 3

1. Матрица принадлежит О.М.Соколову [1987. С. 4].

2. Например, в слове *несвязность* словообразовательная структура может варьироваться следующим образом: *несвязность* (отсутствие связности) и *несвязность* (свойство по прилагательному *несвязный*). П.А.Соболева трактует семантическое варьирование подобных структур как оттенки одного значения, но производные такого типа относит все же к словообразовательным омонимам, так как их словообразовательная структура соответствует различным формулам [Соболева, 1980. С. 92-93]. По мнению И.А.Ширшова, слово *несвязность* однозначное, несмотря на выводимость из двух мотивирующих: здесь происходит нейтрализация разных словообразовательных типов, в точке пересечения которых находится одно производное. Полимотивированность, связанная с однозначностью, должна фиксироваться следующим образом: *несвязность* (*связность* → *несвязность*; *несвязный* → *несвязность*) – «отсутствие связности; свойство по прилагательному». Информация, помещенная в скобки, и толкование показывают, что слово входит в два разных словообразовательных типа, но функционирует в языке с одним лексическим значением, несмотря на различие значений

словообразовательных. Лексическое значение слова складывается из значения основы слова *связный* («последовательно изложенный, стройный»), приставки *не-* со значением «отрицания» и суффикса *-ость-* со значением «отвлеченности». Все три единицы однозначны, поэтому при полимотивированности лексической неоднозначности неоткуда взяться.

3. Данный тип неоднозначности называется наращенной полисемией (термин И.А.Ширшова) [1996].
4. Например, помимо того, что прилагательные *ценный* и *скоростной* обозначают признак предмета, связанный по значению с производящими существительными *цена* и *скорость*, в них есть еще дополнительное значение положительной оценки признака «большой цены», «большой скорости». Это значение не заложено в аффиксах, нет его и в производящих основах. Значение положительной оценки потенциально возможно в словах определенного семантического круга (ср. *вкус, сила, длина, глубина, высота, качество* и под.), а интеграция этих основ с определенными аффиксами позволяет этой потенциальной возможности реализоваться [Янко-Триницкая, 1963. С. 88].
5. М.Н.Янценецкая [1984. С. 16-17] рассматривала лексические связи в словообразовательном гнезде в качестве важнейшего фактора, ведущего к изменению словообразовательной системы: «Лексические мотивационные связи, не совпадающие со словообразовательными, обладают потенциальной способностью служить схемой для построения новых слов. Реализация этой возможности может привести к появлению словообразовательных типов, характеризующихся новым видом производящих основ и аффиксов, их своеобразной комбинацией».
6. К этому времени многие из наименований лиц выходят из употребления или лексикализуются, утрачивая непосредственную связь с глаголом как с производящей основой, поскольку соответствующие глаголы вовсе вышли из употребления или стали

малоупотребительными (например, *настоятель, следователь*). «Указанные процессы ослабляют удельный вес значения лица в данном образце со значением деятеля, поскольку в словах со значением орудия, вероятно, как в более молодых, таких процессов не происходит» [Янко-Триницкая, 1963. С. 94].

7. Фрейм понимается нами как такая структура знания, которая содержит основную, типическую, и потенциально возможную информацию, связанную с тем или иным концептом (понятием). Это своеобразный пакет информации, создаваемой в результате когнитивного развития языковой общности, выработки и освоения данной языковой общностью концептуальной системы. Вся производная лексика в СТ группируется вокруг определенных концептов-фреймов.
8. Ниже приведены словарные толкования слов:
 - *птичница* – «работница, ухаживающая за домашней птицей»;
 - *утятница*: 1) «металлический сосуд для приготовления мяса утки; 2) *утятница* – «работница, занятая выращиванием уток»;
 - *гусятница*: 1) работница птичника, ухаживающая за гусями; 2) продолговатая посуда с толстыми стенками для жаренья и тушенья; плошка;
 - *телятница* – «работница, ухаживающая за телятами»;
 - *скотница*: 1) работница, ухаживающая за скотом; 2) *разг.* помещение для скота; скотный двор.
9. Полученные результаты, на наш взгляд, подтверждают гипотезу Жинкина – Миллера – Джонсонс-Лэйрда о том, что в памяти хранятся не только слова и модели слов, но и функциональные образы объектов, обозначенных словами (что эти объекты представляют собой, что они могут сами и что можно сделать с ними, как они связаны между собой и к чему имеют отношение). В этом смысле конечная результативность любой теории значения определяется ее способностью учитывать внеязыковые отношения, которыми оперирует пользователь языка. Вместе с тем связь концептуальных сущностей с лексическим полем

осуществляется через знаковые функции самого языка и знание этих правил носителями языка.

10. Значение «помещение для животных» является одним из ядерных в семантике производных с суффиксом *-ник*, образованных от наименований домашних животных и птиц (*птичник, телятник, курятник, коровник, свинарник, гусятник*), и периферийным в производных на *-ница*, встречающихся в основном в диалектном языке (*голубница, гусевница, коровница, овчарница*). Значение «женщина, добывающая что-либо воровством», хотя и встречается в словах на *-ница*, является по употреблению диалектным (только слово *курятница* (Воронеж., Орл.).

ГЛАВА 4

1. Вопрос о том, почему развитие слова идет по двум разным направлениям и в чем состоит специфика инновационного содержания в дериватах, образованных разными способами, как исследовательская проблема впервые был поставлен Н.Д.Голевым [1989. С. 165-166].
2. По мнению психологов, животным, в отличие от человека, известны только ассоциации по смежности, но не по сходству. Последние являются проявлением познавательных и созидательных устремлений человека, направленных не только на поиск аналогий в вещах и явлениях, но и на сознательное, намеренное создание изоморфизмов, подобий, материальных образов в целях познания и сотворения интересующих его прообразов.
3. См. рассуждения того же автора по поводу семантической структуры слов *земля, любить* [Шмелев, 1977. С. 123-126].
4. Генерализация – погашение дифференциальной семы.
5. Специализация значения при семантической деривации – это включение (актуализация, наведение) дифференциальной семы во вторичном значении слова.

6. Данные нашего анализа перекликаются с результатами анализа смысловых структур отвлеченных существительных, выполненного А.А.Уфимцевой по данным дефиниций словаря А.С.Хорнби. Автор отмечает закономерность совмещения в их смысловой структуре разных по степени абстракции ЛСВ, образованных: один – на сигнификативной, другой – на денотативной основе логико-предметного содержания, формирующего разные значения данного существительного. Наличие в смысловой структуре абстрактных имен как сигнификативных, так и денотативных словозначений свидетельствует в свою очередь в пользу сигнификативно-денотативного характера семантики абстрактных имен данной группы [Уфимцева, 1986. С. 131-132].
7. Ср.: «Возможность всех сравнений, всей образности нашего языка основывается на логике изображения» [Витгенштейн, 1994. С. 20]. А образ, по словам Н.Д.Арутюновой, «имеет в качестве своего источника зрительное впечатление». В семантике абстрактного имени зрительные впечатления могут содержаться только в имплицитном виде.
8. Анализ выполнен, главным образом, на базе отсубстантивной деривации.
9. Термины «мотивирующая база», «мотивирующая единица», «мотивирующая синтагма» употребляются нами в значении, принятом в [Голев, 1981. С. 5].
10. В подобном значении термин гендиадис употребляется в [Журавлев, 1982. С.85].
11. Термины *косвенная и свернутая номинализация* принадлежат Гак [1976. С. 86].
12. Лексикологической принято считать метонимию, зафиксированную в словаре [Раевская, 1999].

Литература

Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Praha, 1966. 96 с.

Адливанкин С.Ю. О предмете и задачах дериватологии / *С.Ю. Адливанкин, Л.Н. Мурзин* // Деривация и текст. Пермь, 1984. С. 3-12.

Азарх Ю.С. О синонимии однокорневых слов // Деривация и история языка. Пермь, 1987. С. 64-73.

Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984. 246 с.

Азарх Ю.С. Словообразовательные суффиксы и форманты имен существительных в русском языке // Тезисы рабочего совещания по морфеме. М., 1980.

Азарх Ю.С. Функциональные разновидности словообразовательных формантов: лексикографический аспект // Русские говоры Сибири. Лексикография. Томск, 1993. С. 62-66.

Азнаурова Э.С. Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.

Акимова А.И. Лексическая и словообразовательная синонимия (на материале суффиксальных отсубстантивных глаголов): Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2002. 182 с.

Антипов А.Г. Алломорфное варьирование суффикса в словообразовательном типе: на материале русских говоров. Томск, 2001.

Антипов А.Г. Словообразование и фонология: словообразовательная мотивированность звуковой формы. Томск, 2001а. 288 с.

Антипов А.Г. Словообразовательная морфонология русских говоров: структурно-системный и когнитивный аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 1997.

Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. // Избранные труды. Т. 2: М., 1995. 767 с.

Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // Вопросы языкознания. 1986. №2. С. 57-70.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика языка. Синонимические средства языка. М., 1974. 368 с.

Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967. 251 с.

Араева Л.А. Парадигматические отношения на словообразовательном уровне. Кемерово, 1990. 78 с.

Араева Л.А. Словообразовательные типы имен существительных в системе говора. Автореф. дис. канд. филол. наук. Томск, 1981. 19 с.

Араева Л.А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема. Суффиксальные субстантивы. Кемерово, 1994. 223 с.

Араева Л.А. Словообразовательный тип: к проблеме определения // Проблемы русистики. Томск, 2000. С. 57-58.

Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М., 1989. 255 с.

Арутюнова Н.Д. Метонимия // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 300-301.

Арутюнова Н.Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961. 151 с.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976. 384 с.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998. 896 с.

Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957. 294 с.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966а. 605 с.

Ахманова О.С. Фонология, морфонология и морфология. М., 1966. 105 с.

Баранов А.Н. Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике. Фреймы и сценарии. М., 1987.

Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 140-141.

Белгородцева Е.В. Динамика развития словообразовательного типа «глагол + тел» и истории русского языка // Текст: варианты интерпретации. Бийск, 2001. Вып. 6. С. 43-46.

Белоусова А.С. Имена лиц и их семантические свойства // Слово и грамматические законы языка. Имя. М., 1989. С. 131-205.

Белошапкина В.А. Деривационная парадигма предложения / *В.А. Белошапкина, Т.В. Шмелева* // Вестник МГУ. 1981. №2. С. 43-51.

Белошапкина В.А. Синтаксис // Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. высших учебных заведений / Под ред. В.А. Белошапкиной. М., 1999.

Беляевская Е.Г. Семантика слова. М., 1987. 128 с.

Бережан С.Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинев, 1973. 372 с.

Бибихин В.В. Принцип внутренней формы и редукционизм в семантических исследованиях // Языковая практика и теория языка. М., 1978. Вып. 2. С. 52-69.

Блинова О.И. Внутренняя форма и ее функции // Русистика сегодня. М., 1995. № 2. С. 114-124.

Блинова О.И. Мотивированность слова и функциональный аспект // Русское слово в языке и речи. Кемерово, 1976. С. 16-22.

Блинова О.И. Русская мотивология: Учеб.-метод. пособие. Томск, 2000. 48 с.

Блинова О.И. Явление мотивации слов. Томск, 1984. 192 с.

Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977. 204 с.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. М., 1963. 391 с.

Болинджер Д. Атомизация значения // НЗЛ. М., 1981. Вып. 10.

Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971. 112 с.

Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М., 1983. 208 с.

Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л., 1976. 256 с.

Бондарко А.В. Функционально-семантическое поле // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 566-567.

Брагина А.А. Синонимы в литературном языке. М., 1986. 128 с.

Бринев К.И. Внутренняя форма русского слова как носитель потенциала его деривационного функционирования: Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2002. 147 с.

Бринев К.И. Внутренняя форма русского слова как носитель потенциала его деривационного функционирования. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2002а. 20 с.

Булыгина Т.В. Замечания к понятию регулярности морфонологических явлений в сфере словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975. Вып. 1.

Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 7-85.

Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977. 287 с.

Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка: Изд. 2-е. Учебник для вузов. М., 1978. 439 с.

Вараксин Л.А. О видовых корреляциях префиксального типа // Виноградовские чтения: Мат. межвуз. науч. конф. Тобольск, 2001. С. 105-106.

Васильев Л.М. Семантика русского глагола. М., 1981. 184 с.

Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М., 1990. 176 с.

Васильев Л.М. Теория значения в лингвистической литературе // Филологические науки. 1971. №4. С. 119-124.

Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. 1971а. №5. С. 105-113.

Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной организации. СПб., 1999. 480 с.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. 416 с.

Вейнрейх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. 5. С. 163-249.

Вейнрейх У. Опыт семантической теории // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10. С. 50-176.

Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998.

Вендина Т.И. Словообразование как способ дискретизации универсума // Вопросы языкознания. 1999. № 2. С. 27-49.

Винogradov В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 53-87.

Виноградов В.В. О формах слова // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 33-50.

Виноградов В.В. Об омонимии в русской лексикографической традиции // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 288-294.

Виноградов В.В. Об омонимии и смежных явлениях // Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 295-312.

Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 162-191.

Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972. 614 с.

Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии: на материале русского и родственных языков // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 166-220.

Виноградова В.Н. Стилистические аспекты русского словообразования. М., 1984. 184 с.

Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 419-442.

Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. М., 1994. С. 75-319.

Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1978. 178 с.

Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1979. 136 с.

Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1983. 181 с.

- Вопросы словообразования в индоевропейских языках.* Томск, 1985. 263 с.
- Вопросы словообразования в индоевропейских языках: Проблемы семантики.* Томск, 1991. 251 с.
- Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. 704 с.
- Гак В.Г.* Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973. С. 349-372.
- Гак В.Г.* К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972. С. 367-396.
- Гак В.Г.* Номинализация сказуемого и устранение субъекта // Синтаксис и стилистика. М., 1976. С. 85-102.
- Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология: на материале русского и французского языков. М., 1977. 264 с.
- Гак В.Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977а. 300 с.
- Гак В.Г.* Языковые преобразования. М., 1998. 768 с.
- Гарипова Н.Д.* О регулярности в образовании звеньев словообразовательных парадигм с исходными прилагательными // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1982. С. 294-296.
- Гегель Г.Г.* Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. I. 452 с.
- Гейгер Р.М.* Проблемы анализа словообразовательной структуры и семантики в синхронии и диахронии. Омск, 1986. 80 с.
- Герман И.А.* Введение в лингвосинергетику. / И.А. Герман, В.А. Пищальникова Барнаул, 1999. 130 с.
- Гетманова А.Д.* Логика. М., 1995. 416 с.
- Гинзбург Е.Л.* Словообразование и синтаксис. М., 1979. 264 с.
- Глотова Н.Б.* Семантизация мотивированных слов носителями языка: Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2003.
- Голев Н.Д.* Введение в теорию и практику морфемно-словообразовательного анализа. Барнаул, 1980. 120 с.

Голев Н.Д. Введение в теорию и практику мотивационного и структурного анализов. Барнаул, 1981. 89 с.

Голев Н.Д. Деривация и мотивация как формы оязыковленной детерминации: инварианты и варианты // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. Барнаул, 1998а. С. 65-84.

Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989. 252 с.

Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Свердловск, 1991. 40 с.

Голев Н.Д. Идиоматичность в лексическом и словообразовательном аспектах // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: Семантика и функционирование. Томск, 1994. Ч. 1. С. 39-49.

Голев Н.Д. К вопросу о семантическом расстоянии между словами, связанными мотивационными отношениями (модификация) // Семантическая структура слова. Кемерово, 1984. С. 17-26.

Голев Н.Д. К основаниям деривационной лексикологии русского языка: лексико-деривационные контексты как форма проявления деривационной энергетике текста и слова в тексте (проблемы, задачи, перспективы) // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. Барнаул, 1998. С. 13-33.

Голев Н.Д. К построению теории деривационной лексикологии (функционально-динамический аспект) // Динамическая лингвистика: Тез. докл. междунар. теоретико-лингвистического семинара-совещания. Краснодар, 1995. С.

Голев Н.Д. О природе мотивационных ассоциаций в лексике русского языка // Известия АГУ. Серия Филология и Журналистика. 1996. №2. С. 7-12.

Голев Н.Д. О семантических типах мотивационных отношений // Вопросы словообразования в индоевропейских языках: Форма и значение. Томск, 1985. С. 31-42.

Голев Н.Д. Функции эпидигматики в языке и речи (постановка проблемы) // Типы языковых парадигм. Свердловск, 1990. С. 58-64.

Головин Б.Н. Приставочное внутриглагольное словообразование в современном русском литературном языке. М., 1967.

Городецкий Б.Ю. К проблеме семантической типологии. М., 1969. 564 с.

Грузберг А.А. К социолингвистическому описанию семантики слова // Семантическая структура слова. Кемерово, 1984. С. 114-120.

Грузберг А.А. Об одной из причин деривационных процессов // Деривация и история языка. Пермь, 1987. С. 121-125.

Грушко Н.Е. Идиоматичность производного существительного как отражение лексической сочетаемости производящего глагола // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках. Томск, 1991. С. 57-61.

Грушко Н.Е. Словообразоваельная семантика отглагольных сложных существительных и природа их идиоматичности // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: Семантика и функционирование. Томск, 1994. Ч. I. С. 132-141.

Грушко Н.Е. Словообразующие возможности глагола: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1984. 18 с.

Гудкова С.Н. Глагольные словообразовательные типы в системе одного говора (опыт ономаσιологического описания): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1983. 20 с.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. 400 с.

Гумбольдт В. Характер языка и характер народа // Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985. 451 с.

Гусар Е.Г. Роль суппозитивного фактора в деривации означаемого лексической единицей текста (на материале современного русского языка). – Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1995. 140 с.

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. №4. С. 17-33.

Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980. 253 с.

Деривация и история языка. Пермь, 1987. 140 с.

Деривация и семантика: слово – предложение – текст. Пермь, 1986. 172 с.

Детерминационный аспект функционирования значимых единиц языка: языковые и неязыковые факторы. Барнаул, 1993. 170 с.

Доронина Н.И. Условия реализации деривационного потенциала слов русского языка (на материале деривационно-ассоциативного эксперимента): Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1999. 247 с.

Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке. М., 1984. 152 с.

Ермакова О.П. Некоторые замечания о синтаксически обусловленных и других несвободных значениях слов // Синтаксис и стилистика. М., 1976. С. 103-112.

Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 1996. 638 с.

Жолковский А.К. К построению действующей модели языка «Смысл \Leftrightarrow Текст» / *А.К. Жолковский, И.А. Мельчук* // Машинный перевод и прикладная лингвистика: Бюлл. 1969. Вып. 11.

Жолковский А.К., О возможном методе и инструментах семантического синтеза / *А.К. Жолковский, И.А. Мельчук* // Научно-техническая информация: Бюлл. 1965. №6. С. 5-35.

Жукова Т.В. Модель словообразовательного типа (структурно-семантический подход) // Текст: варианты интерпретации. Бийск, 2000. Вып. 5. С. 170-174.

Жукова Т.В. Словообразовательный потенциал мотивирующей семантики отсубстантивов СТ «С + ник» // Текст: варианты интерпретации. Бийск, 2001. Вып. 6. С. 110-114.

Жукова Т.В. Словообразовательный тип и многозначное производное слово как системные взаимодействующие детерминанты (на материале отыменных существительных с суффиксом *-ник*): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2002. 24 с.

Журавлев А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. С. 45-109.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999. 382 с.

Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова. Калинин, 1982.

Зверев А.Д. Словообразование в современных восточнославянских языках: Учеб. пособие для вузов. М., 1981. 207 с.

Зданевич И.К. К вопросу о переходе одних частей речи в другие // Ученые зап-ки Горьковского пед. ин-та им. М. Горького. Серия: Филол. науки. Горький, 1971. Вып. 128.

Земская Е.А. О некоторых нерешенных вопросах теории синхронного словообразования // Всесоюз. науч. конф. по теорет. вопр. словообразования. М., 1974.

Земская Е.А. Проблемы словообразования на современном этапе (в связи с XII Международным конгрессом лингвистов) / *Е.А. Земская, Е.С. Кубрякова* // Вопросы языкознания. 1978. №6.

Земская Е.А. Словообразование // Современный русский язык. М., 1989. 304 с.

Земская Е.А. Словообразование // Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. высших учебных заведений / Под ред. В.А. Белошапковой. 3-е изд. М., 1999. С. 286-441.

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992. 221 с.

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: Учеб. пособие. М., 1973. 304 с.

Земская Е.А. Функциональный подход к изучению деривационных морфем // Морфемика. Принципы и методы системного описания. Л., 1987.

Зенков Г.С. Вопросы теории словообразования. Фрунзе, 1969. 165 с.

Зенков Г.С. Принципы организации словообразовательных элементов в систему и возможности ее описания: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Краснодар, 1993. 49 с.

Золотова Г.А. О синтаксических свойствах имен качества // Синтаксис и стилистика. М., 1976. С. 130-160.

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. 332 с.

Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988. 440 с.

Зубкова Л.Г. Акцентуация слова как единство внутренней и внешней формы // Межуровневые связи в системе языка. М., 1989.

Зубкова Л.Г. О соотношении звучания и значения слова в системе языков (к проблеме «произвольности» языкового знака) // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 55-67.

Зубкова Л.Г. Язык как форма. Теория и история языкознания. М., 1999. 237 с.

Ивлев Ю.В. Логика. М., 1992.

Исаченко А.В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков. // Slavica. 1958. № 3. С. 334-352.

Казанцева Е.В. О словообразовательных связях и морфемных границах в парах *ранжировать – ранжир, дезертировать – дезертир, квартировать – квартира* // Актуальные проблемы языка и литературы на рубеже веков. Абакан, 2001. С. 39-40.

Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976а. 355 с.

Караулов Ю.Н. Словарь как компонент описания языков // Принципы описания языков мира. М., 1976. С. 313-340.

Катлинская Л.П. Функциональное словообразование. Активные процессы словопроизводства в современном русском языке: Дис. ... докт. филол. наук. М., 1986.

Катышев П.А. Мотивационная многомерность словообразовательной формы. Томск, 2001. 130 с.

Катышев П.А. Полимотивация как системная деятельность: Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 1997.

Кацнельсон С.Д. История типологических учений: Грамматические концепции в языкознании XIX в. Л., 1985. С. 6-58.

Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.-Л., 1965. 111 с.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. 216 с.

Кибрик А.Е. Лингвистические предпосылки моделирования языковой деятельности // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987. С. 33-52.

Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (Универсальное, типовое и специфическое в языке). М., 1992. 336 с.

Ким Л.Г. Семантическая структура словообразовательного типа: Автореф. дис. ... канд филол. наук. Томск, 1988. 16 с.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учеб. пособие. М., 2000. 352 с.

Кобозева И.М. Представление знаний о физических объектах или системах типа «Рисунок – Текст» // Категоризация мира: пространство и время. М., 1997. С. 117-123.

Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.

Коненков С.Т. Воспоминания. Статьи. Письма: В 2-х кн. Кн. I: Мой век / Сост. Ю.А. Бычков. М., 1984. 280 с.

Конецкая В.П. О системности лексики // Вопросы языкознания. 1984. №1. С. 26-35.

Кравченко А.В. Классификация знаков и проблема взаимосвязи языка и знания // Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 3-12.

Красильникова Е.В. Инвентарь морфем // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. С. 133-158.

Красильникова Е.В. О систематизации семантики словообразовательных морфем // Тез. раб. совещ. по морфеме. М., 1980.

**КРЕТОВ А.А. КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ И ОТНОШЕНИЯ
ПРОИЗВОДНОСТИ МЕЖДУ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИМИ
ВАРИАНТАМИ // ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ
КОМПОНЕНТЫ В СЕМАНТИКЕ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА. ВОРОНЕЖ, 1983.
С. 61-65.**

Кручинина И.Н. Приложение // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 398

Крушевский Н.В. Избранные работы по языкознанию. М., 1998. 296 с.

Кубрякова Е.С. Актуальные проблемы изучения словообразовательных систем славянских языков // Научные доклады филологического факультета МГУ. М., 1998. Вып. 3. С. 53-70.

Кубрякова Е.С. Асимметрия смысловых структур и отграничение словообразования от других типов морфологической деривации // Русский язык: вопросы его истории и современного состояния. М., 1978.

Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992. С. 84-90.

Кубрякова Е.С. Динамическое представление синхронной системы языка // Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980. С. 217-259.

Кубрякова Е.С. Категории падежной грамматики и их роль в сравнительно-типологическом изучении словообразовательных систем славянских языков // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987. С. 39-46.

Кубрякова Е.С. Когнитивные аспекты процессов деривации // Фатическое поле языка: (Памяти профессора Л.Н. Мурзина). Пермь, 1998б. С. 45-51.

Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. / *Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина.* М., 1996. 245 с.

Кубрякова Е.С. Лексикализация грамматики: пути и последствия // Язык - система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995.

Кубрякова Е.С. Морфонология в описании языков / *Е.С. Кубрякова, Ю.Г. Панкрац.* М., 1983. 119 с.

Кубрякова Е.С. О новых путях исследования значения (теория айсберга) // Проблемы семантического описания единиц языка и речи. Минск, 1998а. С. 38-39.

Кубрякова Е.С. О понятии языковой системы и структуры языка / *Е.С. Кубрякова, Г.П. Мельников* // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.

Кубрякова Е.С. О типологии процессов деривации / *Е.С. Кубрякова, Ю.Г. Панкрац* // Теоретические аспекты деривации. Пермь, 1982. С. 7-20.

Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в языке // Структуры представления знаний в языке. М., 1994. С. 5-31.

Кубрякова Е.С. Производное слово в лексике и грамматике // Слово в грамматике и словаре. М., 1984.

Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.

Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977. С. 222-304.

Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981. 200 с.

Кубрякова Е.С. Формальные и содержательные характеристики производного слова // Вопросы словообразования и номинативной деривации в славянских языках. Гродно, 1990.

Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978а. 115 с.

Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997. 327 с.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигматического анализа) // Язык и наука конца 20 века. М., 1995а. С. 144-238.

Кудрявцева Л.А. Моделирование динамики словарного состава языка. Киев, 1993. 280 с.

Кузнецов П.С. Опыт формального определения слова // Вопросы языкознания. 1964. №5. С. 75-77.

Кузнецова Э.В. Глагольная антонимия как проявление системных отношений в лексике / *Э.В. Кузнецова, М.Л. Кусова* // Проблемы глагольной семантики. Свердловск, 1984.

Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка: Учеб. пособие. М., 1989. 216 с.

Кузнецова Э.В. Язык в свете системного подхода. Свердловск, 1983. 94 с.

Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. 456 с.

Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. XXIII. С. 12-51.

Лебедева Н.Б. Внутрикатегориальное словообразование глагола // Семантические вопросы словообразования: Значение производящего слова. Томск, 1991. С. 94-134.

Лебедева Н.Б. Денотативная семантика глагола: Опыт когнитивного анализа // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты. Бийск, 1998. С. 285-290.

Лебедева Н.Б. Лексико-грамматические исследования глагольной семантики (взаимодействие результативности и объектности): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1979. 18 с.

Лебедева Н.Б. О зависимости характера результативности глагола от одушевленности – неодушевленности объекта // Семантическая структура слова. Кемерово, 1984. С. 120-127.

Лебедева Н.Б. Одушевленность как фактор полисобытийности действия (когнитивный анализ семантики глагола) // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Барнаул, 2000. С. 72-86.

Лебедева Н.Б. Опыт стратификации глагольной семантики и префиксы как индикаторы аспектов // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках. Проблемы семантики. Томск, 1991а. С. 143-155.

Лебедева Н.Б. Полиситуативность глагольной семантики. Томск, 1999. 262 с.

Лебедева Н.Б. Пропозициональные структуры префиксальных глаголов // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: Семантика и функционирование. Томск, 1994. Ч. I. С. 86-101.

Лебедева Н.Б. Семантические основы результативности и объектности (на материале глаголов, транзитивированных префиксами) // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Семантический аспект. Томск, 1983. С. 52-64.

Леман К. Документация языков, находящихся под угрозой вымирания (Первоочередная задача лингвистики) // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 180-191.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 303 с.

Леонтьев Д.А. Личностный смысл и трансформации психического образа // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14: Психология. 1988. №2. С. 3-13.

Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи. М., 1984. 119 с.

Ломтев Т.П. Структура предложения в современном русском языке. М., 1979. 198 с.

Лопатин В.В. Морфемика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 313.

Лопатин В.В. О некоторых принципах отождествления словообразовательных морфем в пределах варьирования // Явления вариативности в языке. Кемерово, 1994. С. 19-23.

Лопатин В.В. О семантической структуре словообразовательного форманта // Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния: Виноградовские чтения I-VIII. М., 1978. С. 78-90.

Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. М., 1977. 313 с.

Лопатникова Н.Н. Лексикология современного французского языка / Н.Н. Лопатникова, Н.А. Мовшович. М., 1971.

Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982. 479 с.

Лосев А.Ф. Языковая структура. М., 1983. 375 с.

Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. 704 с.

Лукин М.Ф. Трансформация частей речи в современном русском языке. Донец, 1973.

Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск, 1986. 230 с.

Маковский М.М. Системность и асистемность в языке: Опыт исследования антиномий в лексике и семантике. М., 1980. 210 с.

Максимов В.И. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке. Л., 1975. 224 с.

Манучарян Р.С. Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках. Ереван, 1981. 315 с.

Марков В.М. О семантическом способе словообразования в русском языке. Ижевск, 1981.

Марков В.М. Некоторые вопросы теории русского словообразования / *Марков В.М., Николаев Г.А.* // Именное словообразование русского языка. Казань, 1976.

Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978. 368 с.

Мельчук И.А. О супплетивизме // Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972.

Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ». М., 1974 (2-е изд. 1999). 346 с.

Мельчук И.А. Строение языковых знаков и возможности формально-семантических отношений между ними // Изв. АН. Сер. ЛиЯ. 1968. №5.

Мельчук И.А. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка И.А. Мельчук, А.К. Жолковский // Wiener Slavistischer Almanach. Wien, 1984.

Мечковская Н.Б. Общее языкознание: Структурные и социальные типологии. М., 2001. 312 с.

Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980. 296 с.

Михайлов М.А. Идиоматичность и «воспроизводимость» слова // Термин и слово. Горький, 1980. С. 85-93.

Михайлов М.А. К понятию окказионального устранения идиоматичности // Slavia orientatis. 1980, №1–2. С. 165-169.

Михайлов М.А. Речевая номинация и выделение морфем. Красноярск, 1989. 161 с.

Моисеев А.И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке. Л., 1987. 208 с.

Морковкин В.В. Идеографические словари. М., 1970. 69 с.

Морозов А.В. Деривационное развитие глаголов русского языка в аспекте межъязыкового взаимодействия // Проблемы типологии языковых единиц разных уровней. Бийск, 2001. С. 39-42.

Москальчук Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста. Барнаул, 1998. 240 с.

Мурзин Л.Н. Деривация в синхронном и диахронном аспектах // Деривация и история языка. Пермь, 1987. С. 4-10.

Мурзин Л.Н. Компрессия и семантика языка // Семантика и производство лингвистических единиц. Пермь, 1979. С. 36-46.

Мурзин Л.Н. Лингвистическое моделирование и деривация в речевой деятельности // Деривация в речевой деятельности. Пермь, 1986.

Мурзин Л.Н. О деривационных механизмах текстообразования // Теоретические аспекты деривации. Пермь, 1982. С. 20-29.

Мурзин Л.Н. Основы дериватологии. 1984. 56 с.

Мурзин Л.Н. Принцип деривации и деривационная грамматика // Очерки по лингвистической детерминалогии и дериватологии русского языка. Барнаул, 1998. С. 238-248.

Мурзин Л.Н. Синтаксическая деривация Пермь, 1974 170 с.

Немченко В.Н. Словообразовательная структура отсубстантивных суффиксальных имен прилагательных в современном русском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1976.

Немченко В.Н. Способы русского словообразования. Горький, 1979. 80с.

Никитин М.В. Лексическое значение слова. Структура и комбинаторика. М., 1983. 256 с.

Никитин М.В. О сематике метафоры // Вопросы языкознания. 1979. №1. С. 91-102.

Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988. 168 с.

Новиков Л.А. Искусство слова. М., 1991. 144 с.

Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982. 272 с.

Оглезнева Е.А. Номинативное поле производного имени существительного конкретной семантики в русских говорах Приамурья: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1996. 20 с.

Очерки по лингвистической детерминации и деривационной лексикологии русского языка. Барнаул, 1998. 252 с.

Павлов В.М. Полевые структуры в строе языка. СПб., 1996. 116 с.

Павлов В.М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. М., 1985.

Падучева Е.В. Глаголы действия: толкования и сочетаемость // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.

Падучева Е.В. Семантические исследования (семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива). М., 1996. 464 с.

Пакрац Ю.Г. Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц разных уровней. Минск; Москва, 1992.

Панов М.В. О слове как единице языка // Уч. зап-ки Моск. гор. пед. ин-та. 1956. Т. LI.

Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М., 1997. 275 с.

Паул Г. Принципы истории языка. М., 1960. 260 с.

Пересыпкина О.Н. Мотивационная ассоциация лексических единиц русского языка (лексико-графический и теоретический аспекты). Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1998. 298 с.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М., 1997. 395 с.

Пешковский А.М. В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? // Избранные труды. М., 1959.

Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М., 1956. 382 с.

Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков. М., 1986.

Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / *З.Д. Попова, И.А. Стернин.* Воронеж, 2001. 191 с.

Пословицы и поговорки русского народа: из сборника В.И. Даля / Под общ. ред. Б.П. Кирдана. М., 1987. 656 с.

Потебня А.А. Мысль и язык. Киев, 1993. 192 с.

Проблемы деривации в системе языка и в речевой деятельности: синхронное словообразование и номинация. Пермь, 1995.

Проблемы лексикографии, мотивологии и дериватологии. Томск, 1998. 270 с.

Раевская О.В. Части речи и словообразование во французском языке. М., 1996.

Ревзина О.Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках. М., 1969. 154 с.

Резанова З.И. Внутрикатегориальное словообразование имени существительного // Семантические вопросы словообразования: Значение производящего слова. Томск, 1991а. С. 165-201.

Резанова З.И. Имя биофакта как мотиватор субстантива // Семантическая структура слова. Кемерово, 1984. С. 31-41.

Резанова З.И. К построению функциональной модели словообразования // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: Семантика и функционирование. Томск, 1994. Ч. I. С. 112-123.

Резанова З.И. Лексическое значение слова и его словообразующие возможности // Семантические вопросы словообразования: Значение производящего слова. Томск, 1991. С. 20-27.

Резанова З.И. Семантика мотивирующего слова // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках. Томск, 1991б. С. 46-56.

Резанова З.И. Словообразующие возможности существительного: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1983.

Резанова З.И. Словообразующие возможности существительных со значением артефактов // Говоры русского населения Сибири, Томск, 1983а. С. 145-156.

Резанова З.И. Существительные со значением лица как мотиватор субстантива // Вопросы структуры и функционирования русского языка. Томск, 1984а.

Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования (русское производное имя). Томск, 1996. 219 с.

Рогожникова Р.П. Варианты слов в русском языке. М., 1966. 160 с.

Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию: Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М., 1990. 381 с.

Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов. / *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* М., 1976. 544 с.

Романова И.П. Экспрессивность как семантико-прагма-тическая категория высказывания (на материале устно-разговорной и художественной речи диалогического типа): Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2001.

Русская грамматика: В 2-х т. М., 1980. Т. I. 783 с.

Садовский В.Н. Основания общей теории систем: Логико-методологический анализ. М., 1974. 276 с.

Сайкова Н.В. Взаимодействие слова и текста в деривационном аспекте: Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002. 164 с.

Сайкова Н.В. Взаимодействие слова и текста в деривационном аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул. 2002а. 22 с.

Сахарный Л.В. Производное слово как тип коммуникативной номинации // Психолингвистические и социолингвистические детерминанты в речи. М., 1978.

Сахарный Л.В. Психолингвистические аспекты теории словообразования. Л., 1985. 97 с.

Сахарный Л.В. Словообразование в речевой деятельности. Дис. ... докт. филол. наук. Л., 1979.

Сахарный Л.В. Словообразование как синтаксический процесс // Проблемы структуры слова и предложения. Пермь, 1974. С. 23-28.

Сахарный Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М., 1991. С. 221-237.

Сахарный Л.В. Человек и текст: две грамматики текста // Человек. Текст. Культура. Екатеринбург, 1994. С. 7-59.

Семантические вопросы словообразования: Значение производящего слова. Томск, 1991. 273 с.

**СЕМЕНКИНА (ШКУРОПАЦКАЯ) М.Г. ВЗАИМОСВЯЗЬ
СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ И СИНОНИМИИ ГЛАГОЛА //
ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
МОТИВАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ. БАРНАУЛ, 1986. С. 72-78.**

Сергеева Т.Д. Вопросы семантической типологии глагольной лексики. Барнаул, 1984. 82 с.

Сергеева Т.Д. Лексико-грамматические связи глаголов движения на внутриглагольном и межкатегориальном уровне. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1977. 18 с.

Сильницкий Г.Г. Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973. С. 373-391.

Скляревская Г.Н. Реальный и ирреальный мир в толковом словаре (в копросу о прагматическом компоненте слова) // Семантика и коммуникация. СПб., 1996. Вып. 4.

Смирницкий А.И. Лексикология русского языка. М., 1956. 260 с.

Соболева П.А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1980. 293 с.

Соколов О.М. Вопросы морфемно-семантической соотносительности в лексике русского языка. Томск, 1972. 216 с.

Соколов О.М. Вопросы префиксальной дивергенции // Вопросы языка и литературы. Томск, 1970. С. 90-170.

Соколов О.М. Морфологические варианты глаголы в системе глагольной лексики в старожильческих говорах Томской области: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1959.

Соколов О.М. О значении и функциях русских глагольных приставок // Лингвистический сборник. Томск, 1964. С. 47-52.

Соколов О.М. Основы имплицитной морфологии русского языка. М., 1997. 203 с.

Соколов О.М. Параллелизм структурно-семантических отношений в лексической системе русского языка // Исследования по семантике. Симферополь, 1987. С. 4-10.

Соколовская Ж.П. Проблемы системного описания лексической семантики. Киев, 1990. 184 с.

Солнцев В.М. Вариантность // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 80-81.

Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. №2.

Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М., 1971 (2-е изд. М., 1978). 341 с.

Солнцева Н.В. Проблемы типологии изолирующих языков. М., 1985. 254 с.

Солодуб Ю.П. Современный русский язык. Лексикология и фразеология (сопоставительный аспект) / *Ю.П. Солодуб, Ф.Б. Альбрехт.* М., 2002. 264 с.

Солодуб Ю.П. Типология значений языковых единиц докоммуникативного уровня (функциональный аспект анализа) // ФН. 1988. №5.

Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1998. 296 с.

СПЗвЯ, 1994 – Структуры представления знаний в языке. М., 1994. 160 с.

Степанов Ю.С. Номинация, семантика, семиотика // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.

Степанова В.В. Границы слова в тексте // Проблемы лексико-синтаксической координации. Л., 1985.

Стернин И.А. Из наблюдений над окказиональными семами в значении слова // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. Воронеж, 1983. С. 21-27.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. 170 с.

Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979. 184 с.

Стернина М.А. Лексические и грамматические семы при категориальной полисемии // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. Воронеж, 1983. С. 104-109.

Супрун А.Е. Лексическая типология славянских языков. Мн., 1983. 48 с.

Супрун А.Е. Принципы сопоставительного изучения лексики. // Методы сопоставительного изучения языков. М., 1988. С. 26-31.

Суханова М.С. Приложение // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филин. М., 1979. С. 232-233.

Тазиева Е.М. Окачествление относительных прилагательных в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1991. 24 с.

Ташлыкова М.Б. Метафорическая мотивация и ее место в словообразовательной системе // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: семантика и функционирование. Томск, 1994. Ч. 1. С. 169-177.

Ташлыкова М.Б. Словообразующие возможности фразеологизмов // Семантические вопросы словообразования: Значение производящего слова. Томск, 1991. С. 253-272.

Тихонов А.Н. Гнездовой толковый словарь русского языка // Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд, 1987. Ч. 1.

Тихонов А.Н. Лексические и словообразовательные гнезда в современном русском языке // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: семантика и функционирование. Томск, 1994, Ч. 1. С. 75-85.

Тихонов А.Н. Русская морфемика // Тихонов А.Н. Морфемно-орфографический словарь. М., 1996.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. М., 1985. Т. I. 856 с.

Тихонов А.Н. Формально-семантические отношения слов в словообразовательном гнезде: Автореф. дис.... докт филол. наук. М., 1974. 35 с.

Толстой Н.И. Славянская идеографическая идеология: Семасеологические этюды. М., 1969. 262 с.

Торопцев И.С. Словопроизводственная модель. Воронеж, 1980. 148 с.

Трубачев О.Н. Реконструкция слов и их значений // Вопросы языкознания. 1980. №3. С. 13-14.

Трубникова Ю.В. Деривационное функционирование лексических единиц текста: Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1997.

Трубникова Ю.В. Детерминационно-деривационные процессы и отношения лексических единиц в тексте: на материале публицистических текстов // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. Барнаул, 1998. С. 46-61.

Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996. 222 с.

Улуханов И.С. Значение словообразовательных аффиксов и части речи мотивирующих слов // Филологические науки. 1974. №4.

Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977. 252 с.

Успенский Б.А. Центр и периферия в языке в свете языковых универсалий / *Успенский Б.А., Живов В.М.* // Вопросы языкознания. 1973. № 5. С. 24-35.

Уфимцева А.А. Лексическое значение (принципы семиологического описания лексики). М., 1986. 240 с.

Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. М., 1974. 206 с.

Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10. С. 369-495.

Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981а. Вып. 10. С. 496-530.

Филлмор Ч. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983а. Вып. XIV. С. 23-60.

Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. XII. С. 74-122.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. XXIII. С. 52-90.

Флоренский П.А. Имена: Сочинения. Москва; Харьков, 1998. 912 с.

Функционирование значимых единиц языка: детерминационные отношения в системе и тексте. Барнаул, 1990.

Фургель И.А. Лексическая и словообразовательная семантика в относительном прилагательном // Актуальные проблемы региональной лингвистики и истории Сибири. Кемерово, 1992. С. 57-60.

Фургель И.А. О мотивирующих единицах в словообразовательном гнезде // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: семантика и функционирование. Томск, 1994. Ч. I. С. 178-184.

Фургель И.А. Типы семантических отношений в словообразовательном гнезде: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1988. 17 с.

Халина Н.В. Категория градуальности и производное слово // Вопросы слово и формообразования в индоевропейских языках: Семантика и функционирование. Томск, 1994. Ч. I. С. 185-191.

Халина Н.В. Особенности семантической деривации префиксальных глаголов (на материале литературного языка и диалектов) // Актуальные проблемы региональной лингвистики и истории Сибири. Кемерово, 1992. С. 60-64.

Халина Н.В. Роль семантики производящего глагола в формировании полисемии производного глагола (на материале современного русского литературного языка): Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1986.

Харитончик З.А. Логические основания семантических отношений / *З.А. Харитончик, А.А. Щавель* // Вестник МГЛУ. Сер.: Филология. 1998. №3. С. 3-9.

Харитончик З.А. Прилагательное. Значение, функции: Дис. ... докт. филол. наук. М., 1987.

Харитончик З.А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка. Минск, 1986. 96 с.

Хомский Н. Язык и мышление / БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ. Благовещенск, 1999. С. 5-121.

Хомский Н. Язык и проблемы знания / БГК им. И.А.Бодуэна де Куртенэ. Благовещенск, 1999. С. 123-252.

Цибулина С.Н. Исследования структурно-семантических связей русского глагола в видовой цепи: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1978.

Чувакин А.А. Деривационные отношения как тип межтекстовых отношений (к предмету текстодериватологии) //Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии. Томск, 1998. С. 23-24.

Чувакин А.А. К проблематике деривационной текстологии / *Ю.Ю. Бровкина, Н.А. Волкова, Т.Н. Никонова* // Человек – коммуникация – текст. Вып. 4. Барнаул, 2000. С. 5-28.

Шатуновский И.Б. Проблемы словообразовательной транспозиции. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. 209 с.

Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереферентные слова. М., 1996. 400 с.

Шаумян С.К. Аппликативная грамматика как семантическая теория естественных языков. М., 1974. 203 с.

Шаумян С.К. Основания порождающей грамматики русского языка. / *Шаумян С.К., Соболева П.А.* М., 1968. 372 с.

Шведова Н.Ю. Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм // Вопросы языкознания. 1973. №4. С. 25-36.

Шведова Н.Ю. Основные понятия // Русская грамматика. М., 1982. С. 13-25.

Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола: Теоретические основы. Таллинн, 1983. 216 с.

Шиканова Т.А. Антропоцентризм семантических противопоставлений и деривационный потенциал лексики // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: Семантика и функционирование. Томск, 1994. Ч. I. С. 192-200.

Шиканова Т.А. Словообразовательная парадигма орудийных имен (Проблема деривационного потенциала русской лексики): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1990. 18 с.

Ширшов И.А. Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке. Ростов, 1981. 117 с.

Ширшов И.А. Типы полисемии в производном слове // Филологические науки. 1996. №1. С. 55-66.

Ширшов И.А. Типы словообразовательной мотивированности // Филологические науки. 1995. №1. С. 41-55.

Шишкина Т.А. Единицы номинации и их особенности в говорах Сибири и европейской части страны // Русские сторожильческие говоры Сибири. Томск, 1987. С. 112-124.

Шишкина Т.А. Принципы номинации орудий труда в русских народных говорах // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Проблемы семантики. Томск, 1991. С. 89-96.

Шишкина Т.А. Социальный и несоциальный факторы в номинации конкретных предметов // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: Семантика и функционирование. Томск, 1994. Ч. I. С. 201-207.

Шкуропацкая (Семенкина) М.Г. Пути формирования лексических парадигм префиксальных глаголов (на материале русского литературного языка): Дис. ... канд. филол наук. Томск, 1987.

Шкуропацкая М.Г. Дивергентные и конвергентные отношения в рамках словообразовательного гнезда слов // Актуальные проблемы языка и литературы на рубеже веков: Мат. Всерос. конф. Абакан, 2001. С. 32-34.

Шкуропацкая М.Г. Идиоматичность в отношении к спецификации и деривационному слову // Язык. Культура. Образование: Мат. науч.-практ. конф. Великий Новгород, 2001.

Шкуропацкая М.Г. Категоризация и фреймовая семантика в словообразовании // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Барнаул, 2000. Вып. II. С. 135-139.

Шкуропацкая М.Г. Лексико-деривационный словарь русского языка // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: Лингвистика. Т. 1. Новосибирск, 2002. С. 305-311.

Шкуропацкая М.Г. О словообразовательной и лексической деривации однокорневых синонимов // Концептуальная картина мира и интерпретативное поле текста с позиций лингвистики, журналистики и коммуникации: Сб. докл. Всерос. науч.-практ. конф. Барнаул, 2001. С. 126-140.

Шкуропацкая М.Г. Омонимия и смежные явления в словообразовательном гнезде // Виноградовские чтения: Мат. межвузов. науч. конф. Тобольск, 2001. С. 131-132.

Шкуропацкая М.Г. Семантика типа. Функциональный аспект // Текст: варианты интерпретации: Мат. IV межвуз. науч.-практ. конф. Бийск, 1999. С. 128-138.

Шкуропацкая М.Г. Синонимические связи слов как критерий разграничения двух видов деривации // Мир языка и межкультурная коммуникация: Мат. междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2001. Ч. 2.

Шкуропацкая М.Г. Словообразовательные типы отглагольных суффиксальных существительных в системе кемеровского говора / *М.Г. Шкуропацкая, Н.А. Прокуденко* // Словообразовательная система русских говоров Кузбасса. Субстантив. Кемерово, 1992. С. 62-96.

Шкуропацкая М.Г. Явление симметрии и асимметрии смысловых структур исходных и результативных единиц при словообразовательной деривации // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: Мат. второй школы-семинара. Барнаул, 2001. С. 131-135.

Шмелев Д.Н. Введение // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. С. 3-44.

Шмелев Д.Н. О третьем измерении в лексике // Русский язык в школе. 1972. №2. С. 6-11.

Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964. 244 с.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973. 218 с.

Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977. 335 с.

Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций. Красноярск, 1988. 54 с.

Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка). Л., 1979. 134 с.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. 428 с.

Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. М., 1974. 255 с.

Юсупова Н.Г. Структура словообразовательных парадигм зоонимов // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1982. С. 298-301.

Язык и структуры представления знаний. М., 1992. 162 с.

Якобсон Р.О. Типологические исследования и их вклад в современно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 95-105.

Янко-Триницкая Н.А. Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах // Развитие современного русского языка. М., 1963. С. 83-97.

Янко-Триницкая Н.А. Место словообразования среди других разделов науки о языке. (Тезисы докладов) // Питання словотвору східнословянських мов. Київ, 1969.

Янценецкая М.Н. Введение // Семантические вопросы словообразования: Значение производящего слова. Томск, 1991. С. 4-19.

Янценецкая М.Н. Внутренняя форма слова и ее функции в системе языка // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках. Проблемы семантики. Томск, 1991а. С. 62-69.

Янценецкая М.Н. К проблеме внутренней формы слова / *Янценецкая М.Н., Резанова З.И.* // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках. Проблемы семантики. Томск, 1991. С. 17-33.

Янценецкая М.Н. Модели лексического значения // Семантические вопросы словообразования: значение производного слова. Томск, 1991. С. 27-37.

Янценецкая М.Н. Мотивационные отношения в лексике и лексическое гнездо // Семантическая структура слова. Кемерово, 1984. С. 3-17.

Янценецкая М.Н. Об организации лексического гнезда // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1982. С. 120-124.

Янценецкая М.Н. Обобщенно-мотивационное значение в семантической структуре словообразовательного типа // Вопросы словообразования в индоевропейских языках: форма и значение. Томск, 1985. С. 3-31.

Янценецкая М.Н. Пропозициональный аспект словообразования (Обзор работ сибирских дериватологов) // Актуальные проблемы региональной лингвистики и истории Сибири. Кемерово, 1992. С. 4-33.

Янценецкая М.Н. Семантические вопросы теории русского словообразования (Аспект взаимодействия словообразования с лексикой): Дис. ... докт. филол. наук. Днепропетровск, 1983. 419 с.

Янценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск, 1979. 239 с.

Янценецкая М.Н. Словообразовательная и лексическая мотивированность слова // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1977. С. 116-128.

Янценецкая М.Н. Словообразовательное значение и его виды. Семантика производных прилагательных. Томск, 1987. 15 с.

Янценецкая М.Н. Сопоставительный словообразовательный словарь / *М.Н. Янценецкая, З.И. Резанова* // Методические рекомендации по сбору, классификации и анализу производной лексики говора. Кемерово, 1990. С. 87-141.

Hallig R. Wartburg von W. Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie. Berlin, 1963.

Porzig W. Das Wunder der Sprache. Berlin; München, 1962.

Stepanova M.D., Černyševa I.I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. M., 1975.

Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Heidelberg, 1931.

Weisgerber J.L. Das Gesetz der Sprache. Düsseldorf, 1951.

Wierzbicka A. The Semantics of Grammar. Amsterdam, 1988.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Словари

Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. Изд. 6-е, стереотип. М.: Русские словари, 1996.

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. Изд. 4-е, репродуцированное. М.: Русский язык, 1975.

Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка. Изд. 3-е, стереотип. М.: Русский язык, 1986.

Бельчиков Ю.А. Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка: Словарь-справочник / Ю.А. Бельчиков, М.С. Панюшева. Изд. 2-е, стереотип. М.: Сов. Энциклопедия, 1969.

Бельчиков Ю.А., Панюшева М.С. Словарь паронимов современного русского языка. / Ю.А. Бельчиков, М.С. Панюшева. М.: Русский язык, 1994.

Вершининский словарь. Т. 3: И–М / Гл. ред. О.И. Блинова. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2000.

Глинкина Л.А. Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII–XIX веков. Оренбург: Оренбургское кн. изд-во, 1998.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. М.: Русский язык, 1989–1991.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2-х тт. М.: Русский язык, 2000.

Ефремова Т.Ф. Словарь грамматических трудностей русского языка / Т.Ф. Ефремова, В.Г. Костомаров. М.: Русский язык, 1986.

Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: Русский язык, 1996.

Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Изд. 2-е, стереотип. М.: Русский язык, 1980.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998.

Мотивационный диалектный словарь / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982. Т. I.

Никитина Т.Г. Так говорит молодежь: Словарь сленга. По материалам 70–90-х годов. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

Новейший словарь иностранных слов и выражений. Минск.: Харвест; М.: АСТ, 2001.

Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой. М.: Русский язык, 1984.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1987.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Изд. 4-е, доп. М., 1999.

Орфографический словарь русского языка / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. С.Г. Бархударова и др. Изд. 28-е, стереотип. М.: Русский язык, 1990.

Розенталь Д.Э. Словарь трудностей русского языка / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. Изд. 2-е, испр. М.: Рольф, 2001.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998–2000. Т. I–II.

Словарь русского языка: 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1982–1984. Т. 1–4.

Словарь синонимов: Справочное пособие / АН СССР, Ин-т русского языка; Под ред. А.П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1976.

Словарь современного русского литературного языка Академии наук СССР: В 17-ти тт. М.; Л., 1948–1964.

Советский энциклопедический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1980.

Тематический словарь русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. М.: Русский язык, 2000.

Тихонов А.Н.. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х тт. М.: Русский язык, 1985.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова: В 4-х тт. М., 1935–1940.

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складневской; РАН. Ин-т лингвистических исследований. СПб.: Фолио-Пресс, 2000.

Тексты

Горький М. Дело Артамоновых // Собр. соч.: В 16-ти тт. М.: Правда, 1979. Т. 10.

Мопассан Г. Милый друг // Избранные романы: В 2-х тт. М.: Художественная литература, 1974. Т. I.

Пастернак Б. Доктор Живаго. М.: Книжная палата, 1989.

Пильняк Б. Повесть непогашенной луны // Трудные повести. М.: Молодая гвардия, 1990.

Шолохов М.А. Поднятая целина // Собр. соч.: В 8-ми тт. М.: Художественная литература, 1986. Т. 6.

Список сокращений и условных обозначений

1. Терминологические сокращения

ВФС / ВФ – внутренняя форма слова

Д фактор – «деривационное» значение слова (внутренняя форма слова, словообразовательное значение)

ДС – деривационное слово

И фактор – идиоматичное значение

Л фактор – лексическое значение слова

ЛГ – лексическое гнездо

ЛДК – лексико-деривационный контекст

ЛДР – лексико-деривационный ряд

Л-пропозиция – логическая пропозиция

ЛСВ – лексико-семантический вариант

ЛСЗ – лексико-словообразовательное значение

М1 – мотивирующее слово (мотиватор)
М2 – мотивированное слово (мотиват)
МТМ – метонимическая модель
НДМП – непрерывный деривационно-мотивационный процесс
ОМЗ – обобщенно-мотивационное значение
С – спецификация
С (А) – означаемое (содержание) словесного знака
СА – свободное ассоциирование
СГ – словообразовательное гнездо
СЗ – словообразовательное значение
С-пропозиция – событийная пропозиция
С-стимул – слово-стимул
Ф (А) – означающее (форма) словесного знака
ФСП – функционально-семантическое поле

2. Сокращения в словах

СЛОВО* - потенциальная спецификация

СЛОВО_{1, 2, 3 и т.д.} – лексико-семантические варианты одного
многозначного слова

СЛОВО¹ – слова-омонимы

3. Сокращения в схемах

© – периферийная (ассоциативная) сема

→ – трансформация

+ – наличие семы

0 – отсутствие семы

a, b, c – дифференциальные семы

A, B – архисема (или целостное значение, семема)

abstract – абстрактное значение

concr – конкретное значение

h – прирост сложности (модификационный ингредиент, инновационное содержание)

H – содержание высшего (производной единицы)

lex – лексическая сема

S – содержание, заимствованное высшим из низшего (из производящей единицы)

syn – синтаксическая сема

4. Библиографические

БНРС – Большой немецко-русский словарь: В 2-х тт. / Под ред. О.И. Москальской. Изд. 2-е, стереотип. М.: Русский язык, 1980.

БТС – Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998.

КСКТ – Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М., 1996.

МДС – Мотивационный диалектный словарь / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982. Т. I.

РГ-80 – Русская грамматика: В 2-х тт. М., 1980. Т. I.

РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998–2000. Т. I–II.

СПЗвЯ – Структуры представления знаний в языке. М., 1994.

ССинРЯ – Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. 4-е изд., репродуцированное. М.: Русский язык, 1975.

ССРЯ – Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х тт. М.: Русский язык, 1985.

СЭС – Советский энциклопедический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1980.

ТКС – Мельчук И.А. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка / И.А. Мельчук, А.К. Жолковский // Wiener Slawistischer Almanach. Wien, 1984.

ТСС – Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный: В 2-х тт. М.: Русский язык, 2000.

ЯиСПЗ – Язык и структуры представления знаний. М., 1992.

5. Географические

Арх. – Архангельская область

Брянск. – Брянская область

Волог. – Вологодская область

Костром. – Костромская область

Краснояр. – Красноярский край

Курск. – Курская область

Нвсб. – Новосибирская область

Сев.-Двинск. – Северо-Двинская область

Смол. – Смоленская область

Ср. Урал – Средний Урал

Урал. – Уральская территориальная зона

Ю. Урал – Южный Урал

Яросл. – Ярославская область